

Литературные чтения
памяти И. Н. Григорьева

СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА.

Выпуск 2

Материалы 2-й и 3-й Международных
научных конференций,
посвященных памяти поэта и воина
Игоря Николаевича Григорьева
(2015, 2018 гг., Санкт-Петербург,
Пушкинский Дом)

Санкт-Петербург
2018

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С48

С48 Слово. Отечество. Вера : вып. 2 : материалы 2-й и 3-й Международных научных конференций, посвященных памяти поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (2015, 2018 гг., Санкт-Петербург, Пушкинский Дом) / сост. Н. В. Советная. – СПб., 20185. – 428 с.

ISBN 978-5-907050-47-1

В очередной сборник «Слово. Отечество. Вера» вошли материалы II научной конференции «Русская литература и проблемы этносоциальной консолидации народа» (19 ноября 2015 г., ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург) и частично III конференции «Русская культура и национальное самосознание в эпоху кризиса» (20 ноября 2018 г., ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург), посвящённой 95-летию со дня рождения русского поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996).

Творчество поэта продолжает созидательно служить делу развития русской филологии, объединяя учёных, писателей, общественных деятелей как Союзного государства, так и других стран. Его поэзия, впитавшая в себя историко-культурный дух святой Руси, способствует формированию нравственно-философской личности, умеющей «мыслить и чувствовать в формате ответственности перед историей, истиной, добротой, красотой», наделяет человека сложным культурным кодом русской ментальности.

Статьи сборника как раз и несут в себе этот код, задаваясь вопросом о миссии русской литературы в современную эпоху информационного противостояния цивилизаций.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907050-47-1

© Международный институт резервных
возможностей человека, 2018

Часть I

А. Н. Андреев,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей Беларуси
(г. Минск, Беларусь)

МИССИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ
(на материале творчества Игоря Григорьева)

1

Хочется быть безбрежным, как поэзия Игоря Григорьева. Поэтому позвольте мне начать издалека, но по существу и в русле заявленной темы.

Я тридцать пять лет прожил в Беларуси, прежде чем понял то, о чем сейчас собираюсь говорить. Меня с самого первого дня пребывания в Белоруссии (отсчет идет с 1979 года, тогда еще страна называлась именно так) поразило и удивило в белорусах качество, выразить и описать которое я смог относительно недавно.

Я сразу почувствовал, что они иные, не такие, как русские.

Постепенно я понял, что разгадку белорусскости (назовем это так) следует искать вовсе не в этнопсихологии, как это предлагается на каждом шагу. Природа белорусскости (как, собственно, и всех остальных наций) формируется на ином информационном уровне – на уровне ментальности, которая отличается от этнопсихологии тем, что включает в себя когнитивные элементы, моменты концептуального отношения к миру. Ментальность характеризуется умением нации осваивать мир более-менее сознательно (поэтому иногда эта особенность описывается размытым термином «национальная идея»). Эт-

нопсихология же (то самое коллективное бессознательное) адаптирует матрицу ментальности к той реальности, в которой существует нация. На уровне этнопсихологии формируется мироощущение, на уровне ментальности – мировоззрение.

Таким образом, ментальность и этнопсихология, будучи относительно автономными составляющими целостного информационного образования, соотносятся как высшее и низшее измерение, при этом информационный контроль за качеством национального (само)сознания (ментальности в широком смысле) сохраняется за более высоким уровнем.

А теперь о главном. В течение двадцати с лишним лет после развала Советского Союза белорусы из части русского мира, которой они де факто являлись, медленно-ползуче, однако неуклонно, в каком-то хтоническом алгоритме болотного заглаживания, превращаются (пока что далеко не все) в аморфную и очевидно антирусскую субстанцию. Перестают быть частью русского мира.

Почему? Что, собственно, произошло?

Полагаю, произошло следующее: этнопсихологии как нематериальной, но вязкой стихии удалось навязать ментальности бессознательную потребность в иной, не русской картине мира. Речь идет об изменении информационной структуры ментальности под воздействием коллективного (да и личного) бессознательного. Именно здесь происходят изменения, невидимые глазу, но при этом самые существенные.

Хотим мы того или нет, нам приходится определять себя в отношении ценностей – прежде всего и главным образом высших культурных ценностей. Они, так сказать, пронизывают нашу жизнь, словно невидимый свет. Русский человек, поддающийся социализации, воспитывается всей своей историей и культурой как нравственно-философски ответственная личность (в идеале). Во всяком случае, русская культура регулярно и успешно воспроизводит тот слой людей, которые умеют мыслить и чув-

ствовать в формате ответственности перед историей, истиной, добротой, красотой. Русская интеллигенция – именно такая духовная порода.

Достижения русских в области культуры (прежде всего художественной, и в первую очередь художественной словесности) настолько значительны, что они могут позволить себе роскошь быть искренними и правдивыми и, соответственно, требовать этого от других. Эти русские все явления оценивают по гамбургскому счету: так научила их история. И они только выигрывают от своего максимализма (хотя страдают от него же). Ментальность нации неуклонно совершенствуется по линии возрастания начала сознательного (хотя параллельно идет и вечный обратный процесс, куда ж без него – процесс культивирования дремуче-иррационального, «исконно-посконного», того, что обитает в дебрях психэ, etc.). Это особенно хорошо видно на примере литературы, которая обозначила и разработала главный духовный сюжет человечества: превращение человека в личность (этнопсихологии – в ментальность, если угодно). Русские разобрались в себе с помощью литературы – и одновременно узаконили литературу как способ духовного производства человека.

Если коротко – это всемирно-историческое достижение. Русские вобрали в свою ментальность колоссальной сложности культурный код.

Вот почему просвещенным русским быть достаточно трудно.

Определим ценности русских с функциональной стороны: они способствуют формированию личности, создают климат для духовного производства человека, обладающего нравственным, философским и политическим кругозором.

Что касается белорусов, то их размытая до поры до времени идентичность, тяготеющая к не выявленному пока толком ядру ценностей, принципиально иная. Оказалось, что их история, как они ее понимают, научила их одной экзистенциальной

вещи: не высовываться и получить шанс выжить любой ценой. Ключевое слово – любой.

Этнопсихология белорусов, увы, стала их ментальностью. Это очень печальная, потому что антикультурная, история.

Речь не о том, что белорусы плохие и убогие, а русские – красавцы с широкой душой и ясной мыслью, просто блистающей на челе. Речь об информационной структуре коллективного бессознательного, по матрице которой воспроизводится интеллигенция, то есть тот класс, который считается умом нации, вырабатывает национальную духовность. Белорусское коллективное бессознательное оказалось усеченным «на голову», то есть ровно на тот самый информационный сегмент, который отвечает за выработку духовности.

Казалось бы, хотя белорусы быть самими собой. С ментальностью или без оной. Что в этом плохого?

Если быть самим собой означает реализовывать свой культурный потенциал (то есть все же культивировать ментальное измерение в противовес бессознательному) – то это хорошо. В таком случае белорусы будут уважать русских – не за то, что они русские, а за то, что их усилиями культура продвинулась далеко вперед. Культурный культурного видит издали, а отношение культурного субъекта к культурному чемпиону одно: уважение.

Если быть самим собой означает презирать русских (то есть завязнуть на уровне этнопсихологии) – это плохо: самоценность национального колорита являет собой разновидность гносеологического сбоя: формальные признаки становятся важнее содержательных.

И это вовсе не так безобидно, как может показаться на первый взгляд.

Идеологией национально озабоченных неизбежно становятся ксенофобия и национализм, стремящиеся к совершенству, то есть к фашизму. Скажем иначе: если стихии этнопсихологии не поставлен заслон культурно-ментальный, ментальностью эт-

нопсихологии неизбежно становится национализм. И не надо играть в оттенки коричневого: мягкий, оголтелый, правый, левый, центровой, какой там еще. Суть национализма в том, что он свое, любезное сердцу, ставит выше универсального, культурного (с позиции философского отношения – детская ошибка: абсолютизация субъективного).

Следовательно, рано или поздно любой национализм обернется фашизмом. Именно так: если содержательность идеологии черпается из этнопсихологии, нация идет прямой дорогой к фашизму.

Стремление белорусов быть белорусами, то есть получить право на сотворение национальной мифологии (читай: искажение истории без ограничений, что является не чем иным, как абсолютизацией субъективного) тут же приводит к тому, что их перестает интересовать историческая мотивация русских. Главное – свой флаг, свой герб и родная до боли вышиванка; истина, добро и красота становятся способами лелеять вышиванку, культивировать ее уникальность, не более того. И суверенитет любой ценой как икона в красном углу – вишенка на торте.

Националисты – публика совершенно беспринципная и абсолютно безнравственная. Они будут белое называть черным и черное белым, причем столько раз, сколько сочтут необходимым. Думающие «чутьем», культивирующие этнопсихологию как высшую форму ориентации в мире, они на самом деле не понимают разницы между социализмом и фашизмом, между Гитлером и Сталиным, между прагматизмом и подлостью, между русскими и белорусами – просто потому, что они не умеют понимать.

Тут мы подошли к главному и решающему пункту (вокруг которого, впрочем, крутимся давно). Идентичность белоруса, утратившего свою великую русскую историю и взамен получившего мифы, перестала держаться на внятной концепции, освоение которой требует усилий мыслительных и духовных.

Она всецело стала держаться на простейшем чувстве местного патриотизма, который чутко реагирует на приманку из колбасы: где больше колбасы – там и истина. Намазанная добром. Лепота, одним словом.

Быть русским можно только в контексте всемирной истории; быть белорусом оказалось возможным, не сходя с места, придумывая себе красивые картинки из никогда не существовавшего прошлого.

Быть культурным русским – достаточно тяжелое бремя. Новая и новейшая история русских – это история мыслящих людей (подтверждением чему является фирменная история «горе от ума»). Белорус проблему культурности решает просто: это, дескать, информационный излишек, информационный мусор, от которого лучше всего избавляться. Тогда, глядишь, и горя поменьше.

Образовались две разных духовных породы, два разных информационных космоса. И механизм культурного опрощения безысходно прост: думать как можно меньше. Белорусы оказались недумаящими русскими, выпавшими из культурного поля русскими.

Еще раз подчеркнем: мы говорим о белорусах не как о народе, а о политически и идеологически активной части белорусской интеллигенции, которая формирует «представление народа о народе». Мы говорим о господствующем в обществе идеологическом тренде, который, конечно же, разделяют далеко не все.

Разговаривать русские и белорусы продолжают на одном языке, однако информационное наполнение их миров, обретающее признаки идентичности, стало настолько несопоставимым, что люди, говорящие на одном языке, первыми перестали понимать друг друга. Русские говорят о чувстве чести, о справедливости, о власти капитала; белорусы – в ответ! – о вышиванке, имперскости мышления и количестве колбасы на душу населения.

Если Беларусь перестает быть частью русской истории и рус-

ской культуры, то есть самобытной частью русского мира, то заговорит она на языке врага, каким бы ни был этот язык, русским или белорусским. И черное будет именовано белым. Шутки с болотом этнопсихологии плохи. Кстати, нобелевская история с русскоязычной белоруской Алексиевич это ярко подтверждает. Писательница стала символом стремления белорусов (далеко не всех опять же) сменить идентичность – из людей «русского мира» превратиться в людей мира западного. Из русских стать антирусскими.

И раз уж судьба белоруса всегда быть под кем-то, кто за каким-то чертом прет и прет на их благодатную подзолстую землю, окруженную благовонными болотами, то выбирать себе пана надо с умом: под кем выгоднее. Кто виноват, кто прав, что делать, быть или не быть – это все ребусы о вечном из репертуара русских мечтателей.

А тут извечный вопрос – «под кем?».

Так белорусы доросли до прагматизма. Кажется, что стали основательней в культурном отношении. Не то что неугомонные восточные соседи. Чем западнее – тем умнее люди, как известно.

Разумеется, ущербная нацментальность чутко уловила заказ коллективного бессознательного: «Мы не только духовно, мы и этнически не русские. Мы вообще литвины, чудско-балтский субстрат, не имеющий ничего общего с финно-угорским русским».

Если миф служит задачам национального самосознания, значит, это правильный миф. Этнопсихология не стесняется глупости, ибо глупость – вещество, из которого она состоит.

Легко заметить, что идеологические вожди белорусов идут по пути, который успешно проходят их южные соседи, украинцы. Возможно, первопроходцами на этом пути были соседи западные, великие поляки. Я хочу сказать, что такой особенный белорусский путь вполне закономерен, уникальная идентич-

ность белорусов под копирку списана с украинских вышиванок (правда, орнамент разный) и польского шляхетского мировосприятия.

Все эти нации попали под каток информационного закона: если ментальность не управляет этнопсихологией, следовательно, этнопсихология начинает управлять ментальностью – хвост начинает вилять собакой, если так понятнее.

И механизм «культурной самоидентификации» (в открытой печати этнопсихология всегда прикидывается изысканной ментальностью, догадываясь, что обладать ментальностью – культурная роскошь нации) безысходно прост: думать как можно меньше. Можно искать свое место в мире относительно высших культурных ценностей, а можно – относительно России, которую соблазнительно назначить аутсайдером.

Второе выгоднее, прагматичнее, так сказать, в западном стиле – следовательно, престижнее. Западнее от России все так считают.

Получается, что настоящая культура («культура» издевательства приоритета этнопсихологии над ментальностью) начинается от восточных границ Беларуси.

Выбирать или не выбирать Россию, нравственный ориентир, в качестве союзника – это, по сути, нравственный выбор. Бездумно отвергать Россию – значит отвергать саму возможность и необходимость нравственного выбора. И нравственный выбор был изящно заменен стратегией прагматизма, который в данном контексте является идеологией цинизма.

Таким образом, и нравственная неразборчивость, и ее ближайший родственник, цинизм, благодаря неусыпным радениям «истинных патриотов» входят в ментальность белорусов – людей, конечно, мирных, однако склонных к дешевой ксенофобии, как и все не обременяющие себя мыслью обыватели.

Менталитет – это своеобразный IQ коллективного бессознательного.

И это не константная величина, менталитет по тем или иным причинам может быть как в «хорошей» форме, так и в «плохой». Вот у белорусов он сейчас в форме, далекой от оптимальной.

Кстати сказать, менталитет таких культурных держав, как Франция или Германия, сейчас также не на высоте. А вот Россия сегодня в ментальном тоне (хотя еще совсем недавно, во времена СССР, тонус этот был заметно ниже).

И завтра, если сохранится сама цивилизация, Европа должна будет каяться и замаливать свои грехи перед Россией, именно перед Россией, потому что представители элиты, которые сегодня, увы, не определяют «градус» менталитета, прекрасно отдадут себе отчет в том, что Россия ведет себя именно по-европейски, достойно, а вот Европа скатилась в дешевый цинизм. Европа наших дней недостойна самой себя. Русские европейцы – вот кто сегодня отстаивает ценности культуры.

И если Беларусь (то есть те, кто сегодня взяли на себя право и ответственность говорить от ее имени) вознамерилась выбрать Европу с низким коэффициентом ментальности и отвергнуть Россию с коэффициентом высочайшим, подлинно европейским, – это опять же не безобидно; это выбор бессознательного дрейфа в ту сторону, где больше корма-жвачки и думать никто не заставляет. И плата за желание подхарчиться на халяву – отказ нравственно-философских ориентиров, то есть от себя, по сути.

Вы хотели этнопсихологии как меры всех вещей?

Получите фашизм на выходе. Такая вот цепочка зависимостей.

Этнопсихология наивно черпает доказательства своей правоты в том, что льнет к стороне сильнейшей. Кто сильнее, тот и прав: это и есть главная «заповедь» этнопсихологического отношения.

Она же – главный закон джунглей, как известно.

Вопрос «кто мы такие?» подменяется вопросом «под кем мы?».

А мы всегда будем с-теми-под-теми, на чьей стороне сила.

Выбор белорусов не Запад или Россия, как принято думать, не думая; подлинный выбор еще фатальнее – ментальность или этнопсихология. Дело не в России, а в том, что националистам не хочется думать, а хорошо жить – ох как хочется. С таким багажом куда бы ты ни пошел, хоть бы даже на самый западный запад, все равно забредешь в родное болото.

Виновата, само собой, будет Россия.

А теперь сформулируем наш главный тезис. Ментальность vs этнопсихология – это, с одной стороны, способ структурировать духовность, а с другой – выделение двух разных типов управления информацией, которые становятся нравственно-философской основой информационного противостояния цивилизаций – «русской», ориентированной на познание мира (вследствие чего и возникает сам феномен духовности, феномен ценностного отношения), и «западной», культивирующей бессознательное приспособление, порождающее бездуховность (существование вне нравственно-философских ориентиров, вне сферы личностных ценностей).

2

Какое отношение имеют типы управления информацией к литературе?

Литература как «способ духовного производства человека» по определению начинается с экзистенциального выбора: на какой тип отношения к миру ориентироваться – на ментальность (духовность) или этнопсихологию (бездуховность)? На постижение человека, стремящегося быть личностью, или развлеченное человека, не желающего становиться личностью?

Разграничение ментальности и этнопсихологии ведет к появлению оппозиций личность – индивид, литература – чтение,

познание – приспособление, русская цивилизация – западная цивилизация.

Таков контекст, в котором воспринимается творчество Игоря Григорьева сегодня, – контекст информационного противостояния цивилизаций. Казалось бы, он жил в другую эпоху, когда противостояние России и Запада виделось как противостояние фашизма – коммунистическому марксизму-ленинизму. Как война человеконенавистнической идеологии с идеологией жестоких романтиков. А в наши дни?

На смену оголтелому антисоветизму незаметно пришла толерантная ксенофобия (в отношении России – русофобия), от которой до фашизма рукой подать. Социалистической идеологии давно нет, однако отношение к России при этом странным образом не только не изменилось, но, напротив, приняло еще более острые формы. В чем тут дело?

Дело в том, что сегодня, как и 70 лет тому назад, этнопсихология противостоит ментальности. Бессознательный тип освоения жизни – сознательному. И бессознательное побеждает. Как во времена фашистов. Таков мой ответ.

И в этой ситуации такие понятия, как патриотизм, свобода, истина, культура, литература, прочитываются заново, переосмысливаются. Двойное прочтение обусловливается тем, с каких позиций трактуются указанные понятия. Если с позиций ментальности – они становятся ценностями мыслящего человека, если с позиций этнопсихологии – они превращаются в способ манипуляции обывателем, не способным думать.

Возьмем, например, патриотизм. И тут же убеждаемся: патриотизм патриотизму рознь. Одно дело патриотизм пещерный как проявление этнопсихологии, и совсем иное – патриотизм просвещенный, «ментальный».

Соблазнительно взять и вогнать поэзию Григорьева в эту вроде бы правильную схему. Однако с тонким русским поэтом этот номер не проходит. У Григорьева образ России – собира-

тельный и многогранный. Не схематичный. Что он имеет в виду под Россией?

Если коротко, то это понятие стоит в одном ряду с высшими культурными ценностями – истиной, добром, красотой. Но при этом оно живое и, следовательно, противоречивое.

Как ни странно звучит, можно защищать родину, не щадя живота своего, вовсе не из культурных соображений – а «по-простому», «из соображений» этнопсихологии. Приведем красноречивый пример на эту тему – стихотворение «Меня ранило», написанное 13 января 1945 г.

Было так: сперва я бёг,
А потом, с размаху, лёг.
Отходила вдруг нога.
Брешь в штанах. Полсапога.
Шапки нет. В ушах трезвон.
Прохлаждаться не резон.
От меня шагах в полста
Вылез немец из куста.
А за ним возник другой –
Не до дрыганья ногой.
То есть, тут не до ноги –
Можешь, нет ли, убеги!
Я, понятно, не бежал,
Да не то чтоб и лежал.
Весь вошёл в житейский раж:
То катился, как кругляш,
То скакал – хвала прыжку! –
Заслонив рукой башку,
То сжимался аж в комок...
И ведь смылся, мог — не мог.

Казалось бы, немудреная зарисовка из жизни бойца. Демонстративно «тёркинские» сюжет и стилистика. Казалось бы, при чем здесь ментальность и всякие там высокие культурные соображения?

По Григорьеву, понятие «выжить» (не любой ценой, заметим) непременно включает в себя и витальную цепкость. Этнопсихологию. Если нет воли к жизни, никакие идеи не помогут.

Но цивилизацию на «мог – не мог», на природной ловкости не построишь. Стойкость и выносливость – это хорошо; умная голова и духовная самоотдача впридачу – еще лучше. И тем не менее русские воины, сильные духом, не стесняются выживать. Это точка отсчета – и это правильно. «Ты – Воин! Ты – Волен!» (поэма «В колокола»).

В поэме «Русский урок» постепенно, как колокол в поэме «В колокола», куется-рождается формула «русскости», где органично слиты натура (этнопсихология) и культура (ментальность):

Да встанут противу засилья
И ухарь, и схимник-монах!..

Ухарь – это раздолье, воля-волюшка и бесшабашность: «То ли воля поет, То ли сердце – вразлет» («В колокола»); схимник-монах – ученость и рассудительность, ведущие к мудрости.

Понятие «Россия» постоянно обогащается – образами-приращениями, которые выстраиваются в культурно-исторический ряд. Например, уже упомянутый нами образ колокола. Осколок колокола

Гинуть бы
в стыни и в зной,
Зазеленым и сирым,
Когда бы их люд честной
Не уберег
всем миром.

История «куется» – «всем миром».

Удел не кляня окаянный,
Оставить земное житьё,
Как мних Пересвет покаянный,
Скрестив роковое копьё!

Бесслѣзно во мгле потрясений
Покинуть возлюбленный край,
Как доблестный Сергей Есенин,
Как светоч Рубцов Николай.
(«Удел»)

«Мних Пересвет» – уже ухарь и схимник в одном лице, еще тогда, давным-давно; «доблестный Сергей Есенин» (ухарь и мних) – образ новейшего времени, «светоч Рубцов Николай» (сплав тот же: натура и культура) – и вовсе наши дни.

«Набат», «В колокола» – этот «звон заглавий» вовсе не случаен, в нем слышится призыв внять культурному коду своей истории, где просвещение усиливало воинский дух, а воинский дух благоговел перед просвещением.

В результате отделились такие строки:

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И ворога любить, и милость к падшим звать.
Но... меч в моей руке! Помилуй, правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?
(«Набат»)

Перед нами философия войны и мира, а не психология драчки. Мало быть сильнее врага, надо не стать врагом самому себе. Война не только не отменяет понятия «истина» и «добро» («война все спишет»), но, напротив, актуализирует их. Убивать любовью – это мучительно, хотя и необходимо; а убивать, чтобы убивать – это, в конечном счете, убивать себя.

Вот и получается: любить Россию – любить истину. Ни больше ни меньше. Быть таким просвещенным патриотом – «убивать любовью» – тяжелое бремя. Это цивилизационный выбор,

говоря языком современных реалий. «Радеем за-ради Руси – не ради полушек да гривен...» («В колокола»). Это выбор ценностей духовного порядка, где вечная проблема «что есть истина?» актуальнее суетливой формулы «кто виноват?», особенно в том случае, когда последняя подается в связке с «что делать?». Если «что делать?» идет после «кто виноват?», то история бесконечно плодит виноватых, история страны превращается в историю вины. Что делать с такой историей? Откуда в такой истории взяться духовной энергетике?

«Кто виноват?», кстати, – это рефренчик из репертуара этнопсихологии, и это вовсе не беспомощный русский ответ-вопрос на все случаи жизни, упирающийся в фатальный вопрос-ответ «что делать?»; эта глупая волянка навязывается русским как якобы их ментальный синдром. Дескать, что ни случись, сразу начинают искать виноватых, чтобы наломать дров, – и вновь подавай им виноватых. На самом деле у русских «что делать?» идет вслед за сакральным вопрошанием «что есть истина?» – действия сверяются с высшими культурными ценностями, истиной, добром, красотой. Такая практика, такой алгоритм осмысленных действий позволили русским сотворить не историю дураков, а пусть и трагическую, но историю мыслящей нации. У людей, кстати, нетрагических историй не бывает.

Наша история – уникальный источник для воспроизводства гуманистического менталитета.

А вот как Игорь Григорьев метит «ментальность фашизма»: «Маньяк изблюёт в мир “Майн Кампф”» (строка из «Русского урока»). Лапидарная и оттого веско красноречивая оценка принципа «кто сильнее – тот и прав». Каков идейный каркас «шедевра» маньяка?

Простенький посыл «кто виноват?», оформленный как причина, ведет к примитивному следствию «что делать с теми, кто виноват». К чему это привело, мы все хорошо знаем. Вот она, классика этнопсихологической экспансии. Нация вмиг глупеет,

люди превращаются в нелюдей. «Житейский раж» заставляет замолчать голос здравого смысла.

Игорь Григорьев прошелся по самым матрицам духовности. Именно культурный патриотизм делает поэта Игоря Григорьева величиной культурно значимой. Не столько этнопсихология, сколько ментальность его поэтический корень. Кто бы ни читал его стихи, никому и никогда в голову не придет сказать, что они, например, против белорусов, или украинцев, или поляков. Или даже немцев. Его стихи по своему ментальному послылу не «против» чего бы то ни было, а – «бери неотложней и выше» – «за Россию-истину», они позитивно заряжены, а не деструктивны. Они за «победу над ночью», а не против «маньяка». Есть разница.

Это ярко проявляется в концовке поэмы «Русский урок», и эти звонкие строки заслуживают того, чтобы привести их полностью:

Стокровьем закат переселя,
Победу над ночью зажгла.
Россия, Россия, Россия,
А если бы кровь изошла?

А если б разверстая бездна
Пронзила заволжский песок?
Тебе-то, вещунья, известно,
Как в Даль твою впился б Восток.

А вдруг бы себя не хватило?
А вдруг бы да сдали крыла? –
Ведь экая смертная сила
Твою непреклонность рвала!

Всю ночь от потёмок до света,
До самого Солнца-светла,
Ужель не боялась ответа,
Себя сожигая дотла?

Ужели надеялась выжить?
Воскреснуть в назначенный срок?
— Бери неотложней и выше:
Дать нелюди Русский Урок!

* * *

Вдругорядь взгори Хиросима –
И Питер сгорит, и Елец...
Россия, Россия, Россия,
Победы терновый венец.
<...>
Нельзя повторить «Дранг нах Остен» –
Клеймёны «паучьим крестом»,
Не те мы теперича ростом
(Хоть люди забыли о том).

Нельзя повторить Нагасаки,
Зане ноне порох не тот.
— Авось перебьёмся без драки...
Нет, люди: «авось» не спасёт!

Звучит, как набат. Словно сегодня написано, в наши дни. Даже расшифровывать актуальные аллюзии нет необходимости.

Поэму «Русский урок» можно назвать «Урок русского» (и здесь образуется удивительная переключка – перезвон! – с В. Г. Распутиным, который также по-русски подбирался к окаянному вопросам бытия).

В чем смысл урока?

Он очень прост, ибо очень глубок: любить Россию – любить истину. Россия и истина – близнецы-сестры. Не станем задаваться вопросом «кто матери-истории более ценен?», дабы не впадать в мессианство.

Однако если задаться вопросом о миссии русской литературы в современную эпоху (в контексте информационного противостояния цивилизаций следует говорить именно о миссии,

но не о функции или задачах), то она определяется императивом познавательного отношения к миру: формировать духовность человека как гармонию вечных ценностей – истины, добра, красоты. Любовь к истине-России – это проявление любви к миру. Такая любовь никому не угрожает, она всех объединяет.

Игорь Григорьев глубоко прав.

Как ни пафосно это звучит, быть русским сегодня означает, во-первых, быть русским европейцем, а во-вторых – быть на стороне культуры. На страже ментальности (не поступаясь самобытностью этнопсихологии).

В этой связи концепция русской Европы как очага здоровой ментальности нам представляется весьма актуальной. Именно в таком контексте, с нашей точки зрения, и следует воспринимать патриотическую лирику Игоря Николаевича Григорьева.

И. П. Зайцева,
доктор филологических наук
(г. Витебск, Беларусь)

СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА СТИХОТВОРНОЙ МОЛИТВЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Прошу Тебя, молю Тебя, Творец:
Приблизь к Земле страдающей ладонь,
Кровавой бойне начертай конец,
Сердца любовью нам тихонько тронь ...

Ольга Шмакова. «Молитва» (2015)

В связи с активным развитием в современной филологической науке в последние десятилетия целого ряда новых направлений создавалась возможность в том числе и для более глубокого осмысления многих давно известных лингвистических категорий и дефиниций. В частности, интенсивно разрабатываемая с 1990-х годов лингвистическая жанрология, опирающаяся на введённое в 1920-е годы М. М. Бахтиным понятие «речевой жанр», одним из центров своего внимания определила создание типологий, классификаций и иных системных объединений речевых жанров, в основание которых могут быть положены не только принципы разного рода, но и их всевозможные сочетания. Это позволило, среди прочего, более многоаспектно охарактеризовать и идентичные, на первый взгляд, разновидности речевых жанров, которые, функционируя в различных коммуникативно-стилистических сферах, безусловно приобретают ряд отличительных признаков, в том числе и концептуального характера.

Термин «молитва» в современной системе речевых жанров употребляется в двух значениях. Во-первых, он обозначает одну из жанровых разновидностей конфессиональных речевых произведений – «жанр конфессионального общения, словесное обращение человека к силам, в существование которых он верит» [4, с. 332]. Анализируя молитву как жанр религиозного дискурса, Л. Ю. Иванов приводит существующие типологии конфессиональных молитв, построенные на учёте различных признаков (с точки зрения отношения церкви – молитвы канонические и апокрифические; по временной отнесённости – молитвы периодические, непериодические и постоянные и т. д.), а также устанавливает перечень характерных для такого рода молитвы языковых признаков. Для христианских молитв это «формы местоимения 2 л. ед. ч., архаичные для современного литературного языка формы звательного падежа (Богородице, Господи), прямое называние адресата по имени (отче Николае). Среди глагольных форм преобладает императив (помилуй, подай, славься, не отврати и под.)» [4, с. 332–333].

Во-вторых, термином «молитва» обозначается и один из стихотворных (поэтических) жанров художественной литературы – ср., в частности, одно из определений, принадлежащее М. Войтаку: «Поэтическая молитва – художественное высказывание, обращённое к Богу, реализующее определённую жанровую схему, основанную на диалогической форме текста, его апеллятивном характере, а также на вводимых в язык элементах, возвышенных и освящающих, которые могут быть связаны (хотя необязательно) с демонстрацией религиозности поэта, отражением его творческой деятельности и его сознания, обращённого непосредственно к Абсолюту» [цит. по: 7, с. 304–305].

Многие исследователи справедливо подчёркивают общность стихотворной молитвы и молитвы религиозной, отме-

чая их генетические связи, композиционное сходство и ряд других признаков. При этом не вызывает сомнений, что молитвы в религиозном и словесно-художественном дискурсах, демонстрируя очевидное сходство по многим формальным параметрам, достаточно явственно отличаются друг от друга – прежде всего характером коммуникативных ситуаций, для функционирования в которых эти речевые жанры предназначены, существенно влияющим как на стилистическую тональность, так и на все другие лингвистические и иного рода языковые характеристики двух разновидностей рассматриваемой жанровой формы.

Объектом нашего внимания в данном случае является жанр стихотворной (поэтической) молитвы, имеющий в русской литературе богатую и прочную традицию, – как известно, к этому жанру обращались многие признанные мастера лирики: М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилёв и другие. В творчестве же некоторых русских классиков – к примеру, М. Ю. Лермонтова – жанр молитвы занимает весьма заметное и важное для осмысления их авторской концепции и особенностей идиолекта место.

Лирическое наследие М. Ю. Лермонтова включает только три стихотворения с названием «Молитва» (1829, 1837, 1839 гг. написания), хотя, по справедливому мнению исследователей, к этой же жанровой разновидности принадлежит ещё ряд лирических произведений поэта – как, например, созданное незадолго до гибели поэта (1840 г.) стихотворение «Благодарность». Образцом лирического (и соответственно светского) воплощения всех наиболее характерных параметров молитвы как конфессионального речевого жанра можно, на наш взгляд, считать «Молитву» М. Ю. Лермонтова, созданную в 1837 году, адресатом которой, по мнению большинства исследователей, является В. А. Лопухина [5, с. 380]:

М. Ю. Лермонтов

Молитва

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью, иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Судя по произведениям М. Ю. Лермонтова и другим классическим образцам лирической стихотворной молитвы, к особенностям этого жанра в поэтической речи можно отнести и большую обусловленность художественной структуры экстралингвистическим контекстом: нередко импульсом для её создания служит реальная личность, каковой, по предположению исследователей, для приведённого выше стихотворения М. Ю. Лермонтова явилась В. А. Лопухина, или какое-то конкретное событие – к сожалению, как свидетельствует анализируемый материал, чаще трагического характера.

Так, жанр стихотворной молитвы оказался весьма востребованным и для участников и/или очевидцев событий, происходящих на востоке Украины с 2014 года по настоящее время и именуемых официальными властями «антитеррористической операцией» (АТО). В одной из своих статей – «Немир: люди и

культура» – профессор В. К. Суханцева необыкновенно точно передала царящую в одном из основных городов «зоны АТО», Луганске, атмосферу осени 2015 года:

«Статья пишется в сентябре 2015 года в городе Луганске, где тянется зона АТО (заметим, официально зона антитеррористической операции, а не войны), стоят угрюмые блокпосты и длится блокада (экономическая, медицинская, продовольственная etc.), прерываемая вбросами контрабанды, вовлекшей в свои ряды поротно и побатальонно войско демократической Украины. <... >

Здесь – отчётливо выраженный немир со всеми указанными выше атрибутами. <... >

Немир имеет свой словарь: беженцы, переселенцы, перемещённые лица, пленные (и обмен пленными), контактные группы (подгруппы), а также ватники, сепаратисты, колорады, хунта, каратели, террористы, герои АТО, побратимы, партизаны, диверсанты; словарь продолжает увеличиваться» [8].

«Словарь АТО» отражают и поэтические произведения, созданные в жанре стихотворной молитвы во время упомянутых событий; часть из них написана уже известными и опытными авторами, другие же – поэтами начинающими, чьё обращение к перу нередко обусловлено именно сложившейся вокруг них ситуацией – см., к примеру, многие из произведений, включённых в сборники «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов» и «Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР» (2016), сопровождаемые краткими биографическими справками об авторах [2, 9]. Так, очевидные элементы словаря АТО – *ополченец*, *комбат*, *броня* – обнаруживаются в приводимом далее стихотворении Юрия Макусинского [2, с. 61–62]; в большинстве своём это военная лексика, достаточно давно известная русскому языку, однако существенно актуализированная современными событиями на Востоке Украины:

Юрий Макусинский
Молитва ополченца

Звенит в степи пчела, скучают терриконы,
комбат психует – значит, будет бой.
Я прикреплю к броне бумажную икону
и на колени встану пред Тобой.
Молюсь Тебе без слов,
давно в них нет резонов.
Мне двадцать лет – и я ещё живой.
Мне завтра двадцать лет,
в крови звенят гормоны,
и очень-очень хочется домой.
Спаси и сохрани – шепчу Тебе с поклоном.
Прости за всё, в чём грешен молодой
весёлый раздолбай, молитвам не учёный,
и, может быть, не годный к строевой.
И если не меня – спаси мою Алёну,
комбата и друзей, и мёртвый город мой.

Приведённое стихотворение может показаться слишком уж натуралистичным и потому не соответствующим достаточно строгим жанрово-стилистическим параметрам жанра стихотворной молитвы, априори исключающим сниженную лексику (как, например, употреблённое автором явно разговорно-сниженное *раздолбай* [1, с. 1068]), с чем отчасти мы готовы согласиться. Однако в то же время нам представляется, что можно простить эту вольность поэту, который в большинстве случаев придерживается заданных жанровой формой канонов, причём свойственных не только поэтической, но и конфессиональной молитве: полностью выдержана композиционная структура жанра (наличие личного обращения и изложение просьбы); при обращении к адресату (высшей силе) использована архаичная для современного русского языка звательная форма имени существительного, написанная с прописной бук-

вы (*Господи*); среди глагольных форм присутствуют характерные для обращения к высшим силам императивы (*прости, спаси, сохрани*) и др.

Основным достоинством стихотворения Ю. Макусинского, художественно зафиксировавшего преимущественно наивно-философское представление о ситуации, в которой оказался лирический герой, нам видится его очевидная искренность, в значительной степени и предопределившая своего рода «бесхитрость» изложения (иногда, впрочем, явно нарочитую). В стихотворении «Молитва ополченца» наблюдается и отчётливое влияние тенденции к демократизации языка, особенно усилившейся с конца прошлого столетия и в значительной степени предопределяющей разговорную, а иногда и разговорно-просторечную тональность многих современных литературно-художественных, в том числе и лирических, произведений разных жанров.

Впрочем, следует отметить, что, несмотря на активное действие (в разнообразных проявлениях) означенной тенденции в современном социокультурном контексте, по нашим наблюдениям, жанр стихотворной молитвы и в настоящее время ориентирован преимущественно на классические традиции, что проявляется и в принципах авторского отбора языкового материала для произведений, и в их композиционном оформлении, и в привлекаемой поэтами системе образных средств – ср., к примеру, авторскую опору на библейскую символику и в целом установку на книжность в приводимом далее фрагменте из стихотворения Владимира Скобцова [2, с. 100]:

Владимир Скобцов

Молитва

Крест племени осиного,
Меня не осени!
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!

От страсти лечь под сильного,
От власти шестерни,
От счастья крысиного,
Господь, меня храни!
От синева бессилия,
От желтизны брехни,
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!
Пока душа не сгнула,
Пока не стынет плоть,
От счастья жёлто-синего
Храни меня, Господь!

Выражение *племя осиное* используется в процитированном тексте для перифрастического обозначения предателей – по преданию, Иуда Искариот повесился на осине [1, с. 729]; трижды (!) избранная автором, наряду с общеупотребительным *счастье*, грамматическая форма *счастие* с явно высокой стилистической окраской (кстати, аналогичная форма этого слова использована и в приведенной ранее «Молитве» М. Ю. Лермонтова) значительно повышает экспрессивность словесного пространства произведения, приближая его по тональности к образцам классической поэзии. В то же время в приведённом стихотворении присутствует и разговорные слова: *сгнута* (подробно см. его характеристику: [1, с. 1165]), которое, впрочем, уже имеет некий архаичный оттенок (ср. более современный синоним – *пропáсть*), что позволяет ему вполне гармонично введённым в общую тональность контекста, не диссонировав с ним, и *брехня* («БРЕХНЯ <...> Разг.-сниж. Враньё, вздор» [1, с. 96]), которое, будучи включённым в состав метафоры (*желтизна брехни*), также способствует повышению экспрессии лирического текста (и без того уже весьма экспрессивного и эмоционального – в том числе и из-за своей жанровой отнесенности), сохраняя при этом и присущие ему негативные коннотации.

Анализируя современные лирические произведения, созданные в традициях жанра стихотворной молитвы, нельзя обойти вниманием стихотворение «Мужская молитва» Вадима Негатунова – поэта не только с удивительным чувством слова, безусловным талантом, но и, к сожалению, с трагической судьбой: в предисловии к сборнику «Ожог», где опубликовано приводимое далее стихотворение, сказано: «Негатунов Вадим Витальевич – поэт, герой, мученик. Его имя стало символом мужества и стойкости, а его стихи – гимном сопротивления фашизму. Он родился (1959) и жил в Одессе. <...> Трагически погиб во время кровавой пятницы в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 года» (в приводимом тексте сохранена авторская орфография слова *беспечный* – *безпечный*) [6, с. 7].

Вадим Негатунов
Мужская молитва

Дай сил, Господь... и дай железной воли,
Чтоб силами успешно управлять;
Дай мудрости постичь Твои Глаголы,
Чтоб волю на добро употреблять.
В больницах, тюрьмах, каторгах угарных,
В сырых ночлежках нищенских дорог –
Дай, Господи, остаться благодарным
За каждый Твой прижизненный урок...
В почёте, в положении фаворном,
Когда богат и нет нужды ни в чём, –
Дай, Боже, чести помышлять о горнем
И только лишь вторично – о земном...
Когда на фоне скорбных ситуаций
«Всё брось... Вскрой вены» – шепчет древний змей, –
Дай, Боже, ни на миг не сомневаться
В Любви и Справедливости Твоей.
Дай женщину, Господь, вся жизнь с которой –
Единство душ, слиянье естества;

Избавь от блуда и позорных хворей,
 От грязи полового воровства.
 Когда в похабной и хмельной стихии
 Мужчин и женщин крутит кутерьма –
 Дай, Боже, средь безпечной эйфории
 Услышать голос трезвого ума ...
 Когда войной на мирный край обрушит
 Свирепый хан безжалостную рать, –
 Дай, Боже, право в руки взять оружие,
 Благослови врагу противостать.
 Дай, Господи, возможность причаститься
 В преддверии загробного пути,
 А коль в бою внезапно смерть случится –
 помилуй и заранее прости ...
 Дай, Боже, детским смехом наслаждаться,
 Любя детей в суровой простоте ...
 Дай доблести мужчиною остаться ...
 Жить в совести ... родиться во Христе ...

Стихотворение В. Негатунова поражает не только воплощённым в нём особо глубоким, пронзительно-щемящим мироощущением, но и необыкновенно бережным и чутким отношением автора к слову – не только как к номинативному либо коммуникативному средству, выполняющему эстетическую функцию, но и как к поступку, вербализующему внутренний мир человека, и прежде всего – исповедуемые им нравственные ценности. В подтверждение достаточно привести лишь замечание, которым поэт сопровождает одно из орфографических «нарушений» в своём произведении (это замечание дано в сноске к опубликованному стихотворению): «Автор знает, что по нормам современного русского языка данное слово следует писать через З, а не через С, но сознательно использует в подобных словах (здесь и в дальнейшем) дореволюционную («доленинскую») орфографию, в которой приставка БЕЗ не имела формы БЕС. Автор, даже невольно, не желает славить беса («беспечность» – «опека беса»)».

Безусловного внимания заслуживает использованная в стихотворении В. Негатунова система образных средств, отчётливо ориентированная на традиционное для классического жанра стихотворной молитвы привлечение соответствующих языковых элементов – «возвышенных и освящающих», по выражению М. Войтака. К таковым в рассматриваемом лирическом произведении в первую очередь следует отнести лексические архаизмы, преимущественно воспринимающиеся в современный период как высокая лексика: *горний* («ГОРНИЙ <...> Трад.-поэт. Находящийся, происходящий в вышине, небесный» [1, с. 220]); *рать* («РАТЬ <...> 1. Устар. Битва, война <...> 2. Выс. Войско» [1, с. 1106]); *доблесть* («ДОБЛЕСТЬ <...> Выс. Отвага, мужество, геройство» [1, с. 264]) – и архаизмы семантические – например, *глаголы* («ГЛАГОЛ <...> 1. Высок. Слово» [1, с. 220]). Впрочем, воплощаемой в стихотворении идее явного преобладания, точнее – торжества, духа человека над плотью, как это и предполагается любым обращённым к высшим силам произведением и тем более – жанром молитвы, подчинено и большинство используемых средств других уровней – например, созданные автором грамматические окказионализмы: *фаворный* (в *положении фаворном*) – имя прилагательное, образованное от книжного слова *фавор* («ФАВОР <...> Книжн. Покровительство, протекция, особое расположение какого-л. влиятельного лица» [1, с. 1413]); *противостать* (*благослови врагу противостать*) – видовая пара (глагол совершенного вида) к существующему в литературном русском языке глаголу несовершенного вида *противостоять* («ПРОТИВОСТОЯТЬ <...> нсв. <...> 3. Сохранять устойчивое положение под действием, напором чего-либо; оказывать сопротивление чему-либо» [1, с. 1032]); предпочтение более книжной грамматической формы *оружье* нейтральной в стилистическом отношении *оружие* и т. д.

И, конечно же, нельзя не отметить в «Мужской молитве»

обилия традиционных для жанра стихотворной молитвы семантико-композиционных элементов – прежде всего обращений к высшим силам в архаичной для современного литературного языка звательной форме: *Господь* (дважды), *Господи* (дважды), *Боже* (пять раз) – все обращения, в соответствии с традицией жанра, пишутся с прописной буквы; более того – написанием с прописной буквы поэт подчёркивает и значимость ряда других словосочетаний, имеющих отношение к Творцу: *Твои Глаголы; Твой прижизненный урок; В Любви и Справедливости Твоей*. Помимо этого, В. Негатуров активно использует в своей стихотворной молитве императивные глагольные формы: 12 раз, преимущественно в сочетании с различными глагольными инфинитивами либо с существительными, обозначающими ключевые для лирического героя понятия: *воля, мудрость* и т. д.) использована форма *дай* (*дай постичь, дай остаться благодарным, дай чести помышлять, дай ни на миг не сомневаться, дай услышать, дай право в руки взять оружие, дай возможность причаститься, дай детским смехом наслаждаться, дай сил, дай железной воли, дай мудрости* и т. д.); *избавь; благослови, помилуй, прости*. Таким образом, следование основным сложившимся канонам жанра стихотворной молитвы представляется нам в творчестве Вадима Негатунова очевидным, поскольку, несмотря на некоторые приметы влияния на эту жанровую форму тенденции к демократизации языка: введение разговорной лексики (как, например, *кутерьма*), применение образных средств с элементом натурализма (*от грязи полового воровства*), поэт довольно строго придерживается композиционно-стилистических и иных жанровых норм избранной стихотворной формы, при этом расширяя диапазон используемых в поэтической молитве способов образного осмысления действительности за счёт элементов явно индивидуально-авторского свойства. К таковым, в частности, принадлежит, с нашей точки зрения, особенное композиционно-семантическое оформление сти-

хотворной строфы: в виде сложноподчинённого (с различными обстоятельственными придаточными) предложения, начинающегося явно инверсированным компонентом и заканчивающегося обращением к Всевышнему – как, например:

В почёте, в положении фаворном,
Когда богат и нет нужды ни в чём, –
Дай, Боже, чести помышлять о горнем
И только лишь вторично – о земном...

Конструкции подобного рода, по нашим наблюдениям, типичны и для анализируемого стихотворения, и для других произведений В. Негатунова; этот приём, как представляется, безусловно можно считать весьма выразительной чертой идиолекта поэта.

Примечательно, что в сложившейся сегодня ситуации к жанру стихотворной молитвы часто обращаются женщины, осмысливающие трагические события, которые с 2014 года происходят в Донбассе, прежде всего с позиций матери и «хранительницы очага», да и в принципе носительницы женского начала, а значит, переживая их особенно остро и глубоко, часто как личную трагедию. Нам уже приходилось писать о стихотворении «Молитва» Людмилы Гонтаревой, которое, с нашей точки зрения, относится к лучшим образцам стихотворных поэтических молитв, созданных современными авторами (подробнее о нем см. в нашей работе [3]).

Не менее интересными для анализа представляются и созданные в рамках рассматриваемой жанровой формы произведения других современных поэтесс – например, «Молитва», написанная в 2015 году подмосковной поэтессой Ольгой Шмаковой (строки из этого произведения взяты эпиграфом к настоящей публикации), с необыкновенно трогательным и проникновенным посвящением: «Посвящается мальчику Ване Воронову из Донецка и всем детям, погибшим или раненым в войнах».

Впрочем, осмысление жанра стихотворной молитвы в современном социокультурном контексте поэтами-женщинами заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания: созданные ими лирические произведения, при в целом чёткой установке на сохранение существующих в реализуемой жанровой форме канонов, даже при поверхностном анализе оказываются чрезвычайно разнообразными – как по моделям воплощённого в словесно-художественной структуре поэтического мироощущения, так и по привлекаемым художественно-изобразительным средствам и композиционно-эстетическим приёмам.

Необыкновенно интересным и исследовательски плодотворным видится и разноаспектное сопоставление стихотворных молитв современных поэтов с произведениями этого жанра представительниц XIX века: Е. П. Ростопчиной («Молитва за святую Русь»), Ю. В. Жадовской («Молитва об ополченных», «Молитва к Божией Матери») и других – и, конечно же, с созданными в жанре молитвы либо явственно ориентированными на эту жанровую форму стихотворениями выдающихся поэтов «серебряного века» русской литературы – прежде всего Анны Ахматовой («Молюсь оконному лучу», «Я так молилась» и др.) и Марины Цветаевой.

Л и т е р а т у р а

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. Луганск, 2016. 496 с.
3. Зайцева И. П. Поэзия против «немира»: живое слово войны XXI века // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. науч.-практическая конф. (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей: в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. Т. 2. С. 393–403.
4. Иванов Л. Ю. Молитва // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 332–333.
5. Лермонтов М. Ю. Молитва // Собр. соч.: в 4 т. 2-е изд., испр и доп.

Т. 1. Стихотворения 1828–1841 годов. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 380.

6. Ожог / сост. С. Д. Евсеев, В. Ф. Кирюшин, В. Н. Попов. М.: Вече, 2015. 192 с.

7. Первалова О. А. Теория жанра молитвы в современном литературоведении // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых учёных с междунар. участием (8 февраля 2013 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2013. Ч. 2. С. 300–308.

8. Суханцева В. К. Немир: люди и культура. – URL: https://www.google.com.ua/search?q=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-i-kultura.html&rlz=1C1CHMO_ruUA503UA503&oq=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-i-kultura.html&aqs=chrome..69i58j69i57j69i60l3.11700j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8; дата обращения: 29.03.2017.

9. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов: сб. стихов. М.: Изд-во «Перо», 2015. 112 с.

ПОЭЗИЯ ПРОТИВ «НЕМИРА» (ЖИВОЕ СЛОВО ВОЙНЫ XXI века)

Ускользающий образ мира.
Отражения вечных истин.
Отскребём зеркала, отчистим.
И посадим кусты жасмина,
И построим мосты и башни,
Автобаны, заводы, парки.
Но запомним, как было жарко,
Как дышалось порою страшно.
Раскалённой печатью – память,
В ткани жизни – чёрные дыры...
Так хотелось всего лишь мира!
Так безжалостно правда ранит.

Ирина Белоколов

30 марта 2015 г., Донецк

28–29 мая 2010 года – время, которое сейчас кажется не просто далёким, а и принципиально другой эпохой, – в абсолютно

мирном и благоухающем цветущими акациями Луганске состоялась традиционная, приуроченная ко Дню славянской письменности и культуры, конференция «Языковая толерантность – залог стабильности и процветания регионов Украины», которая была организована Луганским областным советом и Луганским государственным институтом культуры и искусств (ныне – Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского). Приехавшие на конференцию наши липецкие коллеги (и уже тогда – добрые и надёжные друзья) – заведующая кафедрой русского языка Липецкого государственного университета доктор филологических наук профессор Галина Васильевна Звёздова и её ученики – привезли нам в подарок подготовленное их кафедрой учебное пособие «Литература о Великой Отечественной войне: герой, жанр, стиль» (Липецк, 2003) [3]. Эта весьма объёмная книга (315 с.) включает разноплановые материалы, большая часть которых была представлена на Всероссийской конференции со знаковым названием «Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне» (конференция, состоявшаяся 18–19 мая 2000 года, была посвящена 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне).

Учебное пособие, о котором идёт речь, составили четыре раздела (помимо них, в пособие входит и приложение): «Великая Отечественная война в художественной литературе: проблематика, герой, жанр»; «Языковые процессы и изобразительные средства в произведениях о войне»; «Литература о войне в школьном изучении» и уникальный во многих отношениях раздел «Живое слово войны», где собраны «воспоминания и художественные произведения учёных-фронтовиков, являющихся гордостью современной филологической науки и воплощающих своим подвижническим служением СЛОВУ беспрецедентный образец духовного дерзания» [1, с. 4] (это художественные произведения и воспоминания А. И. Зверевой, А. Д. Зверева,

М. В. Панова, М. В. Фёдоровой, А. И. Абрамова, А. Н. Кожина, Б. Т. Панова, Б. Т. Удодова, Г. В. Антюхина).

Подаренную книгу мы не просто приняли с благодарностью – множество раз и по самым различным поводам к ней обращались и аспиранты, и студенты, и, конечно же, преподаватели: аналоги подобного рода библиографического источника нам неизвестны. Однако, работая с этим изданием, мы всегда полагали, что прикасаемся к невероятно важным страницам ИСТОРИИ, что мы подробнее и глубже узнаём ПРОШЛОЕ, чтобы научиться никогда не допускать того, что свершилось в 1941–1945 годах, в БУДУЩЕМ.

Разве могли мы тогда представить, что в 2014 году мы будем писать ЖИВЫЕ СЛОВА о страшной, невероятно жестокой и столь же нелепой братоубийственной войне XXI века, которая будет происходить на наших глазах и с нами? И что у этой, по всем критериям «неправильной» войны будут и свои герои, и свои жанры, и ещё многое СВОЁ?! Что гостеприимный и всегда весёлый Луганск, с его уникальным «старым городом», бесшабашно-хулиганским Камбродом, днём и ночью не замолкающими кварталами, переживёт бомбёжки, миномётные обстрелы, воздушные тревоги и – самое страшное и непоправимое! – гибель своих граждан, луганчан?! Что Станица Луганская, Музеем казачества которой всегда восхищались участники наших конференций из самых разных городов и стран, будет, как и многие другие живописные уголки Луганщины, практически уничтожена?! Что появятся литературные произведения, в которых будет художественно осмыслена уже ЭТА ВОЙНА, – как, например, написанное в сентябре 2014 года стихотворение Игоря Гарганова «Время действия – век двадцать первый...» [7, с. 4], фрагмент из которого предлагается вниманию читателей ниже:

Время действия – век двадцать первый.

Место действия – город Луганск.

Кто нажал на гашетку первым?
Кто дал первый залп?
<...>
Жив, но душа в морге,
Стала как будто бумажной.
Долго ль ещё? Долго?
Страшно. Страшно. Страшно.
Нет ни земли, ни неба,
Криво упал, невпопад,
Мне бы добраться, мне бы...
«Град»!!! «Град»!!! «Град»!!!

Прочем, изменить что-либо из уже случившегося – не в нашей власти. Страшное уже свершилось и продолжает вершиться, а те, кому пришлось пережить и приходится переживать сейчас чудовищную несправедливость и нелепость уже четвертый год длящейся войны, пытаются её осмыслить, воплотив в слове: иногда просто «проговорив» то, с чем и в чём им волею судеб доводится жить, а иногда воплощая это в документальные или же литературно-художественные строки.

Одним из проявлений общественного (и одновременно – глубоко личностного) осознания сути сложившейся в Донбассе ситуации стал выход в свет первого номера ежеквартального интернет-журнала «Terra культура» (проект, осуществляемый Луганской государственной академией культуры и искусств имени М. Матусовского) – события, знакового во многих отношениях.

На наш взгляд, все включённые в этот выпуск «Terra культура» публикации заслуживают безусловного внимания; однако программной, концептуально значимой видится статья профессора В. К. Суханцевой «“Немир”: люди и культура» [4], в которой ситуация нынешнего Луганска не только глубоко и всесторонне осмысливается с позиций научного знания, но и вводится в широкий философский контекст общечеловеческого свойства.

Ключевой категорией для своих размышлений В. К. Суханцева избирает изобретённое немецким философом Мартином Хайдеггером понятие-окказионализм «Немир»: «“Немир” – термин позднего Хайдеггера периода штудий философии техники; и как всякий хайдеггеровский неологизм (чего стоит классическое Da-sein, переводимое и как «здесь-бытие», и как «присутствие», что в равной степени не адекватно авторскому смыслу) он многослойно аллюзивен. В достаточной степени владея хайдеггеровским контекстом, можно полагать, что смысл “немира” означает и нахождение вне мира как жизненного горизонта; и отсутствие мира как примирения и мирности; и, в то же время, размывание граней между миром и войной, а отсюда – утрату ориентиров. Это – бытие в промежутке: забота исчезла; осталась вброшенность, ибо немир по определению чужд Da-sein» [4, с. 1].

Пожалуй, крайне сложно, а то и в принципе невозможно выбрать философский аспект (причём объединяющий как академическую, так и наивную точки зрения), который позволил бы наиболее точно и глубоко определить нынешние и быт, и бытие современного Луганска. Профессору В. К. Суханцевой это удалось блестяще, что подтверждает приводимая далее цитата – возможно, слишком объёмная, но, с нашей точки зрения, решительно не подлежащая сокращению:

«... зададимся вопросом: так где мы живём – в мире культуры, духовном мире, или в немире, где культура с её духовными претензиями напоминает надоедливую родственника, приехавшего из глубокой провинции в гиперсовременный мегаполис? <...>

Но – странное дело – именно тогда, когда немир гуляет всю, посередине ада начинают вспыхивать локальные островки мира. В ночи звонят еле живые городские телефоны: “Вы живы?”. Кто-то кому-то тащит на десятый этаж без лифта добытую в очереди воду. Кто-то, под грохот разрывов, прижи-

маясь к фасадам, бежит через весь город – навестить, утешить, помочь.

Луганск не просто выжил. Он жив. Дело не в том, что много машин, работают школы и магазины. Дело в том, что люди стали добрее, и даже коммунальные службы отвечают вежливыми голосами.

Немир отступил. Точнее, мы его отогнали и восстанавливаем свои домашние миры, свои здания, т. е. в прямом смысле своё мироздание. Будущее плохо различимо в лабиринтах глобальной геополитики; пророк – профессия неблагодарная. А потому констатировать следует только одно: немиру можно противостоять, и тогда на расчищенное своими руками место приходят Дух и культура, т. е. то, что, собственно, и составляет человеческую сущность» [4, с. 1, 9].

То, что НЕМИРУ можно противостоять, доказывает и литература об ЭТОЙ войне, которая уже включает значительный корпус произведений и продолжает создаваться. Недавно вышел в свет сборник стихов «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов» [5], в предисловии к которому Вячеслав Никонов написал:

«Эти стихи – прямое свидетельство трагических событий, происходящих в Донбассе. Написанные известными литераторами и теми, кто впервые взялся за перо, они несут в себе отражение человеческих драм и переживаний, несгибаемого духа, верности ценностям мира, любви, достоинства, чести.

Эти стихи – проявление мужества. Мужества тех, кто встал на защиту Родины, и тех, кто продолжал в самые трудные месяцы честно выполнять свою работу – учить, лечить, печь хлеб и добывать уголь. Мужества волонтеров и добровольцев, с опасностью для собственной жизни помогающим детям, старикам и голодающим.

Эти стихи – открытое обращение к народам и правителям мира:

Остановите войну!» [5, с. 5].

Знакомясь с произведениями, запечатлевшими в слове войну, начавшуюся на Украине в 2014 году, невозможно не обращаться постоянно (мысленно, ассоциативно и как угодно ещё) к произведениям о войне, которая началась почти семьдесят пять лет назад, – о Великой Отечественной войне. По мнению В. В. Колесова, художественные произведения о Великой Отечественной войне, в которых нашла своё отражение исконная концепция русского человека о мире, занимают в духовной истории России одну из ключевых позиций, онтологически воплощая ситуацию выбора – важнейшей категории русской ментальности (подробнее об этом см.: [2]).

И поэтому, наверное, абсолютно закономерно то, что современные художники слова – писатели и поэты, пишущие о Донбассе последних двух лет, прежде всего воплощают в творчестве отношение – своё и своих современников – к такому желанному и такому далёкому миру и к выбору, который в этот «час мужества» делает и каждый из них, и каждый из тех, кого так или иначе коснулась ЭТА война.

Призыв остановить войну – один из ключевых, возможно – самый главный, мотив литературного творчества, которое является объектом нашего внимания; причём как опытных авторов, уже заслуживших признание читателей, так и тех, кого взяться за перо подтолкнуло пережитое и переживаемое. Этот мотив звучит в стихотворении Людмилы Гонтаревой «Молитва» (автор не только уже стала лауреатом многих поэтических конкурсов, но и активно поддерживает начинающих писателей – она, в частности, является организатором I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009»):

Молитва

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той, на этой стороне.
Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...
Спаси нас, Господи, мы слабы –
от миномётного огня,
стрельбы и ненасытных «Градов»,
мы сами не спасём себя...
2014, сентябрь [5, с. 49].

Эта же мысль – о чудовищной бессмысленности происходящего и о необходимости немедленно прекратить убийства – звучит и в стихотворении Анны Коновченко «Война без войны... А такое бывает?», датированном 25 августа 2014 года [7, с. 2]. Анна Коновченко, для которой это стихотворение, судя по всему, одна из первых проб пера, – жительница поселка Хрящеватое Луганской области, где именно летом 2014-го происходили ожесточённые бои, почти уничтожившие поселок; ниже приводится фрагмент из этого произведения:

Политика – ниже, чем братство людей,
Очнитесь и вспомните это скорей.
Прощение – выше любого закона,
И нет оправданий, коль детские стоны...
А мы убиваем друг друга, тупея,
Вокруг оглянитесь и станьте мудрее –
Нас лбами столкнули, чтоб наша страна
Осталась безлюдной, сгорела дотла.

А ещё во всех стихотворениях об ЭТОЙ войне – и очень профессионально созданных, и очевидно нуждающихся в редактировании – с невероятной силой звучит любовь к родному

краю: искалеченному, истерзанному, но единственному и неповторимому для тех, кто в нём родился, работал, а сейчас переживает войну.

Каждый год в третье воскресенье сентября в дорогом и близком мне Луганске отмечается День города – праздник, который сегодня стал вполне обычным практически для всех городов Украины, от областных до районного значения. Этот праздник луганчане отмечали и в сентябре 2014 года; в ещё полупустом, второй месяц без электричества и воды городе, в котором все, даже самые маленькие, жители научились ценить каждое мгновение мира и были абсолютно уверены, что их родной Луганск непременно возродится.

К празднику города вышел специальный выпуск хорошо знакомой всем луганчанам газеты «XXI век» под названием «Стихи, рождённые войной», который открывается обращением к читателям:

«Дорогие читатели! Военное лихолетье открыло в наших людях много прекрасных качеств. Сотни луганчан свой крик души, свою боль изложили в стихотворной форме. В редакцию продолжают поступать письма, записки, даже сборники поэтических свидетельств этих страшных дней. Увы, это не формат газеты. Мы не справляемся с таким объёмом. Да и, признаться, не все стихи можно печатать... Мы постарались в этом специальном выпуске опубликовать хоть часть из присланного вами. Будет ли продолжение, пока не знаем. Надеемся сделать настоящий сборник после войны» [7, с. 1].

И каким же изумительно прекрасным и многоликим предстаёт Луганск в составивших этот выпуск газеты стихах – по большей части ещё незрелых, не всегда безукоризненных с точки зрения художественной формы, но наполненных необыкновенной искренностью и любовью! Каждое из опубликованных в спецвыпуске газеты «XXI век» от 14.09.2014 стихотворений – это признание Луганску в любви. Признание, которое почти

всегда сопровождается болью и тревогой – как в стихотворении Владимира Надаенко «Мой город»:

... Мой город жил под мирным небом,
Миролюбивым был всегда.
Следил, чтоб люди были с хлебом,
И прославлял людей труда.
Но, видно, недругам охота
Мой мирный город растоптать,
И выбор нашего народа
Орудиями расстрелять.
И стонет славный город вольный
От зла, насилия, от ран.
И боль свою он делит с болью
Своих людей – всех луганчан! [7, с. 4].

В посвящённых любимому городу стихотворениях, пожалуй, ярвственнее всего звучит второй из ключевых мотивов почти всех рассматриваемых произведений – оптимизм, безусловная вера в то, что нагрянувшую беду город непременно переживёт и возродится к мирной и уже поэтому однозначно счастливой жизни. Этот оптимизм авторы передают через многие привычные детали обыденной жизни, собственного бытия – детали, которые в пору постигшей всех беды иногда кажутся невероятными далёкими, а то и вовсе недостижимыми. Так, привычное для многих начало учебного года первого сентября для луганчан в 2014 году стало событием весьма незаурядным, а для учителей и учеников – главных участников этого действия – почти подвигом. И это тоже находит отражение в слове об ЭТОЙ войне – как, например, у И. П. Несвита, в его стихотворении «Война кровавыми руками...»:

... Стрельба и дым вокруг Луганска,
И в городе грохочет всё.
Но в школе дверь открыли классы,
И дети прибыли в неё [7, с. 4].

Особое наше внимание в плане своеобразия воплощения в живом слове ЭТОЙ войны означенного мотива привлекли два поэтических произведения, опубликованные в газете «XXI век»: уже цитированное ранее стихотворение Игоря Гарганова «Время действия – век двадцать первый...» и помещённое в спецвыпуске «Стихи, рождённые войной» стихотворение Настюши Олейник «Мы вернёмся в Луганск, упадём на колени...». Оба эти произведения не просто передают впечатления от событий, непосредственными участниками которых стали авторы, – каждое из них художественно воплощает определённую нравственно-этическую концепцию, которая не только абсолютно чётко фиксирует в образной форме выбор человека в сложившейся ситуации, но и художественно объясняет модель его поведения в этих условиях, очерчивая своего рода «рамки» допустимого и невозможного. Вот как это словесно воплощено И. Гаргановым:

Секунды уходят в прошлое,
Часы становятся днями.
Историю по-хорошему
Пишем мы только сами.
Мощно, на всю планету,
В надрыве связок и жил,
Мы заявляем об этом:
Город Луганск жив!!!
Примите как данность это
Уразумейте, люди –
Приходят наши рассветы:
Город Луганск будет!!!
Богом благословенный,
Чтобы опять процветать,
Не сломленный, не покорённый,
Город Луганск есть!!! [7, с. 4].

Правила интерпретативно-аналитического рассмотрения

филологического материала – в нашем случае, словесно-художественных произведений – предполагают детальное изучение принципов отбора и организации языковых единиц в речевом произведении (тексте), выявление индивидуально-стилистических особенностей, расстановку акцентов на элементах своеобразия авторского почерка, которые необходимо интерпретировать, и под. Конечно, такой подход можно было применить и к исследованию тех художественных текстов, которые стали объектом нашего внимания в настоящей публикации. Однако нам представляется, что это было бы несколько преждевременным, да и не совсем уместным: ЭТА война, к великому сожалению, ещё продолжается.

Отложим детальный анализ уже существующих и тех, которые ещё появятся, произведений об ЭТОЙ войне на будущее – непременно мирное и по возможности счастливое. И приведём в заключение стихотворение Настюши Олейник [7, с. 3], которое наверняка не оставит равнодушным ни одного из луганчан – ни тех, кто переживает войну за пределами родного города, ни тех, кто сполна разделил все тяготы войны со своим Луганском:

Мы вернёмся в Луганск, упадём на колени
Перед теми, кто выжил, перед теми, кто ждал.
Мы увидим, что волосы все побелели
У родных, кто под взрывами Господа звал.
Зачерпнём горсть земли, нам знакомой до боли,
И почувствуем запах жестокой войны.
Сколько праха сожжённого в ней, сколько крови
Впитала она с той далёкой весны.
Мы вернёмся домой, мы найдём в себе силы,
Спрятав слёзы, мой город, тебя возродить.
Мы вдохнём в тебя жизнь, обещаю, мой милый,
Мы вернёмся в тебя, чтобы жить и любить!!!

Л и т е р а т у р а

1. Звёздova Г. В. К проблеме отражения ментальных представлений в языке (на материале повести К. Воробьёва «Это мы, Господи!...») // Литература о Великой Отечественной войне: герой жанр, стиль: уч. пособие / под ред. Г. В. Звёздовой. Липецк, 2003. С. 5–13.
2. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» СПб.: Златоуст, 1999. 305 с.
3. Литература о Великой Отечественной войне: герой жанр, стиль: уч. пособие / под ред. Г. В. Звёздовой. Липецк, 2003. 315 с.
4. Суханцева В. К. Немир: люди и культура. – URL: https://www.google.com.ua/search?q=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-i-kultura.html&rlz=1C1CHMO_ruUA503UA503&oq=terra.lgaki.info%2Fsocium%2Fnemir-lyudi-i-kultura.html&aqs=chrome..69i58j69i57j69i60l3.11700j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8.
5. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов: сб. стихов. – М.: Изд-во «Перо», 2015. 112 с.
6. XXI век: общественно-политическая газета. 14.09.2014. 4 с.
7. XXI век: общественно-политическая газета: спецвыпуск. 14.09.2014. 4 с.

Ю. С. Кириченко,
студентка Белгородского государственного националь-
ного исследовательского университета (г. Белгород)

С. А. Кошарная,
профессор, доктор филологических наук
(г. Белгород)

ДИАЛЕКТИЗМЫ И ЭТНОГРАФИЗМЫ В ПОЭМЕ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ»

Проблема стилового статуса художественной речи в структуре функциональных стилей, обусловленности формирования художественного текста при взаимодействии языка и культуры, языка и художественного мышления в современной лингвистической науке считается дискуссионным и приводит к предложенному В. В. Виноградовым понятию «индивидуальный стиль», понимаемому как «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [Виноградов 1963: 105]. В качестве основных аргументов замены понятия «художественный стиль» термином «идио-стиль» сторонники изменений (Л. Ю. Максимов, Н. А. Мещерский, Д. Н. Шмелев, В. Д. Бондалетов, Ширяев) приводят факты использования художественными текстами языковых средств других функциональных стилей и изменения специфики языковой нормы [Воронцова 2008] (поскольку, согласно Д. Н. Шмелеву, художественный стиль «включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка явно недостаточна», в том числе и диалектные единицы [Шмелев 1977]).

Последнее утверждение значимо в контексте нашего исследования, в центре внимания которого – язык поэмы «Обитель» Игоря Григорьева (1923–1996). Игорь Григорьев – поэт, писатель-фронтовик, человек, для которого народная речь была той

языковой «колыбелью», в которой созрела языковая личность будущего писателя и поэта.

«Человек я верующий, русский, деревенский, счастливый, на все, что не против Совести, готовый! Чего еще?» – так говорил о себе Игорь Николаевич Григорьев. Вот что пишет о нём Антонина Голубева, представляющая региональный центр чтения Псковской областной универсальной научной библиотеки: «В его творчестве нашла отражение целая эпоха истории Псковского края – Великая Отечественная война. А его судьбу можно прочесть уже по названиям книг: “Родимые дали”, “Зори да версты”, “Горькие яблоки”, “Жажда”, “Не разлюблю”, “Русский урок”, “Кого люблю”, “Набат: Стихи о войне и победе”. И все соединяет в себе “Боль”: за близких, за родные города и веси, за Россию... <...> Судьба России – центральная тема в его поэзии, нашедшая свое отражение в Великой Отечественной войне, опалившей юность, навек оставшейся пулями под сердцем и неизбывной болью в самом сердце. При этом трагедию войны он ощущал как свою собственную, отражая в стихах личные воспоминания и впечатления о войне... <...> Игорь Григорьев – явление уникальное, исключительное не только для псковской, но и для русской советской литературы. Это поэт, главным мерилom жизни которого явилась Любовь: к природе, к людям, к жизни, к многострадальной России» [URL: <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174>].

В лингвистической науке проблема диалектных единиц в структуре художественного произведения остаётся активно разрабатываемой. Посвященные ей работы таких ученых, как В. Н. Прохорова («Диалектизмы в языке художественной литературы»), Е. Ф. Петрищева («Внелитературная лексика в современной художественной прозе»), П. Я. Черных («К вопросу о приемах художественного воспроизведения народной речи»), О. А. Нечаева («Диалектизмы в художественной литературе Сибири»), базируются на анализе произведений

всемирно известных русских классиков XIX – начала XX веков: И. С. Тургенева, С. Есенина, М. Шолохова. Художественная литература конца XX-го изучена явно недостаточно.

Поэтому выбор в качестве объекта изучения поэмы И. Григорьева «Обитель», а в качестве предмета исследования – семантических и функциональных особенностей диалектной лексики и этнографизмов в ткани данного произведения, неслучаен и обусловлен рядом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Во-первых, современная наука обращает особое внимание на проблему индивидуального языкового стиля в языке художественной литературы, поскольку «именно лексика в наибольшей мере апеллирует к смысловым параметрам модели мира» [Топорова 1994: 3] и отражает опыт и систему ценностей человека (Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Склярёвская, Т. И. Вендина); а важность понимания диалектной лексики как существенной составляющей языковой картины И. Григорьева, эксплицирующей значимые фрагменты мировоззрения автора, несомненна.

Во-вторых, писатель был носителем не только русского литературного языка, но и его диалектных форм, поскольку рос в народно-языковой среде, в непосредственном контакте с носителями говоров (Игорь Николаевич родился на хуторе около деревни Ситовичи (ныне – Порховский район Псковской области) [Поэт и воин 2013: 8-9]), и анализ диалектных элементов в языке поэмы И. Григорьева позволяет определить художественную целесообразность их использования и намеренного отклонения от литературных норм. Одной из особенностей поэмы Игоря Григорьева «Обитель» является верность автора наиболее точному отражению действительности, достоверность фактов. Этому служит использование в произведениях поэта не отдельных элементов диалектной речи, а целой системы лексики конкретных говоров в ее наиболее типичных проявлениях; здесь задействованы все языковые уровни: фонетический, грам-

матический, словообразовательный, лексический, фразеологический, семантический.

При этом язык произведений данного автора, в первую очередь лексический состав, до сих пор остается за пределами лингвистических изысканий ученых, в то время как перед нами самобытный, подлинно народный автор, вобравший в свой художественный мир историю и традиционную культуру своей большой и малой родины. Об этом свидетельствует и самый значительный на сегодняшний день лексикографический труд, посвященный творчеству И. Григорьева, – трёхтомный «Словарь эпитетов Игоря Григорьева», автором которого является писатель и лексикограф, энтузиаст литературной лексикографии Анатолий Павлович Бесперстых.

Полагаем, что материалы нашей работы внесут свой скромный вклад в настоящие и будущие исследования, направленные на анализ языковых особенностей произведений писателя, в том числе в сопоставлении с произведениями других авторов данной эпохи.

В ходе анализа фактического материала мы придерживаемся традиционной точки зрения на диалектное слово, представленной в работах Н. А. Мещерского, В. В. Колесова, О. И. Блиновой, Е. И. Дибровой, Н. А. Николиной и др. исследователей, и классифицируем диалектные единицы по их отличительным особенностям, вычлняя фонетические, словообразовательные, грамматические, семантические и собственно лексические диалектизмы (к числу последних зачастую относят и этнографизмы). Данные группы слов объединяются нами в отдельные кластеры по тематическому принципу (с вычлнением лексико-семантических групп).

Фонетические диалектизмы в тексте поэмы «Обитель». Отметим, что при анализе фонетических диалектных включений в поэму возникают некоторые трудности, обусловленные глав-

ным образом тем, что текст поэмы представляет собой синтез различных языковых стихий, вбирающий отдельные вкрапления живой диалектной речи, просторечных образований, авторских новообразований, в основе которых нередко лежит диалектное слово, в художественную ткань произведения. В то же время письменный текст накладывает свои ограничения, связанные с орфографией, зачастую не позволяя выявить какие-либо характерные фонетические особенности, поэтому возможно лишь обозначить некоторые фонетические «приметы» диалекта, нашедшие отражение в тексте:

1) наблюдается чередование согласных, обусловленное наличием или, наоборот, отсутствием палатализации:

– [г]//[ж] с последующим изменением морфемной структуры слова – присоединением аффикса («Всех на бюро да припужать...»): припужать – припугнуть;

– [м]//[мл']: земь («И земь – под громовым навесом...», «И земь, любовью повита...», «Ты трижды земь облобызала...») – земля; заметим, что в данном случае возможно усмотреть и факт семантического варьирования, так как говорам известно слово земь в значении 'земляной пол';

2) проявление фонетического принципа в отражении звучащей речи:

– мово («Мово Сидорку и Тимошу...») – моего (данный пример демонстрирует и словообразовательные изменения в структуре слова: [мъ'изво] → [м^во], т. е. исчезновение суффикса (-j-), а не просто звуков слова);

– ково («Ково там каменна – простая ...») – кого (этот пример можно отнести и к семантическим диалектизмам, поскольку слово ково (кого) выступает в ином значении и замещает характерную для таких речевых ситуаций лексику какой);

3) встречаются словоупотребления, в которых при переходе из литературного языка в диалект произошли комбинаторные изменения звуков. Рассмотрим некоторые из них.

А) Метатеза: ведьмедь («Боюсь волков и ведьмедей!») – медведь (если рассматривать данный диалектный вариант в синхронии по сравнению с современным литературным эквивалентом); при этом восстанавливается исходный, древнерусский облик слова, ср.: «Ведмѣдъ, я, м. Медведь. Медын. Калуж., 1849. Не слышали ль волков, бирюков, ведмедей? Калуж. Тул., Моск., Ряз., Пенз., Липец., Ворон., Тамб., Курск. Ну не видал я, бабушка, кажут, сегодня по селу-то водили ведмедя. Орл. Брян., Смол., Дон. Ведмедь силен, а все же кольцо в носу носит. Сев.-Кавк. Гребен. Терек., Куйбыш., Пск., Олон., Казан., Оренб. Смотрю – ведмедь лезет. Урал. Сиб. <...> Енис. Том., Акм., Фелешт. Молдав., Тифл.» [СРНГ 4: 92].

Б) Диэреза:

– безвѣсно («Зима безвѣсно замела», данное слово А. П. Бесперстных полагает окказионализмом [Бесперстных III]) – 'безвестно', при этом отметим и диалектное явление, которое проявляется в структуре данного слова: здесь имеет место характерный некоторым (северным) говорам немотивированный переход бывшего ъ (ВБСТЬ) – ныне Е – в О.

4) В тексте присутствуют фонетические диалектизмы, отличающиеся от литературных эквивалентов ударением (акцентные диалектизмы) или фонемным составом.

Акцентные диалектизмы:

– зѣмный («Тем стражам зѣмный мой поклон!») – земной;

– рѣдный («Что рѣдной тетке был бы рад») – родной;

– псковской («Не гоготун залетный гусь – / Псковской, Николин сын и Манин...») – псковский;

– забрала («Забрала дочек и – в дорогу») – забрала́;

– шелковых («Они, как две шелковых шали») – шёлковых

(в этом случае фонетический облик слов маркирует его принадлежность к русской фольклорной картине мира: ударение различает литературный и народно-поэтический варианты слова: шёлковый – шелков́ый, что отражает намеренную стилизацию под фольклорный текст).

Диалектизмы, отличающиеся звуковым составом:

– трахтур («Вчерась чуть трахтур не утоп») – трактор (подобные элементы Н. А. Мещерский выносил за границы диалектной лексики, но тем не менее они отражают факт живого произношения заимствованного слова в речи сельских жителей; в данном случае происходит диссимиляция согласных по способу образования (кт > хт), свойственная диалектной речи);

– власы («Посыпать пеплом бы власы») – волосы (употребление старославянизма с неполногласием, нередко присутствующего и в фольклорных текстах, свидетельствует о стремлении автора следовать народно-песенной традиции);

– черёмха («– Да ты ж черёмху, кровосос...») – черёмуха, ср. укр. черемуха, черемха, черемшина (об отдельном кусте);

– ворог («Бездушен ворог и безбожен») – враг (вновь наблюдаем отражение авторской установки на включение в поэтический текст элементов архаичной, в частности фольклорно-языковой, картины мира: слово ворог является восточнославянизмом, о чем свидетельствует полногласие, в отличие от заимствованного из старославянского языка неполногласного варианта враг).

Отклонения от литературной нормы и стремление к архаизации и разговорности обнаруживает возвратный постфикс. Как известно, сохранение гласного в возвратном постфиксе -ся происходит в позиции после ударного гласного, однако в диалектных системах в этом же положении оказывается возможным сохранение -ся, что находит отражение в поэме «Обитель»: «Ну что ж, садися, удружу...» (садись); «Побелки заждалася печка...»; «И побрела, впрягшися в дроги...» (здесь же следует отметить употребительный в говорах суффикс -ши); «И, не ломяся наперед...».

Общий вывод, который здесь можно сделать, заключается в том, что И. Григорьев намеренно включает в свою поэму элементы народно-бытовой и фольклорной языковой карти-

ны мира, нередко следуя стилистике народной лирической песни.

Словообразовательные диалектизмы в поэме И. Григорьева.

К числу словообразовательных диалектизмов, функционирующих в поэме «Обитель», относятся такие словоупотребления, как: вчерась («Вчерась чуть трахтур не утоп») – вчера (ср. такие известные в северных и среднерусских говорах диалектные формы наречий с постфиксом -сь, как лонись, надысь и подоб.); детва (собирает.) («К тому ж, когда детвы шесть ртов...») – детвора; костки («Да ванна костки просквозила...») – кости (введение в морфемную структуру суффикса уменьшительности -к- вновь создает ощущение фольклорности, народности текста); парнятки («Парняткам-восьмилеткам малым...») – парни (уменьшит. ласкат. суффикс -яtk-, ср. ребятки, котятки и т. п., репрезентирует уже обозначенную установку автора на фольклорность); дерева, мн. ч. («Фотинья, страж ничьих дерев») – деревья (вновь задействуется архаичная форма множественного числа существительного – дерева – как проявление народно-песенной традиции) и др.

В целом группа словообразовательных диалектизмов в поэме весьма обширна и включает 1) слова с меньшим количеством морфем по сравнению с литературным вариантом; 2) слова с большим количеством морфем, чем в литературном языке.

В структуре слов могут происходить следующие изменения:

1) утрата аффиксов:

– винных («С похмелья – все, да нету винных...») – виновных, виноватых, повинных;

– загили («Хоть знать бы, где они загили...») – загнули (само слово загнули уже несет на себе печать народности (ср. лит. сгнули), но здесь поэт идет дальше, отбирая яркий диалектный произносительный вариант, в котором отсутствует суффикс одномоментности действия -ну- и задействована приставка за-);

– пожалте («В божницы лезла: – В дом пожалте!») – пожалуйте (редукция произношения приводит к утрате суффиксального элемента, что репрезентирует факт разговорного произношения и находит отражение в авторском тексте);

2) замена аффиксов:

– восплачешь («Ишас не скрутит – не восплачешь...») – заплачешь (народно-песенный префикс вос- с начинательным значением вновь отсылает нас к фольклорной картине мира: восхотеть и подоб.);

– лучшей («Я – Люська... а лучшей – Люсиль!..») – лучше (известно, что в литературном языке употребляются оба суффикса сравнительной степени: -е и -ее, но в диалектах нередко происходит взаимозамена данных суффиксов, а произносительный вариант -ей (редуцированное произношение суффикса -ее) характерен именно для разговорной, в частности диалектной, речи, ср. лит. хуже – диал. хужее, хужей);

– порушить («Порушат всласть и пожалеют...») – разрушить (префикс по- в значении завершения какого-л. действия характерен для разговорной речи: поделать и т. п.);

– пригас («И зрак пригас, и ноздри сухи ...») – угас (поэт употребляет приставку при- со значением неполноты действия, в чем, по-видимому, снова проявляется его стремление создать максимально приближенный к народно-поэтической традиции текст);

– роблив (робливый) («И тихо первый майский гром / В дорогу лета снаряжался / Роблив, что вяхирь-воркунец...») – А. П. Бесперстных трактует данное слово как областное [Бесперстных I: 111] – робок (робкий);

– сронил («Сронили косточку спроста...») – уронил (ср. народно-песенное сронила колечко);

– неминучий («Прекрасный, страшный, неминучий?») – неминуемый (перед нами вновь яркий фольклоризм, ср. использование того же прилагательного в стилизованной под народную

песне на стихи М. Исаковского «До свиданья, города и хаты!»: «И врагу от смерти неминучей / От своей могилы не уйти!»);

3) присоединение характерных живой разговорной и фольклорно-языковой стихии аффиксов:

– раскаким («Зовись хоть раскаким ученым...») – каким; распойму («Не распойму чегой-то вдруг...») – пойму. Известно, что приставка раз-/рас- вносит в семантику глагола значение движения в разные стороны: разойтись, разбежаться и т. д.; разделения чего-л., кого-л.: разделить, разбить; рассорить; однако в фольклорных текстах эта приставка имеет особое значение: здесь «приставка рас- в совокупности с постфиксом -ся создает значение интенсивного начала процесса» [Гриднева 2014: 120], кроме того данная приставка вносит в значение именных частей речи значение усилительности, ср.: распрекрасный, что мы наблюдаем в словоупотреблениях, внесенных И. Григорьевым в текст поэмы;

Используются характерные фольклору глагольные приставки:

– внедолге («Внедолге: суток через семь»);

– вызнать («Не вызнать цену той цены!») – узнать;

– дивь[j]е («Теперь в деревне жить дивьё...») – диво, дивно (наречие дивье/дивьё активно употребляется в значении 'хорошо, очень хорошо' в говорах Русского Севера и в среднерусских окающих говорах);

– залечь («Я завтра в лазарет залягу») – лечь;

– наовсе («Мужей наовсе провожали...») – вовсе;

– наспоришь («Не много с совестью наспоришь...») – споришь;

– обкричать («Ни отменить, ни обкричать...») – громко обругать кого-л., ср. кричать;

– оченно («Впряглись уж оченно железно...») – очень;

– погаснули («Погаснули, как хмель привычный...») – погасли;

- размочь («Да развязалась, размогла...») – смочь;
- повстречань [j]e («Благословенно повстречанье...») – от глагола повстречать.

Как видим, задействуются диалектные наречия, созданные посредством включения в морфемную структуру определенных суффиксов. Об этой особенности диалектного словообразования писал, в частности, И. А. Оссовецкий: «Словообразовательная модель как бы наращивает строевые элементы, в результате чего образуются слова с большим количеством аффиксов, чем соответствующие слова литературного языка. Такие слова в значительной степени участвуют в формировании специфики лексического фонда говора» [Оссовецкий 1982: 112].

В тексте поэмы имеет место традиционное для фольклора употребление суффиксов уменьшительности (ср: письмецо, колечко и т. п.):

- гармонька («Пять душ гудели да гармонька...») – гармонь;
- пивцо («И забавляется пивцом...») – пиво;
- каменьки («А на возгорках каменьки...») – камни;
- кабанишки («Там кабанишек приглядеть...») – кабаны;
- дворок («А ведь какой стоял дворок...») – двор;
- чайшко («Смекай: чайшком не проймешь») – чай;
- жёнка («... жёнка почтальонит в “Смычке”») – жена.

В то же время в поэме присутствуют лексемы с суффиксом увеличительности, также характерные для фольклора и разговорного языка:

- вьюжище («Пурги, буранов, вьюжищ, хвилей») – сильная вьюга;
- рожище («Рожищи – в снеги: надорвался») – груб. рожа;
- ямина («Бездушье – ямина без дна») – большая, глубокая яма.

При этом суффикс -ин- оказывается в системах говоров многозначным: 1) значение увеличительности; 2) значение единич-

ности объекта: елина («И не сломал циклоп елину...») – ель (ср.: берёзина, штакетина).

Усложнение морфемной структуры может приводить к изменениям в грамматике слова (возникает синонимия литературного и диалектного слова – морфологический диалектизм): холодень (ж. р.) («Ничуть не чую холодени») – холод (м. р.).

4) Имеют место факты фонетического стяжения: нейти («Нейти ж на снег без тех пожиток...») – не идти (в этом можно усмотреть языковую традицию: подобным образом сформировалось литературное слово нет из «не есть»).

Грамматические диалектизмы в поэме «Обитель». В корпусе грамматических (морфологических) диалектизмов, включенных автором в текст поэмы, выявляются следующие особенности.

1) Расширение числовой парадигмы плюративов (слов, имеющих в литературном языке в числовой парадигме только формы множественного числа) и появление у таких лексем форм единственного числа: деньга («К деньге сбежал от трудодня...») – деньги.

2) Существительные женского рода могут приобретать статус слов общего рода: побируха («А может, добрый побируха...»).

3) В условиях диалекта формируются особые формы множественного числа и собирательных существительных, отличные от литературных эквивалентов, что также находит отражение в тексте поэмы: други («Примите, дорогие други...») – друзья (здесь мы видим старую, уходящую в древнерусский язык форму множественного числа други, употребляющуюся в фольклорных текстах, на месте современной формы друзья, которая по своему происхождению представляет собой бывшее собирательное имя существительного ед. ч. жен. р.); крылий («Да все не то: ветрюга с крылий...») – крыльев.

4) Текст поэмы позволяет увидеть такое явление диалектной

речи, как частичное разрушение категории среднего рода, которая в языковой ситуации говора оказывается неустойчивой морфологической системой: паникадиле (д. п. ж. р.; диал.) – паникадилу (д. п. ср. р.; лит.) («...той бесовой паникадиле!») (здесь переход среднего рода в женский репрезентирован с помощью согласования по женскому типу в атрибутивном сочетании); фрукта («Как фрукту, обложил налогом) – фрукт (разрешение среднего рода с переходом слов в женский или мужской род свойственно русским говорам в целом). Так, Р. И. Кудряшова, вслед за другими исследователями, объясняет причины неустойчивости категории среднего рода следующим образом: «по сравнению с мужским и женским родом средний род у существительных – категория, которая семантически не мотивирована (нет поддержки во внеязыковой действительности)»; «существительные среднего рода – непродуктивная грамматическая группа слов (за исключением отвлеченных имен существительных на -ние и -ство, которые в традиционных русских диалектах с их ориентацией на разговорно-бытовую, обиходно-бытовую речь практически не использовались)»; «существительные среднего рода – группа, слабо маркированная в формальном отношении, так как в большинстве косвенных падежей их словоизменительная парадигма совпадает с мужским родом» [Кудряшова 1998: 36]. Добавим также, что неустойчивость категории среднего рода в русских говорах имеет и лингвокультурологическое объяснение: «здесь оказались, во-первых, родовые понятия (например, дерево); во-вторых, по уже оговоренным причинам сюда вошли наименования детенышей; в-третьих, вероятно, класс имен среднего рода пополнила персонифицированная лексика (например, пространственная, локативная: село, поле, море и др.). Думается, что первоначально это была достаточно ограниченная в количественном отношении группа слов, и лишь позднее, вследствие трансформации семантического рода в грамматический, число имен

среднего рода заметно увеличилось. При этом средний род, по-видимому, мыслился как менее “определенный”, возможно даже, менее значимый, нежели мужской и женский (в отличие от мужского и женского, средний род, по сути, оказывается непротивопоставленным), как бы нижестоящий» [Кошарная 2002: 67].

5) Употребление особых форм повелительного наклонения глаголов, связанное со стремлением к упрощению конца слова (редукция безударного гласного, в том числе после перетяжки ударения на основу), также маркирует присутствие народно-разговорной стихии в тексте поэмы: «Предъявь! Порядок есть порядок...» (предъяви); «Пощипь предснежного укропу...» (пощипли); «Сходи к Медведихе за побелкой...» (сходи); «А туркам гонь корье дубильно» (гони).

6) Наличествуют и другие разговорные включения в области форм повелительного наклонения: «Да в каждом месяце двукратно / Получку с премией ими...» (‘имей’); «Сиди, дремли, внемли, прохожий» (‘дреми’; видимо, употребление формы дремли здесь поддерживается соседством с литературной формой внемли).

7) В ткань поэмы введены диалектные глагольные формы прошедшего времени: «Вот и попёр, вот и побёг...», «Топтыгин сбёг в конце концов...», «А я чуть в землю не сбегла...».

8) Зачастую в говорах наблюдается смешение видовых суффиксов деепричастий. Автор поэмы включает такие формы в текст произведения: деепричастия, образованные от глаголов совершенного вида (побелить, разлюбить, диал. пребыть), приобретают суффикс несовершенного вида -я, например: «Пребудя с “ломками” в ладу...», «Так, значит, печку побеля...», «И, спесь-гордыню разлюбя...». Кроме того, в диалектах сохраняются архаичные причастные краткие формы, переосмысленные в деепричастия: «Досель не евши неужели?». Подобные формы являют собой рефлексы древнерусских кратких

причастий женского рода (ср. будучи в современном русском языке).

9) Встречаются характерные для народно-песенной стихии стяженные формы прилагательных, образованные в результате выпадения согласной фонемы <j> в интервокальном положении: «Не ждать с верхов небесну манну...» ([небеснују] → [небеснуу] → [небесн] → [небесну]), «Мужи снесли нещадну ношу...», «На полну совесть рвали жилы...», «Не светлу радость – черен страх...», «И так сиреневы деньки», «А по садам красны дары».

10) В то же время отмечается обратное явление: автор употребляет архаичные формы без стяжения: перво-им («Как в сорок перво-им! Свят, свят!») – в сорок первом.

11) Обнаруживается архаичное явление, связанное с образованием сравнительной степени у прилагательных, которые не имеют таковой в литературном языке: «Лишее не бывает лиха» (от прилагательного лихой в значении 'плохой').

12) Отмечена краткая форма относительного прилагательного: «Всем стыд и совесть не чужи», что также является отражением языковой архаики.

14) Помимо указанного, в тексте поэмы имеются и другие грамматические «приметы» диалектного и фольклорного языка. Так, наблюдается явление полной функциональной транспозиции слов, а именно – субстантивации, средством создания которой является преимущественно конверсия («способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [ЛЭС: 234-235]). Приведем примеры из текста:

– жаль (безл., в значении сказ., кого; «чувство жалости, состра-

дания; грусти, горечи» [МАС: I: 471]) – жаль, сущ.: «И нрав, и жаль, и власть являют...»; ср.: «сострадание, сочувствие, жалость; горе, печаль, скорбь, грусть» [СРНГ 9: 68]);

– прямо (нар.) – прям(о), сущ.: «А вбок от пряма – буераки...».

Текст поэмы также позволяет рассмотреть явление аппелятивизации в народных говорах: переход имен собственных (онимов) в разряд имен нарицательных (апеллятивов). Этому способствует феномен прецедентности имен и семантическая структура онима, включающая компоненты, позволяющие ему становиться аппелятивизированной единицей. Процесс аппелятивизации осуществляется на основе стилистического приема прономинции, суть которого заключается «в замене нарицательного имени собственным (или наоборот)» [Квятковский 1966: 227] и который выступает в качестве одного из источников экспрессивной синонимии в современном русском языке [Томашевский 1996: 66].

В тексте поэмы таким прономинантом является лексема михей, мн. ч. михей: «Что страшно: много михеев», «Как им, михеям, сходит с рук», – актуализирующая в конструируемой автором речевой ситуации значение 'недогадливый, глуповатый человек'. В данном случае лексической основой прономинции является прецедентное имя, относящееся к разряду антропонимов.

Собственно лексические диалектизмы и этнографизмы в поэме «Обитель». В целом наблюдается активное присутствие в поэме разговорной и диалектной лексики, например:

Решила: – Смолкну про запас.

Сам видишь, что с Расеей случилось.

* * *

Тому назад годов два-ста,

Видать, глухарка-капалуха,

А может, добрый побируха

Сронили косточку спроста.

Невозможно не отметить присутствия в тексте поэмы большого количества элементов псковской народной речи: гусак – гусь; певень и кочет – петух; жнитвó – жатва; захмычка – замашка, привычка и т. д. Эта намеренная стилизация, имитация речи земляков высвечивает в поэте подлинно народного автора, любящего свою малую родину.

Имеются в тексте и диалектизмы заимствованного происхождения, например: глухарка-капалуха («Видать, глухарка-капалуха...») – самка глухаря. По мнению исследователя творчества И. Григорьева, лексикографа, составителя словарей писателей, в том числе – трёхтомного «Словаря эпитетов И. Григорьева» А. П. Бесперстных, слово капалуха пришло в русский язык из финского *korrelo* посредством карельского языка: *korrala*, и в этих двух родственных между собой языках это слово имеет значение ‘самка глухаря’.

В русском языке происходят преобразования заимствованного слова, и оно начинает ассоциативно связываться с глаголом копать.

Имеются сведения, что капалухой называют не всякую самку глухаря, а только ту, у которой есть или недавно было потомство. Считается, что охотник никогда не будет стрелять в капалуху [см. об этом: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/365215-rochemu-ohotniki-nazyvajut-gluharja-kapaluhoj.html>].

А. П. Бесперстных полагает, что, благодаря рассказу В. Астафьева «Капалуха», который является программным произведением в школах РФ, это слово уже стало общепотребительным. Однако известно, что для В. Астафьева именно диалектизмы были излюбленным материалом, который он включал в свои произведения для передачи местного колорита, а употребление диалектного слова в художественном тексте не переводит его автоматически в разряд общенародной лексики (ср. у М. А. Шолохова курень и подоб. диалектные слова; а у того же В. Астафьева слова заплот, робятишки, жарок, токо, не лишка и др.).

Словари русского литературного языка не включают данное слово в свои словники, исходя из чего, мы можем полагать, что данное слово является диалектизмом, причем имеющим специализированную сферу употребления – речь охотников и людей, имеющих отношение к лесу.

В целом в ряду территориально ограниченных имен существительных, функционирующих в поэме, можно выделить несколько лексико-тематических групп.

А) Объемную группу составили диалектизмы, характеризующие человека по особенностям его нрава, поведения и т. п. Вероятно, обширность этой группы языковых единиц в языке и в тексте поэмы связана с факторами внеязыковой действительности: многочисленность человеческих характеров, свойств природы, моделей поведения детерминируют появление значительного количества средств их вербализации: «человек не только творит “субъективную” реальность по своему образцу и подобию, но и сам оказывается втянутым в процесс идентификаций» [Кошарная 2002: 116]. Рассмотрим языковые единицы, входящие в данную группу, в их соотнесении с данными словарей, особо отмечая помету «Пск.».

1. Бедун, бедунья («Мы вдовами, бедуньи, стали...») – «1. В суеверных представлениях – человек, приносящий беду. Даль [без указ. места]. 2. Несчастливый человек. Даль [без указ. места]» [СРНГ 2: 178].

2. Ваятель («Молчим, ваятель и ваятель...») – тот, кто плачет, воет, – от ваять – «Выть, плакать. Осташк. Твер., 1820. Твер.» [СРНГ 4: 79].

3. Воркунец («Роблив, что вяхирь-воркунец...») – то же, что воркун («Воркун, а, м. 1. Тот, кто ворчит; ворчун, брызга. Слов. Акад. 1806» [СРНГ 5: 101]).

4. Вуютель («Молчим, вуютель и вуютель...») – от вують – выть («Выть. Пск., Даль. Боров. Новг., Волки вуют. <...> Баба вует, как волчица. <...> Тарт. Эст. ССР. Тот, кто воет» [СРНГ 5: 240].

5. Вяхирь («Роблив, что вяхирь-воркунец...») – «1. То же, что вятель (во 2-м знач.). Влад., Розов. Ворон., Ряз., Даль. Дон. 2. Перен. Вялый, неуклюжий человек. Сарат., 1824. Пенз., Покр. Влад.» [СРНГ 6: 81]. Согласно словарю А. П. Бесперстых, вяхирь – обл. 'голубь' [Бесперстых I: 87].

6. Гоготун («Не гоготун залетный гусь...») – хохотун. (Пск., Смол., Копаневич. [СРНГ 6: 205]).

7. Дока («Добрался до гороху, дока...») – «Колдун, знахарь; колдунья, знахарка. Пошех. Яросл., 1849. Шуйск. Влад., Зарайск., Ряз., Ставроп., Самар., Сиб., Краснояр.» [СРНГ 8: 96].

8. Жадобнушка («Молчу, жадобнушка, отбой...») – «милый, дорогой человек. Олон., Даль» [СРНГ 9: 59].

9. Жихарь («Твой первожихарь – дед Тимошка...») – от данного диалектизма автор образует свое слово – индивидуально-авторское новообразование первожихарь, то есть 'первый житель', ср.: «1. Житель. = Ж и х а р ь. Житель, обыватель, в некоторых губерниях». Бурнашев. Ты здешний жихарь, знаешь здешние обычаи. Слов. Акад. 1847 [с пометой «простонар.».]. Пск. <...> Смол., Петерб., Новг., Олон. <...>» [СРНГ 9: 198]. А. П. Бесперстых полагает слово жихарь заимствованием из белорусского языка. Однако, судя по данным «Словаря русских народных говоров», вобравшего в себя материалы практически всех материнских говоров русского языка, территория распространения данного слова не ограничивается соседним с Республикой Беларусь регионом и охватывает не только псковско-новгородские и смоленские земли, но и севернорусские – олонечские (диалекты Заонежья).

10. Зимогор («Я – зимогор, во мне запал...») – «1. Сезонный рабочий на отхожих промыслах. <...> Вят., Зеленин, 1903. Всю зиму в зимогорах ходит по лесозаготовкам. На лесовозе все больше зимогоры робят. Ирбит., Верхот., Перм. <...> Петерб. <...> 2. Тот, кто остается зимовать вне Петербурга: в Шувалове, в Лесном, в Удельной, в Царском, в Тярлеве. <...> Петерб., Даль

[3-е изд.]. 3. Босьяк, бродяга. Куда за него замуж идти: он зимогор. Рыб. Яросл., 1901. Яросл. <...> Арх., Новг., Пск., Твер., Ср. Волга, Прикамье, Перм. Слов. Акад. 1955 [с пометой «устар., обл.».]. <...>» [СРНГ 11: 280];

11. Лада («Как встреча и разлука с сладой...») – «1. Муж, жена (обычно по отношению друг к другу). <...> Даль [без указ, места]. Шенк. Арх., 1887. Арх., Печора и Зимний берег, Беломор., Олон., Волог., Север., Новг., Курск., Костром., Перн., Свердл. Слов. Акад. 1957 [с пометой «народнопоэт.».]. • Жена. И свою я милую ладу И возьму поцелую. Тихв. Новг., 1853. Олон., Арх., Яросл., Курск., Сарат., Перм., Иркут. • Муж. Кем. Арх., 1853. <...> I. Жених, невеста. <...> Онеж. КАССР, 1933. Арх. Ж. Невеста. Влад., Марков, Слов. карт. ИРЯЗ. Милый, любимый; милая, любимая. Соболевский, Великорус. народн. песни. <...> Холмог. Арх., 1907. Арх., Пск.» [СРНГ 16: 228].

12. Миляга («Достоин лирики, миляга...») – «<...> 2. О том, кто вызывает к себе жалость, сострадание. Пропал миляга! Олон., 1885–1898. Волог., Арх., Новг., Пск., Яросл. || В шутку или в насмешку о ком-либо <...>» [СРНГ 18: 165].

13. Оратай – («Пусть не оратаю с конем...») – 'пахарь', ср.: «1. Оратай, я, м. Пахарь. Слов. Акад. 1822. Заонеж. Олон., 1885–1898. Онеж., Пудож. КАССР. Это раньше, голубушка, орали, а теперь пашут; оратаев в нашей семье трое было. Арх. Север. Оратай-от у тебя больно мал, не орать бы ему, а гулять. Яросл. Влад. Слов. Акад. 1959 [с пометой «устар.»]» [СРНГ 23: 328].

14. Побируха («А может, добрый побируха...») – «1. То же, что побираха (нищий, нищая). Опоч., Пск., 1852. <...> Сев.-зап. <...>» [СРНГ 27: 196].

15. Прихлебай («Порасплодили прихлебаев...») – «дармод; охотник до чужих обедов, и за то угодник на хлебосолов, угодник из похлебства, за хлеб-соль» [Даль 3: 416].

16. Прокурат («И прокурат-козел Чернух...») – «<...>

|| Выдумщик. Пск., Старорус., Новг., 1911. Амур., Якут., Сиб. <...>. Притворщик, ханжа. Пск., 1850» [СРНГ 32: 167];

17. Скобарь («Залюбовался я невольно / На истинного скобаря...») – «<...>. 2. Житель Псковской области, пскович. Онеж. КАССР, 1933. Скобари – там Псковщина... в Пушгорах скобари. Пск. <...> 3. Жеребец, завезенный из Пскова. Прионеж. КАССР, 1966» [СРНГ 38: 37];

18. Стрекулист («И к нам, как ветром, принесло / Говоруна и стрекулиста») – «1. Щеголь, франт. Ряз. Ряз., 1902. Липец. Ворон. Гордец. Липец. Ворон., 1929–1937. <...> Рыб. Яросл., 1990. 2. Легкомысленный, болтливый, ненадежный человек. Петров. Саратов., 1960. <...> Ворон. 3. Вздорный, сварливый, задиристый человек. Медын. Калуж., 1849» [СРНГ 41: 311].

19. Тать («В избе Михей возник, как тать...») – «злодей, вор, грабитель; мошенник, плут. Слов. Акад. 1822. Обл., Соловьев, Грот, 1852. <...> Даль» [СРНГ 43: 311].

Почти половина из 19 лексем (8) имеют в СРНГ помету «псковское», что свидетельствует о значимости для автора поэмы включения знакомых ему с детства диалектных слов в текст художественного произведения.

В составе данной группы лексики наблюдается преобладание негативно окрашенных языковых единиц над лексемами с положительной коннотацией. Поскольку отрицание – «показатель значимости отрицаемого для субъекта» качества [Кошарная 2012], то такая модель, при которой человек избирательно воспринимает окружающую его действительность, аргументируется, по мнению Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1999], тем, что человек чаще придает значение тем явлениям, которые не вписываются в общепринятую норму и потому получают соответствующую языковую маркированность. Следование установленным правилам не нуждается в дополнительной оценке, поскольку норма единственна, отклонения от нее – множественны. Всё, что воспринимается диалектоносителями отрицатель-

но, выливается в намерение видеть не имеющего недостатков человека, в результате в ментальной картине мира создается идеальный образ и всё, что не соответствует такому образцу, приобретает негативную культурную коннотацию. Этим объясняют явление актуализации негативной модальности (в терминологии Н. Д. Арутюновой).

Б) Текст поэмы иллюстрирует особое отношение автора к «чуткому» освоению диалектоносителями, земляками поэта, окружающей их природы (как живой, так и неживой), результатом чего является присутствие в тексте диалектных фитонимов, или флоронимов (номинаций растений), зоонимов (номинаций животных) и т. п. (12 единиц).

1. Буерак («Метался эхом в буераках...», «А вбок от пряма – буераки») – небольшой овраг, размытая ложбина [Даль 1: 121];

2. Вековуха-болотина («И вековухи-болотины») – «1. Небольшое болото, низкое, болотистое место. = Болотина. Олон., 1885-1898. Арх. <...> Костром., Сузд., В.Лад., Твер., Иван., Пск. <...>» [СРНГ 3: 78]. Значение первой части сложного слова (старая дева) указывает на возраст данного места.

3. Верес («Да сладкий верес, да лещуга...») – «1. Можжевельник. Яросл., 1820. Костром. <...> «Можжевельник, кустарник хвойный, ростом 1–1.5 м, пахучий. <...> Петерб. Ленингр., Пск., Новг., Твер. (Калин.), Калуж., Урал. <...> «Широко распространенное по всей северной полосе СССР название можжевельника». Слов. Акад. 1951 [с пометой «обл.».]. || Плод можжевельника, ягоды можжевельника. Чердын. Перм., 1843. Перм., Тобол. 2. Вереск. Ярен. Волог., 1847. Волог., Арх., Олон., Новг., Пск., Твер., Яросл., Перм., Вят. <...>» [СРНГ 4: 130]. В «Словаре эпитетов И. Григорьева» А.П. Бесперстных слово дается в значении 'можжевельник' с пометой «обл.» [Бесперстных I: 47].

4. Возгорок («А на возгорках каменьки...») – бугор (пск. и др. [СРНГ 4: 257]).

5. Гончар («Не боязно? Как серый схватит! / – Да с гончаром уж как-нибудь...»; «И Аннин страж, гончар-старик, / Мой закадычный спутник Мухи...») – порода охотничьей собаки – гончая. Данное слово как областное приведено в словаре А. П. Бесперстых [I: 102]. Примечательно, что в «Словаре русских народных говоров» приведены только дублетные однокорневые образования: гонч, гончарка – ‘гончая собака’ (как литовское и уральское диалектные слова), само же слово гончар в указанном значении отсутствует. Возможно, это объясняется неполнотой фактической базы словаря. С другой стороны, возможно, поэт создает свое слово на базе известного ему диалектизма.

6. Колок («Гром бормотал в колке еловом») – ‘ельник, еловый лесок’, ср.: «1. Заостренная палка, небольшой кол. Себеж. Великолукск., 1951. На маленький колок привяжи. Ряз. Камч., Латв., Лит. = Колок. Свердл., 1965. 2. Деревянный гвоздь, служащий в качестве вешалки» [СРНГ 14: 163]. Как видим, ни одно из представленных в СРНГ значений не отражает семантики диалектизма, использованного автором; таким образом, авторский словарь может, со своей стороны, обогатить общий фонд русской диалектной лексики. Именно в значении ‘небольшой лесок посреди поля, пашни’ слово как «областное» представлено в словаре А. П. Бесперстых [I: 226].

7. Комель («День от макушки до комя») – «1. К о м е л ь. Корень дерева или растения. <...> Олон., Рыбников. Калинин., Костром., Калуж., Орл., Перм. <...>» [СРНГ 14: 230].

8. Кочет («И красный кочет клетотал...») – петух. Слово трактуется как областное в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ 15: 128] и в словаре А. П. Бесперстых [I: 237].

9. Лещуга («Да сладкий верес, да лещуга»). На первый взгляд, можно принять данное слово за вариант известного по диалектам, в том числе псковским, слова лещуга – ‘дикая яблоня, плод дикой яблони’, ср.: «<...> 2. Яблоко дикой яблони. Новг.,

1911. Великолукск. Пск.» [СРНГ 17: 35]. В этом значении поэт использует слово лещуга в другом своем произведении: «Росли там, сочась, не пустяк-яблочишки, / Не горечь-лещуга – дюшес!» («Стезя»). В то же время возможна и иная семантика, на которую указывает в своем словаре А. П. Бесперстых, видя здесь особое, иное областное слово – в значении ‘вид осоки’ [Бесперстых I: 269].

10. Олешник («Среди олешников беспечных...») – ‘заросли ольхи’ – обл. [Бесперстых II], ср. также : «1. Заросли ольхи, ольховый лес, кустарник; ольшаник. Олешник. Даль [без указ. места]. Холмог., Шенк. Арх., 1885. Олон., Новг., Ярослав., Твер. <...> Преображенский [с пометой «диал.»]. <...> 2. Ольха (одно дерево). <...> КАССР, 1970 <...>» [СРНГ 23: 187].

11. Пожня («И вдруг за озером, над пожней...») – «1. Поле, на котором сжат хлеб. Урал., 1913. Ср. и нижн. теч. р. Урал, Арх. Лен стали на пожне. Бокситогор. Ленингр. Новг. <...> || Хлебное поле. Шенк. Арх., 1844. <...> Новг., Костром. || Поле, пашня (вообще). <...> Олон., 1898. Калинин., Новг., Арх. || Паровое поле (используемое иногда под покос). Ладож. Петерб., 1865. Ленингр., Новг., Арх. || <...> || Заливной, пойменный луг. Петерб., 1848–1850. Новг., Калинин., Нижегород., Костром. <...> Низина у реки, озера (с мелким кустарником) Вышневола. Твер., 1852. Калинин., Арх. <...> Покос на болоте. Пск., 1969. || Скошенный луг. Пск., 1969. || Отдельный участок покоса, луга. Каргоп. Арх., 1928. <...> Пск.» [СРНГ 28: 299]. Как видим, в псковских говорах данное слово многозначно, и в авторском тексте возможно двоякое его «прочтение» – ‘пашня’ или ‘заливной луг у водоема».

12. Хвиль («Пурги, буранов, вьюжищ, хвилей») – ненастье, мокрый снег, вьюга [Даль 4: 498].

Анализ показывает, что более половины из представленных языковых единиц распространены в псковских или соседних с ними (новг., петерб.) говорах.

В) В тексте поэмы присутствуют лексические диалектизмы, связанные с понятийной сферой «быт» и с этнографическими реалиями, по отношению к которым мы предлагаем классификацию, учитывающую функциональную принадлежность самих реалий.

Вычленение в этом ряду собственно диалектизмов и этнографизмов носит скорее теоретический и достаточно условный характер, ибо на практике и те и другие относятся к территориально ограниченной лексике.

В то же время трудность разграничения в ряду территориально маркированных лексических диалектизмов и этнографизмов состоит в явлениях омонимии и полисемии, что приводит к необходимости учитывать контекст при классификации данных языковых единиц и привлекать материалы «Словаря русских народных говоров», репрезентирующего не только спектр значений слова, но и ареал его распространения.

Согласно этому принципу, вычленяется несколько основных тематических групп номинативных единиц, содержащих наименования построек, одежды, пищи, имеющих территориально ограниченное распространение, о чем свидетельствуют данные «Словаря русских народных говоров».

1. Дым («А по дворам дымы и певни») – «1. Фольк. Пардым. Пар. <...> Олон., Рыбников. 2. Очаг. Влад., Ворон., Ряз., 1852. 3. Отверстие для выхода дыма в черной, курной избе. <...> Холмог. Арх., 1950. 4. Жилье, изба, двор. <...> Влад., 1851. Влад. Ворон., Ряз. <...> Селенье в пять дымов. <...>» [СРНГ 8: 292].

2. Дянки («Михайловна, я Ваши дянки / В морозы посеячас ношу...») – ‘варежки’ – обл. [Бесперстых I: 161], ср.: «варежки. Белозер., Крестец. Новг., 1852. «Вязаные или матерчатые на ватной или кудельной подкладке, но не кожаные (кожаные назывались «голицами»)». Новг., Гарновский, 1923–1928. Пск., Твер., Ленингр., Волог., Онеж. КАССР <...>» [СРНГ 8: 306].

3. Жаренка («Жарёнка – на сковороде...») – ‘яичница’, ср.: «1. То же, что жарена (что-либо жареное). Жаренка. Давай, мать, жаренки поедим. Урал., 1956. Вот грибов набрали на жаренку. Пудож. КАССР. = Яишня или что-нибудь жареное – жарёнка. Великолукск. <...>» [СРНГ 9: 76].

4. Коленце («Всем по две нормы! Без коленец») – «1. Коленце. Особого рода самодельная папироска, козья ножка. Сарап. Вят., 1901 <...>» [СРНГ 14: 125]; в контексте поэмы, по-видимому, мы имеем именно это значение: иными словами, речь идет о требовании работать, не покладая рук, «без перекур».

5. Малахай («И где ружье, где малахай...») – «1. Широкий кафтан без пояса. Великолукск. Пск., 1852. Пск., Новг., Волог. Стары люди носили малахай: длиннущие, широкущие оне были, я-то не нашивала. Перм. Ср. Урал. Слов. Акад. 1957 [с пометой «обл.»]» [СРНГ 17: 318].

6. Помело («На весь район – ни помела») – разновидность метлы, ср.: «1. Металлич. веник. Арм.ССР, 1948. Пудож. КАССР, Омск., Кемер. <...>» [СРНГ 29: 203]; «пук мочал или тряпья, ветоши, или хвойнику, на помелище ср. для обмету печного поду, под посадку хлебов» [Даль 3: 247].

7. Пятистенок («Твой пятистенок – козырь плевый») – «1. То же, что пятистенка. Волог, 1883-1889. Арх., Сев. Двин., Олон., Новг., Пск., р. Мета, Калин. Пятистенок – это большой дом с рубленой стеной посередине. Моск., Влад., Ярослав., Костром., Перм. <...> Дон., Волгогр. Дом с перегородкой внутри называется пятистенком. Урал., Ср. Урал, Зауралье, Курган., Тобол., Том. А с двумя комнатами, так то уж пятистенок. Новосибир., Горно-Алт., Тунк Бурят АССР, Амур. <...>» [СРНГ 33: 225].

8. Рига («Изжиты риги и овраги...») – «1. Большой сарай с печью для сушки снопов и обмолота. Ряз., 1820 Калин., Орл. <...> Брян. Ворон., Пенз., Куйбыш., Волгогр., Кемер., Иркут. <...> Волхов. Ленингр., 1954 <...> Новг., 1949. <...> Ленингр.,

<...> Пск. <...> 3. Постройка, помещение, место для об молота зерна, молотильный сарай. <...> Пск., Калуж., Смол., Пенз., Зауралье, Курган. <...> Новг., 1969» [СРНГ 35: 100].

9. Скит (Начнем с венца, скита, деревни...») – «вид изгороди. Двор огорожен скитом стоячим, гумно огорожено кольем стоячим. Орл., 1940–1950» [СРНГ 38: 9].

10. Торба («Зато у смерти бланки в торбе») – «1. Торба. Мешок с сеном, который вешается на морду лошади. Торба – мешок, сено в нем, лошади наденем, когда едем. Сузун. Новосибир., 1964–1965. <...> Новг., 1995. <...> 3. Плетеный кошель с крышкой, служащий для переноса (чаще всего на спине) различной поклажи. Бурнашев. Волог., 1866. Новг., Яросл., Калин., Орл., Даг. АССР» [СРНГ 44: 262]. По-видимому, в этом контексте реализуется значение, близкое к третьему, представленному в СРНГ: 'заплечная сумка или сумка, которую носят на плече'.

Вновь наблюдаем значительное количество псковских диалектизм (этнографизмов) и слов сопредельных территорий.

Г) Практически не употребляются в поэме диалектные сомагизмы (номинации частей тела человека или животного). Здесь, как и в диалектах, преобладает общенародная лексика, за исключением одной номинации – мурло («Железное мурло набыча...»), которая имеет в разговорном русском языке значение 'лицо' (груб., простореч.), а в тексте поэмы репрезентирует особое значение: метафора от ЛСВ 'морда животного', ср.: «1. Морда животного. Юго-зап. Том., 1864. Забайк., Сиб., Тамб. 2. Рот (преимущественно у животных). Уральск., 1913» [СРНГ 18: 356]. Именно данные «Словаря русских народных говоров» позволяют предположить, что в данном значении – 'морда животного' (что косвенно подтверждается также соседством зоонимического глагола в деепричастной форме набыча) – слово представляет собой семантический диалектизм, в отличие от общенародного ЛСВ (груб. 'о лице человека'). Здесь «железное

мурло» вражеского танка или орудия сравнивается с мордой набычившегося животного. В семантическую структуру данного лексического диалектизма входит так называемый оценочный компонент, имеющий пейоративный характер. Это положение подтверждает слова Г. Н. Склярёвской о том, что «почти 80 % языковых метафор носят пейоративный характер» [Склярёвская 2004: 111].

Д) В реализацию авторского замысла вовлекается и расширяющая семантику и круг употребления абстрактная лексика, имеющая приметы разговорного стиля.

1. Перекувырки («Вестимо, в перекувырках / Жить суматошно и накладно...») – суэта, беготня (данная лексема отсутствует в привлеченных к исследованию словарях, но в русском языке есть слово кувырок, от которого метафорически произведена данная номинация).

2. Поруха («Наддашь, спасаясь от порухи», «На всех одна печаль порухи») – «1. Помеха, затруднение, препятствие, остановка Пск., Даль. Нижегород., Дон. <...> 4 Беда. Пск., Осташк. Твер., 1855 <...> 6. Остановка в работе. Пск., Осташк. Твер., 1855 <...>» [СРНГ 30: 106].

3. Привада («Манит коварною привадой») – «1. Повадка, потворство. Шенк., Арх., 1852. 2. Пристрастие. Холмог, Арх., 1907» [СРНГ 31: 126].

4. Решка («Еще не решка бабе Ньюхе») – «<...> 4. Решка кому-л. Конец, смерть кому-л. Ему решка. Болх., Орл., 1901» [СРНГ 35: 90].

5. Свара («Земля. Ей несподручна свара») – от свáриться (ссориться, браниться, кориться, брюзжать и пр. [Даль 3: 130]; [СРНГ 36: 211].

Таким образом, учитывая значения слов, актуализированные в тексте поэмы, можно вычленил следующие группы лексических диалектизм, к которым примыкает просторечная и устаревшая в общенародном языке лексика (1), и этнографизмов (2):

(1): бедун (бедунья), ваятель, воркунец, вуятель, гоготун, дока, жадобнушка, зимогор, лада, жихарь, побируха, приседатель, прихлебай, тать, прокурат, комель, верес, лещуга, олешник, возгорок, дым, дянки, мурло, гонь, поруха, перекувырки, свара, привада, решка;

(2): скобарь, колок, пятистенок, рига, скит, помело, коленце, малахай, жаренка.

Кроме того, вычленяются подгруппы лексики, связанной с традиционными видами хозяйства: пожня; с природными явлениями и объектами: буерак.

Некоторые диалектизмы оказываются многозначными в русских говорах: воркунец, жихарь, побируха, комель, лещуга, олешник, дым, решка, но в контексте поэмы происходит конкретизация значений, что позволяет сделать вывод о семантике данных слов в говорах, характерных для малой родины поэта.

В кластере лексических диалектизмов, функционирующих в поэме, вычленяется лексико-семантическая группа «Слова, означающие признак предмета», куда входят имена прилагательные (отыменные и отглагольные).

1. Заботный («Зима безвёсно замела / Ее заботную головку...») – в «Словаре русских народных говоров» слово предстаёт как полисемантическое: «Заботный, ая, ое; <...> 1. Озабоченный чем-либо. Расспрошу тебя, Федюша, В чем заботен ходишь. Грязов. Волог., 1925. 2. Трудолюбивый, старательный. Охан., Перм., 1930. Он горазд заботный. Новорж. Пск., Прейл. Латв. ССР, Юонав. Лит. ССР, Тарт. Эст. ССР» [СРНГ 9: 282]. Как видим, псковским говорам свойственно второе значение – ‘трудолюбивый, старательный’. Вероятно, именно это значение «прочитывается» в тексте И. Григорьева. Отметим, что в словаре А. П. Бесперстых слово дано с пометой «обл.» [Бесперстых I: 99].

2. Зазяшный («Хоть плачь – зазяшные печали...») – напрасный; зазяшно («напрасно, зря. Боров. Новг., 1923-1928. Ярослав., Иван. Урал.» [СРНГ 11: 97]).

3. Зореванный – («О, зореванная поляна!») – ‘освещенный светом зари или зарева (пожара – в данном случае)’, от заря, зоревать, ср.: «1. Спать на утренней заре. Нехай зорюет. Дон., 1929. <...> Алекс. Куйбыш. <...> Волгоград., Краснодар., Тул. <...>» [СРНГ 11: 338].

4. Каленый («Сигала в небо мошкара – / Крупна, калена и кусуча...») – ‘обжигающий’, ср.: «1. Горячий. Кинеш. Костром., 1846. Чай-то калёный. Костром. Смол., Новг. <...> Пск., 1902-1904» [СРНГ 12: 351].

5. Качкий («Скрипела качкая дорога...») – ‘неровный, зыбкий’, ср.: «топкий, зыбкий. Качкое место на болотах. Раньше было озеро, теперь затягивается мохом, идешь и качается. Краснояр., 1967 Том., Кемер. Новосиб.» [СРНГ 13: 146].

6. Мирово («Веленье века мирово...») – краткое прилагательное в роли именного сказуемого, от мировой, ср.: «1. Много, очень много чего-либо. = М и р о в о. Сольвыч. Волог., 1839. <...> Север., Даль [с примеч. «особенно в виде удивления»]. <...> 4. В знач. безл. сказ. Удобно, хорошо. Мне здесь мирово. Курган., 1962» [СРНГ 18: 172]; можно полагать, что в данном случае перед нами индивидуально-авторское новообразование.

7. Набольшой («Фотинья – набольшая мне...») – «<...> 2. Старший по положению, главный и т. п. Оренб., 1830. <...> Волхов. Ленингр., Пск. <...> || Старший в семье. <...> Вят., 1847. Пск., Осташк. Твер. <...> Новг.» [СРНГ 19: 127].

8. Псковской – («Не гоготун залетный гусь – / Псковской, Николин сын и Манин...»); «Бездомный, каменный, безродный. / И не псковской метели свист...»). В данном случае перед нами областной акцентный вариант, на областной характер его распространения указывает и А. П. Бесперстых [I: 299]. Примечательно, что И. Григорьев употребляет в своей поэме данный фонетический диалектизм наряду с общенародным словоупотреблением псковский: «Недаром псковский я мужик...»

9. Скитский («Я скитской тайной приколдован...») –

«скитский, ко скиту принадлежащ. и ему свойственный. Скитская жизнь, отшельническая. Скитские угодя» [Даль 4: 179].

10. Щедривый («Щедривый, горбоносый, рыжий, / Кривой – детина продувной...») – обл. 'рябой лицом' [Бесперстых I: 305].

Среди глагольных лексических диалектизмов значимыми оказываются тематические группы глаголов движения, эмоциональных состояний и некоторые др.

А) Группа диалектных и просторечных глаголов движения, функционирующих в тексте поэмы, включает 8 языковых единиц.

1. Вихляться («Гора вихлялась на горе...») – «1. Шататься, качаться из стороны в сторону (о непрочно укрепленном предмете). Олон., 1823. Арх., Новг. <...> Вят. <...> Пск., Смол. <...>» [СРНГ 4: 305].

2. Зафитилить («Зафитилил в низы по скату») – «<...>. 2. Направиться, побегать. Мосейч как звизнет ему промежду глаз, да и зафитилил домой без оглядки. Уральск., 1964» [СРНГ 11: 139].

3. Опростать, -ывать («От долга совесть опростала...», «Когда последнее ведро / Мы опростали») – «<...> 2. Освободить помещение, место, квартиру и т. п., делать свободным, незанятым что-либо. <...> Костром. 1851. <...> Валд. Новг., Пск. <...>» [СРНГ 23: 291].

4. Плюхать («Ах! Плюхать в вашу отдаленку!») – «<...> б. Медленно ехать, идти; тащиться. Плюхали, плюхали до вас: насили-то доплюхали. Кашин. Твер., 1897. Курск. || Идти пешком. Уржум. Вят., 1882. <...>» [СРНГ 27: 172].

5. Покалиться («На печку влезу – покалюсь») – авторское значение – «погреться», ср. иное словарное значение: «побранить, пожурить. Лапш. Казан., 1896» [СРНГ 28: 398].

6. Пришастать («А ты зачем пришастал, Мухи?») – «прийти, прибрести. Сев-Двин., 1928» [СРНГ 32: 65].

7. Сига́ть («Сигала в небо мошкара...») – «1. Быстрым, резким движением устремляться куда-л., бросаться прочь, наутек (от кого-л.). <...> Кашин. Твер., 1897. Пенз. <...> Калуж., Орл., Тамб., Даль» [СРНГ 37: 277].

8. Сникнуть («Фотинья, сникни, будет поздно!») – «1. Исчезать, пропадать. 2. Тухнуть, гаснуть (об огне). Зап. Брян., 1957» [СРНГ 39: 106].

Б) Глаголы чувственного, эмоционального, психического состояния, поведения и устойчивости представлены 9 единицами.

1. Ерепени́ться («Зря ерепенишься, кума...») – «1. Держаться заносчиво, важничать, зазнаваться, чваниться. Углич. Яросл., 1820. Яросл. Твер., Рубцов [с примеч. «больше говорят в укор»]. Олон. <...> Дон., Тамб., Курск., Пск. <...> 4. Сердиться, раздражаться, ругаться. Курск., 1848. <...> Тамб. Ворон., Ряз. <...> Пенз., Саратов, Симб., Самар., Дон., Тул., Калуж. «Ерепенишься, петушиться – эти слова употребляют, когда говорят о бессильном гневе». Моск., Хавский. Смол., Пск., Твер., Яросл.» [СРНГ 8: 367].

2. Жалковать («Жалкую только: стали редко / Мы привечать друг дружку с ней...») – «<...> 2. Неперех. Печалиться, скорбеть, горевать, со-крушаться. 3. Сожалеть. Не купите, будете жалковать потом. Дон., 1900. Краснодар, Ворон., Курск., Орл., Тул. Ряз., Пенз. <...>» [СРНГ 9: 65].

3. Жахать («Не жахай сталью без оглядки...») – «пугать, стращать. Южн., Зап. [?], Даль» [СРНГ 9: 87].

4. Засупонить («Тьфу! старую как подменили, // Возьми попробуй, засупонь...») – метафорическое значение 'успокоить', ср.: «1. Засучить. 2. Сердиться, дуться; Осташк. Твер., Пск., 1855» [СРНГ 11: 75].

5. Полохаться («И все полохались вокруг...») – «1. Пугаться, боять-ся. Слов. Акад. 1847. Я не боюсь да не полохаюсь. Петрозав. Олон., Рыбников. Олон., Пудож. КАССР, Онеж., Север.,

Ленингр., Саратов, Дон, Сиб. <...> || Приходить в смятение, волноваться. <...> Сев.-Зап., 1974» [СРНГ 29: 129].

6. Придурять («Привык, злосчастный, придурять...») – «1. Прикидываться дурачком, придуриваться. Вост., Даль. Придурять. Шуйск., Влад., 1912 Придурать. Нижегород., 1850 2. Говорить чепуху, болтать. Шуйск., Влад., 1912» [СРНГ 31: 197].

7. Распановаться (данная лексема отсутствует в СРНГ; «Распановалась волчья сыть») – бесчинствовать, о выходке, соединенной «с задором, чванством» [Штырков 2012: 40].

8. Стенить («Людской обидой не стена...») – «1. Хорошо, прочно держаться (о человеке, одежде, посуде). Вельск. Волог., 1883–1889. 2. Стоять на ногах твердо, крепко (о человеке)» [СРНГ 41: 133].

9. Яриться («Не смог смолчать: / – Яришься зря») – быть в гневе, в ярости, горячиться; «см. ярый» [Даль 4: 621].

В) В отдельную подгруппу могут быть выделены 3 неузальных глагола со значением акта встречи, приветствия, обретения:

встренуть («Вот так мы встренули войну») – «встретить. Обоян. Курск., 1856. Курск., Ворон., Орл., Тул., Брян., Тамб., Пенз., Рост., Кубан., Куйбыш. <...> Пск. <...>» [СРНГ 5: 215];

поручаться («Мы поручались аж до хруста») – «поздороваться, пожимаемая друг другу руку Сольвыч., Волог., 1883-1889 Курск., Дон.» [СРНГ 30: 107];

обретать («За строки розог не обрящем...») – находить, приобретать, от устар. обрящать: «Обрящить, шу, щись, сов., перех. и неперех. 1. Перех. Найти, приобрести, сыскать. Самар., Астрах., Даль. Где он себе такую жену обрящил! Пенз. Влад. <...>» [СРНГ 22: 227].

Г) Диалектные и просторечные глаголы, связанные с сельским хозяйством, также входят в лексикон поэмы: сказнить («Я сад сказнил. И ты руби...») – метафорическое значение 'вырубить', ср.: «<...> 4. Освободиться от чего-л. старого, ненужного, выкинуть что-л. Сейчас нет треножек, сказнили их,

делают только примусы. Лит. ССР, 1960. Став сказнили старый, все равно негожий. Латв. ССР» [СРНГ 37: 366].

Д) Два диалектных (псковских в том числе) глагола условно обозначены нами как глаголы преодоления: сбороть («Не сборешь враз, не зверь – верзила!») – 'осилить', обл. [Бесперстных III]; «побороть, одолеть, осилить кого-л. Лихоманка сборола его. Сиб., 1858. Пск., Калуж., Смол. Слов. Акад. 1962 [просто-реч.]» [СРНГ 36: 183]; сдопеть («И чую, да сказать не сдолю...») – «1. Осилить, одолеть кого-, что-л.; пересилить, побороть кого-л. Лебед. Тамб., 1850. <...> Юрьев-Польск. Влад., Пск. <...> Справиться с кем-, чем-л. Лебед. Тамб., 1850. <...> 2. Быть в состоянии, иметь силы, смочь делать что-л. С неопр. формой глаг. Мужик не одолеет с-под крыла подняться. Лит. ССР, 1960. <...> Латв. ССР. <...> Невельск. Пск.» [СРНГ 37: 79].

Е) К глаголам физического воздействия могут быть отнесены следующие: пришпарить («Командует: – Пришпарь коня!») – «<...> 3. Подогнать, подхлестнуть. Ну-ко пришпарь-ко лошадь-ту. Нижнетури. Свердл, 1981» [СРНГ 32: 70]; наддать («Я – скоком – одолел откос: / Наддашь, спасаясь от порухи...») – 'прибавить скорость, применить усилие', ср.: «дать прибавку, придачу. Слов. Акад. 1847. Я наддам десятку. Соликам. Перм., 1973» [СРНГ 19: 227].

Ж) Кроме перечисленного, автор употребляет традиционную для просторечия форму известного религиозно-обрядового глагола: окститься («И ты, Михеюшка, окстись!») – «Крестьтись. Курск., 1930. Новг., Пск., Арх.» [СРНГ 23: 180];

Исследование текста поэмы И. Григорьева «Обитель» выявило лексико-семантические группы слов в ряду диалектных и просторечных наречий, имеющих синонимичные пары в литературном языке и самом диалекте. Анализируя особенности функционирования тождественных или частично тождественных по значению таких лексем в диалектах, В. Г. Маслов отмечал, что появление синонимов среди наречий говорит о стрем-

лении говорящего передать определенную степень признака, интенсивность его реализации [Маслов 1994: 109]. Обнаруживается такая зависимость: «если в паре диалектное слово имеет довольно точный эквивалент литературного языка, то частота употребления диалектного слова снижается и синонимическая пара разрушается. Если же в паре слову литературного языка противопоставляется диалектное слово со своей эмоционально-экспрессивной яркостью, конкретностью лексического значения, то такие пары довольно устойчивы» [Маслов 1994: 115]. Кроме того, на устойчивость синонимичной пары может влиять полисемантическая хотя бы одного из ее компонентов.

С учетом особенностей выявленных лексем и семантического критерия классификации лексических диалектизмов в тесте поэмы нами выявлены следующие лексико-семантические группы наречий.

А) Определительные наречия.

1. Наречия образа и способа действия (выражают способ, манеру, степень, интенсивность, образ действия, как правило, в сочетании с глаголом):

вдругорядь («Ему б жениться вдругорядь...») – «в другой раз, повторно, вторично. Холмог. Арх., 1907. Сиб. <...> Костром. Яросл., Волог. <...> Ленингр. Новг., Влад., Калуж., Ряз., Тамб. <...>. Слов. Акад. 1957 [с пометой «устар. и обл.»]» [СРНГ 4: 89];

взабыль («Да ты и забыль без стыда...») – «в самом деле», обл. [Бесперстых III]; «1. Истинно, действительно, в самом деле так. Твер., 1820. Раз., Пск., Петерб., Новг. <...>» [СРНГ 4: 232];

оголтело («Стучался в двери оголтело...») – от оголтель, ср.: «Оголтель, ая, ое. 1. Непослушный, упрямый. Рыльск., Судж. Курск., 1849., Курск. <...> 3. Вздорный, сумасбродный. Курск., 1893. Орл. 4. Надоедливый. Курск., 1849. <...>» [СРНГ 22: 326];

понарошке («Не понарошке – в самом деле...») – «1. Временно, непостоянно, кое-как. Мы ведь в мазанке-то понарошке живем, мы строиться будем. Р. Урал, 1976. <...>» [СРНГ 29: 247];

росяно («Синё, печально и росяно...») – «росисто, обильно покрыто росой. Смол., 1914» [СРНГ 35: 202];

синё («Синё, печально и росяно...») – «темно. А тут совсем сине, во какой ветер, такая подыметса погода. Галич. Костром., 1975» [СРНГ 37: 322];

заяряшно («Заяряшно не блукать в далях...») – «напрасно, зря. Боров. Новг., 1923-1928. Яросл., Иван. Урал.» [СРНГ 11: 97].

2. Наречия меры и степени (выражают количественную характеристику действия, свойства, состояния, указывают на интенсивность действия и состояния или степень качества и признака):

всклень («Досталось бабам и детишкам: / На фронте – всклень, в тылах – с излишком...») – обл. «насколько возможно, полно, очень» [Бесперстых III]; «очень полно, доверху, вровень с краями (наливать, наполнять и т.п.). Всклень. Налить всклень. Пенз., 1852. <...> Пенз. Тамб. <...> Саратов. Шигон. Куйбыш., Ряз., Пск.» [СРНГ 5: 201];

гораже («И, чтобы не стряслось гораже, Кому-то надо стыть на страже...») – обл. «хуже» [Бесперстых III];

дюже («Не дюже много там воды?») – «1. Очень, сильно, весьма. Пошех. Яросл., 1849. Яросл., Волог., Кирил. Новг., Новосил. Орл., Красноуф. Перм. Дюже. Тул., 1820. Тул., Филин <...>, 1933. Меленк., Судог. Влад., Калуж., Ряз., Иван., Пенз., Тамб., Астрах., Кубан., Ростов., Дон., Краснодар. Сев. Кавк., Терек., Саратов. <...> Пск., Твер., Новг. Петрогр., Ленингр., Арх., Олон., Вят., Казан. <...>» [СРНГ 8: 301].

Б) Обстоятельственные наречия.

1. Наречия обстоятельства места:

впрям («Идти бы впрям, да спесь-то – вбок...») – «прямо, вертикально. Сев.-Длин., 1928. <...> Пск., Твер., Смол.» [СРНГ 5: 181];

не даль («Уже не даль мне до заката») – ‘недалеко’, ср.: «сравнительно небольшое расстояние» [Даль 1: 368];

окрай («Два озера окрай деревни...») – «на самом краю, краю. Окрай живет. Пск., Осташк. Твер., 1855. <...> Ряз.» [СРНГ 23: 161];

тута («Выходит, тута соловьи!») – «1. В месте, куда показывает говорящий (обычно с указательным жестом). Даль. Олон., 1885–1898. <...> Волхов. Ленингр., 1954. <...> Пск. Прибалт., Смол., Моск., Ряз., Тул., Орл., Курск., Ворон., Нижегород., Костром., Пенз, Сталингр., Вят.» [СРНГ 45: 291].

2. Наречия обстоятельства времени:

вчерась («Вчерась чуть трахтур не утоп») – «вчера. Твер., 1880. Пск. <...> Тарт. Эст. ССР, Новг., 1911» [СРНГ 5: 241];

доколе («И я, доколе не умру») – «до каких пор. Тихв. Новг., 1852. Рыб. Яросл., Холмог. Арх» [СРНГ 8: 96];

загодя («Вот и тревожусь загодя...») – «загодя, заранее. Курск., Орл., 1947-1960. Загоди. Мещов. Калуж., 1892. Моск., Смол., Щигр. Курск., Ливен. Орл., Дон. Загоди. Малоарх. Орл., 1852» [СРНГ 11: 14].

3. Наречия обстоятельства цели: нашто («Нашто те в городе улей?») – «зачем, для чего. На что. А начто давала ей носить бо-тинок?» [СРНГ 20: 291].

В структуру способов репрезентации прагмасемантического потенциала диалектной системы языка включены и междометия, ведущая область функционирования которых – разговорная речь, так как выразить чувства (а смыслоопределяющим элементов в междометиях является интонация) в наибольшей степени позволяет исключительно устная форма коммуникации [Прудникова 2009: 80]. Поэтому междометные формы применяются чаще всего в говорах.

Диалектные междометия и междометные выражения, функционирующие в поэме, представляют следующие лексико-семантические группы:

– эмоционально-оценочные (выражают возражение): Охти («Беда-бедяна, охти, муки!») – сокрушенный возглас, что отличается от семантики, зафиксированной в «Словаре русских народных говоров»: «употребляется для возражения. Охти, как вы поварите» [СРНГ 25: 54];

– модальные (выражают требование, пожелание, вероятность):

геть («Аленка, Рита, с печки геть!») – «требование, пожелание уйти, отодвинуться и т. п. [с опущением глагола]. Тимск. Курск., 1898» [СРНГ 6: 167];

поди («Поди, с деньжатами хреново?», «Поди, и сам не позабыл...») – «<...> 3. В сочетаниях, Вот (и) поди, под и вот. Выражает удивление, изумление» [СРНГ 28: 54].

Наблюдения над текстом показывают, что общерусские формы междометий употребляются и носителями говоров, однако ряд форм отличаются нарочито разговорным характером.

Также отметим употребление постпозитивной частицы кось («Гляди-кошь, лыкодеры прут...») – «постпозитивная частица. Употребляется после глагольных форм повелительного наклонения, после глаголов изъявительного наклонения в значении повелительного, при словах и выражениях междометного характера в значении повелительного наклонения, после наречий со значением места действия, местоимений. => Кось. Гляди-кошь сюда. Новг., 1897. На-кошь. Яросл. Костром., Онеж. КАССР. <...> Великоуст. Волог., 1897. Углич. Яросл., Костром., Камышл. Свердл., Брон. Моск.» [СРНГ 15: 95].

В целом анализ территориально и коммуникативно ограниченных лексем, функционирующих в поэме И. Григорьева «Обитель», позволяет сделать вывод, характеризующий язык автора и его индивидуальную картину мира: народно-разговорная, в част-

ности – диалектная, стихия занимает особое место в языке поэмы И. Григорьева «Обитель». Это не просто языковые инкрустрации, служащие для передачи местного колорита и отдельных речевых характеристик персонажей, а целая система, обнаруживающая богатую внутреннюю структуру и репрезентирующая установку автора на традицию, что характеризует И. Григорьева как подлинно народного и любящего свою землю человека.

Исследование языка автора является и актуальным, и перспективным: в частности, к языковому материалу поэмы может быть применен метод лингвокультурологической реконструкции, который «предполагает диахроническое изучение в пределах того или иного этнокультурного сообщества процессов языкотворчества, результирующих посредством языковых единиц разного уровня формирование и взаимодействие концептуальных структур» [Кошарная 2003: 21]. Можно утверждать, что язык поэмы И. Григорьева не только характеризует живую речь его земляков, но и отражает историю русского языка, репрезентирует русскую фольклорно-языковую картину мира, что позволяет квалифицировать творчество И. Григорьева как значимый объект лингвистического описания.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бесперстных А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. 1: А–М. СПб., 2014. 322 с.
3. Бесперстных А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. 2: Н–Я. СПб., 2014. 337 с.
4. Бесперстных А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. 3: Наречия и наречные выражения. СПб., 2015. 377 с.
5. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
6. Воронцова Т. А. Элементарная стилистика: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. 130 с.
7. Голубева А. Е. Лирика его опалена порохом [Электронный ресурс] //

Псковская правда. 2015. 5. 25. URL: <http://pravdapskov.ru/rubric/6/12174>. Дата обращения: 20.11.2017.

8. Гриднева (Трофимова) О. А. Средства и способы реализации семантической оппозиции «много – мало» в региональном фольклоре // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Философия, История. Исторические науки, Культура. Культурология, Народное образование. Педагогика, Психология. Волгоград, 2014. С.118–121.

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: «Русский язык» – «Медиа», 2003.

10. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.

11. Кошарная С. А. К вопросу о концептуальном анализе // Уч. зап. Электронный науч. журнал Курского гос. ун-та. 2012. № 3 (23), т. 2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualnom-analize>. Дата обращения: 24.10.2017.

12. Кошарная С. А. Миф и язык. Белгород: Из-во БГУ, 2002. 287 с.

13. Кошарная С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2003. 45 с.

14. Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Перемена, 1998. 64 с.

15. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

16. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

17. Маслов В. Г. О парных синонимах в говоре (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области) // ЛАРНГ (Материалы и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. С. 107–115.

18. Осовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 200 с.

19. Поэт и воин: воспоминания об Игоре Григорьеве. СПб.: Политехника-сервис, 2013. 463 с.

20. Прудникова А. В. Междометные единицы в говорах архангельской области: к проблеме изучения // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 80–84.

21. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 2004. 152 с.

22. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47. М.; Л.: Наука, 1965–2014.

23. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 333 с.

24. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 190 с.

25. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях: (к постановке проблемы). М.: Наука, 1977. 167 с.

26. *Штырков С. А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

К. А. Кокшeneва,
кандидат искусствоведения,
доктор филологических наук
(Москва)

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА И РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

В постсоветское время произошли заметные изменения в культурном пространстве: глобализация с ее ценностями мультикультурализма, эгоизма, управляемой толерантности коснулась буквально всех. И глобализму неизбежно была противопоставлена самость, этничность культур, иногда в предельно-агрессивных формах. Но параллельно оформлялся и более глубокий процесс – когда этничности культур придавались более объемные цивилизационные черты. На постсоветском пространстве возникают такие представления, как «русская цивилизация», «украинская цивилизация», «казахская цивилизация» и другие. Этнизация культур 90-х годов XX века стала как источником силы, так и источником слабости – конфликтов, которые до сих пор не исчерпаны и готовы вновь и вновь разгораться.

Национальное стало претендовать на центральное место как во многих постсоветских культурах, так и внутри России, в национальных культурах народов, живущих в ней. И если для народов России вектор этнокультурного развития все эти годы (после 1991-го) был определяющим и совпадал с мировым трендом (поддерживать малое), то с русским народом вопрос вообще ставился иначе, потому как в глазах «цивилизованного сообщества» русские были «отсталыми», и эта «отсталость» объяснялась не советскими ограничениями, а будто бы сущностью

самой России и русских как нации-народа. Такие «отсталые» и такие большие: огромные территории, огромные природные ресурсы, огромный коллективистский потенциал, усиленный православной церковностью, традиции государственности, великая культура! Как тут не озаботиться умалением большого и стратегическим его разрушением?

Все реформы в нашей стране были проведены на той ценностной платформе, которая была русским чужда. И этот исторический парадокс непонятным для «западного ума» образом русские почему-то выдержали. «Умом Россию не понять». Умом западным, чужим.

Нормы жизни и чужие стандарты потребления, обрушившиеся на русского человека в конце XX века, существенно сдвинули собственный наш культурный центр тяжести. В сознание русского человека были внедрены «невозможные потребности», «невероятные желания», для реализации которых не было никакой реальной экономической базы. Сам факт стремительного разрушения хозяйственных механизмов советской эпохи свидетельствовал о том, что все же первичны именно смыслы культуры, а не экономики. Однако родные смыслы, которые только-только в 80-е годы прошлого века начинали восстанавливаться в полном объеме (без исключения имен и эпох), были вновь нагло вытеснены в маргинальную область: русский человек не успевал «остывать» от удивления и шока – борьба против русской культуры была агрессивной, наглой и хорошо финансируемой. Русских вновь стали ссорить с собственной историей, с собственной национальной сущностью и культурой, а реформы проводить на базе конфликта. Только преднамеренно не желая реформам успеха, можно было так действовать. Такие реформы не должны были быть успешными – именно поэтому произошли чудовищные социальные расслоения, взлом базовых ценностей, а также фундаментальных «институтов идентичности»: идентичности цивилизационной (Россия –

«отсталая», русские – нецивилизованные, «носители рабской психологии»); исторической (русские – тоталитаристы, «несправедливо владеющие самой большой территорией», превращенной ими в «империю зла»); культурной (отказ от культурной нормы и табу ради ложно понимаемой свободы и активное заполнение западными культурными формами ежедневного пространства – от кино до всевозможных ток-шоу). Эти информационно-маркированные «определения» оказали самое негативное воздействие на современного русского человека, и никакая иная область не отразила это больше культуры.

Именно на этом культурном поле вырос отвратительный тип – «всего чужого гордый раб», который продолжает свирепствовать в современной культуре. Либеральный говорун до сих пор черпает вдохновение в русофобии. Какая тут русская культура? Фи! Она «отсталая» – не знает деконструкции и «пустых знаков». Она не пережила «смерть автора», чужда шизоанализу, категорически не проявляет интереса к «телу без органов». Существование русской литературы советского времени было лишено даже «нарратива». Вот и заполнили все культурное пространство современности симуляции и симулякры, прикрывая своим «прогрессивным блеском» нищету и бедность мысли, так оторвавшейся от своей почвы, что всё стало претендовать на оригинальность «метафизики отсутствия». Чужебесие было фантастичным. Никакой общей матрицы в такой ситуации было невозможно создать – оставался только «плюрализм» как принцип культуры и изрытое, израненное «актуальщиками» культурное поле, превращенное во фрагментированные куски, каждый из которых был захвачен группкой адептов. Культура стала местом опасности. Именно она ежедневно, ежечасно формировала клон – теленацию, охваченную жадным потреблением всего подряд: от жвачки до шопингов в иные земли. Безусловно, человек имеет право на простые радости и удовольствия, он хочет быть «гламурным» в молодости и счастливым

всегда, но сейчас речь идет о том, что у целей тоже есть свое достоинство – есть иерархия целей.

Еще в начале XVIII столетия замечательно талантливый Петр Плавильщиков в своей работе «Нечто о врожденных свойствах душ российских» писал о том, что «русский человек отличается неудобопостижимой способностью все понимать». Эта наша национальная способность, с одной стороны, позволяла русским очень быстро усваивать «чужое», адаптировать его для своих нужд, но, с другой стороны, часто имела весьма уродливые формы галломании, англумании, европейничанья.

Для всякой живой культуры чрезвычайно важна эта пропорция «своего» и «чужого»: по тому, какие песни нация-народ поет, можно судить о его духовном здоровье. Культура русского пения ушла из нашей повседневности. Музыкальная среда сегодня чужеродна, англоязычна и агрессивна именно в публичном пространстве. Нет практически ни кафе, ни ресторанов, где звучала бы русская классическая или народная музыка, не слышим и авторскую современную качественную песню. Попса вытеснила всё и вся. Формирование звуковой среды нашей повседневной жизни – одна из стратегических задач выживания нации.

Конечно, мы все помним известный (но реальный) анекдот, когда К. Аксаков был «так одет по-русски, что все принимали его за персиянина». Самобытность, но в меру – вот что важно помнить при создании русских культурных центров, одной из задач которых должна быть демонстрация возможностей современной и традиционной русской культуры в формировании человека-сберегающей культурной среды. При задаче сохранения аутентичной традиции, несомненно, существует и задача современной жизни традиции. У нас есть писатели и поэты, художники и музыканты, исполнители народной музыки и тонкой, сложной музыки, соединяющей высокую музыкальную культуру с традиционной. Они есть, но нация их не знает!

Именно потому, что русские как большинство стали полигоном для вбрасывания и испытания чужих ритмов, смыслов и принципов, психологи все чаще говорят о том, что современный русский человек «психически здоров, но личностно болен» (В. Слободчиков). Русские культурные центры вполне могут стать для русского человека домом в самом глубоком, родном, метафизическом смысле этого слова. Вместо бургеров – пироги и расстегаи, приготовленные по правильной технологии; вместо дешевых одежд китайского производства – одежда из русского льна, о пользе которой для тела столетиями знали наши предки; вместо англоязычных певичек – новейшая этномузыка и исполнение русского фольклора Сергием Старостиным; вместо китайских сувениров – прекрасные глиняные и деревянные игрушки мастеров, в быту – изделия (посуда) наших народных промыслов и фарфоровых заводов. Русский стиль должен стать наконец-то модным и у нас! Современным и модным.

Конечно, есть национальное внешнее, которое должно присутствовать именно как среда, в которой живет человек, но есть и внутреннее, что непосредственно связано с человеческой личностью. И крепко только то, что входит в состав человеческого «я».

В какой историко-культурной ситуации находится современный русский человек? В ситуации культурного и исторического разлома и разрыва, которые только-только медленно начинают преодолеваться. Нет, не только в столицах, но и в провинции сказать сегодня прямо и громко, что «я – русский человек» считается в лучшем случае «бестактным», а чаще всего чуть ли не преступным. «В такой ситуации, – говорит философ Н. П. Ильин, – на первый план выходит именно мужество исповедовать себя русским среди тех, кому такое исповедание чуждо или прямо враждебно. Поэтому сегодня может считаться русским только тот, кто не боится называть себя русским, не по-

теет и не ежится при слове “русский”. Это условие, конечно, не является достаточным, но оно совершенно необходимо». Оно необходимо именно потому, что загонять в тупик национальное чувство русских совершенно непродуктивно. Не только для русских, но и для всех народов России.

Да, сегодня мы точно знаем, что национальное чувство, брошенное на улицу, подбирается немедленно политиками и используется в политических целях. Искренние и здравые всегда будут обмануты. А использующие национальное чувство как политический таран, абсолютно уверенные в том, что именно они «делают историю», – адепты такого самочувствия идут создавать этнически чистое государство. И поскольку такая задача сама по себе фантастична, то без насилия над реальностью и конкретными людьми ее не реализовать.

Национальное чувство может быть здоровым, но может и стать болезненным. Может быть силой созидательной, а может и разрушительной.

К сожалению, мы видим, что современная школа наша не является народной и национальной; что культура наша в общераспространенных образцах и информационное пространство по-прежнему продолжают держаться за мультикультурную идею, требующую от государства нейтральности по отношению к культуре и невмешательства в её (культуры) «внутренние дела». Если с историей все-таки процесс берется под контроль и приходит понимание, что сто концепций истории и сто взглядов на один и тот же исторический период играют не объединяющую роль, а только сеют смуту и разрушают народное единство, то в области культуры и информации мы катастрофически далеки от такого понимания. Какую бы мерзость ни показывали на столичных и провинциальных сценах, министры и чиновники от культуры, действующие в рамках мультикультурности и либеральной культурной фрагментарности, понимаемой ими как «культурное равенство», ведут линию «невмешательства»,

панически боясь ограничить «свободу творчества», даже если это «творчество» оскорбительно для целого народа. Русского, например, в спектакле «Карамазовы», о котором критик пишет как о шедевре, достойном европейского фестиваля, так сказать, о евроспектакле: «Русский дух – это и есть дух тления, гниения, разложения. И он пропитал собой не только социальное тело страны. Он вообще все собой пропитал. В мире все смердит...».

Наша важнейшая задача – отказаться от упрощенной и примитивной трактовки национального как только борьбы за свой народ против власти иного народа или как «борьбы с режимом колониальной демократии». Как когда-то русский философ и критик Н. Н. Страхов (см. работу Н. Ильина «“Роковой вопрос” как вопрос о конфликте цивилизаций. Против мессианизма», на которую мы опираемся), проводя различие между национализмом и космополитизмом, обратился к понятию «цивилизация», так и позже русская мысль не раз вернется к нему, чтобы увидеть цивилизационный конфликт там, где казалось бы, действуют иные интересы.

Вся история нашей страны новейшего времени показала, что как мечты политиков, так и деятелей культуры войти в «заповедную семью» европейского содружества – это серьезнейший самообман (о чем говорили еще Н. Н. Страхов и Н. Я. Данилевский). Сегодня мы начинаем наконец-то видеть цивилизационные различия, и это нас вполне отрезвляет. Так на что же опереться нам? Страхов ответил так: «Наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему государству». Он полагает государство «великим благом», которым мы реально обладаем. Так давайте все же будем опираться и мы сегодня на Страхова, а не на журналистов «Сноба» в понимании того, что есть для русских государство.

Почему же государство есть «великое благо»? В понимании Страхова оно таковым является потому, что благодаря «огром-

ному и крепкому государству» мы получаем «возможность своей, независимой жизни». Ильин же подчеркивает: сильное государство не является самоцелью, но оно является важным условием для «самостоятельной жизни нации». Для Страхова (и мы разделяем эту точку зрения) русское государство – это «ясное проявление народного духа». А вот как реализовать эту «возможность» жизни по-своему? И достаточно ли только этого «проявления» духа через сильное государство? Трезвый философ Н. Н. Страхов полагает, что государство есть простая и «элементарная форма» проявления духа. Эту форму необходимо заполнять подлинным культурным содержанием (поскольку «суверенное государство еще не гарантирует духовный суверенитет, духовную независимость...»). Когда мы говорили выше о русофобских тенденциях в культуре, о массовой культуре, зависимой от голливудской картинки мира, о популярных книгах типа Дэна Брауна, о доминировании чудовищной пошлости на нашем телевидении с его форматом «для масс» (чужая смерть, чужая любовь и чужие деньги как основа всей «культурной политики»), – когда мы говорим обо всем этом, то мы и ставим вопрос о нашем духовном суверенитете, которого мы еще все-таки не имеем.

Конечно, государственная поддержка культуры – это необходимое условие, но далеко не все, что нужно для самостоятельного цивилизационного и самобытного развития русской культуры. Государство может создать внешние условия для культурного развития, но культура связана с внутренним миром русского человека: будь то ее создатель (художник) или её носитель (народ). Выше я говорила, что в новый период нашей жизни было сделано многое, чтобы в русских поселился комплекс неполноценности – неуверенности в себе как культурной и цивилизованной нации, будто цивилизованность определялась только немислимым количеством красивых упаковок, хо-роших дорог и счетом в банке.

Н. Н. Страхов видел нашу собственную русскую проблему в «несоразмерности нашей государственной силы с нашим нравственным значением». Именно в культуре и раскрываются конкретные формы нравственности, живые наши идеалы. И в этом смысле значение русской классической культуры огромно. Она представила нам вековые русские идеалы, она дала нам многообразие русских лиц и типов. Падение интереса к ней, вытеснение на обочину есть тоже свидетельство потери духовного суверенитета. Однако до сих пор разговор о нравственном полагается исключительно устаревшим и «тоталитарным», поскольку «нравственность», цементирующая нацию, для современного фрагментированного сознания есть удел большинства, но не индивида, предпочитающего «индивидуальную нравственность», будто такая вообще возможна.

Естественно, что в «цепочке» государство – народ – личность все начинается с личности. Именно в ней живут русская культура и понимание (или непонимание) себя русским человеком. Чем сильнее развита личность, чем одареннее она, тем более надёжны наши ожидания: «такой человек проявит себя яркими и важными делами, связанными с судьбой русской нации, русского государства, русской церкви» (Н. П. Ильин). От личности – к народу. От народа – к государству. А независимое государство, в свою очередь, и создает возможность для свободного развития русской культуры, в то время как саморазвитие культуры держится на личностях, укорененных в отечественной традиции. Культура, как и самобытность народа, не есть нечто статичное. Это не набор приемов, идей, «генов» и кодов, но постоянно развивающаяся живая реальность. Но чтобы ее развивать – нужно к ней принадлежать, обладать русским культурным самосознанием.

С. Б. Кураш,
кандидат филологических наук
(г. Мозырь, Белоруссия)

ЭТНО-СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ РАКУРСЫ
РУССКОГО ЛИРИЧЕСКОГО «Я»
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ
(заметки лингвиста о поэзии Игоря Григорьева)

Антропоцентризм, имманентно присущий поэтическому дискурсу, обнаруживает себя через ряд проявлений, среди которых одно из ведущих мест занимает лирическая авторефлексия. Поэтический дискурс в большей степени, чем какой-либо иной, Я-центричен. Именно лирическое «Я» – один из типичных центров в концептуальном пространстве поэтического дискурса, один из основных фокусов пересечения его этно-социо-культурных координат.

Как известно, лирическое «Я» – это некий повествователь, существующий исключительно в лирике, соотносимый, с одной стороны, с автором лирического текста, а с другой – способный сколь угодно далеко отходить от реального автора в рамках данного художественного целого. В последнем случае в литературоведении традиционно оперируют понятием «лирический герой» (по выражению Л. Я. Гинзбург, «это всегда отражение, отделившееся от отражаемого»¹).

Лирическое «Я» Игоря Николаевича Григорьева в большинстве случаев сливается с реальной личностью поэта, в чём он во многом следует традиции русского национального поэтического стиля, в частности классикам «золотого века» русской

¹ Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 197.

поэзии – Пушкину, Некрасову, Тютчеву, Фету, представителям лирики без лирического героя, где образ автора по сути неотделим от реальной личности самого поэта. Поэтически метко и образно об этом когда-то писал другой поэт-фронтовик – Евгений Винокуров:

Есть слово «я». Оно во тьме недаром
К небытию испытывает злость...
Оно во мне. Оно одним ударом
В меня по шляпку вбито, словно гвоздь.

В публикациях литературоведов и литературных критиков, самих поэтов и писателей – собратьев по литературному цеху, реже (к сожалению!) – лингвистов, характеризующих различные грани поэтического дара, гражданской позиции русского поэта Игоря Григорьева, знакомящих читателя с фактами его биографии, высказан ряд важных тезисов, отправных для постижения концепции его лирического «Я». Приведём, на наш взгляд, наиболее показательные из них:

«Да, Григорьев – один из наиболее самобытных и вместе с тем кровно преемственных русских поэтов. <... > И всей своей судьбой и двадцатью книгами отвоевал право быть еще одним голосом России»²;

«Синтетический сплав поэтического “золота” с не менее поэтическим “серебром” – вот творческое направление («механизм стихов»!) Игоря Григорьева»³;

«Поэзия Григорьева – это попытка реконструкции души, израненной на полях сражений земных и духовных»⁴;

² Ионин Г. Н. Еще один голос России // Сайт памяти поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева. – URL: http://igor-grigoriev.ru/g_n_ionin_esche_odin_golos_rossii.html. Дата обращения: 15.10.2015.

³ Андреев А. Н. «Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве Игоря Григорьева // Стихи.ру. – URL: <https://www.stihi.ru/2015/01/13/11353>. Дата обращения: 15.10.2015.

⁴ Войтюк Д. К. Огонёк Григорьевской души // Сайт памяти поэта

«Семьдесят пять лет тому назад Сергей Есенин горевал: “Я последний поэт деревни...” Однако время доказало: Сергей Есенин – не последний, но донныне первый поэт, и не только деревни – Руси. Первый! Но не единственный. Есть и другие. И среди них – “поэт последней деревни” Игорь Григорьев»⁵.

Наша дальнейшая задача – охарактеризовать языковые средства концептуализации лирического «Я» поэта в обозначенных выше ракурсах.

Известно, что для выражения индивидуальных личностных смыслов в русском поэтическом дискурсе выработан ряд языковых ресурсов разноуровневого характера – лексических, морфологических, синтаксических, композиционно-текстовых и др. Так или иначе, все они, как правило, репрезентируются языковыми конструкциями, в фокусе которых находится личное местоимение Я и члены его грамматической парадигмы (меня, мне, мой и т. п.), которым прямо или косвенно (образно, метафорически и т. д.) предидируются те или иные качества, признаки, свойства и проч.

Именно конструкции с «Я» как структурно-семантическим центром контекста демонстрируют основной способ репрезентации этно-социо-культурных координат, в которых обозначает себя поэт. Приводимые ниже примеры таких авторепрезентаций И. Григорьева созвучны приведённым выше цитатам специалистов, в которых лирическое «Я» поэта идентифицируется:

• в этнокультурном аспекте – как этнически и духовно русское, хранящее в себе национальную поэтическую традицию, но вместе с тем совершенно особенное и самоценное на её фоне:

Я в русской глухомани рос,
Шагнёшь – и прямо на задворках

и война Игоря Николаевича Григорьева. – URL: http://igor-grigoriev.ru/g_n_ionin_esche_odin_golos_rossii.html. Дата обращения: 15.10.2015.

⁵ Шошин В. А. Поэт последней деревни // Там же. Тогда же..

Тоска, да мох, да плач берёз,
Да где-то град уездный Порхов
(«Я в русской глухомани рос...»);

• в социально-гражданском ракурсе – голос поэта-фронтовика:

Ставшей сказкой, вещей былью –
Доли мерою.
Я, рождённый русской болью,
В раны верую.
(«У причала»);

• в лингвокультурном – воплощение души «последнего поэта русской деревни», неразрывно связанное с образами малой родины, природы, пейзажа:

Берёзоньки! Я – вешний понятой,
И к вам приду в апреле с вешней одой.
(«Ода»);

Я и сам пронизан стужею,
Подступает к горлу ком,
Руки тянутся к оружию.
Дай гармошку! Запоём!
(«В новогоднюю ночь»);

Что правда, то правда: сгораю —
Вся глушь как пылающий скит.
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.
(«Пылающий скит»);

Ну а я, зимогоров потомок,
Заслоняться от лады не волен:
С первых зорь до последних потёмок
Гореваньями выюжными болен.
(«Вьюга»);

Потому что я сам осенний, что ли,
Мне осень всего милей?

Догорает смирнехонько моё поле.
Пригасает под горький зов журавлей.
(«Проводы»).

Вместе с тем в пространстве всего макротекста лирики И. Григорьева «Я» поэта не статично – мы можем увидеть как его фиксацию в некой одной точке хронотопа:

Я иду. Один. Рядом с вечером.
Вечер – сам по себе, я – не сам.
На приглашенном, на рассвеченом
На лугу – широко глазам.
(«Вечернее»),

так и в динамике от «Я» к другому «Я»:

Хоть гогочите, черти,
Хоть плакайте, друзья, —
Не мне в наряд, поверьте:
Сегодня я – не я.
(«Партизан»)

В этом плане представляют особый интерес те авторепрезентации поэта, в которых структурируемая концептуальная оппозиция «Я» – «другой» выводит в пространство русского литературно-культурного интертекста:

Бесслёзно во мгле потрясений
Покинуть возлюбленный край,
Как доблестный Сергей Есенин,
Как светоч Рубцов Николай.
(поэма «Русский урок»);

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И ворога любить, и милость к падшим звать.
Но... меч в моей руке! Помилуй, правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?
(«Удел»).

В контексте русского национального поэтического стиля подобные примеры весьма характерны, – достаточно, например, вспомнить:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник.
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой
(М. Лермонтов);

или:

Поэты русские,
друг друга мы браним.
Парнас российский дрязгами заселен,
но все мы чем-то связаны родным –
любой из нас хоть чуточку Есенин
(Е. Евтушенко) и т. п.

Подобного рода концепты в лирике И. Григорьева иногда становятся текстоорганизующими, примером чему может, в частности, служить стихотворение «Блудный сын», представляющее собой развёрнутую интертекстовую и интеркультурную многослойную метафорическую репрезентацию лирического «Я» поэта, включённую в мировой общекультурный контекст:

Была бесприютна погода —
Покров мокроснежил и дрог.
Так случилось уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь,
Каких только чуд не чудил.
В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался —
Скобарь, шантрапе ль побратим?

Измучился, Родине сдался.
И, пленный навек, победил.
Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рождён.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождём.

Нужно заметить, что метафора (в данном случае – автометафора) – одна из стилевых доминант И. Григорьева (да и в целом языка русской поэзии XIX–XXI вв.) при воплощении образа лирического «Я». При этом поэтом используются две её разновидности:

утвердительная, например:

Феномен века – побируха,
Такая ж странница, как я,
Пророчит, праведно и глухо,
На перепутье бытия.
(«На дороге»);

Сухое поле алчно воду пьёт,
А ливень то отхлынет, то припустит.
И – хоть гроза – душа моя поёт:
Мне, грешному бродяге, не до грусти.
(«Сухое поле алчно воду пьёт...»);

и отрицательная:

Мой печальный простак,
Не транжир я, зря пеняешь, –
Лунный медный пятак
На рубли не разменяешь.
(«Дом ты мой, дом пустой...»).

Ещё одним важным ракурсом лирической коммуникации, помимо собственно репрезентации образа лирического «Я», является фактор адресации. В этом плане для лирики Игоря Григорьева наиболее характерно помещение «Я» в интимное,

личное пространство (любимый человек, семья, друзья), что является характерной дискурсивной приметой интимной, бытовой лирики, лирики дружбы. При этом чаще всего репрезентируются отношения «Я – ты», что является одним из сквозных образов в контексте русского национального поэтического стиля, в том числе структурированных метафорически, как, например, такие:

Я – страница твоему перу.
Все приму.
Я белая страница
(М. Цветаева);

Я – сосна в твоём бору
(Л. Татьяничева);

Если ты –
провода,
я –
троллейбус
(Р. Рождественский) и т. п.

У Игоря Григорьева находим следующие подобные образы:

Не сумел до сих пор
Разувериться в жар-птице.
Я как твой бедный двор:
Недосуг загородиться.
(«Дом ты мой, дом пустой...»);

Ты – вещий звук в моей судьбе
С неммым укором.
Я не могу прийти к тебе
Прощённым вором.
(«Оправданье»);

Теперь ты песен прежних не поёшь,
По-новому смеёшься и горюешь —

Ты городу свою красу даруешь.
А я всё тут, всё на себя похож.

Считай, как можешь. Каждому своё:
Ты любишь жить надёжно, я – надеждой.
Спокойной прозой душеньку утешь ты –
Не мне судить твоё житьё-бытьё.
(«Письмо любимой»);

Ты не юн, я не стар,
Но одной с тобой закваски:
Слава Богу, не устал
Верить в бабушкины сказки.

Был на «ты» с дремучим лесом,
С крутовьюжьем и грозой.
Вдруг, спознавшись с модным стрессом,
Стал, ей-богу, сам не свой.
(«С посохом»)

Подытоживая сказанное, ни в коей мере не претендующее на всестороннее раскрытие сути концепции лирического «Я» Игоря Николаевича Григорьева (а лишь контурно обозначив несколько отдельных ракурсов этого необычайно масштабного литературно-культурного феномена), можно, во-первых, утверждать о стремлении поэта к его прямым репрезентациям, отражающим этно-социо-культурную самоидентификацию его личности с использованием для достижения этой цели широкого спектра языковых ресурсов; во-вторых, констатировать функционирование данного образа в качестве одной из «сильных позиций» макротекстового пространства лирики поэта, входящего, с одной стороны, в концептуальное ядро антропоцентрического (в том числе Я-центрического) по своей природе лирического дискурса, а с другой – являющегося стимулом генерации контекстов разной протяженности, вплоть до интертекстового и интеркультурного пространства. Последним

в значительной степени определяется роль поэзии Игоря Григорьева в духовной этнокультурной консолидации носителей русской культуры, русского слова.

М. В. Назаров,
писатель (Москва)

РУССКИЕ И ЕВРОПА В НЫНЕШНЕЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Хотя конференция посвящена литературе, в программе была предложена такая геополитическая тема. Она, конечно, присутствует и в литературе в той мере, в которой авторы отражают суть данной проблемы.

А проблема очень старая и состоит в том, что еще с петровских времен либеральная часть русского общества (Чаадаев и др.) считает Европу центром мира и развитым образцом для «отсталой» России, а другая часть – нашим врагом, чему свидетельство – многие войны. В XIX веке это и наполеоновское нашествие двенадцати языков, и Крымская война, и антирусская позиция Европы в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. за освобождение балканских славян. И если славянофилы поначалу считали Европу «страной святых чудес» (А. С. Хомяков), надеясь спасти ее от духовной гибели братским русским влиянием (И. В. Киреевский), то их продолжатели – Н. Я. Данилевский в своей знаменитой книге «Россия и Европа», Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя», К. Н. Леонтьев в книге «Восток, Россия и славянство» – уже обособляли славянский мир от постоянно враждебной Европы.

Сегодня понятие европейской цивилизации распространяется также на колонизированные ею земли, прежде всего на Америку, которая ответно подмяла под себя Европу, превратив ее в свою геополитическую колонию. З. Бжезинский откро-

венно заявляет: «Западная Европа, а также все больше и больше и Центральная Европа остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов... Европа является важнейшим геополитическим плацдармом» США в Евразии; «любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением границ прямого американского влияния... Расширенные Европа и НАТО будут способствовать реализации краткосрочных и долгосрочных целей политики США... но без образования такой интегрированной в геополитическом плане Европы, которая могла бы вскоре бросить вызов Соединенным Штатам в геополитических вопросах, имеющих крайне важное для Америки значение, в частности на Ближнем Востоке»¹.

То есть Европа (в широком понимании – Запад) – понятие для нас теперь не географическое и даже не культурное, а именно геополитическое, причем явно враждебное, к сожалению, поскольку Бжезинский в упомянутой книге объявляет целью США господство над суперконтинентом Евразия – это «главный геополитический приз для Америки». И поскольку в Евразии территориально преобладает Россия, необходимо ее расчленить, тем более что она «политически нейтрализована и исторически презираема». Бжезинский называет Россию «черной дырой» и цинично заявляет, что «потеря территорий не является для России главной проблемой».

Тем не менее и сегодня в российском обществе и даже во властных структурах можно услышать «партнерские» надежды на то, что у нас общая христианская цивилизация. Так ли это, и в чем же причина этой двойственности в истории отношений России и Европы? Может быть, я напомним что-то давно известное, о чем сегодня многие не задумываются.

1. Для этого необходимо рассмотреть с духовной точки зрения, что такое Европа (Запад) и что такое Россия в челове-

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 76, 236.

ской истории. В Священном Писании нам открыто, что история начинается как бунт свободной твари против Творца: предводитель ангелов из гордости стал противником Бога, пытаясь соперничать с ним за власть над миром. Ему удалось обманом и с помощью все той же гордыни («будете, как боги») увлечь на этот путь первых людей. Их своеволие внесло в мир болезнь греха, исказившего первоначальное мироустройство, и Богу понадобилось сначала этот грех пресечь потопом, потом второй раз – разрушением строительства Вавилонской башни «высокою до небес» (Быт 11; это также символ человеческой гордыни) и установлением языковых перегородок в человечестве, чтобы осложнить распространение зла в мире, и, наконец, Бог создал с нуля Свой народ Божий для его воспитания в верности Богу и воплощения Спасителя человечества.

В Ветхом Завете подробно описана борьба сатаны за похищение этого народа у Бога, падения этого народа и его восстановления через увещания пророков. Но пророков народ чаще убивал. Для совращения народа Божия сатана опять-таки использовал гордыню, побудив народ толковать свое избранничество не как духовный подвиг несения истины всем народам, а как избранничество для господства над ними (и сейчас в официальных источниках можно прочесть, что «создание мира произошло для евреев»²). В конце концов большая часть этого народа и его вожди выбирают себе новым отцом вместо Бога его соперника, который также хочет земной власти над человечеством – диавола (Ин 8:44), и убивают пришедшего Мессию, ожидая своего, «инога», мессию-антихриста: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин 5:43). Благословение Божие отнимается у еврейского народа и передается новому народу Божию – христианской Церкви, в которую входит и малая часть еврейского народа, верная Богу, и могут войти представители

² URL: <http://rusidea.org/?a=36007>.

всех народов, как и было возвещено Богом еще Аврааму. Всё это – неотъемлемая часть церковного учения, раскрывающая смысл истории.

С этого времени в противоборстве Бога и его противника, сатаны, за власть над миром очевидны эти две разные деятельные силы в человечестве, вырастающие в две противоборствующие армии: армию Бога и армию сатаны, которые завоевывают пространства земли для учреждения своих противоположных типов государственности. В этом драматичность истории, потому что Господь Бог не нарушает свободу людей, ибо только добровольное и сознательное служение Богу имеет ценность, сатана же действует обманом – «отцом лжи» назвал его Христос.

2. Господу Богу было угодно, чтобы Мессия воплотился в Римской империи (Палестина была ее провинцией), власть которой распространялась на многие народы, и потому распространение христианства шло в этой империи вокруг Средиземноморья и в европейских народах с центром в Риме. Еврейское государство в Палестине было разрушено как непригодное для христианизации мира, и ее основой стала античная колыбель Европы. Причем даже дохристианская римская власть была положительным явлением, ибо ограничивала зло, поэтому апостолы призывали подчиняться ей, предвидя ее христианизацию.

После падения Рима в V веке под натиском варваров культурным и духовным центром Европы становится греческий Константинополь, столица уже христианской Восточной Римской империи – Второй Рим, основанный Императором Константином Великим. В нем на Вселенских Соборах окончательно формируется и церковное учение. Однако первый Рим постепенно оправился, счел себя восстановившимся (провозгласив в 800 г. своим императором Карла Великого) и в своей гордыне стал претендовать на первенство, в том числе в Церкви, что привело к ее расколу на западное и восточное христианство.

Восточное бережно и хранило и развивало догматы Вселенских Соборов и Предание отцов Церкви, и ее вектор, в симфонии с государственной властью, был устремлен к спасению народа от земного греха и его приведению через море житейское в Царство Небесное. Западная же Церковь стремилась сама стать государственной властью для создания Царства Божия на земле всеми прагматическими земными средствами, основанными на римском рациональном наследии: властно-политическими и военно-завоевательными, в том числе карательной инквизицией. Это, конечно, был очередной успех сатаны: отход Западной Европы от подлинного христианства и от наследия Вселенских Соборов, хотя в Средневековье там наблюдался и расцвет христианской культуры в ее западном прикладном варианте.

Горделивые претензии Западной Церкви на первенство не только хронологическое (по старшинству римской столицы), но и вероучительное, привели к самовольному приземляющему искажению церковного учения и в результате, в XI веке, – к отколу от Православия. Это совпало с эпохой так называемого «Возрождения» – возрождения земных языческих ценностей. Тем самым оформилось разделение ранее единой европейской цивилизации на две части, из которых восточная продолжала сохранять правильную традицию (отсюда самоназвание «православная»), а западная ступила на путь нарастающего приспособления христианства под нужды земного господства (называя себя «католической», т. е. вселенской в количественном смысле). Таким образом христианская цивилизация раздвоилась на христианскую апостасийную, постепенно отступающую от Бога для служения греховному миру сему, и христианскую удерживающую мир от зла – в смысле слов апостола Павла об «удерживающем» (2 Фес 2).

Дальнейшая апостасия западной Церкви привела к расколу в ней, называемому Реформацией: возникло упрощенное христианство под сильным материалистическим влиянием иудаизма.

(Об этом имеются исследования еврейских ученых, гордящихся таким влиянием³.) В частности, снятие прежних нравственных ограничений на хозяйственную деятельность привело к связыванию богоизбранности с богатством, к возникновению масонства как унии модернизированного христианства с иудаизмом и к распространению именно такого иудохристианства на колонизируемые континенты. Масонством были созданы США как оплот государственности нового типа. В этом русле шло и развитие капитализма – плода протестантской Реформации, масонства и еврейского влияния (как последнее отражено у В. Зомбарта в знаменитой книге «Евреи и хозяйственная жизнь»: «США – это кристаллизовавшийся еврейский дух»). Последовавшие буржуазные революции в Европе свергли в ней христианские монархии (или реформировали их в новом духе, лишив реальной власти), дали равноправие антихристианскому иудаизму и установили таким образом власть денег, которая могла себе поставить уже цель глобального господства.

3. Главным препятствием этому оставалась православная Россия. Русь получила в X веке христианство из Константинополя и в течение полутысячелетия была церковной провинцией Второго Рима. Но он постепенно слабел. И после его сокрушения турками в XV веке освободившаяся от ордынского ига окрепшая Русь стала преемницей удерживающей миссии вселенской империи – Третим Римом.

С этого времени диавол, реформировав и расколов европейское христианство, направляет свои усилия на подчинение Руси. Военные нашествия латинян в XIII веке потерпели поражение, а иго восточной орды в конечном счете оказалось духовно менее опасным и сплотило Русь не только для освобождения, но и как единое самодержавное государство в симфонии с церковной властью. Реформация (в виде так называемой «ереси жидов-

³ Например: *Newman, Louis Israel. Jewish Influence on Christian Reform Movements. New York, 1925.*

ствующим») на Руси была отвергнута. Тогда диавол прибегает к использованию все тех же своих эффективных средств: материальных соблазнов и культивирования гордыни.

Западноевропейские народы, соответственно своей прагматичной земной цели, постоянно оказывались впереди в ходе прикладного научно-технического прогресса, а восточные христиане долгое время лишь перенимали с Запада его плоды. Царь Петр увидел в этом отсталость Руси, и ему захотелось встать на один уровень с западной цивилизацией. Это было бы уместно в прикладных целях обороны от той же Европы, однако Петр увидел именно в Западе и в его ценностях центр мира и цель государственности. По выражению архимандрита Константина (Зайцева), в петровский период идеал Великой России стал заимствовать собою идеал Святой Руси. То есть это вело к капитуляции христианской удерживающей цивилизации перед христианской апостасийной, которую именно в виде реформированной протестантской культуры Петр стал насильно насаждать в России. Тогда же в Россию стало внедряться масонство, приведшее к восстанию декабристов.

Петровские реформы усугубили печальный церковный раскол и вызвали раскол в самом русском обществе на озапащенные верхи и православные народные низы. Но постепенно происходило и научение верхов от обратного, чему помогал сам Запад и своей нараставшей русофобией, и антихристианской Французской революцией, и нашествием Наполеона, и Крымской войной. Благодаря этому в XIX веке царская власть в России стала неуклонно «праветь», а в русском обществе обострилось противостояние западников и славянофилов.

4. Фактически наши западники не знали Европы, идеализировали ее и культивировали свой миф о ней как идеале прав, свобод, справедливости, прогресса и высокой культуры. Этот идеал у многих разрушался при реальном знакомстве с Европой. В виде литературных примеров отрезвления можно упомянуть

«Записки первого путешественника» масона Д. И. Фонвизина о быте Франции и Германии в 1777–1778 гг. с разочарованием от западного мещанства и рационализма. Масон Н. М. Карамзин в 1789–1790 гг. посетил Австрию, Швейцарию, Францию, Англию, встречался с И. Кантом, И. Гете, в Париже был свидетелем ужасов Французской революции. Критические впечатления от поездки Карамзин изложил в «Письмах русского путешественника». «Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» – писал Карамзин («Мелодор к Филалету»), и во время масонского восстания декабристов в 1825 г. он стоял на Сенатской площади рядом с Царем. В середине XIX века политэмигрант-революционер А. И. Герцен также разочаровался в Западе и в разгар Крымской войны написал письмо Императору Александру II, мечтая уже не о революции, а о возможности мирных преобразований силами самой российской монархии. Общеизвестны перемены в мировоззрении Н. В. Гоголя, И. В. Киреевского, Ф. М. Достоевского и других видных деятелей после пребывания на Западе.

Характерно известное высказывание К. Н. Леонтьева: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные Акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арабеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа... благодумствовал бы “индивидуально” и “коллективно” на развалинах всего этого прошлого величия?.. Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки!»⁴.

⁴ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 373.

Особенно ярко это выразилось в книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), в которой он отрицает единое понимание «прогресса» и развивает теорию культурно-исторических типов человечества. (Впоследствии подобные идеи о разных типах цивилизаций были выражены и в трудах западных авторов: О. Шпенглера, В. Шубарта, А. Тойнби, причем последний отметил, что европейская культура в своем глобальном натиске стала «прижимать к стенке» все остальные самобытные культуры по всей планете.) В теории Данилевского в значительной мере сказался его подход натуралиста, что определило и новизну книги, и ее слабые стороны. Наиболее ценное содержание книги – развенчание подражательства Западу: «Западничество, или европейничанье... та болезнь, которую страдает русское общественное тело, – болезнь, под которую подводятся все наши общественные недуги...». Однако недостаток его теории панславизма заключался в превалировании кровно-языкового критерия над духовным, и потому она, конечно, была утопична: западные славянские народы, не приобщившись к Православию или утратив его, стали по сути духовными задворками Европы, имея с нею больше общего, чем с православными славянскими братьями. Это было главной причиной краха всех проектов панславизма как геополитического явления.

5. Говоря о враждебности Европы, следует отметить, что на Западе веками распространяется огромное количество клеветы о «варварской», «рабской» и «агрессивной» России (в которой, мол, поэтому и зверства большевизма «не оказались ничем новым»). Одна из причин этой клеветы – страх перед нараставшим российским могуществом. Поэтому клеветали на Россию даже в наш наиболее западнический XVIII век со всей его «просвещенческой» подражательностью, вольнодумством, легкомыслием нравов, смесью духовного разложения и величественного государственного патриотизма. И даже нерусской Екатерине II пришлось писать отповедь на клеветническую

книгу французского аббата Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь» (Париж, 1768) о «дикой» стране и «невежественном» народе. Ответ Императрицы был опубликован анонимно, также на французском языке, под названием «Антидот» («Противоядие»).

Таково же было множество сочинений о России неудачливых искателей почестей вроде Ш. Массона, В. Гена, Ж. Мишле, П. Делagarда и маркиза де Кюстина. Одним страхом перед русской огромностью объяснить эту клевету невозможно, если также учесть многие случаи подлога, начиная от фальшивого «завещания Петра I» с планом мирового господства. Многие из этих мифов использовались в антирусской большевицкой пропаганде и по сей день цитируются на Западе и даже в «демократической» РФ как истина о дореволюционной России и русском характере.

Такое обилие клеветы именно против удерживающей православной России должно иметь особую причину. Нам она видится в том, что ведущий слой западного апостасийного мира подсознательно чувствовал свое отступничество, ощущая в России нечто духовно более истинное и великое в сравнении с собой («правда глаза колет») – и потому чернил русских с целью самооправдания, в том числе оправдания своих агрессий и колониальных захватов, приписывая нам в утрированной форме («тюрьма народов») свои, в сто крат худшие, грехи. А побуждал их к этому известный «отец лжи» – диавол, что в переводе с греческого, напомним, как раз и означает: клеветник.

6. Еще более наглядно враждебность Европы к России выявилась в революции 1917 года. Европейские союзники России цинично предали ее в Мировой войне, инициировав свержение российской монархии. Премьер-министр Ллойд Джордж в британском парламенте «с чувством живейшей радости» приветствовал свержение русского Царя и открыто признал: «Британское правительство уверено, что эти со-

бытия начинают собою новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война», при этом «громкие возгласы одобрения раздались со всех мест»⁵. Комментируя это заявление, английская газета «Дейли ньюс» охарактеризовала Февральскую революцию как «величайшую из всех до сих пор одержанных союзниками побед... Этот переворот несравненно более важное событие, чем победа на фронте»⁶...

Неудивительно, что после падения недееспособного Временного правительства европейские демократии во главе с США сделали ставку на интернационалистов и антидемократов большевиков, поддержав их в оккупации России против русских Белых армий. Это делалось тайно, но документально доказано в книге американского профессора Э. Саттона «Уолл-стрит и большевицкая революция» на основании архивов Госдепартамента США. Такая политика определялась банкирами, которые стремились захватить российский рынок как «величайший военный трофей, который когда-либо знал мир» (выражение директора Федерального резервного банка Нью-Йорка У. Б. Томпсона в меморандуме премьер-министру Великобритании Ллойд Джорджу, декабрь 1917 г.⁷).

7. Русские эмигранты, оказавшиеся после революции на Западе, стали там неудобным свидетелем предательства России Западом в Первой мировой и затем в Гражданской войнах. Западные демократические правительства быстро признали власть большевиков «легитимной» и оказали ей дипломатическую, экономическую, военно-технологическую поддержку, закрывая глаза на все ее преступления против нашего народа. Множество обращений Церкви и эмигрантских организаций к западным

⁵ Биржевые ведомости (М.). 1917. 8/21 марта.

⁶ Новое время (Пг.). 1917. 12/25 марта; Утро России (М.). 1917. 9 и 12 марта.

⁷ URL: <http://rusidea.org/?a=450000>.

властям с призывом осознать мировую опасность богоборческого коммунизма были наивны, потому что коммунистическая идеология была изначально создана Западом для сокрушения православной России.

И. А. Ильин писал: «Да, у себя они не хотят коммунизма, но коммунизм в других странах им кажется не только не опасным, но как-то даже полезным: в одних странах он истребит национальную аристократию и тем обеспечит “демократический режим”, в других странах он подготовит расчленение государства и ликвидирует великодержавность, а впоследствии он всюду откроет пустые и голодные рынки, что так важно для... вывозной торговли...»⁸.

8. Одной из геополитических реакций на это предательство Запада в русской эмиграции стало евразийство. Оно надеялось идеологически вывести Россию из апостасийного круга проблем погрязшей в грехе «вырождающейся Европы» – отсюда уход к Востоку, в Азию, в опоре на который Россия и раскроет миру свою «общечеловеческую правду». Отношение евразийцев к Западу было непримиримым, поскольку он «предал христианскую Истину». Отношение же к азиатскому Востоку было снисходительнее, поскольку он Истиной христианства еще не обладал и, следовательно, ее не предавал. «Мы не сомневаемся, что смена западно-европейскому миру придет с Востока...»⁹.

Евразийской идеологией сначала увлеклись такие видные православные философы, как кн. Н. С. Трубецкой, В. Н. Ильин, Л. П. Карсавин, Г. В. Флоровский и др. Однако первоначальный романтический вкус новизны у многих православных улетучивался по мере того, как евразийство саморазоблачалось в своем неправославном развитии. «Евразийцы пытаются утвердить и некое религиозное единство Евразии, странным образом без

⁸ Ильин И. А. Наши задачи. Париж, 1956. Т. II. С. 478-479.

⁹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. IV, VII.

снятия граней по вере. Они не останавливаются на правиле веротерпимости. Они торопятся под него подвести не только религиозно-нравственное, но религиозно-мистическое основание... Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать – это правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений... Не от Духа, а от плоти и от земли хотят набраться они силы. Но нет там подлинной силы, и Божия правда не там» – такой приговор евразийству вынес позже Георгий Флоровский («Евразийский соблазн»).

Евразийцы не чувствовали, что судьбы мира все-таки связаны с историей всей европейской христианской цивилизации, с противоборством ее апостасийных и «удерживающих» сил, а также с глобальной мощью ее главного антихристианского противника, ждущего «инога мессию» и превратившего Запад в свой инструмент антихристианского мирового господства. В неощущении этого заключается главная ущербность евразийства: оно отказывается от причастности к главному стержню мировой истории, отходит от христианского понимания судеб мира – в географическое толкование российского призвания, то есть в провинциализм, как будто от антихриста можно спастись в географической резервации. С этой точки зрения, при некоторых политически правильных суждениях и планах, евразийство было натуралистической утопией, игнорирующей православную эсхатологию. (В постсоветской РФ заметны признаки возрождения этой утопии по той же причине: из-за нарастания агрессивной западной русофобии.)

9. Другим увлечением правой русской эмиграции в 1920–1930-е гг. был фашизм как консервативная европейская альтернатива разрушительной политике демократических победителей в Первой мировой войне. В 1920–1930-е гг. слово «фашизм», возникшее в корпоративном режиме в Италии, еще не приобрело позднего отрицательного смысла, и тем более его не было в профашистских течениях русской эмиграции. Фа-

шизм во многом основывался на католической социальной доктрине, оправдывавшей корпоративный строй взамен партийного парламентаризма. Положительные черты в фашистском строе, сплачивающем нацию в противоположность и классовой борьбе, и либерально-демократическому разложению, находили не только правые организации, но и демократы, русские масоны и даже левые¹⁰. Причина была также и в том, что в то время только авторитарные фашистские государства считали врагом и «жидомасонство» (этот термин тогда был в ходу повсеместно как историческая реалия), и богоборческий коммунизм.

Однако отношение к фашистской идеологии в русской эмиграции было критическим как к явлению неправославному, в копировании которого русские не нуждаются. В конце 1930-х гг. И. А. Ильин писал: «Государство не есть механизм состоящих корыстей, но организм братского служения, единение веры, чести и жертвенности: такова историко-политическая основа России. Россия стала отходить от нее и сокрушилась. Россия вернется к ней опять. Фашизм не дает нам новой идеи, но лишь новые попытки по-своему осуществить эту христианскую, русскую национальную идею применительно к своим условиям»¹¹.

В западном фашизме русская эмиграция надеялась найти прежде всего долгожданного союзника для своих политических целей, которые, как тогда казалось, совпадали с целями западного фашизма в противостоянии коммунизму и его союзнику – масонской демократии. Но европейский фашизм зашел в тупик вследствие застарелого порока западной цивилизации: ее рационалистического (по сути нехристианского) духа. Именно поэтому Запад никогда не понимал Россию, судя по своему по-

¹⁰ См. в нашей книге «Миссия русской эмиграции», гл. 10, 16, 17. – URL: <http://rusidea.org/?a=431000>.

¹¹ Ильин И. А. Основы государственного устройства. Ротаторное изд. РТХД. 1930-е гг. С. 4.

добию обо всех ее государственных интересах, духовных ценностях, исторических переменах. Поэтому и западный фашизм, возглавленный, к сожалению, нацистом-руссофобом Гитлером, не понял масштаба стоявшей перед миром духовной задачи и не стал союзником русской эмиграции.

10. Вторая мировая война стала следствием Первой мировой, и вина «мировой закулисы» (термин И. А. Ильина), т. е. финансовой олигархии демократий, – тут главная: столкнувшись с ширившимся повсеместно национально-авторитарным корпоративистским сопротивлением в Европе, она постаралась расправиться с ним русской кровью. Именно для этого вскормили полезного идиота Гитлера, жаждавшего расширения Германии на славянские земли, и подтолкнули его на восток (в этом был замысел Мюнхенского соглашения), чтобы обороняющиеся славяне разгромили его и все фашистское сопротивление в Европе силою коммунистического СССР, которому именно поэтому демократии помогали в этой войне, вступив в военный союз.

Причины первых советских поражений объяснялись во многом тем, что коммунистической власти было лишь 20 лет; многие люди, помня дореволюционную Россию, присягу Царю и большевицкий террор 1920–1930-х гг., не стремились умирать за сохранение власти своих палачей, ожидая в «культурных немцах» увидеть меньшее зло; поэтому к концу 1941 г. у немцев оказалось 4 миллиона пленных; лишь зверства гитлеровцев заставили наш народ увидеть в них большее зло – и сопротивляться; к тому же Сталин срочно реабилитировал русский патриотизм – на чем и была выиграна война.

В этой войне русский народ героически отстоял родную землю, не дал нацистам превратить нас в «унтерменшей». Но при этом сохранил богоборческую власть, которую большевики распространили и на восточноевропейские народы, дискредитировав русских в их глазах и сокрушив православные монархии

в Югославии, Румынии, Болгарии... И главная цель мировой закулисы тоже была достигнута: было подавлено, залито русской кровью национально-авторитарное освобождение Европы (причем в некоторых странах так называемый «фашизм» был на приемлемом духовном уровне: Австрия, Испания, Португалия). Вот каково истинное значение слов «победа над фашизмом» с учетом того, что важнейшим результатом этой победы стало создание на оккупированной сионистами Святой Земле расистского антихристианского государства «Израиль» – седалища грядущего мошиаха-антихриста. Стоит ли нам 9-го Мая радоваться всему этому вместе с США и сионистами, или же давно пора отделить одно от другого: жертвенную оборону своей родины – от распространения марксизма и от помощи замыслам мировой закулисы?

Следует также правильно относиться к попытке миллионов бывших советских людей и русской эмиграции использовать войну для освобождения России от своих марксистских оккупантов. Это не только Власовская армия, но и множество других русских инициатив, в том числе эмигрантских, на оккупированных немцами территориях. Фактически целью их была отстройка сопротивления Сталину и Гитлеру для воссоздания независимого Российского государства. И именно гитлеровцы, страшась независимой русской силы, удушили это Русское освободительное движение.

Глядя из наших дней на ту войну и зная, чем она закончилась, попытка создания независимой «третьей силы» может показаться безнадежнее, чем это выглядело тогда. Но в Германии у этой цели было много союзников даже в среде немецкого генералитета. К сожалению, ни Гитлер, ни демократии не были заинтересованы в восстановлении свободной России. Гитлер погубил в концлагерях миллионы противников коммунистического режима, а Запад после войны выдал уцелевших на расправу Сталину – тоже миллионы. Обманулись и те – как в эмиграции, так

и в СССР, – кто надеялся на национально-патриотическое пере-рождение режима после победы...

На тогдашней геополитической карте русская «третья сила» оказалась песчинкой между трех жерновов. Но для самой «песчинки» эта почти утопическая цель была единственно приемлемой с нравственной точки зрения. Тысячи эмигрантов сознательно шли на это, покидая свои семьи и рискуя жизнью, хотя могли бы спокойно отсидеться и переждать войну.

Вторая мировая война стала экстремальной ситуацией, в которой обнажилась духовная суть всех сил, противоборствовавших в расколоте мире: западной капиталистической демократии, коммунизма, фашизма. Послевоенный период характерен тем, что в мире остались только две из этих сил, в конфликте между которыми, грозившем новой Мировой войной, предстояло жить и действовать политической эмиграции – помня о полученном уроке.

11. Лишь после войны Запад перестал поддерживать коммунистическую власть в СССР и начал Холодную войну, поскольку СССР выполнил свою роль могильщика фашизма и был опасен своими претензиями на всемирное торжество коммунизма. («Мы вас похороним!» – грозил Хрущев.) Мировая закулиса хотела одержать победу над возвращенным ей же геополитическим соперником независимо от его идеологии. Это подтверждает секретная директива 20/1 Совета национальной безопасности США от 18.8.1948, в которой предусматривалось предельное ослабление и расчленение СССР «независимо от идеологической основы любой некоммунистической власти и степени ее влияния», даже если она «будет воздавать хвалу демократии и либерализму»¹².

Попытка США использовать русскую эмиграцию во время

¹² U.S. Objectives with Respect to Russia. NSC 20/1 // Containment: Documents on American policy and strategy, 1945–1950 / Etzold T. H. and Gaddis J. L., editors. New York, 1978. P. 197.

Холодной войны также подробно рассмотрена нами в книге «Миссия русской эмиграции» (гл. 13, 24). Тут достаточно привести несколько цитат признанных в зарубежье авторитетов.

«Существо идеологии Русской Зарубежной Церкви состоит в полном и безкомпромиссном неприятии того мирового Зла, которое широко разлилось сейчас по всему лицу земли и подчинило своей власти, в большей или меньшей степени, уже все стороны жизни людей, не исключая и религиозной, церковной.

Богоборческий марксо-коммунизм, или большевизм, борьбу с которым ставят себе главной задачей все национально-настроенные русские люди-патриоты, является всего лишь одним из детищ, злым порождением этого “мирового зла”. Бороться только с ним, это значит – рубить ветви, не замечая ствола и корня, их породившего и их питающего.

К сожалению, многие у нас видят только эти ветви, оставляя без внимания ствол и корень. Мало того: этот коренной источник “мирового зла” представляется некоторым вполне безобидным, к нам и нашей Церкви будто бы даже благожелательным, и многие у нас готовы даже искать в нем опоры для себя и поддержки в борьбе с коммунизмом. Какая жалкая наивность!.. если только не сознательное предательство! Давно пора все это понять и осознать!»¹³.

«Многие из таких наивных людей с апломбом заявляют о себе, что они убежденные “антикоммунисты” и якобы борются с коммунизмом и через это находятся в стане ведущих борьбу с Мировым Злом, в то время как в действительности они сами находятся в порабощении у этого Мирового Зла и вольно или невольно помогают ему в его борьбе со Христом и Его истинной Церковью»¹⁴.

Прихожанин Зарубежной Церкви И. А. Ильин также пре-

¹³ *Аверкий (Таушев)*, архиепископ. Современность в свете слова Божия. Слова и речи. Джорданвилль, 1975. Т. II. С. 514–515.

¹⁴ Там же. Т. IV. С. 490.

достерегал: «Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не пропадающие по чужим исповеданиям и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада – ни от “Пилсудского”, ни от “Титлера”, ни от Ватикана, ни от “Эйзенхауэра”, ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться *только на Бога и на себя*. Русский народ *может освободиться только сам*: в медленной муке перетерпеть большевицкое иго; привить национальную русскость партийной периферии; укрепить свои духовные силы в катакомбном Православии и медленно, но неуклонно расшатывать советчину, ее бюрократию и ее террористический зажим; и затем – выждать благоприятную мировую конъюнктуру, сбросить гипноз коммунистической дьявольщины и возвратиться на свой исторический путь. А мы, рассеянные повсюду русские патриоты, должны понять это, выговорить это самим себе и, помогая изо всех сил этому внутреннему процессу, готовиться к этому историческому часу, чтобы вовремя поспешить на помощь нашему народу – с твердою верою в Бога, с новыми творческими идеями, с продуманными планами, со всею волевою энергией, которая потребуется тогда от русского человека»¹⁵.

12. Предсказания Ильина о циничном расчленении и разграблении Западом постсоветской России после падения власти КПСС исполнились в 1990-е гг. в самом мрачном виде, поскольку в бывшей партийной номенклатуре было слишком много геополитически малограмотных функционеров, начиная с Горбачева, да и просто эгоистичных предателей-компрадоров. В 2000-е гг. Великая криминальная революция перешла в стадию Великодержавной криминальной стабилизации – к сожалению, без изменения ущербной сути сложившегося компрадора

¹⁵ Ильин И. А. Наши задачи. Т. I. С. 191–192 (курсив Ильина).

ского режима. Все власти РФ (имею в виду их разновидности, а не уровни, ибо на низких уровнях немало здравомыслящих деятелей: С. Ю. Глазьев, Л. П. Решетников, низовое духовенство) до сих пор не способны осознать опасности своей подражательской устремленности в западную «общечеловеческую семью» и ее мировую экономику, где, однако, Россию готовы принять только в статусе сырьевой колонии со стремлением к ее дальнейшему расчленению. А нежелание властей РФ дать честную и откровенную оценку советскому богоборческому периоду (чтобы лично не каяться, но «легитимировать» свою преемственность от СССР), сохраняющиеся в топонимике имена палачей в качестве героев и западническая идеология джунглей создают в стране общую нездоровую атмосферу беззакония и всеобщей безнаказанной коррупции (Сердюков и Скрынник – это лишь верхушка айсберга...).

В этом огромная геополитическая уязвимость нынешнего государства РФ перед усилившимся натиском всё тех же строителей Нового мирового порядка. Тем не менее православные патриоты не могут желать «свержения» даже своей несправедливой власти любой ценой, поскольку альтернатива – царство антихриста. Даже в самые страшные времена коммунистического прошлого русская эмиграция призывала отделять исторические права и геополитические интересы страны и народа от преходящей власти. Таков должен быть и сегодня истинный патриотизм, направленный на оздоровление страны максимально безболезненным путем.

Однако для этого нужно не поддакивать власти, а откровенно говорить о ее пороках и просчетах, помогая достойным людям в правящем слое поставить оборонные государственные интересы над личными как норму для всех. Ведь сегодня именно личные интересы олигархического правящего слоя (имеющего деловые интересы, семьи и деньги на территории противника) препятствуют принятию давно назревших верных решений и

по нелегитимной киевской хунте, и по отстаиванию прав народа Новороссии, и по отвязке рубля от доллара, и по так называемому «международному терроризму», созданному ЦРУ и Моссадом в своих политических целях¹⁶.

Русская эмиграция всегда находилась в особенном положении, позволявшем видеть суть противоборствующих сил в мире, видеть друзей и врагов России и предлагать из этого опыта нужные решения. Этот опыт я попытался передать в России изданием и книги «Вождю Третьего Рима»¹⁷, и упомянутой книги «Миссия русской эмиграции».

Сейчас русская эмиграция – уже не национальная политическая, а экономическая, возникшая путем иного, часто непатриотичного отбора. В частности, удручает роль новейшей экономической эмиграции в утилизации СССР западными ТНК с явным ущербом для отечества. Но и сегодня, как в XIX веке, знакомство с реальным Западом способствует прозреванию многих наших соотечественников. Их голос бывает слышен и в СМИ. В частности, примечательно движение консервативных русских немцев¹⁸ в их верных оценках мировой геополитики и обострившейся войны США против России. К сожалению, преобладающая тенденция в российских как либерально-демократических, так и в государственно-патриотических СМИ этих разумных советов не воспринимает, многим высоким политикам всё еще хочется дружить с «нашими американскими партнерами»¹⁹...

Нынешний глобальный процесс построения царства антихриста, возглавляемый мировой закулисой с ее оплотом в США,

¹⁶ Этому посвящена документальная разоблачительная книга бывшего долготелетнего западногерманского министра, куратора спецслужб: *Bülow Andreas, von. Im Namen des Staates. München, 2000.* См. также: URL: <http://rusidea.org/?a=130041>.

¹⁷ URL: <http://www.rusidea.org/?a=410000>.

¹⁸ Die National-Konservative Bewegung der Deutschen aus Russland. – URL: <http://www.volksdeutsche-stimme.de/presse/presse.htm>.

¹⁹ URL: <http://rusidea.org/?a=37017>.

не обратить вспять. Но для сопротивления ему России уместно привлекать во взаимовыгодном геополитическом союзе и наиболее здоровые силы внутри Запада, и все другие народы, сопротивляющиеся американской глобализации. А для верного выбора союзников совершенно необходимо православно-православное знание смысла мировой истории, которое сегодня в РФ, к сожалению, не только не преподают ни в общеобразовательных, ни в духовных учебных заведениях, но и порою и объявляют «экстремистским».

Н. А. Пителина,
*ст. преподаватель Псковского
государственного университета
(г. Псков)*

ИСТОКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПОЭМЕ И. Н. ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ»

«Поэтом последней деревни» назвал Игоря Григорьева его друг, доктор филологических наук В. Шошин, так как одной из основных в творчестве поэта стала тема «многострадальной русской сельщины», её прошлое, настоящее, будущее.

Поэма «Обитель» – своеобразный реквием и одновременно гимн умирающей русской деревне как хранительнице многовековых традиций и обычаев, исконно русской морали, в основе которой лежат, как справедливо замечает В. Шошин во вступительной статье к книге Игоря Григорьева «Русский урок», где впервые была опубликована поэма, такие понятия, как Правда, Совесть, Любовь¹.

Поэтическая образность поэмы основывается на народных и религиозных представлениях поэта, воплотившихся в системе образов, композиции, пространственно-временных и жанрово-стилевых особенностях, а также языке произведения.

Действие поэмы происходит в деревне Губино Псковской области (отмечу, что топонимике поэмы стоит посвятить отдельное исследование). Однако поэту важна не конкретная «привязка» объекта к местности. Губино – это метафора дома, архетипический образ центра мира вообще. Поэтому уже в начале произведения оно выглядит как сказочное, чудесное место.

¹ См.: Шошин В. А. Огненный круг // Григорьев И. Н. Русский урок: лирика и поэмы. Л.: Лениздат, 1991. С. 9.

Конкретный пейзаж: «Еще вокруг тебя кусты / Не сплошняком: не вовсе худо, / И родники пока чисты, / И соловей не весь покуда»² – смыкается со вневременной, мифопоэтической характеристикой места: «В твоих водах всяк ерш – добряк, / В лесах – незлючи волк и мошка» [с. 92], погружающей читателя в глубокую древность, когда все окружающие человека явления мира и природы мыслились живыми существами. Герой Игорь, в описании которого явно видны черты поэта Игоря Григорьева, попадает в Губино неслучайно: «Не вихрь завил меня сюда, / Не с перепоею завербован, / Не по решенью нарсуда – / Я скитской тайной приколдован» [с. 93]. В данной строфе используется отрицательный синтаксический параллелизм, воспринятый авторской литературой из народного творчества³. Последний стих объясняет, в чем особенность, сакральность данного места для него. Логического объяснения поступку героя нет, он мотивирует действия «тайной», «колдовством». Для него лично Губино становится скитом, пристанищем отшельника, бегущего от людей, собратьев-писателей, города.

В поэме явно видна характерная для фольклорных жанров оппозиция «своего» и «чужого» пространства. Герой отправляется из «нелюбезного» Пскова в селенье Губино. «И я, собравшись как попало, / Шагнул за дверь, надев суму». Его путь пролегает через ночной мрачный лес, где «Во тьме подругу

² Григорьев И. Н. Обитель // Там же. С. 92. Далее текст поэмы цитируется с указанием страницы в скобках.

³ Например, в стихотворении А. А. Ахматовой «Родная земля» отношение народа к Родине также передаётся с помощью этого приёма:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

звал русак / Да молодые волки выли...» [с. 94], да преследовал «нетопырь». В славянской мифологии нетопырь – это ночное животное, в которое вселяется душа злого человека, оно связано с нечистыми силами. По народным поверьям, залетевший в дом нетопырь – к беде. Уже в начале произведения возникает ощущение тревоги, связанной с пребыванием в опасном для тела и души человека пространстве леса. С домом, родным местом ассоциируются свет, тепло, спокойствие: «В пять вышел месяц, друг-смотритель, / И распахнулась, вся в заре, / Деревня Губино – обитель» [с. 95]. Это пункт назначения героя, символизирующий его возвращение к корням, истокам, самому себе. Однако в финале поэмы герой вновь отправляется в странствие. Так же неожиданно, как он принял решение поселиться в Губино, он покидает обитель. Но если герой шёл в деревню «под августовским звездопадом», то уходит из неё «в Москву – взимать почёт» «одним негожим днем февральским», когда «циклоном пригнана уральским была метель» [с. 157]. Своеволие героя, его несправедная цель не остаются безнаказанными. Он заблудился в зимнем лесу и чуть не погиб.

Но лес не наш: нездешне мглист,
Какой-то нелюдски холодный —
Бездомный, каменный, безродный.
И не псковско́й метели свист.

Метель шипела, сея вой,
Ползла, мела, скребла, лютела ...
И я, уже не чуя тела,
Слетел в овраг вниз головой [с. 159–160].

От неминуемой смерти героя спасает чудо. И в начале, и в конце поэмы в роли спасителя, волшебного сказочного помощника выступает пёс Мухи, которому в поэме даже посвящено несколько строк. Собака считается особо

почитаемым домашним животным, основная задача которого – охрана дома и его обитателей. В поэме Мухи сродни серому волку Ивана-царевича, но для поэта принципиально наличие в качестве помощника домашнего животного, а не дикого зверя. «Чу! Не по-дикому живой, / Размытый волнами тумана, / Из ожидального обмана / Притек не волчий – песий вой» [с. 95]. Появление этого помощника означает, что главные испытания и трансформация героя будут связаны с пространством дома.

В волшебной сказке герой уходит из дома, преодолевает (с помощью волшебных помощников и предметов или без) различные испытания во враждебном пространстве (в тридевятом царстве, у лесной нечисти), осваивая его, побеждая иной мир, а затем возвращается домой, наделённый новыми волшебными качествами. В поэме И. Григорьева сказочное пространство представлено зеркально. Возвращение в родной дом символизирует встречу с собственной душой, избавление от суетного, наносного, и поэтому бегство из дома за успехом и почестями должно стать гибельным. Вьюга и лес не желают герою смерти, они знак-предупреждение о том, что изменивший самому себе, своей душе, духу и совести обречен кружить и блуждать, не находя верной дороги. Внутренний голос предостерегал поэта от опрометчивого шага:

А совесть каялась и жглась,
Как пляска снежная, уныла,
Под ребрами нехстати ныла:
«Зазря в бутылку не залазь!

Отчалишь, все сойдет на нет.
Далек ли май – дождись, домайся».
И тихой совести в ответ —
Благоразумие: «Спасайся!» [с. 158].

Но без прохождения испытания вьюгой герой не может до конца победить свою гордыню, обрести мудрость и

смирение. Оказавшись второй раз в Губине (в финале поэмы), он, преодолевая лихорадку и тяжёлую болезнь, постепенно воскресает к новой жизни: «До позднесвета не сосну, / Но на душе ничуть не лихо – / Светло, живительно и тихо. / Кто б мог подумать: жду весну!» [с. 164].

Следует заметить, что образ вьюги – один из наиболее часто встречающихся в лирике И. Григорьева. Как справедливо пишет Д.В. Григорьева, «Григорьев как бы продолжает блоковскую тему рождения нового человека... вьюга-то и совершает “выделку человека в человеке”. Именно вьюга преобразует, и рождение в нас высоких христианских достоинств: смирения, терпения, любви, веры – это результат испытания вьюгой»⁴. Таким образом, вьюга – это необходимый камертон, на который должен настраиваться внутренний голос – совесть – человека.

Многозначным и многоплановым предстаёт в поэме образ дома. Во-первых, это традиционный деревенский дом-пятистенник, построенный прародителем Анны и положивший начало всей деревне:

В далеком в том, не в нашем веке —
Сверкнула радость в человеке —
И вырос дом с крутым крыльцом.

Сей достославный человек,
Далекий Анны прародитель,
Для устрашенья тать обитель
Деревней Губино нарек.

И с начинания того
Взошло, явилось, зазвучало!..
С любви к житью пришло начало! [с. 126].

Любопытно, что И. Григорьев использует глагол «вырос»,

⁴ Григорьева Д. В. «Это здесь-то Бога нет?» О православной сущности поэзии Игоря Григорьева; Григорьев И. Н. «Я иду...»: избр. стихотворения. СПб., 2014. С. 35.

говоря о доме, как будто строительство такой же естественный процесс, как в природе рост деревьев, трав. Селению даётся имя, как человеку, следовательно, все этапы жизни (рождение, становление, зрелость, старость, смерть) так же присущи ему, как и остальным существам. Сам поэт стал свидетелем угасания деревни, поэтому изба одной из героинь поэмы, Фотиньи, уже растёт не ввысь, а, наоборот, в землю, как в могилу:

А на земле стоит она,
Изба Макаровой Фотиньи.

На желтом глиняном куске
Молчит изба, врасая в землю,
Ни в веселинах, ни в тоске,
Свое сказавши: «Всё приемаю».

В избе не белено чело.
– Да чтобы печь да не франтиха? [с. 103].

Сакральным центром дома и его самым мифологизированным местом является печь. В ней готовили пищу, на ней спали, с её помощью лечили недуги и совершали обряды, она была символом домашнего очага, традиционно поддерживаемого женщиной. Состояние дома и печи напрямую соотносится с состоянием хозяйки. Фотинье уже восемьдесят два года, но она всё ещё помогает выполнять колхозные работы, поэтому сил на собственное хозяйство уже не остаётся. Однако, почувствовав в словах приехавшего поэта упрёк, она решает превозмочь недуги и побелить печь. Побелка печи имеет, с одной стороны, сугубо бытовое значение – наведение порядка, с другой – символическое: этот ритуал должен продлить жизнь как дому Фотиньи, так и ей самой. Но этому не суждено сбыться, а значит, смерть дома неминуема. О разрушении традиционного уклада деревни свидетельствует и тот факт, что раньше «Дома печами согревали, / Теперь домами греем печь» [с. 105]. Эти слова принадлежат Фотинье, которая каждый день наблюдает, как пустеет село,

как молодежь переезжает в более «перспективные» места, а избы разворовываются и идут на дрова.

Если героиня старается сохранить это сакральное место, то другой герой поэмы, Михей Бабаев, констатирует, что Русь стала «безпечной», однако самовольно занимает печь Фотины, чтобы подлечиться после столкновения в луже с медведем. Так печь выступает в качестве средства народной медицины:

На печку влезу – прокажусь,
А то в квартире с паром-газом
Погреешься не всяким разом...
— Безпечной стала: стынет Русь... [с. 155].

Интересно, что авторский неологизм «безпечной» очень насыщен семантически и символически. Во-первых, в прямом значении слово «безпечный» означает отсутствие печи в современном доме, то есть технический прогресс, когда для отопления и приготовления пищи используются другие источники (пар, газ), когда на смену традиционному дому-гнезду приходят многоквартирные дома. Во-вторых, фонетически слово тождественно прилагательному «беспечный», то есть беззаботный, легкомысленный, тем самым расширяя семантику образа Руси. Современная Русь вместе с деревней теряет историческую память, национальную культуру, лишается корней, внутреннего стержня, ресурсов для дальнейшего развития. Поэтому она стынет, не имея живительного огня, чтобы согреться. Наконец, образ стынувшей, спящей, замерзающей России отсылает читателя к культурному коду темы Родины от Пушкина, Лермонтова, через Блока к современным поэтам, включая Игоря Григорьева.

С Михеем Бабаевым связан ещё один значимый для раскрытия образа дома эпизод. Вообще в произведении он выступает в роли разрушителя всего: деревни, природы, морально-нравственных устоев.

Был спец пошкодить мастер тот —
Убить бобра (в глуши без риска)
И лебедя пустить в расход
(Они весной тянули низко) [с. 151].

По его вине гибнет Валёк, утонувший во время рыбалки, запутавшись в «Михеевых сетях».

Кульминацией его деструктивной деятельности становится поджог собственного дома. В трудный для односельчанки Анны момент герой предлагает ей поджечь его дом, рассчитывая получить квартиру в райцентре и страховку:

Хорома у меня суха,
Я завтра в лазарет лягу:
Ты мне под крышу – петуха.
А я за труд тебе – согнягу!

– Да ты и взыбь без стыда:
Да чтобы дом – своей рукою?
Да не видать бы мне покою
В сырой земелюшке! Беда! [с. 136].

Истинно народная и созидательная натура Анны не понимает подобного кощунства, однако она выполняет просьбу «злосчастного шалопута». Уничтожение избы становится последним земным делом безрукой одинокой вдовы, «великому-ченицы Анны», как её именует поэт.

Можно сказать, что Михей – демонически-комический персонаж, как в поэме сказано – «пугало старух», этакий фольклорный трикстер, «бабайка» с явно говорящей фамилией; антагонист героя, представитель новой власти, городской цивилизации. Чаще всего именно с этим персонажем связан язык советского канцелярита, труднопроизносимые аббревиатуры, рождённые реалиями советского строя. Его речь, поведение, занимаемые должности характеризуются «новоязом»: «уполкомзаг» – (уполномоченный комитета по заготовкам

сельскохозяйственной продукции), «райград» – районный город, а может быть, просто место, противопоставленное аду деревенской жизни, штамп «Сорите, но идейно чисто, / Ваш безыдейный мусор – зло» [с. 99] и многие другие. Попутно отмечу, что автор тоже прибегает к газетным советским клише, но только в ироническом ключе, когда высмеивает (иногда это смех сквозь слёзы) окружающую действительность, для которой национальная историческая память и фольклор сродни «бредням».

Архангел, архисатана,
Ведун, кикимора – всё бредни.
Да и душа отлучена
От тела: был указ намедни.

Вся наша жизнь теперь бела,
Изжиты риги и овраги;
На весь район – ни помела:
Какие тут уж бабы-яги...

И агрографам не родня
Неперспективная обитель [с. 102].

Столкновение канцелярита со стихией народной речи, плавной, напевной, лишь более выпукло демонстрирует всю неестественность и инородность первого, всю временность его торжества и, в то же время, живительную силу исконно русского слова и создаваемого с его помощью художественного образа.

И. Григорьев гордился тем, что пишет на «языке отцов и дедов». Богатство поэтического словаря, отсутствие нарочитости в словотворчестве, ощущения стилизации или намеренной архаизации стихов свидетельствуют о глубоком знании возможностей родного языка, понимании законов создания образности и стремлении автора сохранить и передать исконное русское слово следующим поколениям. В автобиографической повести

«Все перемелется» он акцентирует внимание на тенденции современной литературы обращаться «к настоящим провидцам и певцам ныне неслыханно поруганной и обиженной, обожаемой земли Русской, ее обкраденного – осовеченного и обыностранного – Глагола и Напева»⁵. Спасение русской нации напрямую соотносится с трепетным отношением к языку.

Сам поэт виртуозно владеет народным словом. В тексте часто используются характерные для фольклора языковые формулы, например, зачин «речь заведу издалека» настраивает читателя (слушателя) на эпическое повествование, свойственное устным народным жанрам. Речь лирического героя и других персонажей, особенно женщин, насыщена пословичными выражениями «век – телесам, душе – часок», «как чибис в коршунных когтях, / Как пескаришка в щучьей пасти, / Не уберется от напасти» и др. Фольклорные архетипические образы, такие как «змея-горыныч», «коршун злой», свободно перемещаются из преданий старины глубокой в современный мир и превращаются в «змея-германьча», олицетворяющего фашистов, «клювастый мессершмитт» (немецкий самолёт-истребитель). Неслучайно В. Шошин, анализируя лирику И. Григорьева, отмечает: «Читая стихи Игоря Григорьева... думаешь об удивительном совпадении языковых средств с поэтической темой»⁶.

Название поэмы глубоко символично. «Толковый словарь» даёт два значения слова «обитель»: «1. То же, что и монастырь. 2. Место, где кто-н. живет, жилище». Этимологически это церковнославянское слово восходит к старославянскому глаголу «обитати» (*об-витати – витати), что, в свою очередь, означает «жить, селиться, находить приют»⁷. Мотив поиска приюта, места успокоения души появляется уже в эпиграфе к поэме,

⁵ Григорьев И. Н. Все перемелется // Поэт и воин. Книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. – СПб., 2013. С. 98.

⁶ Шошин В. А. Огненный круг. С. 3.

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 536.

который взят из последней строфы стихотворения А. Блока «Осенняя воля» (1905): «Приюти ты в даях необъятных! / Как и жить и плакать без тебя!».

Путь героя в Губино, в русскую глубинку, является одновременно движением вглубь истории, в архаическую Русь, к наполненной легендами, преданиями, сказками первороди-не, в которой таится источник внутренних сил. В то же время обитель – монастырь. Деревня Губино – сакральное место со своими святыми мученицами: Фотиньей, «душой обители» с «ангельской бирюзой» глаз, которую поэт величает «Руси безгрешная вдова, / Жена забытого солдата» [с. 101]; великомученицей Анной, похоронившей в войну всю семью, оставшейся без рук, отрубленных фашистом, испившей до дна чашу страданий несчастной вдовьей доли и обретшей упокоение только в смерти. По Григорьеву, деревня – святыня русской души, в которой сконцентрирована память о прошлом. Сохранение исторической памяти – залог величия и самостоянья человека. Несмотря на то что основным чувством героя, связанным с судьбой деревни, можно считать боль, он искренне верит в будущее России, которое должно начаться с азов, то есть с деревни.

Тряхнет земля! Раскатит зов!
И нам, как суждено издревле,
С венца да со скита деревни
Придется начинать. С азов.

И жизнь, сподоблена лучу,
Взойдет без придури бесплодной... (с. 103).

Поэт, осмысляя настоящее и недавнее прошлое страны, отдаляется от современности. Его видение исторического пути родины становится панорамным, как бы вневременным. Художественное время и пространство поэмы расширяются до космической и исторической бесконечности, в которых скрыты тайна бытия и исток жизни.

РОЛЬ МАЛОЙ РОДИНЫ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ (на материале произведений Станислава Золотцева)

Размышления о национальной идее России, или, говоря другими словами, поиски «русской идеи», имеют длительную историю. Об остроте и актуальности этого вопроса сегодня свидетельствует его повсеместное обсуждение. Однако это не «пиар-кампания», а насущная необходимость народа разобраться в самом себе, обрести смысл жизни и выработать дальнейшие пути развития. Чтобы найти смысл жизни, нужно, чтобы существовала сама жизнь.

В XX веке государственность России дважды подвергалась разрушению – в 1917 и 1991 годах. Задача современного общества – обрести самосознание на «обломках двух великих империй».

Одним из путей решения задач духовно-нравственного развития личности, воспитания патриотизма, поисков национальной идентичности может стать культивирование уважительного отношения к малой родине человека. Философ Г. Федотов в книге «Святые древней Руси» рассуждает о рождении идеи особого национального призвания русского народа и обращает внимание на следующий любопытный факт: «Её греческой почвой, её опорой в традиции была идея *малой родины*, города – polis, которая живет под сенью мировой империи. Святые мученики Греции являются стражами-защитниками своего города, который хранит их святые останки». Далее он продолжает: «Это отечество, это русская земля – не государство, которого еще не существовало – вместе с городской областью, *малой родиной* является в княжеских житиях предметом нежной и религиозной любви. В прологах к ярославским житиям она принимает форму гимнов к русской земле, в которых – в зародышевой, конечно,

форме – можно найти не только обоснование идеи национального государства, но и национальной культуры...»⁸.

Тема малой родины становится одной из ведущих в русской литературе второй половины XX века и разрабатывается многими поэтами и писателями. Так, А. Т. Твардовский писал: «У большинства людей чувство родины в обширном смысле – родной страны, отчизны – дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города или деревушки. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей – пусть самой скромной и неприятельной – красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, а с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и в великом целом своем – для всех одна».

Певцом древнего Псковского края – его неброской природы, мужественной истории, самобытного уклада – можно считать Станислава Александровича Золотцева – поэта, прозаика, публициста, переводчика, литературоведа, значительная часть творческого наследия которого – признание в любви родной земле и размышления о её непростой судьбе. Он родился 21 апреля 1947 года в деревне Крестки под Псковом, в интеллигентной сельской семье (родители были учителями). Закончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Два года работал переводчиком в Индии, затем преподавал в Московском историко-архивном институте, служил офицером в авиации Северного флота. С 1975 года обосновался в Москве. С середины 1990-х годов совмещал работу в столичной писательской организации и Псковском отделении Союза писателей России. С 2001 года проживал преимущественно в Пскове. Скончался 4 февраля 2008 года. Похоронен

⁸ Федотов Г. П. Святые древней Руси. Париж, 1985. С. 89, 90 (курсив мой. – Н. П.).

в Пскове. И если образу Псковской земли в поэтическом наследии С. Золотцева посвящены отдельные работы, то исследований, касающихся прозы, найти не удалось. А они дают обширный материал видения поэтом национальной русской идеи.

К большой прозе поэт обращается в 1990–2000-е годы, в зрелом возрасте, который метко обозначил Пушкин: «Лета к суровой прозе клонят», имея в виду не количество прожитых лет, а время осмысления основных бытийных вопросов как личного, так и общественного плана. Смею предположить, что импульсом для создания больших эпических произведений стал распад Советского Союза, который С. Золотцев как истинный патриот, болеющий за судьбу Родины, переживал особенно остро. Свои размышления он выразил в романах «У подножья Синичьей горы» (1999, роман-эссе), «Камышовый кот Иван Иванович. История его жизни и смерти» (1999), «Столешница столетия. Сказание о родовё» (2002).

В «Столешнице столетия», повествование в которой ведётся от первого лица, поэт создает летопись своей семьи, называя её словом «родовá». «Словарь русских народных говоров» предлагает следующие значения этого слова: «Родовá. ж., собир. 1. Родня, родственник... 2. Наследственность». Собирает образ родовы, интегрируя оба значения, определяет вертикальную и горизонтальную пространственно-временную структуру произведения. Родовые корни главного героя, уходящие вглубь девятнадцатого века, образуют временной стержень, а описание многочисленной родни, проживающей на его малой родине, составляет пространственный каркас романа. Вспоминающая детство, будущий поэт признаётся: «Мне долго верилось, что в мире или нет, или почти нет людей, которые не были бы мне родными.

Чему тут удивляться? – наша “родовá”, обитавшая по большей части в ближних и дальних деревнях и сёлах вокруг Талабска, но также и в нём самом, и на его в те годы ещё совершенно

сельских окраинах, была невероятно многочисленной. Хотя и только что отпыхавшая Великая Отечественная, и другие войны и сотрясения XX века сильно проредили её (из шести братьев моего отца двое погибли в битвах с фашистами, один на финской войне, а самый старший ещё мальчиком – от шальной пули послеоктябрьского лихолетья), но всё-таки она оставалась мощной не только числом». Ещё в раннем детстве герою довелось побывать в гостях, а то и пожить у многих родственников, исходить и изъездить родные места вдоль и поперёк.

Будучи эмоциональным и впечатлительным ребёнком, окружённым лаской и заботой, он рано начинает ощущать любовь к родному краю, такому же доброму и уютному, как его родня. Поэтому описание родной земли отличается искренностью и пронзительной лиричностью. «... Я родился и живу в краю какой-то сверхъестественной, небывалой и неповторимой красоты. Родная земля, которая в моих повествованиях зовётся Талабской, с первых дней моей осознанной жизни явилась чудесным и сказочным миром... Я изначально ощутил, что живу среди волшебства вишнёво-яблоневых садов, рядом с таинствами широкой реки и её излук и заводей, живу в краю могучих и дремучих сосновых боров, среди бесчисленного множества больших и малых озёр, и даже таившиеся меж ними в чащах и огромные в ту пору болота не казались мне страшными – они были для меня приметам той сказки, что являлась моим начальным миром и творилась вокруг...»

Далее взгляд героя-повествователя обращается к сердцу Псковской земли – Пскову, в образе которого видится и символ веры, и основа самостояния, и залог величия человека, выросшего на этой, рвущейся в небеса земле. «А на песчаных и плитяных холмах “горушках”, окружённых ржаными, гречишными и льняными полями, стояли то маленькие одноглавые церковки, а то и высокие белокаменные храмы, подобные богатырям, что по пояс ушли в землю, но вздымают над нею свои мечи – звонницы.

И что с того, что по большей части проёмы звонниц зияли пустотой и колокольных звонов не слышалось в те годы, а многие храмы стояли в запустении, – я видел, как люди, и родные мне, и вовсе незнакомые, крестятся на них: ещё не осознав, что такое Вера, я ощутил, что это – не просто древние здания, но символы Веры... А многие из этих холмов, увенчанных соборами, хранили на своих “оплечьях” остатки крепостных стен, иногда ещё и развалины башен. Но увидел я в самом раннем детстве и не порушенные временем и войнами твердыни. Сложенные предками из того же самого плитняка, они казались продолжением возвышенностей, на которых стояли, отражаясь в синеве рек, на слиянии которых они, как правило, и возникали... Когда же над такой твердыней, как над грозным исполином Кромом – над кремлём Талабска, главного города нашего края, – виднелась белая среброглавая стрела собора, то начинало вериться, что это сама земля, такая, на первый взгляд, низинная, рвётся в небеса, устремляет зов своих недр в лазоревую высь, верхами башен и куполами дорастая до небосвода!»

Воспоминания главного героя о родных местах сильны «памятью сердца» (определение Константина Батюшкова). Он смотрит на их волшебство сначала глазами наивного ребёнка, затем глазами пылкой, страстной юности, позднее – зрелости, когда перспектива становится всё яснее и отчётливей. Жизнь в «сказочном мире» рано формирует у героя дух патриотизма и привязанности к Родине: «Никто мне этого не внушал, никто меня не воспитывал, что называется, в духе любви к отчему краю. Этот дух сам собою возник во мне и стал самым воздухом моих юных лет – и в зрелых тоже не истаял, не источился...».

Центром, «коренником», «большаком» обширной деревенской и городской родовой становится дед повествователя, обладавший разнообразными талантами: крестьянина, садовода-селекционера, столяра-краснодеревщика, авторитета и учителя жизни для многочисленных близких и дальних родственников,

после смерти которого эта общность постепенно распадается. Оглядываясь на «многоплемённую» и «многокровную» родоу с высоты прожитых лет, писатель считает своим гражданским долгом запечатлеть в слове историю семьи, потому что обнаруживает неразрывную связь истории собственной родовой с историей России. Он приходит к неутешительному выводу о разрушении родственных связей на всех уровнях. «Не потому ли распалась казавшаяся нерушимой советская империя и не потому ли глубокими трещинами пошла сейчас наша Россия, что повсюду в ней, в каждом её уголке исчезло такое понятие – родова?! Родственные связи у людей ещё сохраняются, хотя и они слабеют, а вот сказать, что у него есть не просто семья, а родова – этого не может почти уже никто...» Помимо сохранения памяти о своей собственной семье, автору удаётся создать портреты нескольких поколений, стать своеобразным летописцем многих судеб самобытных и талантливых людей Псковского края.

Таким образом, для С. Золотцева любовь к малой родине – это очень личное, интимное переживание, сопряжённое с болью, связанной с разрушением устоявшегося жизненного уклада, неписаных законов и традиций и необходимостью личной ответственности за осуществление достойной предков жизни.

... И отчий дом – сиротское жильё —
становится твоим заглавным Домом...
Под звон пасхальный и грачинный грай,
восстав из вьюг, устав от разрушений,
родительский и прадедовский край
становится землёй твоих свершений.

Кроме родных Крёсток, сакральным для поэта местом Псковской земли и, шире, России становится Пушкиногорье, Святые горы. Ему посвящён роман «У подножья Синичей горы». На Синичей горе находится могила А. С. Пушкина. По мнению

героя романа, в образе которого явственно просматриваются черты самого автора, «познать своё духовное рождение, стать самим собой Он (Пушкин. – Н. А.) мог только здесь, в Святых горах. <...> Волею всей русской истории – волею Божией – Он именно на этой земле из шумного и скандального... петербургского молодого сочинителя смог стать действительно великим, величайшим в своей национальной духовности Поэтом России. Воплотить в себе историческую волю и тысячелетнюю сущность своего народа. Нигде более – лишь здесь – Он смог стать Пушкиным». Добавлю к цитате: местоимение «Он» написано с заглавной буквы, что вызывает у читателя произвольные ассоциации с Христом. В мироощущении автора образ Пушкина, его место в истории русской культуры и его присутствие в современной жизни сопоставимы с ролью Спасителя в духовной истории всего человечества. Пушкин воплощает собой недосягаемый идеал поэта и образец национальной идеи с её принадлежностью России и родной земле.

Эта принадлежность выражается в слове, обозначающем национальность основного народа России. Русский, размышляет повествователь, – это прилагательное, которое отвечает на вопрос «чей ты?» или «какой ты?», а не «кто ты?», что характерно для обозначения других наций. Эта странность представляется ему закономерной, коренящейся «в национальном самосознании и натуре языка». Продолжая рассуждения об этих особенностях языка, С. Золотцев пишет: «К этому же историко-этническому свойству русской речи относятся и отчества, и “отеческие” самоназвания древних славянских племён, и слова, определяющие место рождения и жительства. Вятичи, дреговичи, кривичи... “Я – пскович”, – говорят мои земляки, разумея: “Я – сын Псковщины”. Это – сыновнее приятие в свой личностный мир сущности своей родины, наследование всему тому, что создано самой её природой и поколениями пращуров, обиходивших её».

Глубокая мысль о «сыновнем приятии» глубинной сути родины, художественно воплощённая в программном произведении С. Золотцева «Сыновняя поэма» (1998–2002), объясняет столь настойчивое и неослабевающее на протяжении многих лет внимание к проблеме малой родины, тематику всего его художественного наследия, а также тот факт, что творчество и жизнь поэта составляли единое целое, органичное и неделимое. А образ Синичьей горы, символизирующий основное свойство Родины – её неоспоримую святость (святость России, Псковской земли, святость духа), вырастает до онтологических масштабов и призван служить нравственным ориентиром для всех русских людей:

«Мы идём с моим земляком, с моим другом детских лет к Синичьей горе. Наша родная земля – её подножье.

Нам с неё не сойти.

Здесь – наша воля. Здесь – наша доля.

Здесь – могилы наших матерей, отцов, дедов и пращуров. Здесь наша мать сыра земля.

Здесь наша Синичья гора. Мы идём к ней. Это – наша вечная дорога.

Вечная Россия».

В заключение отмечу, что всё творчество С. Золотцева – это служение Родине, осознание величия которой начинается с любви и преданности родине малой.

Т. С. Рыжова,
кандидат филологических наук, доцент,
член Союза писателей России (г. Псков)

ПОЭЗИЯ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА В ПЕРЕВОДЕ:
к вопросу использования английского
языка в приложении к русской культуре

За последние годы в государственной языковой и культурной политике России наметился существенный сдвиг в сторону укрепления позиций русского языка и культурных отечественных ценностей. Так, в «Основах государственной культурной политики России» говорится, в частности, о необходимости продвижения русского языка и содействия повышению интереса к русскому языку и русской культуре во всех странах мира. Указывается также на расширение сотрудничества профессиональных научных и культурных сообществ, институтов и организаций в сфере реализации совместных проектов по изучению и представлению за рубежом российской культуры, истории, литературы, а также в сфере реализации совместных творческих проектов; обращается внимание на государственную поддержку переводов на русский язык¹. Нельзя не согласиться со своевременностью перечисленных выше положений и назревшей необходимостью их реализовать. Это очевидно не только для деятелей культуры, образования и чиновников указанных сфер, но и для каждого в России, кто дорожит её традициями,

¹ Основы государственной культурной политики РФ. – URL: <https://duck.duckgo.com/?q=Основы+государственной+культурной+политики+Text%20r.ru>.

устоями и национальной самобытностью. Именно поэтому важно, чтобы правильные задачи по осуществлению языковой и культурной политики России решались адекватно и системно с учётом современных реалий, чтобы использовались и поощрялись новые идеи, научные подходы, общественные инициативы, исключая формальный, бюрократический подход.

Приходится, к сожалению, констатировать, что молодое поколение утрачивает чувство родного языка, интерес к наследию русской литературы, культуры и истории; утрачен интерес к чтению. Данная проблема становится предметом обсуждения на круглых столах, конференциях, встречах писателей с общественностью в библиотеках и других мероприятиях. В связи с этим представляется уместным, в частности, упомянуть о круглом столе на тему «Лингва-туризм. Развитие российских образовательных туристических программ», состоявшемся в январе 2015 г. в Пушкинском заповеднике «Михайловское». В рамках мероприятия учёные российских образовательных и культурных учреждений, музейные работники, представители государственных и общественных структур, а также бизнеса рассматривали перспективы комплексного подхода к организации работы по реализации программ в области изучения русского языка, литературы, культуры, искусства.

Автором настоящей публикации в выступлении на Круглом столе была представлена концепция использования английского языка в его «вторичной культурной ориентации», под которой понимается ориентированность языка межкультурного общения в область иноязычной культуры, а в данном случае – в приложении к русской культуре². При этом в качестве целевой аудитории рассматриваются зарубежные граждане, не владею-

² Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: СПбГУЭФ, 2015. С. 51–70.

щие русским языком, но у которых велико стремление к познанию духа русского народа, его истории и традиций. Поскольку русский язык не может стать для таких людей средством освоения культурных и исторических ценностей России, представляется целесообразным для частичного решения этой задачи максимально использовать ресурсы и потенциалы понятного для них языка – английского.

При обсуждении идеи трансляции содержания исторических и духовных ценностей России участникам мирового поликультурного пространства средствами не только родного, но и английского языка, мнения участников круглого стола разделились от полной солидарности с выдвинутой концепцией до категорического её неприятия. Некоторые «несторонники» использования английского языка в функции транслятора русской культуры и истории подчёркивали, что при решении задач, выдвинутых в «Основах государственной культурной политики России», об английском языке вообще следует забыть.

Думается, что такой подход едва ли можно считать справедливым и полезным для России в условиях мировых интеграционных процессов. В полной мере осознавая себя носителями великого русского языка и представителями уникальной русской культуры, мы не можем тем не менее игнорировать роль английского языка, целенаправленно подчиняя его при этом новой функции – проводника русской культуры для иноязычных партнёров межкультурной коммуникации.

На первый взгляд, в таком подходе нет ничего нового: существуют путеводители и разработаны экскурсионные маршруты по городам России на английском языке, переведены и переводятся на английский язык различные проспекты и рекламная продукция, исторические и публицистические материалы. Однако особый интерес в плане лингвокультурного воздействия на иностранного читателя представляет русская художественная литература, в том числе и поэтическая.

Современная мировая практика показывает, что в попытке представить историю, культуру и народ России в искажённом свете стало возможным пренебрегать историческими фактами, создавать учебники, содержащие недостоверные сведения, развивать конъюнктурные изыскания и гипотезы. Однако невозможно «переписать» «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Бородино» М. Ю. Лермонтова, «Клеветникам России» А. С. Пушкина. Классическая русская литература, в том числе и современного периода, является надёжным источником, дающим яркое представление об истории нашей страны, о красоте родной природы и духовных ценностях русского народа. Хранителем любой национальной культуры и мощным транслятором народных исторических и культурных ценностей является, без сомнения, поэзия. Стихотворение в сжатой форме несёт огромную информацию о различных явлениях в культурной, социальной, политической жизни, усиленную образностью поэтического слова и, на наш взгляд, является действенным механизмом познания национального духа народа, его культуры и менталитета, выразителем которых является поэт³.

Поэтом такого плана, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Псковским краем, является, без сомнения, Игорь Григорьев, способный любым своим стихотворением сказать о русском человеке, о родной земле и самобытности России больше, чем авторы исторических и психологических трактатов.

К сожалению, оригинальное творчество этого современно-го истинно русского поэта, которого некоторые литераторы сравнивают с Есениным, остаётся недоступным для огромного

³ Рыжова Т. С., Бучинская А. А. Использование поэзии на уроках английского языка (старшая ступень обучения) // Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 75–82.

числа людей, не владеющих русским языком. В соответствии с этим, предметом рассмотрения настоящей публикации является лингвокультурный потенциал поэзии Игоря Григорьева как в оригинале, так и в переводе на английский язык. Примером подхода к обозначенной проблеме послужил перевод стихотворения «Непокорство», выполненный автором этой статьи. При этом проводится мысль о возможности полноценного донесения до иноязычного читателя средствами английского языка внутреннего мира русского человека, раскрытого Григорьевым, а также поэтизированного им культурно-исторического и природно-ландшафтного фона стихотворений. Важнейшим фактором для выполнения этой задачи представляется учёт переводчиком передачи национальной специфики культуры (исторических реалий, артефактов и проч.), что является, пожалуй, основной сложностью языкового посредничества и представляет наибольшую трудность при переводе в целом, не говоря уже о передаче на другой язык реалий, актуализированных средствами образного языка поэта⁴. Наличие фоновых знаний, знаний специфики поэтического перевода, обладание переводческой интуицией – первостепенные требования, которым должен соответствовать переводчик поэтического творчества. Оптимальным вариантом является триада: переводчик–поэт–лингвист (теоретик перевода). Однако такое сочетание в одном лице встречается крайне редко.

Темой стихотворения Игоря Григорьева, анализ которого станет иллюстрацией тезиса об использовании переводящего английского языка в приложении к русской культуре, является тема войны и оккупации фашистами родного края. Если говорить о духе стихотворения, то он выражен как в самом названии (эксплицитно), так и через систему образов (имплицитно): непокорство, русский стоицизм, духовное и физическое преодоление всеобщей беды через страдания, вера в победу.

⁴ Там же.

Непокорство

Будто мать горевая
Над сынком, в крови лежачим,
Жжёт метель, стена-взывая
Неподдельным русским плачем.

Словно вдовья невеста
Над любимым соколёнком,
Не находит замять места,
Захлебнувшись в стоне звонком.

Точно горькая сиротка
Над родительской могилой,
Тужит хвиль пугливо-кротко
Над судьбой своей постылой.

А кругом, в ночи-неволе, –
Ворог, проклятый трикратно.
Замерзает наше поле,
Замирают наши хаты.

Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.
Да! Мы дышим, дышим, дышим –
Копим жилистые руки!

Ключевой образ, олицетворяющий силу духа русского народа, – образ русской метели. Он проходит через всё стихотворение, репрезентируемый синонимами в параллельных строчках: «Жжёт метель, стена-взывая»; «Не находит замять места»; «Тужит хвиль пугливо-кротко»; «Жаркий голос русской вьюги». Попытка найти в языке перевода эквиваленты или хотя бы аналоги для этого синонимического ряда в языке оригинала является очень важной, но непростой задачей. У Игоря Григорьева каждый компонент рассматриваемой образной синонимической конструкции выполняет свою функцию и соотносится с тем сравнением, которое даёт ему автор – тонкий знаток

нюансов русской зимней непогоды, с одной стороны, и проявлений человеческого горя русским человеком – с другой: метель – «Будто мать горевая / Над сынком, в крови лежачим»; замять – «Словно вдовья невеста / Над любимым соколёнком»; хвиль – «Точно горькая сиротка / Над родительской могилой».

Можно смело утверждать, что, наряду с перечисленными выше лингвостилистическими явлениями, каждое слово, каждое выражение и даже фонетические средства в этом стихотворении, передают не просто сущность происходящей трагедии на русской земле в январе 1942 года, когда и было создано это уникальное по силе произведение, но и неистребимую силу духа простого русского человека, дают понимание того, что этот народ победить невозможно. Носителю русского языка «внутренняя жизнь» оригинала становится понятной с первого прочтения благодаря энергетике поэтического слова Игоря Григорьева. Сможет ли иноязычный читатель прочувствовать смысл того, что русский поэт называет непокорством, зависит от межъязыковых трансформаций и стратегий, к которым прибегает переводчик, и понимания стоящей перед ним «сверхзадачи».

Recalcitrance

Like a mother mourning over
Dear son in his blood lying,
Burns the snow-storm and groans,
Bursts into true Russian crying.

Like a widowed bride in grieving
Over the body of her darling
In the air the moan is ringing –
It's the blizzard in anguish crying.

Like a wretched little orphan
Over the parents' grave is whining –
Meekly, under the fate so awful
There a ground wind is pining.

In the night of yoke and trial
Enemies – thrice cursed – are swarming,
And of cold our fields are dying,
And dead still our cots are growing.

But we hear, hear, hear
Russian blizzard's voice so fierce.
Yes! We're breathing, breathing here
Hoarding our hands' sinews!

В переводе образ русской метели представлен синонимами, которые являются эквивалентными соответствиями: the snow-storm; the blizzard; a ground wind; Russian blizzard. Для вьюги в английском языке собственного имени не нашлось: она разделяет с метелью одно название – the blizzard. Есть также расхождение стилистического характера – «замять» и «хвиль» у поэта указывают на просторечье, тем самым акцентируя идею сельской местности, простого русского народа; в переводе использованные синонимы являются нейтральными, относящимися скорее к книжному стилю. Вместе с тем вполне удачной оказалась попытка передать в переводном тексте нестихающий гнев, скорбь и силу русской метельной зимы с помощью таких же образных сравнений, как и в оригинале: «Like a mother mourning over / Dear son in his blood lying»; «Like a widowed bride in grieving / Over the body of her darling»; «Like a wretched little orphan / Over the parents' grave is whining». Высокая степень образности и эмоционального накала предложенных в переводе соответствий позволит англоязычному читателю ощутить глубину трагизма той страшной зимы для русского народа и, возможно, открыть для себя неизвестные ранее страницы истории.

В стихотворении есть строчки, национально-специфическая окрашенность которых вызывает сомнение относительно возможности передачи вложенного в них смысла средствами другого языка. К таким случаям можно отнести следующие:

«Жжёт метель, стена-взывая / Неподдельным русским плачем»; «А кругом, в ночи-неволе, – / Ворог, проклятый трикратно»; а также финальную строфу:

Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.
Да! Мы дышим, дышим, дышим –
Копим жилистые руки!

Тем не менее оказалось возможным ликвидировать эти культурологические лакуны. В первом случае была осуществлена синтаксическая перестройка двух строк «Burns the snow-storm and groans, / Bursts into true Russian crying», при этом невозможность формально точно передать авторскую составную лексему «стена-взывая» компенсируется с помощью столь же экспрессивного английского устойчивого выражения «Bursts into... true Russian crying».

Аллитерирующие burns и bursts усиливают эффект жаркого голоса русской вьюги. Далее вновь следует авторская составная лексема: «А кругом, в ночи-неволе...» – явление, столь характерное для поэзии Игоря Григорьева. В английском варианте использовано добавление лексической единицы trial, что делает, на наш взгляд, созданное в переводе выражение «In the night of yoke and trial» более экспрессивным и стилистически приближенным к оригиналу.

Финал стихотворения – непоколебимая вера в освобождение, утверждение силы духа народа и уверенность в победе. Слышен голос самого народа, выразителем которого является поэт-пророк, и этому праведному пафосу подчинены все языковые и стилистические средства: повторы, восклицания, аллитерация и, как может показаться, абсолютно непонятное для иностранца выражение автора: «Копим жилистые руки». Однако поэтическая интуиция не подвела Игоря Григорьева: созданный им сложный поэтический образ универсально прост

для восприятия читателем, независимо от его национальной принадлежности. Наверное, поэтому перевод этих строк получился практически эквивалентным и, как показала практика, адекватно воспринимаемым англоязычным читателем:

But we hear, hear, hear
Russian blizzard's voice so fierce.
Yes! We're breathing, breathing here
Hoarding our hands' sinews!

Концепция использования английского языка в его «вторичной культурной ориентации» на материале переводов русской поэзии представлена автором настоящей статьи в курсе «Russia Through Poetry» для иностранных студентов, не владеющих или почти не владеющих русским языком, которые приезжают на разные сроки обучения в Псковский государственный университет в рамках академической мобильности. Для таких студентов вторым языком является английский, и им предлагаются курсы, разработанные на этом языке.

Курс «Russia Through Poetry» построен на материале поэтических переводов Пушкина, Есенина, Лермонтова, поэтов Пскова и, конечно, Игоря Григорьева. Изучены переводы его стихотворений: «На Синичьей горе» (посвящено Семёну Гейченко), «Непокорство», «Поклон, поклон, ржаное поле...» и других, дающих иностранцам прекрасную возможность увидеть Россию глазами её поэтов. Примечательно, что в процессе освоения переводной поэзии у студентов появляется желание познакомиться с аутентичными текстами, сравнить перевод с оригиналом, и это стимулирует их стремление изучить русский язык. Таким образом, делается ещё один шаг к продвижению русского языка в мировом сообществе.

Л. А. Сычева,
член Союза писателей России
(Москва)

АРХЕТИПЫ «РУССКОЙ АНТИЧНОСТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ ВАЛЕНТИНА СОРОКИНА, ЗОИ ПРОКОПЬЕВОЙ И ВЛАДИЛЕНА МАШКОВЦЕВА

Понятие «русская античность» связано в литературоведении с трудами Г. С. Кнабе. Данный термин филологи обычно понимают как «стороны античного наследия, которые были усвоены национальной культурой в соответствии с внутренними ее потребностями и стали ее органической составной частью»¹.

Мы же выдвигаем принципиально иное толкование. В гуманитарных науках под античностью подразумевается цивилизация Древней Греции и Древнего Рима во всём многообразии её исторических форм. Русская история, русская государственность, русская литература, на первый взгляд, не могут похвастать никакой особенной древностью. Была ли у предков нынешних русских своя античность? Труды Юрия Петухова, Михаила Задорнова, Валерия Чудинова, посвященные вопросам славянской древности, не признаются академической наукой, исследователи-профессионалы относят их к историческому ревизионизму или к «фолк-истори». Работы их украинских коллег – Сергея Плачинды, Юрия Шилова, Юрия Каныгина – ещё более скомпрометировали поиски «русской/славянской античности/древности», поскольку лишены научной строгости. И тем не менее мы полагаем, что данный феномен всё-таки

¹ Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 2000. С. 14.

существует, его реконструкцию можно проводить, привлекая данные истории, археологии, литературы, психолингвистики.

К этой идее нас подвели труды выдающегося отечественного филолога Е. А. Авдеенко (1952–2014). Наибольшую известность он получил как педагог и переводчик книг Священного Писания. Его лекции посвящены толкованию книг Ветхого Завета, а также христианскому анализу произведений античной и русской литературы.

Е. А. Авдеенко – блестяще образованный человек, взыскательный и строгий исследователь греческой древности. Его анализ «Илиады» основан на прекрасном знании древних языков, истории, а главное, на библейском мировоззрении, которое позволяет ему делать глубокие и точные выводы. Авдеенко раскрывает понятия «героизм», «героическая личность», «героическое мировоззрение», аргументированно обосновывает тезис, что «русская культура имеет более близкое сродство с литературой античной, чем с западноевропейской Нового времени»². Авдеенко указывает на то, что художественная задача в героическом мировоззрении вторична (на первом месте – бесстрашие) и что «предмет эпического повествования у Гомера – не геройские битвы под Троей и не приключения героев, но – героизм».

Учёный утверждает, что открытия, сделанные античными философами, поэтами, драматургами на «пространстве души человеческой», героическая «мужественность» греко-римской цивилизации как раз и стали почвой для усвоения и приятия Евангельской вести. Римляне и римеи дали миру великих святых, подвижников, мучеников, миссионеров. Впоследствии первый Рим пал от ереси, второй, Константинополь, завоевали турки. Преемницей идеи христианского царства стала Русская земля. В 1510–1511 г. старец псковского Елеазарова монастыря

² Авдеенко Е. А. Состязаясь с Омиром. «Евгений Онегин» как русский эпос // Новые хроники. 20.04.2010. – URL: <http://novchronic.ru/4518.htm>.

Филофей пишет московскому великому князю Василию Ивановичу: «... все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»³.

Первые два Рима имели в своём основании глубочайший историко-культурный фундамент, имя которому – античность. Полагаем, что и «Третий Рим» должен был бы иметь прочные дохристианские основания. Без героического духа (т. е. духа античного, сходного с тем, что запечатлён в «Илиаде»), «новое царство» не смогло бы утвердиться надолго. Ноша христианства тяжела, она невозможна без подвига и не каждому народу под силу. Тем более что «Третий Рим» состоялся в подобных первым двум культурно-государственных формах: 1) монархия, 2) империя, 3) географическая пространственность, 4) временная протяженность, 5) мессианство, культурное влияние на окружающие народы.

В подтверждение данной гипотезы мы укажем на произведения писателей, созданные и опубликованные в советский период, где ярко и очевидно, на наш взгляд, проявляются архетипы «русской античности» (т. е. глубокой дохристианской древности, в которой отчётливо просматриваются черты локализованного во времени и пространстве самобытного общества). Это корпус лирической и героической поэзии Валентина Сорокина (см., напр., «Слово к России» (1959), «Я – русский» (1960), «Русский вкус» (1961), «Бова» (1964), «Умежи» (1965), «Тоска по крыльям» (1967), «Евпатий Коловрат» (1968), «Монолог гусяря» (1970) и др.), роман Зои Прокопьевой «Своим чередом» (1986) и роман Владилена Машковцева «Золотой цветок-одолень» (1990). В вершинных произведениях каждому из авторов удалось создать самобытный художественный мир.

³ Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105#>.

Поэт Валентин Сорокин (род. 1936), прозаик Зоя Прокопьева (род. 1936), поэт и прозаик Владислав Машковцев (1929–1997) принадлежат к одному, довоенному поколению. Их становление как литераторов прошло на Южном Урале. Все трое связаны дружескими узами: Сорокин и Прокопьева посещали литобъединение «Металлург» в Челябинске, Сорокин и Машковцев одновременно учились в Москве (первый – на Высших литературных курсах, второй – в Литинституте). На чётко локализованном пространстве Южного Урала (Зилаирский район Башкирской АССР – Магнитогорск – Белозерский район Челябинской области), где, соответственно, прошло взросление Сорокина, Машковцева и Прокопьевой, появился мощный пласт «пассионарной», героической литературы, написанный в весьма свободной, независимой манере, без оглядки на текущее (советское) время. Все три автора не только находятся вне стилистического и тематического влияния эпохи, но и обнаруживают – независимо друг от друга – общие, дохристианские, архетипы в своём творчестве. При этом христианские смыслы и образы в произведениях также присутствуют (Сергий Радонежский у Сорокина, священник у Прокопьевой, православное воинство у Машковцева), но не играют ведущей роли.

Героическая поэзия Сорокина обращается по преимуществу к славянской древности; в романе Прокопьевой, посвященной событиям в СССР в 1930–1945 гг., мы обнаружим эпизод о народе эпохи бронзы; повествование Машковцева рассказывает о ящичке казачестве XVII века. Тематический разброс произведений, как видим, весьма велик, но тип центральной личности, явленный у всех трёх авторов, поразительно напоминает носителей героического мировоззрения, подробный разбор которого сделан Е. А. Авдеенко. Известно, что основа героического пафоса есть желание отстоять мир идеальный, и чем дальше человечество движется по дороге истории, тем сильнее оно удаляется от «утраченного рая»; вот почему подлинно героический па-

фос, воплощенный с большой художественной силой, встречается чрезвычайно редко. В советское время героический пафос часто имитировался пропагандой, что привело к его выхолащиванию, пародированию или к ситуативному «проигрыванию ролей» (вспомним, например, «ролевой героизм» альпиниста, солдата, «блатного» у Владимира Высоцкого).

Но произведения названных авторов тем и удивительны, что, вопреки времени и конкретно-исторической литературной ситуации, героический пафос носит у них первозданный и художественно убедительный характер. Достичь данного эффекта невозможно за счёт мастерства или некоторого комплекса усвоенных извне идей: чтобы говорить образно, писатель должен нести в себе определенные архетипы, т. е. универсальные врождённые психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного. К. Г. Юнг утверждал: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов, он охватывает и увлекает; при этом он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечносущего; притом же и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы и через это высвобождает и в нас благотворные силы, которые во все времена давали человечеству возможность выдерживать все беды и переживать даже самую долгую ночь. В этом – тайна воздействия искусства ...».

В нашу задачу не входит подробный разбор произведений, но мы укажем на центральный архетип, воплощенный у всех трех авторов наиболее ярко. Это бесстрашный вождь-воин, защитник родной земли от врагов (у Сорокина это князь, у Прокопьевой – царь, у Машковцева – атаман). Общим для названных произведений является также глобальность изображаемых событий, «континентальность», рельефность и определенность воссозданных образов, исключительность обстоятельств – между жизнью и смертью, – в которых оказываются герои. Наконец, «кровью» произведения является непрерывное движение –

материи, духа, смысла, изменений в природе. Движение – ключевой концепт жизни (обратим внимание на тот факт, что в так называемом «современном искусстве» акцент делается на фиксации образов смерти, а сами произведения лишены внутренней динамики; появилось даже такое направление как «некро-реализм»).

«Русская античность» существует, и, возможно, родина её, сердцевина – именно Южный Урал. Главное доказательство данного феномена – её носители. «Молчат гробницы, мумии и кости, – / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь Письмена» – эти стихи Ивана Бунина и о том, что в художественном слове из далей времени является нам образ народа. Поэт, носитель архетипа, точней, чем археолог, воспроизведёт образ царя, и развалины и гробницы ему скажут больше, чем историку.

Л. Н. Гумилев писал: «Среди нас бродят потомки скифов и хуннов, шумеров и кельтиберов, хотя этих этносов нет. И видимо, через 2 тысячи лет не останется англичан и датчан, хотя люди будущего будут их потомками, обновленными до неузнаваемости»⁴. Недостаточное внимание академической науки, литературной критики, массового читателя к произведениям, несущим в себе подлинно героический пафос, и к данным авторам в частности, иллюстрирует эту мысль Гумилёва в отношении русского этноса. Русские ли мы, если мы не хотим знать, какие были настоящие русские?! Если русская ширь, русский героизм, русская отвага, русская мужественность становятся у нас качествами исключительными, если «потомки, обновленные до неузнаваемости», неспособны не то что воспроизводить данные качества, но даже воспринимать их в других. Какое мы тогда имеем право называть себя русскими?!

⁴ Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 2008. – URL: http://bookz.ru/authors/lev-gumilev/ritmi-ev_032/page-11-ritmi-ev_032.html.

Часть II

А. П. Андрюшкин,
член Союза писателей России
(Санкт-Петербург)

О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЭМЕ
И. Н. ГРИГОРЬЕВА «РУССКИЙ УРОК»

Мировоззрение так или иначе отражается в каждой поэме и в любом самом коротком стихотворении, поэтому требуется пояснить, почему «Русский урок»¹ мне представляется в главной своей сути и прежде всего мировоззренческой поэмой.

Дело в том, что произведение это очень короткое, в нём практически нет ни героев, ни сюжета, ни художественных описаний места действия, а есть лишь предельно сжато и энергично выраженная мировоззренческая тема, а именно: отношения русского народа с другими народами; тема борьбы России за русские ценности. При этом в нём есть напряжённое языковое творчество, включающее порождение необычных словоформ и даже новых слов. Это хорошо видно уже в зачине поэмы, вот первые три строфы:

В раскосые зраки Батыя
Ты блазилась взятой уже.
Россия, Россия, Россия
На крестном своём рубеже!

До волжских могил от Мамаю —
Война неземной долины,
Атака семивековая,
Беда без суда, без вины.

¹ Григорьев И. Н. Перед Россией: стихи и проза. М., 2014. С. 319–328.

Во имя любви и воли
Бездонная крови река.
Превыше и горше юдоли
Не ведали даль и века.

«Блазниться» – слово редкое, «долина́» (по аналогии с «ширина», «высота») и «горше» – также необычные словоформы; таким образом, поэма сразу понуждает читателя сосредоточиться для постижения смысла стихов, стать «соротником» автора.

Зачин поэмы посвящён борьбе с Батыем и противостоянию татаро-монголов и Руси (в четвёртой строфе также упомянута «Калка-река»: в битве при Калке произошёл первый разгром русских монголами). Здесь, кстати, оспаривается одна из любимых идей автора теории этногенеза Л. Н. Гумилёва о якобы гармоничном сосуществовании Руси и «степи». Вообще говоря, доказать отсутствие антагонизма между земледельческим и агрессивным кочевым населением – задача почти невозможная, но она почти удалась Гумилёву, так как данная его теория была неявно политкорректной. Она лежала в русле модных во второй половине XX века идей мультикультурализма и поэтому многих устраивала.

Отдадим должное Гумилёву как автору интересной гипотезы «циклов этногенеза», но идею об отсутствии татаро-монгольского ига отвергнем решительно. Хотя делать это небезопасно даже сегодня, когда увлечение мультикультурализмом, казалось бы, пошло на спад.

Вернусь к поэме «Русский урок». Мировоззренческая идея беззаветной борьбы за русские ценности предстаёт в поэме как философия истории России или как русская историософия. Эта идея развёртывается в несколько этапов, и поэма состоит из соответствующих блоков: татаро-монгольское иго; Великая Отечественная война; послевоенное ядерное противостояние с США и НАТО.

Очень хорошо, что автор не начал поэму сразу с Великой Отечественной: это снизило бы уровень произведения, сведя его к некоей мемуаристике участника войны. Хотя Григорьев опирается в поэме на свой собственный опыт, в частности говорит о героически погибших партизанах, вместе с которыми воевал, в том числе о собственном младшем брате.

Напряжение поэмы таково, что и этот личный опыт, и упоминание малоизвестных имён Любви Смуровой или Кости Чеховича, даже цитирование маловажных разговоров – всё приобретает масштабы гигантские и поистине исторические. Вслушаемся в строфы о Великой Отечественной:

«Держаться, держаться, держаться,
Бутылками танки рубя!
Мы – дома: не смей унижаться!
Последний патрон – для себя!»

– А кто повеленье преступит –
Платить нерасплатной ценой:
Бесчестья и смерть не искупит.
Всё поняли? Рота, за мно-ой!.. –

Раз велено – велено, значит.
Вздымай нас! Гони нас! Влаки!
Хоть бой, почитай, и не начат –
Уже подо Псковом враги.

– Да где там под Псковом – у Луги!
– Да это ж куды он припрёт?..
– Неуж мы такой недолагий,
Такой никудышный народ?

В своей статье о творчестве Григорьева «Мучаюсь бедой нашей горестной Родины...» известный литературовед А. М. Любомудров пишет о частом использовании поэтом слов, имеющих славянский корень «гор», от которого произошли глаголы «гореть» и «горевать». Григорьев часто употребляет

ет редкое прилагательное, возможно, им самим образованное от этого корня: «горевой» («Чего я только не видал на свете горевом», «в наших судьбах, таких горевых», «к мечте не пробьёмся в пути горевом» и т. д.). Думается, в этом слове как раз и соединены оба значения корня «гор», хотя «горя» тут всё-таки больше чем «горения». А. М. Любомудров написал о Григорьеве: «Гореванием о Руси можно определённо назвать всю его зрелую поэзию».

Это совершенно верно как в применении ко всему творчеству Григорьева, так и в отношении, например, его поэмы «Вьюга». Она длинна, живописна и имеет общее минорное звучание. Это, в точном смысле слова, горевание о русской деревне. Однако в поэме «Русский урок», думается, больше огня чем горя: если провозглашают «последний патрон – для себя!», то можно ли представить себе более пламенный призыв?

Кстати, в том месте поэмы, где автор поясняет, какое значение он вкладывает в выражение «русский урок», появляются глаголы «зажечь» и «сожечь»:

Стокровьем закат пересия,
Победу над ночью зажгла.
Россия, Россия, Россия,
А если бы кровь изошла?

А если б разверстая бездна
Пронзила заволжский песок?
Тебе-то, вещунья, известно,
Как в даль твою впился б Восток.

А вдруг бы себя не хватило?
А вдруг бы да сдали крыла? –
Ведь экая смертная сила
Твою непреклонность рвала!

Всю ночь от потёмок до света,
До самого Солнца-светла,

Ужель не боялась ответа,
Себя сожигая дотла?

Ужели надеялась выжить?
Воскреснуть в назначенный срок?
– Бери неотложней и выше:
Дать нелюди Русский Урок!

На предельном напряжении написана и концовка поэмы, в ней даже и грамматика особая: появляются архаические формы («быти», «убити»), которые, впрочем, имеют оттенок не книжный, а скорее разговорно-народный, во всяком случае, они органичны для самого автора. Прошу прощения за цитирование сразу пяти строф концовки, но, думаю, они того стоят:

«В атомщиков свору неситу
Швырни заклинанье, Земля!..»
Как быти два раза убиту —
Убити два раза нельзя.

И воев, кто в землю положен,
Не дадено дважды сразить.
У Жизни закон непреложен:
Их надо сперва воскресить.

Нельзя повторить сорок первый,
«Смоленский котёл», Ленинград —
Измерить безмерною мерой
Несчастные сонмы утрат.

Нельзя повторить «Drang nach Osten!» —
Клеймены паучьим крестом,
Не те мы теперича ростом
(Хоть люди забыли о том).

Нельзя повторить Нагасаки,
Зане ноне порох не тот.
– Авось перебьёмся без драки...
Нет, люди: «авось» не спасёт!

Кстати, в более ранней редакции поэма заканчивалась не восклицательным, а вопросительным знаком: «А если “авось” не спасёт?..».

В заключение своего короткого очерка скажу о христианской теме, которая вводится автором с большим тактом. Авторская датировка написания поэмы – 13–17 июля 1983 г., то есть на дворе краткий период андроповского правления, не очень благоприятный для христианских высказываний (как и вся советская эпоха). Тем не менее автор в короткой поэме, занимающей всего десять страничек малого формата, христианской теме касается дважды, да как! Сначала он говорит, что в истории России на защиту страны поднимались одинаково и верующие, и неверующие («и ухарь, и схимник-монах»). Затем Григорьев ожидаемо упоминает монаха Пересвета, чей поединок с вражеским богатырём, по преданию, предшествовал Куликовской битве. Но упоминает он Пересвета в необычном контексте, а именно, говоря о собственной мечте погибнуть за Россию! Да-да, автор утверждает, что для него высшим счастьем было бы именно погибнуть в бою за Россию, как Пересвет, «оставить земное житьё». Цитирую:

Удел не кляня окаянный,
Оставить земное житьё,
Как мних Пересвет покаянный,
Скрестив роковое копьё!

Итак, «Русский урок» – компактная поэма, написанная, судя по датировке, всего за пять дней, явно при мобилизации автором всех душевных сил, всего опыта и убеждённости. Она является выраженным в адекватной художественной форме уроком русского мировоззрения и в таком качестве может использоваться в учебном процессе, а в более широком понимании поэма представляет собой художественное послание поэта Игоря Николаевича Григорьева будущим поколениям.

В. Г. Бондаренко,
член Союза писателей России
(Москва)

ЧУДОТВОРЕЦ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Юрий Поликарпович Кузнецов (11.02.1941–17.11.2003) – несомненно великий русский поэт, чудотворец русской поэзии. В русской поэзии он был неожиданным чудом, которое многие и не понимали.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ – это не просто небожитель нашего поэтического Олимпа. На нашем Олимпе его можно было бы назвать Зевсом. Впрочем, он и похож частенько на Зевса, посылающего молнии на головы поверженных. Нет, остановиться на таком понимании его олимпийства – значит всего лишь включиться в некую литературную игру, воздать ему должное за все его труды. К счастью, и без меня воздается. О существовании Юрия Кузнецова не могут ни на минуту забыть ни патриоты, ни – пусть со скрежетом зубным – наши литературные либералы. Но все-таки, говоря о Кузнецове, я имею в виду совсем иное олимпийство, уже без всяких аллегорий. Олимпийство во всей своей брутальной правдивости и первичности. Пожалуй, еще десять с лишним лет назад, задумавшись над стихами Юрия Поликарповича, я вдруг обнаружил, что он становится более понятен, когда его ставишь в совсем иную систему координат. Не только в систему нашей национальной сокровищницы русской поэзии, хотя и там ему место давно определено. Не только в координаты своего поколения или даже всего XX века, а в систему олимпийского классического измерения искусства, существующую еще со времен языческой Древней Греции и языческого

Древнего Рима. И единицы поэтического времени, и отношение к образу, к пространству – все оттуда. От древнегреческих поэтических мифов, далее сопрягая их с мифами кельтскими, германскими, финно-угорскими. «Где пил Гомер, где пил Софокл, / Где мрачный Дант алкал...» Через блистательное Возрождение, соприкоснувшись близко с Данте, и далее уже в наш древний славянский мир.

Он, как небожитель, творит чудеса в русской поэзии. Обывательскому божемному миру нет дела до того, что и сам поэт не волен быть иным, что он сам как человек, мне думается, иногда гибнет под тяжестью своего креста.

И с тех пор я не помню себя:
Это он, это дух с небосклона!
Ночью вытасил я из лба
Золотую звезду Аполлона.

Кстати, звезда Аполлона, пронизывая все поэтическое пространство Кузнецова, позволяет делать низкое – высоким, обыденное – бытийным, пародийное – трагедийным. Казалось бы, иногда Кузнецов позволяет себе небрежные, затасканные глагольные рифмы, пересказывает анекдоты, утверждает тривиальные истины. Какой-нибудь поэтишко скажет: я тоже так могу. Так, да не так. Нет гравитации поэзии, нет того неведомого свиста, который отделяет незримой стеной обитателя Олимпа от даже весьма способных стихотворцев.

Плащ поэта бросаю – ловите!
Он согнет вас до самой земли.
Волочите его, волочите,
У Олимпа сшибая рубли.

Если принять это олимпийство Юрия Кузнецова как образ его мысли, как его поэтическую систему, становятся логичными и понятными многие якобы несуразности в его стихах и выступлениях. Его подход к Пушкину, по сути перечеркнувшего

поэтическое олимпийское мышление и определившего совсем иной путь развития для русской национальной поэзии. Его подход к сверстникам. И даже его подход к нашему христианскому Богу. Путь Юрия Кузнецова к Христу – самый сложный путь человека, знакомого с пантеоном олимпийских богов. Он вписал Христа в свою систему олимпийских координат времени и пространства, добра и зла, победы и поражения. Но в итоге (а это важнее всего!) он пришел именно к православному пониманию Бога и человека. Он через олимпийское мироощущение пришел к живому Христу. Не к книжному, не к иконописному, а ко Христу, живущему в простодушных душах обыкновенных мирян, ко Христу, понятному простому человеку. В конце концов, поэма Юрия Кузнецова «Путь Христа» – это еще один народный апокриф.

В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА всегда сосуществуют олимпийская высота и какая-то простая брутальная повседневность, откровенные чудеса и обыденная реальность. Впрочем, он и реальность делает чудесной. И потому его любимые герои, а может быть, и прототипы героев – это или титаны, как и он сам, поверженные на землю, или простодушные русские мужики, добры молодцы из сказочной, еще дохристианской Руси. Когда он пишет про поражение титана:

Твое поражение выше
Земных и небесных знамен,
Того, кто все видит и слышит,
Того, кто горами качает,
И даже того, кто все знает, –
Но все-таки ты побежден, –

он пишет и о себе самом, вознесенном силою таланта в титаны, но и побежденном той же самой ему неведомой божественной силой, а потому вознесенным в величие, но постоянно смятым и угрюмым, удрученным увиденным на земле столь многочисленным человеческим злом, войнами, людской неспра-

ведливостью. Отсюда и ощущение тотального одиночества поверженного титана: «Одинокий в столетье родном / Я зову в собеседники время», или еще сильнее: «Я в поколенья друга не нашел». Он сам размышляет о загадке мирового зла: «Это только злобу у нас не принимают даже на уровне обыденного сознания, а зло – оно обаятельно... Корни зла тоже пронизывают человеческий характер. Но уходят они еще глубже, к самому сатане, к мировому злу... В отличие от злобы, зло привлекательно. Вспомним “Потерянный рай” Мильтона... А это же апофеоз сатаны! Потом пошло-поехало... байронизм... а у нас – лермонтовский “Демон”, “Элоа” Случевского...». Демоны мирового зла навещают и олимпийское пространство Юрия Кузнецова. Демоны превращают в зло любое бытие.

Всяко им было, платили и кровью.
Хмуρο глядело на них
Духом высокое средневековье.
Хмуρο глядит и сей стих.

И только молодец-простолюдин, сказочный герой из русско-го фольклора, гол как сокол, в простоте своей не стал копаться в адских секретах, а сразу же отринул их. Сотворил свое русское чудо. Вот это и есть самый утопический герой поэзии Юрия Кузнецова. То, о чем всегда мечтается, былинный богатырь, живущий на нашей с вами сырой земле. Русский мужик. (Кстати, всегда поражает смелость образов у Юрия Кузнецова. Так и видишь картины Павла Филонова или Сальвадора Дали, или уж на худой конец Петрова-Водкина, но только не передвижников. Да и в поэтическом ряду XX века напрашиваются совсем иные имена, нежели его сверстник Николай Рубцов. Скорее, ранний Заболоцкий и Хлебников. Скорее, Гарсиа Лорка и Поль Элюар. Впрочем, это все касается лишь видимой сюрреалистичности и фантазмагоричности иных образов Юрия Кузнецова, внешних примет его, несомненно, авангардной поэзии. Но, мне кажется,

его стилистика не связана напрямую с его же трагедией поверженного титана. Тут уже другое – бытийное.)

Мужик, Илья Муромец, Иванушка, русский солдат – эти утопические герои Кузнецова из его мира русских чудес, кстати, не всегда во всем обаятельные, с ленцой, с неким равнодушием и сонливостью, но в них-то и заключена, по мнению поэта, сила славянского мира.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Демоны отстали от поэта. Не выдержали испытания его трагическим холодом. Бесы перемерзли на той высоте, куда добрались на плечах поэта.

Вот и оказывается, со всех точек зрения – и формальной, и эстетической, и демонической, и духовной – изначально последний олимпиец XX века Юрий Кузнецов был обречен на одиночество, сколько бы его поклонников, соратников и бражников ни сидело рядом. Это тоже часть его трагедии. И вряд ли эту участь одиночества поэт принимает с радостью и охотой. Он говорит: «Впервые трагическим поэтом меня назвал критик Александр Михайлов. Всегда и везде я одинок, даже в кругу друзей. Это верно. Сначала мне было досадно, что современники не понимают моих стихов. Даже те, которые хвалят. Поглядел я, поглядел на своих современников, да и махнул рукой. Ничего, поймут потомки...».

Там, на олимпийском пространстве, плох он или хорош, но живет в ладу и с Гете, и с Данте, и с Петраркой. Здесь, на грешной земле, у него собеседник, пожалуй, был один. Поэт признавал, пожалуй, равенство Вадима Кожинова. Равенство не поэтическое или критическое – равенство олимпийских небожителей.

За горизонтом старые друзья
Спились, а новым доверять нельзя.
Твой дом парит в дыму земного шара,
А выше Дионисий и гитара,
И с книжной полки окликает Рим:
Мементо мори, Кожинов Вадим!
Смерть, как жена, к другому не уйдет,
Но смерти нет, а водка не берет.
Душа верна неведомым пределам.
В кольце врагов займемся русским делом.
Нас, может, двое, остальные – дым.
Твое здоровье, Кожинов Вадим.

МЕСТО ПЕРВОГО ПОЭТА РОССИИ, которое по праву заслужил в конце XX века Юрий Кузнецов, принесло ему больше печали и новых тревог, чем душевного спокойствия. В конце концов, он изначально выбрал наиболее трудный путь. А еще вернее, пошел по пути, определенному судьбой. Изначальная точка отсчета поэзии Кузнецова в его личной трагедии – гибели отца на войне. «Вот он встает, идет, еще минута – / Начнется безотцовщина сейчас! / Начнется жизнь насмешливая, злая, / Та жизнь, что непохожа на мечту... / Не раз, не раз, о помощи зывая, / Огромную услышу пустоту». Страдания и смерть перерастают в энергию будущих поколений, будь это дети 1937 года, будь это дети фронтовиков. Отсюда уже и знаменитое: «Я пил из черепа отца / За правду на земле, / За сказку русского лица / И верный путь во мгле...».

Не так просто создается русская сказка, русское чудо. За него и платить надо большую цену. Ощущение русского чуда, русской сказки – дали поэту выход в космос, вывели на вселенский простор. Уже в силу всей своей поэтической системы он вначале стал всемирным поэтом, поэтом мирового пространства, а уже затем, с олимпийского мирового пространства, вернулся на нашу землю, в координаты русской поэзии. Такое случилось в России не раз – с ранними славянофилами, выходцами из

германских университетов, с Федором Тютчевым. Это не путь Николая Рубцова, поэтического друга и поэтического соперника, идущего от деревенской околицы ввысь, неся в себе образ песенной Руси. Это путь изначально всемирного поэта в свою национальную нишу. Возвращение блудного сына, затерявшегося в олимпийских просторах. С собой он в нашу национальную сокровищницу принес и Данте, и Шекспира, и священные камни европейских святых. «Отдайте Гамлета славянам!» Он уже наш, он сегодня непонятен англичанам и датчанам, а русским его рефлексия, его приглушенные рыдания роднее всех родных. И русский «Гамлет шевельнулся / В душе, не помнящей родства».

Юрий Кузнецов присваивает России, присоединяет к русской культуре немецкие и скандинавские мифы и предания, поэзию кельтов, французскую вольность Вийона:

Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей.
... ..
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто.

Его мрачный Дант – это уже русский Дант, его Гомер – это уже русский Гомер. С Достоевской всечеловечностью он не присоединяет провинциальную Россию к цивилизованному миру, а присоединяет к России всю мировую культуру. С простотой милосердия он былых врагов превращает в заклётых братьев, отрицая битву идей, он создает единый мир знаков и символов, образов и мифов.

Отправляясь к заклётым врагам,
Он пошел по небесным кругам
И не знал, что достоин бессмертья.
В этом мире, где битва идей
В ураган превращает людей,
Вот она, простота милосердия!

Вот такая, вбирающая в себя все милосердие и доброту, рождающая чудо, простая и голая славянская душа становится центром его олимпийского поэтического простора. Зевс переместился в Россию с ее кондовыми снами, с провалами в прошлое и с забегами в будущее. Его славянин то спит сто лет подряд, не взирая на копошащихся вокруг европейских человечков, то, вырываясь из истории по-петровски или по-сталински, опережает все развитие мира.

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи – дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет – и опять уснет.

И не поспоришь, так все у нас и происходит. Поэт не придумывает, не восхваляет, он дает концепцию нашей жизни, ее стратегический замысел. Образы его России всегда мифологичны и фольклорны, даже если это создаваемый им лично миф, творимый им фольклор. Он мог бы вполне спокойно существовать и в дописьменный период, чего не скажешь о большинстве иных, даже высокоталантливых сверстников. Потому он и первичен, что живет в пра-слове, в устном слове, и мог бы варварам в козлиных шкурах творить их чудесные мифы. Дописьменной поэзии не нужны были детали, предметные признаки, и потому у Кузнецова никогда не найдем ни ландшафтных, ни бытовых подробностей. Как говорит сам поэт: «Я в людях ценю то, что есть в них от вечного, непреходящего. Да и не только в людях. Например, можно любить Европу – женщину – абстрактно, а можно по-человечески, как героиню бессмертного мифа, быть, так сказать, соперником Зевса, проблему времени снять. Людей ты в понятие не вместишь. Они шире и глубже любого понятия. В образ – может быть, и вместишь. В символ – тем более». И потому его поэзия – всегда поэзия символов. Он все поднимает до уровня чуда. Для него простой человек – всегда мудрый чело-

век. Мир его подробностей – вне быта, это сапоги повешенного солдата, идущие мстить сами по себе, это череп отца, по-шекспировски дающий ответ на тайну земли, это младенец, вырезанный из тела матери, чтобы потом стать Сергием Радонежским... Деталь, уплотненная, обобщенная до символа.

Как творец чудесных символов – он философ и мыслитель, но как поэт дописьменной поры, поэт первичных смыслов – он не приемлет философскую лирику. Бытие манит в бездну. Он стремится к бездне, но никогда не поглощаем ею, ибо в бездне мирового простора он просматривает и лучи русской Победы. Там, где другие цепенеют от страха и растворяются в небытии, русский мир лишь стоически крепнет как символ мирового духа.

Я скатаю родину в яйцо.
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где никто в лицо не мечет стрелы.
Раскатаю родину свою,
Разбужу ее приветным словом
И легко и звонко запою,
Ибо все на свете станет новым.

Д. К. Войтюк,
кандидат психологических наук
(г. Новосибирск)

КНИГА ЖИЗНИ АРКАДИЯ КУТИЛОВА

Если обратиться к сухим фактам биографии поэта Аркадия Кутилова (1940–1985), то человеку неподготовленному и прячущему свой страх за стереотипами порядочного человека мира социалистического, с моральным кодексом строителя коммунизма в руках, может показаться, что это какой-то жестокий розыгрыш, что так не бывает, не должно быть... Но факты – упрямая вещь.

Вот некоторые факты, выбранные из статьи Геннадия Великосельского «Опознан, но не востребован»¹:

1. «...Летом 1985 года в одном из центральных скверов Омска был обнаружен труп бродяги в грязной рваной одежде. Труп был опознан, но никем не востребован. Это был один из самобытнейших российских поэтов XX столетия Аркадий Кутилов».

2. Стихи еще недавно опального, бездомного, никому не известного омского поэта вошли в антологию «Русская музыка XX века», включены в антологию «Русская поэзия XX столетия», изданную в Лондоне на английском, наконец – в нашумевшую антологию «Строфы века».

3. Аркадий Кутилов родился в 1940-м в Иркутской области, в таежной деревне Рысьи. Своей редкой фамилией (зачастую вос-

¹ *Великосельский Г.* Вступительное слово // Аркадий Кутилов. «Опознан, но не востребован» // Арион. 2001. № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2001/4/kut.html>.

принимаемой как псевдоним) он несомненно обязан протекающей в тех местах небольшой речушке Кутил. Начал со стихов, которым сам же и дал определение – «таежная лирика»:

...Встает в тиши холодная заря,
мороз, как бык, вылизывает спину...

4. Заслужил высокую оценку Твардовского. Стал автором гимна Смоленска.

5. Когда Аркадий проходил службу в армии, случилось событие, наложившее отпечаток на всю его дальнейшую судьбу. Аркадий и еще пятеро солдат устроили в части выпивку. Пили антифриз. В живых остался один Кутилов. В тяжелом депрессивном состоянии его демобилизовали. Вспоминая об этом трагическом инциденте, вновь обращаешься к истокам: к таежной речке Кутил и к фамилии Кутилов.

6. В родную деревню Аркадий вернулся совсем другим человеком, до конца дней затаив в душе вину – за то, что остался в живых. В сохранившихся автобиографических набросках он пишет об этом периоде скупно: «В подавленном состоянии, потеряв интерес ко всему, я жил в деревне, считая, что жизнь прошла мимо. Самое яркое событие того времени – это момент, когда я впервые серьезно оценил водку. Работал корреспондентом районной газеты, неумеренно пил, распутничал и даже не пытался исправить положение».

7. Депрессия длилась около года, затем Аркадий с головой уходит в стихи и пишет невероятно много – пугая родных уже тем, что сутками не отрывается от бумаги. Поначалу это все та же пейзажная лирика, но уже скоро зазвучала и другая струна – стихи о любви:

...Они бескрылы, но имеют силы
нас окрывать, бескрылых мужиков!

8. В конце 60-х, потеряв почти одновременно все – семью, дом, работу, брата, Кутилов окончательно перебрался в Омск и

оказался абсолютно никому не нужным. Начинается страшный бродяжий период протяженностью в семнадцать лет: его домом, его рабочим кабинетом становятся чердаки, подвалы, узлы теплотрасс...

... Мир тоскует в транзисторном лепете,
люди песни поют не свои...
А в Стране дураков стонут лебеди,
плачут камни и ржут соловьи...

9. За несколько месяцев до смерти поэта облеченные властью держиморды откровенно его предупреждали: «Не угомонись – пришьем потихонечку, и никто не узнает, где могила твоя». В одном из последних стихотворений Кутилов описал и саму свою смерть:

Меня убили. Мозг втоптали в грязь.
И вот я стал обыкновенный «жмурик».
Моя душа, паскудно матерясь,
сидит на мне. Сидит и, падла, курит!

Маскировка боли, как и многих других проблем и социальных болезней, была делом привычным в СССР. Дети появлялись на свет, но секса не было, а аборт – были. К личности Аркадия Кутилова как к явлению в поэзии можно отнести юродство как способа существования в поэзии и как попытки проверить на прочность те ценности, которым жил советский человек. Факты его биографии можно уподобить абортивному материалу, который захоранивают на кладбище под ничего не значащими номерами. Так и его могила долгое время была неизвестной и никем не востребованной.

Но не к этим фактам стоит обращаться! Они есть результат действия абортивной тоталитарной политической машины. Формальный порядок не есть поэзия смысла. Возможно, кто-то скажет: «Вот, мол, откопали еще одного непризнанного алкоголика!», но видеть так мир – значит исключить из него все со-

хранное и доброе, значит выключить свет. А поэзия – это свет смысла в мире людей, и личность Аркадия Кутилова раскрывается во всей полноте только в его стихах. Обратимся к одному из них, чтобы понять и почувствовать его душу, его поистине детское мировосприятие.

Книга Жизни – мой цвет-первоцвет!
Имена, как цветы на полянке...
В темных чашах – таинственный фет,
на озерах – кувшинки-бианки...

Белый дым, голубой березняк
да подсолнухи ростом до крыши.
Иван-чай, паустовский да мак.
Подорожник, ромашка да пришвин...

Прежде чем перейти к прочтению стихотворения, обозначим еще ряд важных событий в жизни Аркадия Кутилова.

1965 год – стихи Аркадия Кутилова впервые появляются на страницах омской газеты «Молодой сибиряк».

1967 год – умирает мать Аркадия Кутилова (она похоронена в селе Бражниково). Вот что написал об этом событии сам Кутилов:

Наивная индустрия –
Двухтрубный маслозавод ...
... Ах, мама моя Мария,
Зачем умерла в тот год?!

1969 год – создан прозаический цикл «Рассказы колхозника Барабанова». Семейный разлад заставил Кутилова вернуться в Омскую область. Он начинает вести кочевой образ жизни сельского журналиста.

Вследствие ярко выраженной социальной неадаптивности и психологической неадекватности литератор подвергался принудительному психиатрическому лечению. В соответствии с

законодательством СССР, привлекался к ответственности за тунеядство и бродяжничество.

Марсианин, ты мне родня.
Люди умные там и здесь,
Доказали, что не меня,
Ну, а я почему-то есть.

Обращает на себя внимание четкая граница между мирами: люди по ту и эту сторону психушки, по ту и эту сторону камеры, мир человека, страдающего алкоголизмом, и мир детской поэтической радости, мир силы и слабости, мир страха и любви... Каждому из нас приходится выполнять роль пограничника и охранять границы собственной личности. Кутилов охранял свою поэзию. В ней он видел источник жизни и света.

1971 год – находился в заключении. Написал повесть «Соринка» (впервые опубликована в альманахе «Иртыш» в 1997 году).

С середины 1970-х на само имя Аркадия Кутилова наложен запрет. Причина: крамольные стихи, скандалы (литературные и поэтические эпатажные «выставки» картин и рисунков в центре города, глумление над советским паспортом, страницы которого поэт исписал стихами).

Конец июня 1985 года – поэт обнаружен мертвым в сквере около Омского транспортного института. Обстоятельства смерти не выяснились и остались невыясненными. Труп его в морге оказался не востребовавшимся.

Место захоронения поэта долгое время оставалось неизвестным. Благодаря усилиям Нелли Арзамасцевой (директор музея Аркадия Кутилова в омской школе № 95) захоронение удалось найти в 2011 году. Аркадий Кутилов был похоронен в братской могиле с девятью неизвестными (здесь почему-то вспоминается трагическая история с армейским кутежом, в результате которого погибли люди).

Теперь попробуем внимательно, по строкам прочитать стихотворение Аркадия Кутилова «Книга Жизни – мой цвет-первоцвет!».

Книга Жизни – мой цвет-первоцвет!

Книга Жизни – это Евангелие. Слово Жизни! То, что дарит жизнь и пробуждает нас людей, спящих во грехе, к жизни Вечной, к жизни по правде Божьей. Как и весной одним из первых появляется первоцвет, напоминая о том, что жизнь неуничтожима. Еще вокруг лежит снег, в небольших проталинах студёная подвечная вода, вышедшая из-под льда. Но цветы уже смотрят в небо и радуют глаз. Они рады первому весеннему солнышку и открываются навстречу ему, как дитя навстречу маме.

Имена, как цветы на полянке...

Имена в книге Жизни. Родные имена в мире литературы для Аркадия Кутилова.

В темных чащах – таинственный фет..

Необходимо отметить переключку со стихотворением Афanasия Афanasьевича Фета 1843 года:

Я долго стоял неподвижно,
В далёкие звёзды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звёзды тихонько дрожали,
И звёзды люблю я с тех пор...

Как у Афanasия Фета есть таинственная связь со звездами, так и у Аркадия Кутилова есть связь с разнообразным по форме, цвету и запаху миром поэтического разнотравья.

На озерах – кувшинки-бианки...

Белый дым, голубой березняк...

Есть такой оттенок чистого белого цвета, когда весной белизна березок отражается и усиливается еще лежащими кое-где белыми шапками сугробов... Умирующий снег, рождающий талую подвечную воду, вышедшую из-под льда. Возрождающееся весеннее небо с легкими тонкими полосками молочных облаков. Белизна первоцветов, искренне тянущихся к солнцу и славящих вечный круговорот жизни в природе!

Да подсолнухи ростом до крыши...

Это уже не весна. Это середина лета. Весь круг жизни вбирает в свое стихотворение Кутилов. И как подсолнух следует за солнцем, вращая свою головку, так и поэт следует вечному предощущению Бога, выражая его в своих рифмах. Поиск Бога в художественном образе есть лишь один из возможных вариантов выражения того эмоционального состояния поэтической души, которое приближается или удаляется к Богу. Поэт в слове всегда стремится к поиску наилучшего выражения прекрасного и чистого. В слове – его истинная жизнь. Жизнь поэта как человека есть лишь совокупность обстоятельств, погружаясь в которые, поэт ищет Бога. Кутилов ищет Бога в падших женщинах, в люках теплотрасс, в юродивых провокациях свирепого государства, устанавливающего свои рамки и трафареты на прекрасное и человеческое. В этом распятии жизненного креста, в этом забытом стандартном свете советского просвещения открывается иной мир и иной свет – свет истины Христовой, которая открывается душам больным и страждущим. Только в душе Аркадия Кутилова могла быть такая тяга к Богу, явленному в поэтическом образе Логосу, которую не смогли заглушить ни алкоголь, ни решетки психиатрической клиники, ни грубые действия мрачных сотрудников КГБ...

Кутилов нуждался в Боге и понимал свою болезнь. Он по-

нимал, что человек болеет на протяжении всей своей истории и индивидуального жизненного цикла. Болезнь, увядание, смерть, равно как и исцеление, пробуждение и жизнь – все это можно увидеть в годовом круге природы. В каждом возрасте своя природа. Каждому возрасту – свой автор.

Но нет ничего более благословенного, чем лето, в полной мере раскрывающее буйство и торжество разнотравья. Лето жизни и поэтическое лето. Благословенное лето Господне! Как хорошо окунуться в заросли ромашки, подорожника и иван-чая, раскинуть руки, обратить свой взор к небу... и увидеть, как молится, воздев руки к небу, трава-мурава, и самому ощутить себя травой, и стать сопричастным этому многоголосому хору и услышать дуновение теплого летнего ветерка как голоса Бога.

Вот так легко и незамысловато, опираясь на опыт чтения тех авторов, которые тронули его сердце в детстве, он и написал это стихотворение, где вся книга жизни и проповедь слова Божьего умещается в трепете первоцвета на весеннем ветру, в исцеляющей силе подорожника, в летнем, кружащем голову аромате ромашки.

Иван-чай, паустовский да мак.

Паустовский притаился между иван-чаем и маком.

Подорожник, ромашка да пришивин...

Пришивин выглядывает из ароматных и целебных зарослей ромашки на узкой тропинке, выстеленной подорожником. Вот такая картина: «Писатели в разнотравье».

Вернемся ли мы в детство? Что расскажут нам наши болезни и скорби, когда круг нашей жизни будет замыкаться? Когда Господь будет близко, а книга жизни будет практически дописана. И вновь мы откроем, вслед за Аркадием Кутиловым, наши детские книжки и увидим детей, бегущих по залитой солнцем лет-

ней поляне, вздохнем об утраченном, приложим подорожник к уже совсем недетским царапинам нашей побитой души и тихо скажем про себя: «Господи, помилуй!».

И Господь помиловал...

В селе Бражниково действует музей Аркадия Кутилова.

В октябре 2013 года на могиле поэта на Ново-Южном кладбище города Омска установлен памятник.

В «Литературной газете» тогда же появилась статья под названием «Увековечен в строфах века». Вот что мы находим там: «На Ново-Южном кладбище Омска открыт памятник поэту Аркадию Кутилову. Когда на этой скорбной территории, протянувшейся километра на два вдоль Черлакского тракта, ведущего в Казахстан, зарыли тело поэта, был июль 1985 года... И “зарыли” в буквальном смысле – в числе десяти опознанных, но невостробованных тел. Так – в документах»².

Читая стихи Аркадия Кутилова, открывая для себя его поэтический мир, будем просить у Господа, чтобы он помиловал своего автора, а нам дал возможность увидеть нечто большее, чем сухой набор биографических фактов, и прикоснуться к книге смыслов жизни поэта Кутилова.

Сегодня можно смело сказать, что Аркадий Кутилов и его поэзия опознаны...

Будут ли они востребованы – покажет время!

² Березовский Н. Увековечен в строфах века // Лит. газета. 2013. 30 окт.–5 нояб. № 43.

Л. В. Довыденко,
кандидат философских наук
(г. Калининград)

«СПАС-НА-ЛЮБВИ»

(О знаменосной прозе Николая Иванова)

Под сенью знамени Победы

Этот удивительный, потрясающий проект Николая Иванова – брать с собой в многочисленных поездках по России, а также в горячие точки за рубежом копию Знамени Победы – не имеет себе равных. Есть символы и высоты, которые священны. Копия Знамени Победы была вручена Союзу писателей России на вечное хранение 22 июня 2011 года, в день 70-летия со дня начала Великой Отечественной войны, на Пленуме в городе-герое Смоленске матросом-фронтовиком Михаилом Годенко.

22 июня 2014 года, в год возвращения Крыма в Россию, копия Знамени Победы посетила Калининград. Мы прибыли на Северный мол в Балтийске, в самую западную точку России. Алое знамя развернулось на балтийском ветру в руках Николая Иванова и приглашённого из Крыма поэта Сергея Овчаренко. Накануне они участвовали в презентации журнала «Берега», изначально шагнувшего за рамки регионального издания и к тому времени уже опубликовавшего «Брянскую повесть» Николая Иванова (Берега. 2014. № 1 (3)) и материалы, посвящённые событиям в Крыму, прежде всего это очерк Николая Иванова «Крейсер Крым. Крейсер Победа» (Там же. № 2 (4)). Прошло четыре года, но ничего лучшего, на мой взгляд, о событиях в Крыму не написано. Анализ их, данный писателем тогда, остается актуальным: «Прокатившиеся по стране митинги

в поддержку крымчан вынуждают руководство страны быть государственниками и думать о людях. О защите собственных интересов. Проводить собственную внешнюю политику».

Впервые за долгие годы Россия встала на защиту русских. «Я в последние дни много думал о львовском “Беркуте”, – размышлял Николай Фёдорович. – У меня не выходила из памяти картинка: толпа выводит на сцену и ставит на колени своих братьев, солдат. И заставляет каяться. И первым встал на колени командир.

Знаю другой случай, когда наш, русский офицер поставил свой полк на колено, когда на их позиции вышла мать, искавшая в горах Чечни пропавшего сына. И сам первым склонил колено и голову перед солдатской матерью».

Талантливый публицист, Николай Иванов сразу расставил акценты на нравственных ориентирах, которые выбрала страна с возвращением Крыма, дал оценку событиям на Донбассе:

«Бескровная победа в Крыму стала возможной во многом благодаря тому, что основной удар майдановской ненависти приняли на себя Харьков, Донецк, Луганск, другие города Юго-Востока. Непрерывающиеся митинги в этих областных центрах распылили антирусские силы, “Правый сектор”, саму власть, пришедшую в кабинеты на “коктейлях Молотова” и снайперских выстрелах в спины собственных активистов. Юго-Восток и Восток стали поясом Богородицы, поясом безопасности для Крыма и его референдума».

Мало кто задумывается, но автор очерка написал об этом и остаются в истории его слова о том, что Россия и Крым не забудут «этого жертвенного стояния». Наши русские писатели, Николай Иванов и Александр Бобров, подняли копию Знамени Победы с писателями Крыма на Сапун-горе в Севастополе. И Крым победил! И чтобы продолжить это победное шествие, Знамя Победы побывало на Эльбрусе, на горе Пикет в честь Василия Шукшина, последняя роль которого была в фильме с сим-

волическим названием «Они сражались за Родину», развеялось в Брестской крепости.

«Засечная черта»

Эта новелла Николая Иванова создана в том же 2014 году. Ничего более потрясающего о пришедшей с Украины войне не приходилось читать. «Засечная черта» (Берега. 2014. № 4 (6)) была опубликована в одном номере журнала с романом Александра Проханова «Крым» и антимайданными стихами Юнны Мориц. Новелла написана после встреч с жителями ЛНР и ДНР, куда Николай Фёдорович неоднократно отправлялся и отмечал: «Мы ехали принять участие в “Фадеевских чтениях”, связанных с “Молодой гвардией”. Мы привезли и развернули в Краснодоне копию Знамени Победы... Это Знамя мы разворачивали и в бывшем Кёнигсберге, и на Кавказе, и по всему постсоветскому пространству. Теперь это Знамя мы развернули на Луганщине. Очень важно, как мы считаем, провести эту акцию именно сейчас – когда Луганск сражается». Новелла родилась из понимания того, что вот они, герои, – здесь, рядом, что у жителей Донбасса нужно учиться мужеству и стойкости. «Я ехал навстречу этой боли... – говорит герой новеллы, который сделал открытие для самого себя: – ...в очередной раз грустно подтвердилось, что в нашей огромной стране, при её огромной армии воюют, выходят на острие событий одни и те же люди: что в Афгане, что в Чечне, что в Цхинвале я встречал в окопах одних и тех же офицеров...». Он высказывает горькую правду: «Знать, не только Одессу и Донецк победило телевидение, если даже у нашей армии нет длинной скамейки запасных...». И когда он ведёт колонну наших войск к границе с Украиной, чтобы оттянуть силы от Новороссии, появляется ироничная мысль: «“Цыганочка с выходом” перед глазами прильнувших к биноклям украинских пограничников!». А потом приходит серьёзное: «А лучше всего вальс. Но – Севастопольский! Он только

что, этой весной, прозвучал для России, и весь мир в оцепенении осознал её величие и силу: когда возродилась “Рашка”, когда вышла из послушания немытая Рассея? Ведь к слабым целыми полуостровами не уходят! И вот эта сила здесь. И я первым, помня о Новороссии, готов показать, что сила эта сумасшедшая».

«Засечная черта» – граница, через которую льётся украинская боль в Россию. «Украина зазывает к себе всех, кто мог бы наказать, проучить, просто укусить Россию. Она готова стать плацдармом, подносить спички, снаряды, чтобы запольхало и у нас. В конце концов, выколоть самой себе глаз только ради того, чтобы у России был кривой сосед», – продолжает размышления герой новеллы, кадровый военный. На этом фоне разворачивается сцена провоза на телеге через границу на сторону России умершего «от совести» родственника двух жителей села, которых принуждают скакать. И эта телега с покойником тоже стала частью общей боли. Перекрестившись, поклонившись бронеколонне, герой новеллы мысленно произносит для них: «Танцуйте, мужики, без усталости, с полной отдачей, пусть даже ради других – как только и может русский солдат».

«Партер. Седьмой ряд»

Николай Иванов – первый из писателей, кто вместе с белым конвоем машин с гуманитарной помощью отправился на Донбасс. И затем не раз он отправлялся разными дорогами туда, где боль, мужество, чувство чести и совести. В 2015 году была написана новелла «Партер. Седьмой ряд» (Берега. 2015. № 6 (12)). Мы оказываемся свидетелями страшной ситуации, когда среди артиллерийской стрельбы и пулеметных очередей ВСУ герои новеллы – жители села на Донбассе – ощущают «счастье»: «оказаться во время обстрела на кладбище! Любой холмик – бруствер, памятник – стена каменная. Копачам вообще сказка: скатились в самими же вырытую могилу-окоп. Не потеряются, пронумерованную – в седьмом ряду нового, всего лишь неделю

назад открытого для захоронений, участка. Готовили могилочку для дитяти, лишней земли не захватывали, а вот, поди ж ты, легко втиснулись вчетвером». Кладбище становится партером в театре войны. Ориентиры в пространстве Новороссии: на юг – значит, под защиту ополчения. Ориентиры во времени: если на похороны в «бээмпешке» – значит, 2014 год. Одна из «бээмпешек» отвлекает внимание стреляющих в «ватников», и в этот момент «люди и поторопились передать в рай двухмесячного малятку, крехитко Богданчика». Опустив в могилу «мальчишечку», крёстная «тревожно принялась искать взглядом БМП. Одна она знала военную тайну о том, что за штурвалом сумасшедшей боевой машины сидит ополченец с позывным “Русак” – её брат Васька, отец Богданчика. Утром дозвонился из боя под Дебальцевом, предупредил, чтобы сына без него не хоронили, что прорвётся, примчится, отомстит».

Оставили село те, у кого были дети, ушла в ополчение мать Богданчика, слив сцеженное из груди молоко под крошечную яблоню, посаженную в честь рождения ребёнка. «Соловьи поют и на кладбищах, если заставить замолчать канонаду...» – это мечта о новой мирной жизни, когда останется позади смерть детей, страх, голод, но не забудется то, что с такой пронзительной силой в осуждении войны описал Николай Иванов и авторы сборников «Я сражался за Новороссию», «Выбор Донбасса».

Николай Иванов рассказывал о своей поездке с гуманитарным конвоем МЧС России с новогодними подарками для детишек, с живыми ёлками из ногинских лесов, продовольствием, строительными материалами, назвав свой очерк «Группа изъятия». Это группа старалась изъять неуверенность в завтрашнем дне, и луганчане отвечали: «Вы даже ничего не везите, вы просто приезжайте, чтобы мы знали, что мы не одни, что мы не брошены, что Россия нас не оставила». Думаю, что эти слова очень сильно заделали читателей, в том числе и меня, отправившейся в 2017 году на Донбасс.

«Свете тихий»

Мой приезд (сначала в Луганск) совпал с выходом сборника авторов Донбасса и России «Выбор Донбасса». В нем размещены две новеллы Николая Иванова «Засечная черта» и «Свете тихий» (Берега. 2017. № 2 (19)). «Свете тихий» – слова из молитвы, а в рассказе это характеристика души русской женщины. Героиня этого пронзительного произведения не захотела принять помощь боевых товарищей её погибшего в «горячей точке» внука-ополченца – отправиться в Дом ветеранов, оставив свой дом и родную деревню. Бабушка Зоя прожила долгую жизнь и всегда умела противостоять нравственной разрухе, душевной смерти силой своей любви и самоотверженности, тем самым спасая себя и людей вокруг от духовного распада, от расчеловечивания. В её доме рядом с иконами лежат грамоты за её добросовестный труд в советскую эпоху. Мудрость русской женщины в её сознании: где есть связь времен, нет противоречий в жизни в разных эпохах разных поколений. При любой власти человеку нужен нравственный стержень.

Вспоминается более ранняя новелла Николая Иванова «Вера. Надежда. Война», где мужественные герои воодушевляются спасительными женскими именами: любимой женщины, матери и матери-Родины. Есть у писателя выражение: «подтягивать под свои раны земной шар», принимающий в себя рабов Божьих, равных перед смертью в любом его уголке, но не равных в жизни, в утверждении в ней величия и силы, не равных в вынесенных в жизни страданиях, ни с чем не сопоставимых, например, какие вынесла мать солдата-мученика Евгения Родионова.

Когда я вернулась с Донбасса и спрашивала людей, знают ли они о пытках, которым подвергались пленные ополченцы, люди молча опускали глаза. Большинству было нечего сказать, и они не хотели об этом знать, не хотели найти словесное определение своим мыслям и чувствам. Если бы они прочли хотя бы одну новеллу Николая Иванова...

Наше телевидение навязывает зрителям голливудские фильмы, в которых американцы постоянно спасают мир. Что же наши кинорежиссеры? Неужели никому из них не попались книги Николая Иванова, где не выдуманные, а конкретные знакомые и друзья писателя действительно спасают мир, выше жизни ставя честь и совесть.

Как-то незаметно для нашей прессы прошло уникальное событие: в апреле 2016 года писатели Николай Иванов, Валерий Латынин, Владимир Силкин, Игорь Витюк подняли копию Знамени Победы на позициях наших бойцов в Сирии.

Есть у Николая Иванова книга с перехватывающим дыхание названием: «Спас-на-любви». Не на крови... Столько им собственных мучительных дорог пройдено, страданий, ужасов пережито, а русский писатель верит, что построить дом, дороги, страну можно только на любви. Недавно получила письмо от нашего ярчайшего публициста Валентина Курбатова, который написал: «Николай Иванов – твёрдое, умное сердце. Повидались месяц назад, и я прочитал его последнюю отвратительно оформленную, но высокодостоинную (подлинно «Честь имею!») книгу «Спецназ. Офицеры».

ЭКСМО нарочно так отвратительно оформило, чтобы сослать в «чтиво». А книга горькая, сильная. И я, грешный (старый уже человек), ловил себя, конфузясь, на слезах от радости, что есть ещё такие русские сердца».

После возвращения домой Крыма Александр Проханов написал: «Закончилось бессилие мысли». В масштабе страны – да. Но для тех, кто прочёл «Брянскую повесть», и для меня лично задолго до этого эпохального события. С «Брянской повести», впервые опубликованной в 2014 году, и началась новая литература гуманизма и чести. В литературу пришел писатель, который повёл нас ясными дорогами доброты и милосердия, мужества и героизма, великодушия и благородства. Нашёлся автор, читать которого – счастье, потому что так забирает за душу,

захватывает ум, что в тебе вдруг пробуждается собственная твоя глубина и сила и океанской глубины благодарность за то, что выжил, за то, что написал.

Биографическая справка. Николай Фёдорович Иванов родился в 1956 году, в селе Страчево Брянской области. Закончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку обстрела Белого дома, снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооружённых сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками; освобождён через четыре месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Секретарь правления Союза писателей России. Автор 20 книг прозы и драматургии. В их числе: «Чёрные береты», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Женский пляж», «Спецназ, который не вернётся». В Уссурийске и Брянске идут театральные спектакли по произведениям Иванова. Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград», Большой литературной премии, награжден медалью «За возвращение Крыма» – «за отличия, проявленные при обеспечении безопасности мероприятий, связанных с защитой прав и жизни граждан Республики Крым, проведения референдума в Республике Крым в 2014 году».

А. Б. Канавщиков,
член Союза писателей России
(г. Великие Луки)

ПОЛВЕКА НА ЗЕМЛЕ ПУШКИНА

Вы точно и правильно жизнь разумели,
Не знали собой дорожить:
Радели о близких, о долге, о деле.
Вот всем бы! Да так бы служить!

Игорь Григорьев

В декабре 1967 года в Пскове Постановлением секретариата Союза писателей СССР была создана областная организация СП. Туда вошли писатели М. А. Зверев (Лесной), И. В. Виноградов, И. Н. Григорьев, Л. Т. Колесников, Ю. Н. Куранов.

Сейчас названные фамилии могут у большинства читателей вызывать разве что исторический интерес, а тогда это были признанные величины не только по псковским масштабам. Вспомнить хотя бы Михаила Андреевича Зверева (1892–1968), который в новой организации пробыл менее всех остальных.

Необходимое отступление

Родился Михаил Андреевич 29 мая (6 июня) в деревне Немоево Жеребцовской волости Островского уезда Псковской губернии. Окончил в 1915 году Псковскую мужскую гимназию. Работал табельщиком на железной дороге Псков–Полоцк. С 1917 года трудился в сфере образования.

В 1920 году становится редактором островской газеты «Плуг и молот». Заведует уездным отделением РОСТА. Потом

снова возвращается к учительскому труду. В 1936 году поступает учиться в Омский педагогический институт, на учителя биологии и химии, а с 1937 года преподаёт в средней школе в Ишиме до самого своего выхода на заслуженный отдых.

Что же касается литературных пристрастий М. А. Зверева, то они вполне объясняют его литературный псевдоним Лесной. Формально «Лесной» появился, чтобы не путали с писателем Михаилом Дмитриевичем Зверевым, но дело, конечно, глубже, поскольку своё призвание Михаил Андреевич нашёл именно как писатель-натуралист.

Его первый сборник рассказов, изданный в Тюмени в 1952 году, так и назывался – «Рассказы натуралиста». Постепенно приходит всесоюзная известность. В Союз писателей Зверева (Лесного) принимают в 1957 году.

В 1966 году состоялось возвращение в Псков. Климат из-за гипертонии предложили поменять врачи. Однако возвращение было омрачено тяжёлым событием. Здесь 26 ноября умирает супруга Михаила Андреевича – Антонина Алексеевна Шелкова.

Единственной отдушиной остаются литературный труд и организационная работа по созданию отделения СП, в которой Зверев помогает специально приехавшему из Ленинграда для этой цели поэту Игорю Григорьеву.

Наконец 20 декабря 1967 года в Пскове ответственный секретарь Союза писателей РСФСР Михаил Николаевич Алексеев встречается в обкоме партии со вторым секретарём обкома П. А. Николаевым. Решение принято.

21 декабря в Доме политического просвещения на ул. Некрасова, нынешнем здании концертного зала областной филармонии, после выступлений первого секретаря обкома КПСС И. С. Густова и М. Н. Алексеева, образование Псковского отделения СП стало свершившимся фактом.

К сожалению, М. А. Зверев (Лесной) пожил в Пскове совсем немного. Его сборник рассказов «Встречи с детством» так и не

увидел света в псковском филиале «Лениздата». Умер Михаил Андреевич 3 декабря 1968 года и был похоронен рядом с супругой, на Мироносицком кладбище в Пскове.

В самом начале

Первым секретарём Псковской писательской организации был избран Игорь Николаевич Григорьев (1923–1966) – человек крепкой жизненной закалки, разведчик 6-й Ленинградской партизанской бригады, получивший четыре ранения на Великой Отечественной войне.

Поэтом Игорь Григорьев стал таким же, как и воином. Бескомпромиссным, умелым, настоящим. Его учениками считает себя целое поколение ленинградских и псковских литераторов. И как некогда на войне, и в литературе он стал таким же разведчиком, первопроходцем.

Поверни, пока не поздно,
Там, куда идёшь ты, грозно:
Встретит выстрел, в темь швырнёт!..
Чёрт те што... Бывает. Ветер...
Где-то люди спят на свете.
А разведка – шаг вперёд!

В бюро организации вошли, кроме нового руководителя, Иван Васильевич Виноградов (1918–1995), лихой партизан, редактор газет 2-й партизанской бригады «Народный мститель» и Ленинградского штаба партизанского движения «За Советскую Родину», прозаик и поэт, и Лев Тимофеевич Колесников (1926–2003). Колесников – моряк, по духу и призванию. Воевал, принимал участие в разминировании прибрежных вод Чёрного моря, а в 1958 году дебютировал как писатель книгой «На морской дороге». Жил в Пскове с 1967 года.

Помимо яркого литературного дара, Лев Тимофеевич отличался организаторскими способностями и возглавлял после

Григорьева писательскую организацию. В её главе также стояли в разные годы Станислав Александрович Золотцев (1947–2008), Александр Александрович Бологов (род. 1932), Олег Андреевич Калкин (1943–2007). В 2005 году председателем организации избран православный прозаик Игорь Александрович Смолькин (род. 1961), который и занимает эту должность по настоящее время.

Было ли создание писательской организации на Псковщине чем-то будничным, дежурным, чтобы было «как у всех»? Только отчасти.

Ещё в своём благословении псковичам 21 декабря 1967 года Михаил Алексеев сказал с уважением и чутким вниманием:

– На древней псковской земле, где жил и творил великий Пушкин, теперь будет своя писательская организация. Она пока немногочисленна... Но у псковской организации большое будущее, у неё есть надёжный резерв. Здесь, в области, живут и работают прозаики и поэты, произведения которых известны далеко за пределами Псковской края – это Светлана Молева, Евгений Нечаев, Лев Маляков, Пётр Чередниченко, Леонид Рудый и многие другие...

Тогда же, на торжественном собрании, с напутствиями выступили директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, директор Псковского книготорга А. И. Ильин, начальник Псковского областного управления культуры А. И. Медведев, редактор «Псковской правды» Г. П. Веселов, ленинградские писатели Сергей Воронин и Борис Друян.

Интересно, что репортаж с исторического события в малом зале Дома политпросвещения для областной газеты «Псковская правда» готовила Мира Яковлева (1928–2010), тогда ещё совсем юная выпускница исторического факультета Псковского пединститута, а в 2004 году очеркист и прозаик Мира Фёдоровна Яковлева была принята в Союз писателей России.

Помнить поимённо

Вопрос памяти – вообще один из ключевых. Поскольку земля наша богата на славные имена, то кого-то позабыть, даже нечаянно, можно очень легко. Тогда как и забывать не хотелось бы, да и нет ничего хорошего в забвении в принципе. Забудешь ты – и тебя забудут. Связь тут самая прямая, и работает она чётко.

В этом отношении юбилейные усилия Псковского отделения СП заслуживают самых добрых слов. Речь о сентябрьском заседании правления отделения, где было принято постановление с формулировкой «Обратиться в МУ “Комитет культуры Администрации города Великие Луки” с ходатайством об установлении памятных досок (увековечении памяти) Гончарову Николаю Семёновичу (1925–2014), Николаевой Елене Николаевне (1924–2010), Новикову Николаю Степановичу (1933–2013), Шулаеву Анатолию Ильичу (1924–2010) – великолукским писателям, внесшим большой вклад в культуру Псковской земли».

Сейчас ходатайство за подписью председателя Псковского отделения СП России И. А. Смолькина поступило по адресу. Впереди – время согласований и обсуждения технических моментов. Но, во всяком случае, очевидно, что физическая смерть ни в коем случае и никогда не должна зачёркивать достойное имя.

При этом, конечно же, список, обозначенный в ходатайстве Псковского отделения СП, далеко не полный. В разговоре с председателем Великолукского городского краеведческого общества Г. Т. Трофимовой, в частности, с ходу определились ещё как минимум четыре фамилии.

Если говорить о писателях, то это фронтовик, учитель и журналист Александр Алексеевич Горюнов (1915–1988), который 15–26 декабря 1954 года участвовал в работе II Всесоюзного съезда советских писателей. Это Петр Евстафьевич Чередниченко (1903–1977), который вместе с супругой одно время трудился в городской газете «Великолукская правда» и был

сильным прозаиком, прошедшим проверку временем. Книга Чередниченко «Дочь России» о революционерке, соратнице Маркса – Дмитриевой-Томановской – не на слуху сейчас исключительно из-за того, что востребованы другие герои, с другой системой ценностей, тогда как, с точки зрения литературного качества, у Петра Евстафьевича и многим из ныне живущих пишущих учиться и учиться.

Яркой величиной был и драматург и режиссёр Леонид Моисеевич Рудый (1908–1981). До самых последних мгновений жизни он трудился во благо любимого города. Жаль, что не успел завершить свой самый главный труд – роман о восстановлении Великих Лук «Правда, только правда».

Меньше повезло из всех названных в той беседе Фёдору Михайловичу Комову (1918–1988), актёру Великолукского драмтеатра и драматургу. Как актёра его помнят и любят, а вот о заметной писательской составляющей его личности упоминают только во вторую очередь. Хотя его три пьесы написаны рукой явного мастера. То есть и про него забывать не следует, хотя членом СП он не стал.

При этом понятно, что речь здесь идёт о мемориальных досках в принципе. Конечно же, память не прямо пропорциональна количеству неких облупившихся табличек на неких облупившихся стенах.

Главное в памяти – это сама память. В чистом виде. А как она проявится – в выпуске новой книги, в организации читательской конференции или в чём-то ином, – всего лишь детали.

О символическом

До недавнего времени Псковская писательская организация имела в своём составе 47 членов. 48-м стала Татьяна Дроздова, 49-м – Юрий Ишков. Оба автора из Великих Лук. А к дате 50-летия в октябре собрание организации проголосовало за приём в свои ряды Тауфика Мидхатовича Рахматулина (Тимофея Рах-

манина), автора трёхтомного романа о князе Довмонте (Тимофее). 50-й в год 50-летия!

Рахматуллин с семьёй приехал в Псков из Ташкента в 1998 году. Строитель по профессии, он увлёкся историей легендарного псковского князя, сделал несколько краеведческих открытий. И наконец выступил с более чем тысячью страниц художественного текста, написанного с горячей любовью к Псковщине и русской земле.

В областном конкурсе издательской продукции 2016 года роман Рахматулина «Сказание о забытом князе. “Не терпя обидим быти”» был призван одним из победителей. Вполне заслуженно и справедливо.

Кроме простой номерной ассоциации, вступление в СП именно с историческим романом тоже имеет свой глубокий смысл, показывая тем самым опору на корни, на изначалие, превращая человеческую память в материальную категорию.

Работали все, от велика до мала,
Земле отдавались совсем.
Нам вера с любовью сердца согревала.
Вот так бы! Теперь бы! Да всем! –

так писал первый председатель Псковской писательской организации Игорь Григорьев в поэме «Стезя». По другому, конечно, поводу, но с такими важными и нужными всегда выводами. Когда и стезя одна, и история одна. Общая со всей Россией.

И. С. Катченкова,
член Союза писателей России
(Санкт-Петербург)

РУССКИЕ СУДЬБЫ:
Д. М. БАЛАШОВ И И. Н. ГРИГОРЬЕВ

Дмитрий Михайлович Балашов (1927–2000) и Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996) – дети горького XX века, который незаметно, на наших глазах, уже стал историей.

Главное, что их объединяет – это трепетная любовь к родной земле, к ее природе, истории, родному слову. Интересно, что и любимые поэты у них – одни: Сергей Есенин, Александр Блок, Фёдор Тютчев, Николай Рубцов¹. Балашов любил и ценил ещё новгородцев-современников – Ивана Александрова, Сергея Иванова. Знал ли он стихи Игоря Григорьева? Читал ли Григорьев прозу Дмитрия Балашова? Эти вопросы, к сожалению, пока остаются непроясненными.

При сопоставлении жизненного и творческого пути Балашова и Григорьева обнаруживается множество параллелей. Нельзя объять необъятное, поэтому обозначу лишь некоторые из них, на мой взгляд, самые важные.

Русские люди одного поколения с неистребимой тягой к истории и традиции родной земли... Писатели-ровесники, с юности и навсегда опаленные военным лихолетьем... Православные христиане, которым не без труда под конец жизни всё же удалось ступить на дорогу, ведущую к храму... Достойные сыны не всегда справедливого к ним Отечества...

¹ Григорьев И. Н. Всё перемелется // Поэт и воин. Книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013. С. 96.

Ленинградец по рождению, Дмитрий Балашов (в то время носивший имя Эдвард Гипси-Хипсей)² пережил в блокадном городе страшную первую зиму, смерть отца и дяди, едва не погиб сам, превратившись в дистрофика. Спасла его и младшего брата только эвакуация. В архиве будущего писателя отложился черновой набросок рассказа о блокаде³.

Игорь Григорьев встретил войну на Псковщине – был подпольщиком, затем разведчиком партизанской бригады. Война отняла и у него многих близких людей, в том числе боевую подругу Любу Смурову и любимого младшего брата Льва⁴.

Тема ратной страды, боевого партизанского братства красной нитью прошла через всё творчество поэта Григорьева.

² Отцом Дмитрия Балашова был актёр театра и кино Михаил Михайлович Кузнецов, происходивший из саратовской купеческой семьи. Будучи, по воспоминаниям современников, эксцентричным человеком и поклонником Генрика Ибсена (а может быть, скрывая от питерских чекистов белогвардейское прошлое), он переименовал фамилию на «Гипси-Хипсей». Сыновей назвал Эдвардом и Генриком, правда, они были крещены как Дмитрий и Григорий. При получении паспортов братья взяли русские, данные им при крещении имена и фамилию Балашовы. Подробнее см.: Катченкова И. С., Никольская Т. К. Д. М. Балашов: Россия, до востребования... СПб., Лема, 2011; Коняев Н. М. Дмитрий Балашов. На плахе. М., Алгоритм, 2008.

³ См.: О блокадном Ленинграде. Рассказ. Автограф. 1960 // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИ-НО). Ф. 8107. Оп. 1. Д. 433.

⁴ «Лев Николаевич Григорьев – при его жизни самое близкое и дорогое мое дитя человеческое – мой родной брат, кровный друг и почти сын... Не считая редких и коротких расставаний, мы жили с ним вместе единой душой от первого его приветственного всхлипа до последнего стога, выплеснутого им в бою 26 сентября 1943 года – в семнадцать с половиной лет» (Григорьев И. Н. Всё перемелется. С. 46). Лев Григорьев был талантливым юношей – знал, кроме немецкого языка, которым в совершенстве владел старший брат, также испанский, имел тонкий музыкальный слух, хорошо пел. Любил читать. Сочинял стихи, сгинувшие в водовороте войны. Юный партизан Лев Григорьев погиб в бою.

И полдни черны и косматы,
И горького горше – дымы.
Отчизна, твои ль это хаты?
И, может, не русские мы?
... Бежали без ружей солдаты,
Как тени, ползли старики...
Куда ты, Россия? Куда ты?
Хоть слово надежды реки!
Мы внемлем. Мы жить не устали.
Но грозно на крестной стезе
Мы стиснули души, мы встали –
Живые и мёртвые – все⁵.

Не отпускали горькие воспоминания, не уходила с годами горечь утрат, терзали душу и тело клевета⁶ и ранения. Игорь Николаевич перенёс несколько тяжелейших операций.

В 1944 году семья Балашова – мама, Анна Николаевна, с подросшими сыновьями Дмитрием и Григорием – вернулась из эвакуации, но родную квартиру на ул. Чайковского⁷ им не вернули. Приютила старая знакомая, заведующая детским садом № 3 Татьяна Николаевна Розина. Мама Балашова, по образованию театральная художница, стала воспитателем в детском саду, зато семья обрела крышу над головой – ведомственную комнатку в 11 кв. м. После школы Балашов поступил в Театральный институт, который и окончил с отличием в 1950 году. Он был рас-

⁵ Цит. по: *Золотцев С. А.* Зажги вьюгу! Очерк о жизни и творчестве поэта Игоря Григорьева. Псков: Изд-во «Логос», 2007. С. 6.

⁶ По заданию руководителей псковского подполья прекрасно знавший немецкий язык паренёк устроился переводчиком в немецкую коммандатуру. Вскоре над ним нависла угроза разоблачения. Игорь успел уйти к партизанам. После войны по Пскову поползли грязные слухи, что он служил немцам добровольно... Конечно, правда восторжествовала, но опровержение злых и несправедливых наветов унесло немало здоровья и сил.

⁷ Там несколько десятилетий жили предки Анны Николаевны, коренной петербурженки.

пределён в Вологодскую культпросветшколу «преподавателем всего на свете»⁸, но там не прижился и даже не отработал положенные три года. Несколько лет Дмитрий мыкался в поисках занятия «по сердцу и разуму», искал себя.

Наконец в 1957 году Балашов поступил в аспирантуру Пушкинского Дома. Он понял, что будет заниматься русским фольклором, и дело это – ему по душе.

В 1962 году Дмитрий Балашов защитил диссертацию, стал кандидатом филологических наук... Казалось бы, жизнь налаживается? Но нет... Независимый, резкий, взрывной характер Балашова раздражает многих «высоколобых» питерских интеллектуалов. Ходят слухи, что Балашов – то ли бывший послушник Псково-Печерского (вариант – Белозерского)⁹ монастыря, то ли настоящий англичанин «Джипхипсей» (помните фамилию, изобретённую отцом?)...

Удивительно! В 1950 году выпускник ленинградского вуза токует в Кириллове по родному городу, по студенческой компании, чувствует себя чужим в вологодской глубинке. Десять лет спустя его мироощущение меняется зеркально. Хотя старинные ленинградские друзья останутся друзьями и единомышленниками на всю жизнь (например, Наталья Семёновна Серегина, Владислав Ромилович Башинский), но сам город на Неве, казалось, отторгает Балашова. Трудно это понять, принять и объяснить, но так сложилось.

⁸ Подробнее о жизни молодого Балашова в вологодской глубинке (школа располагалась в старинном городке Кириллове) см.: *Катченкова И. С.* Вологодская земля в судьбе Д. М. Балашова // Беловский сборник. Вып. 3. Вологда, 2017. С. 271–278.

⁹ Сочинители и распространители слухов не утруждали себя поиском объективной информации. А то знали бы, что Кирилло-Белозерский монастырь в 50-е гг. прошлого века не являлся действующим, а вместо братии и послушников в кельях жили семьи преподавателей Вологодской областной культпросветшколы. Какое-то время обитал в бывшем братском корпусе и Балашов.

Брат Балашова, Григорий Михайлович, автор первой его биографии, напоминает, что «об улучшении жилищных условий в Ленинграде в то время и мечтать не приходилось. Коренных ленинградцев, блокадников на очередь не ставили...»¹⁰. Справедливости ради отметим, что в 1955 году по ходатайству народного артиста СССР Н. К. Черкасова, ставшего депутатом Верховного Совета, семья его погибшего в 1942 году сослуживца по ТЮЗу М. М. Гипси-Хипсея получила комнату в доме 34 по Фурштатской улице – «целых» 28 кв. м в четырехкомнатной коммуналке! По сравнению с крохотной комнатёной детсадовского общежития – простор. Но об отдельном, своём жилье братьям Балашовым (взрослым мужчинам!) и мечтать не приходилось. Между тем у Дмитрия Михайловича уже были дети... Когда ему в 1960 году предложили работу в Карельском филиале Академии наук и предоставили квартиру в двухэтажном доме на окраине Петрозаводска, Балашов уехал из родного города. Как оказалось – навсегда.

Игорь Григорьев после войны тоже долго искал себя, как бы «примеряя» разные профессии и социальные роли. В 1949–1954 гг. учился на филфаке Ленинградского университета. Ему как инвалиду войны предоставили комнатушку 9 кв. м в коммунальной квартире на улице Егорова. Получал он и пенсию – 129 рублей... Приходилось подрабатывать, содержать семью, а тяжелая физическая работа обостряла военные раны.

У него порой собирались друзья – Фёдор Абрамов, Глеб Горбовский, Глеб Горышин и другие знаковые фигуры Ленинграда литературного. Игорь Григорьев всегда был душой компании, вёл застолье. Но жилось ему на берегах Невы тяжело во всех смыслах. И климат не слишком благоприятно отражался на его здоровье, но самое главное – «таким людям тогда приходилось весьма сложно в питерской художественной среде. Не впадая

¹⁰ Балашов Г. Биография Дмитрия Балашова // Коняев Н. М. Дмитрий Балашов. С. 200.

в подробности и детали многих её особенностей, одно замечу... т а к и е писатели были для неё слишком, даже вызывающе русскими»¹¹. Поэтому, когда Игорю Григорьеву поступило приглашение от первого секретаря Псковского обкома КПСС И. С. Густова переехать во Псков и создать в областной столице отделение Союза Писателей, он долго не раздумывал.

Неизвестно, встречались ли Григорьев и Балашов в Ленинграде в 50-е годы прошлого века¹². Но по духу, по ментальности это – близкие люди. Как мне представляется, это были характерные русские мужики, со всеми присущими им добродетелями и грехопадениями. Но, конечно, оценивать наших героев следует по их вершинам.

Сходны даже некоторые легенды, из которых будущий историк извлечёт, наверное, представление о былинных чудо-богатырях от литературы: вот Дмитрий Балашов – бьётся с обидчиком на топорах, вот с проломленной головой переплывает реку...

А вот Игорь Григорьев – он как Штирлиц – засекречен, полковник, Герой Советского Союза!!! Об этом писал его друг Олекса Полишкар – кстати, сам поэт, который «кончил жизнь трагически»¹³.

Легенды, слухи – тоже исторический источник. Ясно, что о серых, бесцветных, до зевоты «правильных» людях никаких ни

¹¹ Золотцев С. А. Зажги вьюшу! С. 29.

¹² А могли встретиться и во Пскове, куда Григорьев периодически наезжал, а в 1967 г. переехал. Балашов с юности интересовался русской историей, многократно путешествовал по Псковщине. Сохранились его рисунки, запечатлевшие храмы Пскова, Изборска, Печор, наброски рассказа «О поездке во Псков» и газетная статья студента Балашова, в которой он призывает сохранить ансамбли Снетогорского и Мирожского монастырей.

¹³ Полишкар А. Слово о Капитане Игоре. СПб., 1998. Капитан Игорь – это партизанское имя И. Григорьева. Кроме О. Полишкар, об этом пишет дочь И. Григорьева (см.: Кюзьмина М. Мой отец – поэт Игорь Григорьев // Поэт и воин. С. 275).

слухов не циркулирует, ни легенд не складывается. К нашим героям, слава Богу, это не относится – прожили они размашисто и ярко. И подвиги настоящие совершали. Ну разве не подвиг – противостояние одного человека, беспартийного интеллигента Карельскому обкому КПСС, спасение более ста обречённых на снос деревянных храмов? Балашов стоял у истоков Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В «Автобиографии», написанной в 1999 году, Дмитрий Михайлович отмечал: «...я до сих пор считаю этот поступок самым значительным в своей жизни»¹⁴. А разве не подвиг, не многолетнее подвижничество – воссоздание 150-летнего периода русской истории во всем ее многообразии, с реконструкцией языка, ментальности, с гармоничным сочетанием этнографической кропотливости учёного и волшебной кисти художника? Ведь что греха таить, историки, этнографы, лингвисты часто одно дело делают – пытаются по крохам воссоздать целостную картину нашего прошлого, но учёные мужи так разобщены между собой, так далеки от любознательного читателя... А уж как пишут – порой и не поймёшь без переводчика. Наука! Вот и недоумевают честной народ, пытаюсь самостоятельно пробираться через лабиринты прошедших эпох, вот и расцветают пышным ядовитым цветом разные «фолк-истории», «альтернативные истории», фоменки и носовские и иже с ними...

А Дмитрий Михайлович сумел, не заигрывая с массовым читателем, наоборот, подтягивая его к своему высочайшему уровню, создать красочную и достоверную картину прошлого родной земли¹⁵.

¹⁴ Балашов Д. М. Автобиография // Коняев Н. М. Дмитрий Балашов. С. 414.

¹⁵ Об этом гражданском, не до конца оцененном современниками подвиге Балашова – создании эпического цикла «Государи Московские» из 10 исторических романов (1975–2000) – можно писать много. По необходимости прерываюсь. Важно ещё понимать, что прошлое не было для писателя ни «прошедшим» безвозвратно, ни музейным «за-

Подвиги Игоря Николаевича Григорьева во время Великой Отечественной войны заслуживают не то что отдельной статьи – монографии! Вдумайтесь: паренёк в неполные 18 лет сам организует и возглавляет группу подпольщиков! Затем – становится во главе группы разведчиков 6-й Ленинградской партизанской бригады¹⁶. А в послевоенные годы обретает свой поэтический голос, создаёт организацию Союза писателей во Пскове, вместе с С. С. Гейченко проводит в Пушкинских Горах Всесоюзные праздники поэзии... Но так же, как и Балашов, был Григорьев независим, перед начальством – непоклончив, своё мнение отстаивал, невзирая ни на партийные, ни на литературные, ни на издательские «авторитеты». Да и вёл себя не по номенклатурному стандарту – например, трёхкомнатную свою квартиру отдал многодетной семье, сам же с женой и матерью перебрался в двухкомнатную. И его «силовым путём» отстраняют от руководства псковской писательской организации. В родном, горячо любимом городе (себя Григорьев с гордостью называл «скобарём»¹⁷) он живёт под гнётом клеветы, в полуопале, терзаемый

поведником». Он умел находить в Руси средневековой истоки современных событий и процессов – политических, экономических, социальных. Умел и увлекательно разьяснять сложнейшие вопросы бытия.

¹⁶ Сохранилась выписка из боевой характеристики на Игоря Григорьева: «Григорьев Игорь Николаевич, 1923 г. р., 17 августа... Смелый и отважный разведчик. Всегда проявлял храбрость и инициативу во время боя... Своей поэзией вдохновлял партизан на подвиги» (Архив Штаба Ленинградского партизанского движения. Цит. по: Кириллов В., Клемин В. Огненный круг. Очерки о плюских разведчиках // Поэт и Воин. С. 179).

¹⁷ Об этой «псковской» гордости Григорьева сохранилось много свидетельств. Например, на попавшем в мою библиотеку экземпляре книги 1962 г. «Листобой» имеется автограф-посвящение «Милой Елене Тимофеевне, дорогой Алёнушке, чудесному человеку, с самым горячим пожеланием счастья от любящего скобаря и брата Игоря Григорьева». После этой книги о молодом поэте заговорили даже надменные «литературеды» в Москве...

болезнями... Псковские собраты по перу не вступились за Игоря Николаевича, чего он никак не ожидал... Он-то многим из них помогал, кому-то сам вручал писательские билеты.

Спасала Поэзия. В автобиографии, написанной в 1991 году, Игорь Николаевич исповедуется читателям: «По-настоящему я взялся за стихи с 1940 года, после того как уяснил, что хочу, на что надеюсь, без чего мне и жизнь не в жизнь. А с 1956 года Поэзия всецело завладела моим существом. Люблю её и я – однолюб, ни на что не променял бы!»¹⁸. Лучшие стихи Григорьева называли жемчужинами русской поэзии. Критики сравнивали его с Есениным и Рубцовым. Его мощный, самобытный, истинно народный голос и дух им сродни. (И как мелочны, как несправедливы многолетние «умолчания» о таком поэтическом даре! Невероятно, но и в наши дни многие путают Игоря Григорьева с другими поэтами-однофамильцами, чьи имена «на слуху», например, в питерской окололитературной «тусовке».)

В творчестве И. Григорьева главные темы – война, любимая Псковщина, природа и краса родного края, история (не могу не отметить чудесную поэму «Слово нерушимо» с рефреном-заветом «Слово русских людей не-ру-ши-мо!»), беды и нестроения в России. Критики называли Григорьева «поэтом последней деревни». Горькая судьба вымиравших деревень Псковского нечерноземья была постоянной болью в сердце поэта, никогда не терявшего связь с малой родиной – деревней Ситовичи Порховского района.

Дмитрий Михайлович, как выяснилось незадолго до его трагической гибели, тоже писал стихи. При жизни не публиковал их. Зная высочайшую, порой запредельную требовательность Балашова к себе, могу предположить, что, вероятно, он не был удовлетворён художественным уровнем своих текстов. И только после его кончины стихи начали понемножку, потихоньку «просачиваться» в печать, приоткрывая читателям заповедные

¹⁸ Григорьев И. Н. Всё перемелется // Поэт и воин. С. 94.

миры Балашова-поэта. Издатели долго отказывались печатать поэтический сборник – мол, кто ж в наше прагматичное время читает стихи? Но, несмотря ни на что, в конце 2017 года тиражом 1000 экземпляров книга стихов Дмитрия Михайловича Балашова – вышла! Вышла, благодаря неуклонной многолетней настойчивости вдовы Балашова – Ольги Николаевны и петрозаводского поэта Николая Петровича Почтовалова¹⁹. Огромное им за это спасибо.

Оба Мастера терпеливо, бескорыстно и с отеческой заботой пестовали молодых писателей. Подробно о наставлениях И. Григорьева, который не только отредактировал книгу начинающей поэтессы, но и издал её за свой счёт, рассказывает Елена Родченкова²⁰. А мурманская писательница Надежда Большакова так вспоминает о советах Балашова (Дмитрий Михайлович дал ей рекомендацию в Союз писателей):

«Что касается литературы, скажу так: талант даётся от Господа, его можно похоронить, можно не развивать, можно развивать. Надо работать не спустя рукава. Творчество ведь жуткая вещь. Это всегда радиация из себя, это всегда самоотдача. И прикрываться тем, что ты женщина, здесь не должно. Ты или писатель, или домохозяйка»²¹.

А Григорьев напутствовал Елену Родченкову, призывая её поскорее собрать и сдать в печать вторую книгу: щи, мол, варить умеют все бабы, а писать стихи – единицы. И уж коли умеешь, работай над собой постоянно, развивай талант²². Как видим, мысли Мастеров и их пожелания молодым коллегам по перу сходны.

Оба писателя тяжело переживали распад Советского Сою-

¹⁹ «Русский узел» Дмитрия Балашова. Петрозаводск: VERSO, 2017.

²⁰ Родченкова Е. Целую руку твою // Поэт и воин. С. 325–343.

²¹ Большакова Н. На поле сражения за Россию // Певец истории народной. Материалы III–VI Всероссийских чтений. Великий Новгород: «Кириллица», 2008. С. 82.

²² Родченкова Е. Целую руку твою.

за. Балашов «отозвался» на эту геополитическую катастрофу, прошедшую сквозь сердца наших героев, острой и гневной публицистикой. Некоторые его очерки и эссе, например «Приднестровский дневник» или «Хватит! (Исповедь исторического романиста)», до сих пор не опубликованы. Есть мнение, что убийство Балашова имеет политический характер и подтекст²³.

От Григорьева многие слышали (в разных вариациях) выразительное двустишие:

В строе том не принимал я многое,
В этом – не приемлю ничего!

И действительно, как должен был относиться к распаду страны, за которую он воевал, будучи ещё мальчишкой, ветеран войны? Человек, связанный кровными узами с Белоруссией, – согласиться с тем, что отныне это – иноземный край, что родина единственного сына – это чужбина? Дикий капитализм начала 90-х гг. прошлого века отбросил многих достойных людей, «виноватых» в том, что не являются олигархами, на обочину жизни. Больно ударил «новорусский рынок» и по писателям, которым заявили: «Граждане, а ну-ка, цыц! Нет такой профессии – писатель!»²⁴. И неслучайно последняя книга Григорьева называется «Боль». Год издания – 1995...

Были ли знакомы между собой наши герои? Есть предположение, что да – но какова была степень этого знакомства?.. Позволю себе «лирическое отступление».

Зимой 2018 года, сидя в одном гостеприимном новгородском доме, я разбирала стопку журналов «Русская провинция». Они были «приговорены» хозяевами к сдаче в библиотеку. Я знала, что Балашов был членом редколлегии этого журнала. Полагаясь

²³ Так считали его брат Г. М. Балашов и старший сын – Василий Дмитриевич.

²⁴ В перечне профессий РФ нет её и поныне.

на художественное чутье и литературный вкус Дмитрия Михайловича, надеялась найти не известные мне тексты достойных писателей. И вот передо мной № 4 за 1992 год. Бумага ломкая, тонкая, пожелтевшая, шрифт мелкий, глазам больно, но... И Василий Белов здесь, и Светлана Молева, и на странице 55 – СТИХИ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА!!! Подборка имеет заголовок «Во имя отца и сына». Стихи «Неволя, недоля, чужбина», «Контратака» (с посвящением партизанскому комбригу Виктору Обьедкову), «Брали село», «Прощанье»²⁵. С позволения новгородских владельцев журнал отправился со мной в Санкт-Петербург. А я убедилась, что Игорь Григорьев и Дмитрий Балашов под одной журнальной обложкой смогли «встретиться».

Завершая эти заметки, не могу не процитировать слова Игоря Николаевича Григорьева, под которыми подписался бы и Дмитрий Михайлович Балашов: «В жизни и литературе я не мыслю себя без России»²⁶.

²⁵ Григорьев И. Н. Во имя отца и сына // Русская провинция. 1992. № 4. С. 55.

²⁶ Григорьев И. Н. Всё перемелется // Поэт и воин. С. 96.

С. Б. Конева,
член Союза писателей России
(г. Мга, Ленинградская обл.)

ПИСАТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ: ПАРАЛЛЕЛИ СУДЕБ

Жизненные и творческие судьбы писателей и поэтов, прошедших испытания Великой Отечественной войны, зачастую похожи и идут параллельными путями. Это можно показать на примере жизни и творчества поэтов-фронтовиков Сергея Орлова и Сырбая Мауленова – современников поэта Игоря Григорьева, творчеству которого посвящается наше сегодняшнее мероприятие.

Почему из всей славной плеяды фронтовых поэтов я оставила свой выбор на именах Орлова и Мауленова? Тому есть объективные причины. Оба эти поэта во время Великой Отечественной войны сражались за освобождение Ленинградской области и города Ленинграда от фашистской блокады. Их боевой путь проходил через железнодорожную станцию Мга и одноимённый посёлок, в котором я родилась и живу и освобождение которого от немецко-фашистских захватчиков стало одним из ключевых, поворотных моментов в Ленинградской битве.

В страшные дни 1941 года название поселка Мга – центра Мгинского района Ленинградской области – узнала вся страна: здесь решалась тогда судьба Ленинграда. После захвата Мги фашистами «последняя ниточка» железной дороги, связывающая Ленинград со страной, было оборвана. Фашисты оборудовали во Мге мощный оборонительный рубеж – «восточный замок» блокады Ленинграда. В феврале 1943 года, после прорыва блокады, крупная мгинская группировка фашистов продолжала

контролировать полосу прорыва и не давала полностью ликвидировать блокаду. Тогда ещё не исключалась возможность попытки врага вновь замкнуть блокадное кольцо. 21 января 1944 года советские войска освободили Мгу и перешли к преследованию отходившего противника, вследствие чего рухнул весь Северный вал фашистской обороны. Блокада Ленинграда была полностью снята.

Значение освобождения станции и посёлка Мга в ходе Ленинградской битвы подчеркивает и то, что 21 января 1944 года в Москве согласно приказу Верховного главнокомандующего № 62 был дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий, обычно такие салюты давались только в честь освобождения крупных городов. Пятнадцати соединениям и частям Ленинградского и Волховского фронтов, отличившимся в боях за Мгу, было присвоено наименование Мгинских.

В том, что станция и посёлок Мга были освобождены от фашистов, в том, что Ленинград был полностью избавлен от вражеской блокады, были заслуги и фронтовых поэтов, молодых бойцов: командира тяжёлого танка КВ лейтенанта Сергея Орлова и политрука Сырбая Мауленова.

Говорить об этих поэтах мне так же просто, как и о членах собственной семьи. Ведь сборники стихов Сергея Орлова и стихи Сырбая Мауленова в нашей семейной библиотеке я помню столько же, сколько помню себя. Однако назвать мой выбор субъективным всё же нельзя. Сергей Орлов и Сырбай Мауленов, подобно Игорю Григорьеву, являются ярчайшими представителями российской поэзии XX века, они оставили нам значительное литературное наследие.

Игорь Григорьев, Сергей Орлов и Сырбай Мауленов – все три поэта являются представителями поколения, чью судьбу, жизнь и творчество изменила война. Но она не сломала, а наоборот, закалила их волю, их характер и поэтический дар.

Хочу напомнить вам, что в России всегда были примеры про-

явления ярчайших граней литературного таланта поэтов и писателей под влиянием глобальных исторических событий – войн, революций и других социальных потрясений.

Все мы знаем творчество поэтов – участников Отечественной войны 1812 года – Василия Андреевича Жуковского, Константина Николаевича Батюшкова, Дениса Васильевича Давыдова, Фёдора Николаевича Глинки. Помним поэтов – участников Крымской войны: Алексея Константиновича Толстого, Николая Павловича Жандра, Владимира Дмитриевича Коссинского... В России всегда были, есть и будут поэты и писатели, чьи таланты отзываются на горькие и радостные события в жизни и истории Отчизны.

Отозвался своим творчеством на реалии фронтовой жизни в 1941 году 19-летний боец истребительного батальона народного ополчения Сергей Орлов, ставший в том же году сначала курсантом Челябинского танкового училища, а затем командиром тяжелого танка КВ-1 33-го танкового полка Волховского фронта:

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

Каким «по счёту» чувством, какой неуловимой творческой интуицией выверил молодой поэт эти строки, в которых приблизилось к нему будущее – Победа над фашистской Герма-

нией?! В 1941 году, когда наша армия переживала поражения, когда отступали наши войска, «увидел» он в смотровую щель своего КВ неминуемую нашу Победу. По сути, он предрёк её, как предрекают истинные поэты жизненные события силой своего таланта.

Годом позже, ещё не известный Орлову его ровесник, другой фронтовой поэт, Сырбай Мауленов – заместитель командира стрелковой роты, политрук, участник прорыва блокады Ленинграда – напишет:

Шёл бой за ближний лес, за дальний луг,
А там, за ним, – за всю страну родную.
За неба синь. За солнца жёлтый круг.
За рожь в полях. За тишину речную.

От имени отцов и матерей,
Солдатам завещавших землю эту,
Гремели пушки наших батарей,
И шли солдаты в бой за всю планету.

Шли в бой не только за края свои, –
Шли, чтобы мир вернуть планете снова...
Мы знали: подо Мгой идут бои
Не местного значенья – мирового.

И ещё один феномен поэтического, интуитивно-творческого осмысления действительности видим мы здесь. Казахский паренёк из Кызылорды идёт в бой «за края свои» на Ленинградской земле, берёт на себя ответственность «за всю планету». И в таком восприятии нет ничего удивительного для нас. Мы знаем, что в Ленинградской битве принимали участие бойцы из многих республик Советского Союза, в том числе и из Казахстана. Казахстан в годы войны стал для Ленинградской битвы и для всего фронта «кузницей» оружия и военных кадров. Стал убежищем для эвакуированных и хранителем культуры и искусства.

«Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!» – вдумайтесь в смысл поэмы Джамбула: из далёкого Казахстана шлёт мудрый акын свою сердечную поддержку ленинградцам, разделяя с ними их боль. Так же, как и сам Казахстан посылал своих сыновей на защиту далёкой ленинградской земли. Сколько их осталось в этой земле? Может быть, столько же, сколько стоит сейчас молоденьких сосенок на месте сожженной деревни Карбусель, на месте других уничтоженных фашистами деревень, восполняя живую порослью строй героически павших бойцов.

Молодые ребята – русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, татары, грузины... Представьте – только на одном воинском мемориале в Новой Малуксе, на месте страшных боёв Ленинградской битвы, 23 тысячи их лежат под бронзовыми и гранитными плитами. А сколько же ещё лежит их вокруг, неизвестных, неопознанных, «без вести пропавших» – в лесах, болотах, на полях... Если бы они были живы, если бы были живы все 27 миллионов, павших в последней войне... Какой была бы наша страна? Может быть, по-прежнему – общей огромной и сильной? Этого мы уже никогда не узнаем. Но мы знаем, что именно такой наша Родина осталась в фронтовом творчестве поэтов-воинов, которые впоследствии, несмотря на все перемены в стране остались верны ей и лирой, и сердцем, и душой:

Я к родине своей не холодею,
Хоть крохобор мне тычет: «Дуролом!..»
Пусть обнесён и хлебом и вином –
От знобкости её не холодею.

Её ли суть (не дело ль наших рук),
Что сыновьям на ласку поскупились?
Уж больно много гостя поскопилось.
Её напасть – не дело ль наших рук? –

писал Игорь Григорьев в тяжёлые для него времена, когда «собратья по перу не поделили псковской славы» и не гнушались ничем, чтобы оклеветать поэта.

Сергей Орлов, который во время войны дважды горел в танке, потому что покидал его, как и положено командиру, последним, уже потом, в мирное время отрастит «шкиперскую» бородку, которая скроет шрамы на его лице, лихой чуб, который прикроет покалеченный глаз... Но никогда не зарастут и ничем не будут прикрыты шрамы на его душе, не угаснет его скорбь о павших в боях товарищах:

В долгу перед друзьями и землёй,
Мне в жизни никогда не расплатиться
За небеса, за тот последний бой,
За вдохновенье, за любовь, за жизнь, что длится.

Когда Сергей Орлов на своём танке штурмовал деревню Карбусель, молодой политрук Сырбай Мауленов поднимал боевой дух товарищей по оружию и словом, и личным примером, несмотря на то что сам он тонким восприятием поэта до самой глубины своего существа прочувствовал, прожил, протрадал эту войну:

Кровавая звезда
Скатилась в лес кровавый,
И кровь текла ручьем по раненой луне
На знамя цвета крови, цвета славы...
Я это видел на войне.

То знамя нас влекло
К Победе долгожданной,
Омытой кровью, дорогой вдвойне –
Святой солдатской крови океаны
Я видел на войне...

Наверное, именно потому, что видели «святой солдатской крови океаны», что прошли кромешный ад боёв, по-особенному ценили поэты-фронтовики мирную жизнь. Наверное, именно потому не только своим творчеством, но и своей деятельностью, своей гражданской совестью стремились они укрепить уже иные рубежи – рубежи российской литературы.

Мы ветра и огня поводыри
С тревожными
Раскрытыми сердцами... –

так писал Игорь Григорьев о поэтах. Именно поводырями, предтечами, проводниками стали многие поэты-фронтовики для своих молодых коллег. Может быть, если бы такие поэты, как Игорь Григорьев, Сергей Орлов, Сырбай Мауленов не помогали расти и крепнуть молодым поэтическим талантам, не выдавали бы им «путёвки в жизнь», мы бы никогда не узнали многих известных теперь в российской литературе имён. Люди, знавшие цену жизни, но каждый миг готовые с ней расстаться ради свободы и счастья Родины, как никто понимали необходимость появления новых всходов на ниве российской литературы.

Вот почему заведующий отделом поэзии в журнале «Нева», член редколлегии журнала «Аврора» Сергей Орлов и главный редактор газеты «Казак адебиети» и журнала «Жуддыз» Сырбай Мауленов публиковали в своих изданиях произведения молодых, неизвестных ещё писателей и поэтов. А Игорь Григорьев, создав Псковское отделение Союза писателей СССР, никогда не отказывал в помощи своим начинающим коллегам.

Не думать о себе ни в творчестве, ни в жизни. Думать о вечном, о ценном, о настоящем. Равно как и создавать вечное, ценное, настоящее – вот главное достижение жизни и творчества поэтов-фронтовиков.

Говоря сегодня на нашей конференции об этносоциальной консолидации народа, мы не можем не сказать о сообществе фронтовиков – поэтов и писателей в этом ракурсе. Принадлежность к «святому братству фронтовому» – это нерушимая связь. Это братство, это сообщество стало главной движущей силой в деле послевоенного восстановления нашей страны, нашего общества, наших культурных и исторических ценностей.

Представители фронтового братства поэтов Великой Оте-

чественной войны уходят от нас, но само братство не исчезает. Поэты-фронтовики сумели передать поколениям нынешних поэтов-воинов свою великую созидательную силу. Теперь уже наши современники, стоящие на страже российских рубежей и обладающие мощным литературным талантом, подхватили знамя из рук поэтов-фронтовиков. Это и поэт Борис Орлов, и прозаик Николай Иванов, и другие известные нам поэты и писатели – люди, чьё слово «крепко и лаконично», как говорил Сырбай Мауленов. И мы с вами знаем, что знамя российской литературы в их надёжных руках. Оно вдохновляет нас на иной бой – бой за российскую литературу, который идёт сейчас не в лесах и болотах, а на просторах интернета, в издательствах, на страницах журналов и полках книжных магазинов, но главное – в умах и душах наших соотечественников. В этом бою не льётся кровь, но если мы его проиграем, если сдадим свои позиции, то она может пролиться по всей нашей стране, как льётся уже по всему миру из-за подлых действий террористов.

Этот бой мы должны выиграть! Это – наш долг пред светлой памятью поэтов-фронтовиков, стоявших до конца!

Нас не унять
Ни дыбой, ни рублём,
Ни славой,
Ни цикуты царской чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше,
И не Поэт, кто покривит рулём.

Эти слова Игоря Григорьева – наше знамя и наша духовная опора в битве за российскую литературу. Нам нельзя отступать. Нам нельзя «покривить рулём», душой, строкой или словом. Ведь мы – потомки и соотечественники славного поколения поэтов-фронтовиков.

Вечная светлая память поэтам-фронтовикам – голосу и совети эпохи! Царствие им Небесное!

Т. А. Лаптева,
музыковед, композитор
(г. Псков)

«ЗАРЯ, ЗАРЯНА, ЗАРЯНИЦА...»

(Отблески «серебряного века» в поэзии Игоря Григорьева)

Игорь Григорьев (1923–1996) принадлежит поколению русских советских поэтов 40–90-х годов. Родился он на Псковской земле. Его юность и молодость пришлись на тяжёлые годы войны, когда он перенес неисчислимые испытания и сложился как большая человеческая личность и большой русский поэт. Его творческая писательская жизнь была разделена между Псковом и Ленинградом. Много лет после войны Игорь Григорьев прожил в «северной столице», где учился, получил литературное образование и прошёл жизненную и трудовую школу, что типично для биографии не только советского, но и каждого подлинного поэта и писателя. В 60-е годы он, почти как варяг, был призван на Псковскую землю и занял официальный пост руководителя писательской организации. Имея представление о замечательной личности поэта и человека Игоря Григорьева, можно понять, что он вернулся на родину с ощущением того, что это – его долг, что он должен жить и творить как поэт именно во Пскове.

Игорь Григорьев сравнительно недолго был на посту официального руководителя писательской организации, но и позднее он остался фактическим центром и лидером литературной жизни в Пскове. Обладая даром притягивать к себе людей, общении с ними он раскрывал и развивал их личностные качества. И, возможно, это бескорыстная духовная повседневная работа

и сохранила в стихах поэта особый мощный духовный заряд, полученный от общения и любви, которых было так много в его жизни.

Некоторое время назад появился повод перечитать почти заново несколько книжек его стихов. И вновь пришлось сожалеть, что не удалось познакомиться с поэтом при его жизни. При встрече со стихами Игоря Григорьева каждый раз заново испытываешь сильное впечатление. Это самобытная, мощная, яркая поэзия.

Сейчас кажется, что его стихи переросли своё время и превратились в драгоценное наследство. И это наследство каким-то чудом сохранило память о более далёкой эпохе, о которой в эпоху застоя мало вспоминали, – о «серебряном веке» поэзии.

В застойные 70-е и 80-е поэт сквозь время, сквозь катастрофические бездны и пустыни прошедших войн словно бы вступал в диалог с поэтами тех, казалось бы, рухнувших в забвение времён. И для себя он их воскрешал, возрождал, вникал в звучание их стихов и своими словами словно запечатлевал эхо того утраченного блистающего мира.

Прежде всего, по моему ощущению, его стихи рождают впечатление близости к поэзии Игоря Северянина.

Подобные ассоциации появляются при чтении стихов Григорьева на любую тему: о пережитой трагедии войны, об умирающей деревне, о судьбе родины, о конфликте поколений, о драматических коллизиях любви современных людей. Решая тему раскрытия поэтического образа, Игорь Григорьев находит собственную манеру, особенно роднящую его с Игорем Северяниным, – это словотворчество, игра со словом, поиск его производных вариантов («заря, заряна, заряница»), обогащающих поэтическую ткань богатством оттенков чувств и смыслов.

И, может, вечно в прахе багровом
Спалённой жизни горюнить свет.
(«Сево»)

Практически любое стихотворение Игоря Григорьева привлекает внимание или найденными, или по-новому звучащими словами:

На ней крушина – ягода волчья –
Из красной картечи сплела венки.

Они «задевают» воображение, заставляют увидеть картины, нарисованные словами поэта.

Именно эти впечатления от стихов Игоря Григорьева вызвали сравнение со стихами его далёкого собрата из «серебряного века» – Игоря Северянина.

Игорь Северянин – создатель невероятного множества стихов разных жанров и тем. Его в основном признавали как певца своего времени («Это было у моря», «Ананасы в шампанском»), когда и жизнь богемы, и жизнь обывателей словно растворялась в изысканности модерна, доходящей до манерности, искусственности чувств. Но у Северянина за этой манерностью скрывается мощный иронический подтекст, и в результате побеждает певучесть, музыкальность, которая стала знаменем, девизом в поисках красоты у мастеров «серебряного века».

Лишь ты одно блестяшь, страданье,
Своей нетленной красотой
В людской улыбке и рыданьи
Неугасимую звездой.

Игорь Северянин неутомим в поисках особенных слов, словечек и выражений в своей поэтической работе: «Заволнуется море, если вечер ветреет» («Октава»), «И жар вам овеерит ветер» («Яблоня-сомнамбула»), «Сжавшие сердце мне многолюбивое» («Сердце мое»), «Пчела, летучая жужжалка» («Весенний мадригал»), «Я лунопевец Лионель» («Рондель»).

Сопоставляя их творчество, всё больше убеждаешься, что сила григорьевских строк – и в самобытности его поэтического таланта, и в особом взгляде на традиционные темы, и в най-

денной им опоре на культурные традиции русской поэзии, и – в значительной степени – на неординарность лексики.

Ходит Ладогой вал,
Крутобок, белогрив.
Но рассвет запылал,
Холки грив озарив,
Обагрив чернотал –
Краснокрыл, сизо-ал ...
(«Ладога»)

В его драматических стихах – рельеф крутой, мощные созвучия гласных и согласных.

Когда изнеможем, идя напролом,
К мечте не прибьёмся в пути горевом –
Одни, продымаясь на ветру, замолчим,
Другие, горя, задурим, закричим,
... А мы с тобой свидимся, жарко вздохнём:
– Огню не впервой обжигаться огнём!
(«Валентину Иванову»)

Очень выразительно меняется пластика григорьевского стиха, переходя в жанр любовной лирики: интонации и линии становятся нежными и плавными, взволнованными – и, по-прежнему, напевными:

Поёт, восходя, медуница:
– Я землю, любя, голублю... –
Один я не смею склониться
К тебе, дорогая: – люблю!

Мотивы любви у поэта Игоря Григорьева развиваются по-современному остро и тонко. И вместе с тем иногда в них проявляется словно бы провинциальная, наивная и детская образность в выражении предчувствия любви:

Ни угрюминки на небе –
Светлы сны.

Плачет чибис в юном хлебе –
От весны.

Но при этом – развивается и вечный авантюрный мотив бегства от наступившей внезапно любви:

Шалый ветер позёмкой со щёк
Обметёт теплынь твоих губ.
Что путей, распутий, дорог
Канет в невидь, как дым из труб.

Способность любить и ценить любовь у поэта прошла сквозь жесточайшие испытания войны и – сохранилась:

Мы жутко бились:
И умирали, и убивали сами.
Но нежностью не оскудели...
(«Жизнелюбы»)

И вот момент свидания воспевается и звучит как гимн, в котором сливаются земля и космос:

Безгрешны спелые уста
В прикосновенье оробелом
Мерцай, печальная звезда, –
Всего одна на свете целом.
Очей озёр не омрачишь
Своей космической дрожью.
Плещись, гулай, вещунья-тишь!
Венчай, камыш, зарницу с рожью!
(«Свидание»)

И закономерно замкнуло почти спонтанную цепочку наблюдений над чертами сходства григорьевского и северянинского стилей стихотворение «Рыбаки» на одной из последних страниц книги И. Григорьева «Кого люблю».

Одиночка-хуторянин,
«Гений Игорь Северянин»,

Досточтимой славы хват,
Я тебе ни сват, ни брат –
Просто тёзка, просто рад.

Оно показалось удивительной находкой, подарком, потому что ассоциативные связи при сравнении этих двух замечательных поэтов возникли невольно при первом же чтении стихов И. Григорьева. Их так захотелось вернуть из забвения далёких 70–90-х. Стихи же Игоря Северянина восхищают уже давно, хотя всё же с тех же 90-х, и всё больше и больше, раскрываясь на необозримых пространствах его поэзии всё новыми гранями. Игорь Григорьев в стихотворении «Рыбаки» в характерной для него щедрой и эмоциональной манере признаётся в любви мастеру «серебряного века» и говорит о духовном родстве.

Сколько бурь и зорь на страже –
В умиленье, в форсе, в раже –
По житью-бытью плывём:
Плачем, буйствуем – поём,
Веря: ближе окоём!

Нужно отдать дань нашему непростому времени, когда мы по-новому и, возможно, в полную силу можем оценить масштаб творчества двух поэтов разных, столь непохожих эпох. Мы можем услышать, как перекликается их поэзия, и в этом резонансе почувствовать на какой-то миг гармонию времён, душ и сердец, так необходимую для веры в жизнь, её подлинный смысл и красоту.

В. М. Мухин,
член Союза писателей России
(г. Псков)

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

Имя Игоря Николаевича Григорьева было для меня легендой задолго до того, как мы познакомились.

Еще весной 1956 года, когда я впервые увидел и услышал этого человека на берегу Великой, у пионерского костра, в Промежицах, он произвёл на меня неизгладимое впечатление.

В Пскове проходил слёт пионеров. Я был делегатом от пушкинградской пионерии, у меня был сольный номер, и я выступал на сцене Пушкинского театра – играл на гармошке попури на темы русских народных песен и песен советских композиторов. А в заключение вечером у нас был пионерский костёр на берегу реки Великой. В качестве гостей были псковские поэты Иван Виноградов и Игорь Григорьев. Они рассказывали о войне, о партизанах и читали свои стихи. Григорьев читал стихи о войне:

О, как был чёрен тот рассвет,
Когда на русском полустанке
С крестами зарычали танки:
Пощады нет. Спасенья нет.

Я вижу, вижу, как сейчас,
В дымище бурую лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз.

Метались люди, как в бреду,
Рыдало солнце в низком небе,

Плясал огонь в созревшем хлебе,
Рубили яблоню в саду.

Цвели поля – всё прах и тлен,
Был тихий кров – торчат лишь трубы,
Любило сердце, пели губы –
Теперь кругом тоска и плен.

И мне мерещится доньне
Ребёнок, втоптаный в песок,
Забитый трупами лесок,
Распятый дед, как бог, на тыне.

Образ Игоря Григорьева, ещё молодого, красивого, статного человека, глубоко запал тогда в мою юношескую душу. Его манера страстно и громко читать стихи, донося до слушателя каждое слово, запомнилась мне навсегда. Надо сказать, что после этого звание «поэт» сильно возросло в моих глазах, и я стал относиться к нему с уважением.

* * *

Уже на следующий год мы с мамой переехали в Псков. Закончилась наконец наша кочевая жизнь, и мы осели в Пскове – уже навсегда. Я поступил учиться в Псковский индустриальный техникум, а она стала работать в Машиностроительном объединении. После окончания техникума я стал работать по направлению в конструкторско-технологическом бюро Управления местной промышленности и поступил на вечернее отделение музыкального училища по специальности «дирижёра-хоровика».

После окончания музучилища я был руководителем хора на заводе «Выдвиженец», где и работал тогда конструктором в отделе оснастки.

Но энергия во мне бурлила через край, и меня потянуло учиться дальше – получать высшее образование. Мои искания

своего места по солнцем: я поступал в Ленинградскую консерваторию – на режиссёра и в Московскую – на «вокал», в Музыкальный институт им. Гнесиных – на «вокал», в Ленинградский инженерно-строительный институт – на архитектуру, а окончил в 1974 году Псковский филиал СЗПИ и получил специальность инженера-механика.

В это время я работал ведущим конструктором и заведующим сектором точечных и шовных сварочных машин в Псковском отделении ВНИИЭСО (Всесоюзный научно-исследовательский институт электросварочного оборудования).

В конструкторском отделе № 15, где я работал, было более 60 человек. Меня избрали редактором стенгазеты, коим я был более пятнадцати лет, и мне волей-неволей приходилось писать всем без исключения поздравления то с днём рождения, то с юбилеем, а также стихи к праздникам, торжественным датам.

Моя жена, Валентина, тогда работала в вечерней школе № 2 Пскова, преподавала химию. Вместе с нею в этой школе преподавала русский язык поэтесса Дина Кодексова. У неё в ту пору вышла книжка стихов, и она знала поэта Льва Малякова (занималась русским языком с его сынишкой). Однажды на какой-то школьной вечеринке, кажется, по случаю Нового года, мы с ней по очереди читали свои стихи, и она мне сказала:

– Знаешь, мне нравятся твои стихи. Подбери десятка полтора-два самых лучших, я снесу в писательскую организацию – покажу...

После того как я это сделал и Дина отнесла стихи, на них написали рецензии уже известные псковские авторы: В. Воробьёв, Л. Маляков, Э. Жемлиханов. Каждый из них находил в стихах искру Божью, да и рецензии были поучительными, интересными. С Энвером Жемлихановым, прекрасным поэтом из Великих Лук, у нас даже завязалась переписка, но я ждал чего-то большего от этих рецензий, возможно, какой-то учёбы, навыков, ремесла...

И вот – о Боже! – написал рецензию сам Игорь Григорьев. Рецензия оказалась более чем положительной – обнадеживающей, но с некоторыми выводами хотелось поспорить, что-то уточнить, прояснить...

И я набрался смелости и пошёл к Григорьеву домой – на Рижский проспект, дом 57.

* * *

Дверь открыл сам хозяин. Я поздоровался:

– Здравствуйте, Игорь Николаевич. Я – Мухин...

На лице Игоря Николаевича заиграла такая добродушная улыбка, как будто он встретил старого закадычного друга:

– А-а, заходи, заходи, старик... Молодец, что пришёл. Я знал, что придёшь. Будем общаться, обязательно. Ты – поэт, и не надо этого пессимизма: «Я руками белыми машу, Но опоры в воздухе не чувствую...». Сами по себе строчки – замечательные, и вот что я тебе скажу: маши-маши крылышками, старик. Не останавливайся...

– Вот примерно за этим я и пришёл. Мне надо было услышать эти слова именно от вас. И если вы их говорите, значит, буду продолжать махать своими ещё не окрепшими крылышками. А вам огромное спасибо за рецензию, за потраченное на неё время...

– Знаешь что? Только давай без реверансов. Я этого не люблю. Присаживайся здесь, на кухне, сейчас будем чай пить и говорить о твоих стихах.

С этого дня я стал приходить к нему регулярно и если, случалось, задерживался на недельку-другую, то сразу же получал «взыскание».

Он познакомил меня с Еленой Морозкиной – его женой, Марией Васильевной – матерью, своими друзьями-поэтами, ставшими и моими друзьями – Сашей Гусевым, Львом Маляковым,

Иреной Панченко, Валентином Краснопевцевым и другими. Роль Игоря Николаевича Григорьева в моей поэтической судьбе очень велика. Во-первых, он дал мне надежду. Во-вторых, дал крылья, чтобы лететь к надежде. И я постоянно чувствовал внимание и заинтересованность с его стороны моим творчеством, моей поэтической судьбой.

Мать-природа наградила его необычайной красотой, и не только внешней. Он обладал такими редкими в наше время душевными качествами, как честность, благородство и сострадание.

Он всегда имел собственное мнение, умел его отстаивать и никогда, ни при каких обстоятельствах не приспособлялся в жизни.

Григорьев по своей натуре был – огонь! У него было пламенное и неуёмное сердце. Его темперамент азартного рассказчика иногда пугал.

– Запомни, что я тебе скажу: только натянутые струны души могут звучать. Я тогда был разведчиком, немцы устроили на нас облаву. Мне пришлось зарыться в сено на сеновале. А они стали «проштыковывать» сено вилами. Я замер в напряжении, застыл. В меня тогда чудом не попали. Но душа зазвучала, и я тогда написал много хороших стихов.

Когда он увлекался, начинал повышать голос, иногда срывался до высоких нот. А руками так резко жестикулировал, что порой смахивал со стола стакан или тарелку:

– Ты знаешь, какой случай произошёл со мной однажды весной, на рассвете, на берегу Ладожского озера? Я видел, как заяц плясал вокруг зайчихи, подняв передние лапки! А она сидела и хлопала в ладошки... Вот это была картинка! Ха-ха-ха... Никогда не забуду.

Григорьев всегда заражал идеей, вдохновлял, подбадривал, подталкивал, вселял надежду, был щедр на похвалу, на радость от

встречи с хорошим – чужим – стихом. Любил читать свои стихи вслух, глядя в глаза собеседнику, и любил слушать чужие, шумно реагируя на удачу, а также и на неудачу.

Один раз мы просидели и проговорили почти всю ночь – о поэзии, о поэтах, о жизни. Порой он шумно вскакивал, размахивал руками, снова садился, разливал чай. Потом снова слушал или читал и спрашивал:

– Как тебе?

Или просил:

– Ничего не говори, я уже по глазам всё вижу.

Мы читали, шумели, смеялись, на кухню заходили или Мария Васильевна, или Елена Николаевна. И вдруг, однажды, когда они ушли, он с таинственным шёпотом, пригнувшись к моему уху, сообщил:

– Скажу только тебе. Они – самые настоящие ведьмы, я слышу, как по ночам в темноте шуршат их крылья... Они – летают из комнаты в комнату.

Однажды он вспоминал и рассказывал о своём детстве и юности и о периоде, когда началась война, всё поставившая с ног на голову. А передо мной вставали картины времени, ставшего для него временем духовного и гражданского возмужания.

* * *

Он родился 17 августа 1923 года в деревне Ситовичи Порховского района Псковской области.

Дом деда Григория (Гришин пятистенок) стоял на краю деревни рядом с лесом, и поэтому лес для маленького Игорька был «закадычным» другом и вторым домом. Таким он для него остался на всю жизнь.

Уже с четырёх лет с ватагой мальчишек, а то и один, он бегал через лес на речку Веретьеньку ловить решетом или марлей

гольцов и пескарей. На речку Узу бегал за раками, ходил в лес по ягоды и по грибы.

Лес притягивал красотой, таинством, «просветами в небо», которые были, «что оконца». И свой первый стих Игорь написал под впечатлением от этой лесной благодати уже в пять лет, когда двоюродная сестра Катя выучила его читать.

Вместе с ними на хуторе жила немка, которая была детям и нянька, и «мать», поскольку отец и мать были в частых отъездах. Она-то и научила детей немецкому языку. Как потом говорил Игорь, «по-немецки я научился читать и писать раньше, чем по-русски».

Отец Игоря был царский офицер. Он дослужился до штабс-капитана и был любимцем генерала Брусилова, имел четыре Георгиевских креста.

А в восемнадцатом году стал начальником Порховской ЧК.

В четырнадцать лет, получив от отца настоящее ружьё и прекрасного пса – англо-русского выжлеца, Игорь стал заядлым охотником.

По словам Игоря Николаевича, отец его Николай тоже был поэтом, и стихи Игорь стал серьёзно писать не без отцовского влияния уже в 1940 году.

А привязанность к родной земле, любовь к русской деревне, к русскому языку, навсегда стали его пристрастием и придавали народный колорит стихам его.

Десятилетку Игорь Григорьев закончил в посёлке Плюсса. Ему шёл восемнадцатый год, когда началась Великая Отечественная война. И четыре года ему суждено будет всем своим чутким сердцем поэта впитывать все ужасы военного времени – быть поэтом войны и поэтом-воином.

Два дня и три ночи горело,
Ревело, громило, трясло –

И душу, и брненное тело
Ввергало в погибель и зло.

Мочалило сталь на мочало,
Свивало железо узлом,
Погибель победно кричала:
«С дороги, иначе – на слом!».

Бежали без ружей солдаты,
Как тени, ползли старики ...
Куда ты, Россия? Куда ты?
Хоть слово надежды реки!
3 июля 1941, Тушиново (под Плюссой)

Все военные стихи Игоря Григорьева – это строки, пропахшие порохом, это плач сына над поруганной матерью-Родиной.

И кажется – тучные нивы
Рыдают над каждым: «Проснись!..».

А в сёлах – глухие разрывы
Да толом пропахшая высь.

Проклюнулась жердь у омета –
Разжилась наивной листвой.

А в поле частят пулемёты,
Свинец высева густой.

И поддни черны и косматы,
И горького горше – дымы.
Отчизна, твои ль это хаты?
И, может, не русские мы?

1941

Но постепенно пессимизм и растерянность в стихах переходят в твёрдую уверенность и веру в победу:

А кругом, в ночи-неволе, –
Ворог, проклятый трикраты.
Замерзает наше поле,
Замирают наши хаты.

Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.
Да! Мы дышим, дышим, дышим –
Копим жилистые руки!

1942, Плюсса

Одна из книг Григорьева называется «Красуха». Она посвящена трагедии псковской деревни с таким названием – 13 ноября 1943 года её сожгли захватчики. Сожгли вместе с жителями – земляками. Красуха находилась всего в трёх верстах от родного села поэта. И Григорьев поминает своих земляков и родичей, преданных огню:

Затолкали в пасть сарая
Триста человек!..
Триста душ, земля сырая,
Приюти навек.
Нет! Ни слова об отряде:
Замер стар и мал.
И ни звука о пощаде
Враг не услышал.
Заплескалось пламя в крыше,
Взвился страшный чад ...
Не слышал – и не услышит.
Мёртвые молчат.
Только память не забыла
Беспощадных дней:
Это было, было, было
На Руси моей ...

Стихи о Красухе полны набатной скорбью, пронизаны глубокой тревогой и болью. Вспоминая годы оккупации, поэт закликает: «Бремя-лихо, жуткое время. До предсмертного вздоха своего не перестану думать о тебе! И у последней черты не отрекусь от ненависти к фашистским атрибутам – кровожадности, подлости, холуйству и шкурничеству!».

В автобиографической справке «О себе» Григорьев пишет: «В годы германского нашествия было суждено мне стать руководителем плюских подпольщиков и возглавить группу разведки во вражеском тылу.

Когда друга моего верного, помощницу по разведке Любу Смурову схватили немцы (случилось это в посёлке Плюсса 11 августа 1943 года), я был отозван партизанским центром в отряд. Брат Лека ушёл со мной ...

И – со Дня Победы до сей поры – мне не по себе от мучительной думы: “Вот они – сыновей и дочерей миллионы многие, и с ними Любовь Смурова и Лев Григорьев, – полегли за Родину, а ты остался в живых!”. Но ведь очень даже мог и не остаться. Судьба.

Воевал в разведке Струго-Красненского межрайонного подпольного центра № 4 под началом славного сына России Тимофея Егорова и в бригадной разведке Шестой Ленинградской партизанской бригады под командованием Виктора Объедкова.

11 февраля 1944 года получил четвёртое, последнее ранение на войне. Было немало госпиталей».

По всему этому Игоря никак не назовёшь баловнем судьбы. Он не раз рисковал жизнью ради Родины. Среди многих его достоинств была и храбрость. Об этом красноречиво свидетельствует его незаурядная биография. За отвагу и храбрость он был награждён несколькими боевыми орденами и медалями.

Когда началась Великая Отечественная война, он по заданию подполья начал работать переводчиком в немецкой комендатуре. На самом же деле Игорь Григорьев был разведчиком, добывавшим секретные материалы о передвижении вражеских сил и боевой техники.

Арест его связной Любви Смуровой стал первым сигналом того, что гестапо вышло на их след и скоро доберётся и до него. Его не арестовывали только потому, что ему некуда было бежать.

Комендатура, в которой он служил, находилась в местечке, окружённом с одной стороны заградительными отрядами, а с другой – болотами и минными полями.

Однажды ночью Игорь Николаевич вместе с братом, помолвившись, пошёл через минные поля, протянувшиеся более чем на двести метров. Они спаслись чудом.

Уже после того как Игорь Николаевич вернулся к партизанам, он не раз участвовал в диверсионных операциях, пуская под откос немецкие эшелоны с техникой, снова был зачислен в разведчики.

А поскольку не раз был тяжело ранен, контужен, то в двадцать с небольшим лет окончил войну инвалидом: одно лёгкое у него было прострелено и болело. Образовался очаг, способствующий медленному развитию туберкулёза, а операцию делать было опасно: ослабевший организм мог просто не выдержать. Из-за чего вчерашний разведчик вынужден был постоянно пользоваться ингалятором, потому что не мог подняться без этого даже на второй этаж.

Но даже эта беда не сломила мужественного человека. Он не желал быть просто инвалидом войны и почивать на заслуженных лаврах. Он живёт памятью о войне и продолжает отыскивать своё слово в поэзии:

Всё помню: немую работу разведки,
Полёгших безусых солдат...
Под сердцем моим пулевые отметки
Доныне к погоде горят.

* * *

И удивительное дело – война, которая должна была огрубить, ожесточить юное сердце поэта, не смогла сделать этого. В его стихах мы находим восторг, великое благодарение судьбе за возможность жить и иметь собственный голос:

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумея: бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить – ни про что – в никуда!

Эти строчки из стихотворения Григорьева «Боль» посвящены Александре Агафоновой, его первой Прекрасной Даме, которая была сестра милосердия. Именно она в 1944 году спасла и выходила в ленинградском госпитале раненого поэта. Потом привела в свой дом, познакомила со своими близкими. Она в течение многих лет с материнским терпением заботилась, врачевала бунтарский дух «лихого партизана». И укрепляла человеческое достоинство, любовь и веру.

Муж её, адмирал Балтфлота, погиб в блокаду. Сама она была дочерью петроградского генерал-губернатора. В их удивительном доме бывали Сергей Есенин, Игорь Северянин.

Второй Прекрасной Дамой Игоря Николаевича была профессор Антонина Александровна Вильгельминина. Они встретились в Ленинградском университете. В блокаду она спасла университетскую библиотеку. Позже муж её эмигрировал, за что её исключили из профессоров. Этим Прекрасным Дамам Игорь Николаевич посвятил стихи, которые вошли в книгу «Кого люблю».

В послевоенное гражданское время Игорь Николаевич перепробовал массу профессий, в основном для того, чтобы прокормить семью. Его по-прежнему притягивает природа, и он работает егерем, промышляет охотой и рыбалкой в костромских лесах. Он занимается фотографией на Вологодчине; участвует в геологической экспедиции по Прибайкалью; позирует в художественной студии; работает грузчиком и строителем в Ленинграде...

Будучи инвалидом, он не гнушается тяжёлой работы, и в результате она спровоцировала выпадение диска в позвоночнике.

Вот что напишет об этом времени его друг Лев Маляков: «С адскими болями он лежал в постели и все равно писал. Тайком от его жены я приносил “маленькую”, чтобы приглушить боль. Помогало, но ненадолго. Как инвалида войны Игоря положили в Военно-медицинскую академию. Сделали операцию, но неудачно. Через несколько лет операцию пришлось повторить. К перемене погоды донимали сильные боли. Приходилось спасаться наркотическими снадобьями, которые ему выписывали врачи. Когда наркотиков не было, переходил на водку, после чего мучительно выходил из болезни, в рот не брал спиртного по нескольку лет. Помогали выйти из “транса”, как называл он своё состояние, всё те же стихи. Поэзия была его звездой».

В 1949 году осенью, как говорил Игорь Николаевич, «с третьего захода» он поступил на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, которое закончил в 1954-м.

И всё же полное исцеление от физических и житейских недугов поэт находит на земле:

Я сам земле поклоны бью, –
Без этого нельзя за плугом, –
И песню-борозду пою,
И не таю души пред лугом.

Он врачует себя простой сельской работой:

Ты её не мори
Душеньку,
Дай выпесниться:
Отпусти в косари
Пусть в прокосы выплеснется!

Григорьев всё больше начинает говорить на «языке отцов и дедов», увеличивает богатство своего поэтического словаря,

становится настоящим русским художником Слова. Русская земля-простор и дорога – вот его учителя:

Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,
Вразуми, зараспечаль.

Его первые стихи опубликовала газета «Псковская правда» в 1956 году. Это были три лирических стихотворения. «И это было, как первый поцелуй с любимой!» – вспоминал потом Игорь Николаевич.

А с первым сборником стихов, считал Григорьев, ему крупно повезло. Неожиданно для него самого на его творческом пути повстречался замечательный и светлый человек – редактор Татьяна Владимировна Боголепова. Благодаря ей первая книжка «Родимые дали» увидела свет в «Лениздате» в 1960 году.

В Ленинграде той поры Григорьев жил неподалеку от Варшавского вокзала, на улице Егорова, в коммуналке, в девятиметровой комнате. Перевез к себе парализованного отца и двух сестреноч. Как заядлый охотник, он не мог обходиться без собак. У него были гончие Арфа и Полаз.

Перенаселение не мешало нищему студенту привечать друзей. Вечерами здесь было шумно, дымно и весело. Завсегдатаями вечеринок были торпедист Виталий Умецкий, поэт и прозаик, погибший в автокатастрофе; известный прозаик и ученый Федор Абрамов; поэт, доктор филологических наук Владислав Шошин; журналист Владимир Боболин; писатель Глеб Горышин; пскович-земляк Александр Решетов.

Однако в любой компании Игорь всегда был большим мастером оказываться в центре внимания благодаря своему невероятному обаянию. Добрая душа поэта в дружбе не знала границ. Он был на равных с мастером Савелием, жившим на Карельском перешейке, с художником Ильей Глазуновым, портрет работы которого висел у него в кабинете. Этот портрет очень точно от-

ражал характер и внутренний мир Григорьева, но самому поэту он почему-то не нравился.

Григорьев мог отдать весь только что полученный гонорар нищему, пригласить на ночлег незнакомого человека. Это был человек необыкновенный в любых проявлениях, обладал огромной притягательной силой, сам того не подозревая, влиял на свое окружение самым благоприятным образом. И не только в смысле поэзии.

* * *

О Фёдоре Абрамове он мог говорить с наслаждением, потому что горячо любил его, и настоящая дружба связывала их родственные души.

Они познакомились в 1953 году, когда Фёдор Александрович был руководителем его дипломной работы. На очередной консультации, после прочтения черновика диплома Григорьева, Абрамов сухо сказал:

– Худо дело, батенька. Литературоведа из тебя не получится. И чего тебе делать, не знаю.

– А я и не собираюсь отнимать у вас литературоведческий хлеб. Мусолить чужие фолианты – не мой удел, – взъерошился обидевшийся Игорь. – Пусть лучше «разбирают» меня.

И, чтобы успокоить ученика, Абрамов пригласил его к себе домой. Его большая комната находилась здесь же, во дворе университета. Он стал читать начальные главы своего первого романа. Свои ощущения от услышанного Игорь Николаевич выложил потом в своих мемуарах:

«И, хотя я был никудышным литературоведом, понял, что значит роман Абрамова “Братья и сёстры”. Он был, по мощи голоса, первым в решении темы деревни и селянина, то есть родины. Его глубь проникновения в психологию русского человека, его слегка затяжелённый покаянный юмор, его живой

искристый русский язык, его нещадная правдивость – всё было значительно и незабываемо. За долготное наше знакомство Фёдор Абрамов прочитал мне, возможно, одному из первых, немало своих произведений: “Поездка в прошлое”, “Жила-была Семужка”, “Вокруг да около”, “Безотцовщина”, “Пролетали лебеди”, “Медвежья охота”. А один рассказ – “Однажды осенью” – даже создавался на моих глазах».

А было это в 1961 году, в конце октября. Они отправились гонять зайцев к хуторам Гречухина, разбросанным по берегу озера Киимаярве, где жила кума Игоря Николаевича, Полина Саввина.

Путь был нелёгкий, но вокруг были живописные картины осенней природы: поля, леса, пригорки, перелески – и это вдохновляло и радовало, вселяло и укрепляло силы...

До Гречухина от станции Громово было километров восемнадцать, и они с большущими рюкзаками, ружьями, смычком гончих – Идолем и Арфой – по расквашенной и разгромленной нашей техникой дороге (вдвоём на двух ногах: и у Фёдора Абрамова нога, и у Игоря Григорьева были стреляны в войну) добрались до пристанища лишь к вечеру.

Когда подошли к дому кумы, оказалось, что дом на замке: она ещё не вернулась с работы. На крыльце перед запертой дверью, сиротливо и одиноко сидел посиневший от холода малыш.

– Ты кто такой? – спросил Фёдор Абрамов ребятёнка.

– Шурин сын.

– А почему не греешься у себя на печке, а зябнешь тут?

– Так, в избе один боюсь, там – мыши!

– А где твоя мамка?

– Где, где... Загулявши она на стороне. Вот и жду тётю Полю, – сказал и, захлопав носом, заплакал тихо, покорно.

Игорь знал, где хозяйка таит ключи. И вот они – все трое – вошли в большую жарко натопленную кухню. Вскоре и Полина Захаровна с дочкой вернулись домой. А за ними и Шура пожаловала:

– Завернула за сыном вот, – скороговоркой пропела она.

Накрыли стол. Пригласили и Шуру. Часом позже нагрянули и ухажёры-механизаторы. Заиграла гармонь... Зазвучали русские песни, и дом наполнился какой-то удивительно тёплой радостью и гармонией, от которых русской душе было покойно и празднично...

Уже за полночь, укладываясь в постель, Григорьев предложил:

– Давай напишем по рассказу обо всём сегодняшнем. Любопытно, что у нас из этого получится?

– Идёт!

Через неделю Фёдор Абрамов читал Григорьеву свой замечательный рассказ «Однажды осенью». Вот что написал в своих воспоминаниях об этом Игорь Николаевич:

«И я был глубоко взволнован зоркостью и пронизательностью писателя, его умением отобрать самое-самое в ворохе фактов и деталей, его способностью возвысить обыденную прозу жизни до сверкающей поэтической высоты. Слава Богу, что я тогда был занят стихами и не набил себе шишек на прозе!

Вообще-то Фёдор Александрович удивлял меня нередко. Как-то мы коротали с ним ночь у костра. Почти три часа подряд он пел частушки, одну забористее другой, не повторившись ни разу. Он пропел их не меньше сотни.

Вокруг и около Абрамова вращалось и мельтешило немало литературного и околотрудового люда, который курил ему фимиам. Но Абрамов ко всему этому был более чем равнодушен.

А сегодня никто не ставит под сомнение отзывы о нём крупнейших английских и американских издательств: «лучший современный писатель Земли», «самый значительный прозаик наших дней», «лучший писатель-деревенщик» и т. д.

Наши добрые отношения вряд ли можно измерить какими-то словами, но, видит Бог, я любил этого человека».

Через судьбу русской северной деревни Фёдор Абрамов показал многострадальную судьбу всей России. Через судьбу сво-

их земляков он показал жизнь и судьбу всего российского крестьянства.

Он высоко ценил роль русской женщины-труженицы-воина во время Отечественной войны. В романе «Братья и сёстры» он прямо говорит о «Великом подвиге русской бабы, открывшей в 1941 году второй фронт, быть может, не менее тяжкий, чем фронт русского мужика». Таким образом, он утверждал, что войну в России выиграла русская баба. Надо сказать, что эта мысль долгое время не давала покоя и мне.

И вот однажды она реализовалась в стихотворении, которое я принёс показать Игорю Григорьеву:

Русская баба

Великую Отечественную войну
в России выиграла русская баба.

Фёдор Абрамов

Не жалеют русской бабы,
И она, как лошадь, прёт –
Через кочки да ухабы,
Сколько может, столь везёт.

В зной ли, в холод леденящий,
В молотьбу, в косьбу, в жнивье,
Чем сильнее баба тащит –
Больше валят на неё.

Был, наверно, прав Абрамов –
В том, что выиграла баба,
Баба русская войну.

Как и раньше, так и ныне
Всю страну на Божий суд,
Как породистые кони,
Бабы русские несут.

Прочитав стихотворение, Игорь набросился на меня с криками, с воплями. Он не то обнимал, не то бил меня по плечам.

Звал Елену Морозкину: «Лена, Лена! Иди сюда, скорее. Ты посмотри, что он написал!».

Когда Елена Николаевна прибежала из своей комнаты к нам на кухню, он, весь красный от возбуждения, снова прочитал всё стихотворение и потом с каким-то искренним сожалением и горечью произнёс:

– Это стихотворение я должен был написать! Ведь я, как никто, знал жизнь русской бабы, её военную судьбу...

– Да ладно, Игорь Николаевич, у вас есть прекрасные стихи о женщинах: Фотинья, Анна, Люба Смурова...

– Нет, старик, этот стих у тебя – высший пилотаж. Ужо, покажем Малякову, у него таких тоже не найдётся: просто, ёмо, образно... Молодец!

Вторая книга Игоря Григорьева «Зори да вёрсты» вышла в 1962 году. Потом были книги: «Листобой» (1962), «Сердце и меч» (1965), «Горькие яблоки» (1966). Росла известность поэта в литературной среде – налицо был его яркий прорывающийся сквозь рутинные издания самобытный и звонкий голос. Однако критика старалась его как бы не замечать, а порой и пощипывала за «смелость употребления народных диалектов».

Вот что написал о Григорьеве критик Аркадий Эльяшевич (Поэты, стиль, поэзия. Лениздат, 1966. С. 290): «Жизнь не баловала И. Григорьева. Его поэтическая судьба сложилась необычно. Выступив перед читателями с первыми стихотворными сборниками уже в зрелые годы, он и сегодня остаётся пасынком критики. А между тем оригинальность творческого голоса поэта не подлежит сомнению. Взять хотя бы богатство его поэтического словаря. И. Григорьев гордится тем, что пишет на “языке отцов и дедов”. Однако в употреблении старинных слов и слов псковского диалекта у него нет нарочитости, и, может быть, поэтому лексика его произведений не оставляет впечатления архаичности или стилизации. Читая стихи Игоря Григорьева, думаешь об удивительном совпадении языковых средств с поэтической темой».

Но даже и по прошествии более двух десятков лет, когда творческий багаж Игоря Григорьева достиг более двух десятков книг, официальная критика так и не обласкала поэта. Как будто этих замечательных изданий и не было. Ни в центральной, ни в местной прессе об этих изданиях не было ни слова. Это замалчивание, отчуждение творчества поэта вряд ли было случайным явлением.

Как пишет доктор филологии Владислав Шошин, «Муза Игоря Григорьева никогда не прислуживала власть имущим, ни “левым”, ни “правым”, но верой и правдой служила Совести и России. К тому же поэт всегда имеет собственное мнение, которое выражает своим, да ещё и далеко не робким голосом. О таком авторе самое надёжное – “не шуметь”».

* * *

Ещё одной Прекрасной Дамой в жизни Игоря Григорьева была Светлана Молева. Это была любовь с первого взгляда уже зрелого поэта и начинающей только ещё распускаться, как цветок, юной поэтической души, трепетной и нежной. Поэзия, хоть и ненадолго, связала эти два пылких любящих сердца, стала их смыслом, их воздухом.

Для Светланы этот союз, безусловно, стал взлётом её собственного поэтического голоса, и первую её книжку Игорь Николаевич помог ей выпустить как учитель и наставник. Потом, уже после смерти Игоря, Светлана Молева вспоминала: «Он много лет назад сам учил меня знать цену слову: “В строке не может быть проходных, случайных, необязательных слов. Ты должна забивать их туго, как патроны в обойму...”. Что ж, видно, уроки не прошли совсем даром».

Читая её воспоминания об Игоре Григорьеве, не может не тронуть душу тот восторг, то очарование внезапного нахлынувшего на них обоих чувства: «... я вижу его, летящего по Ок-

тябрьскому проспекту, безоглядно выкрикивающего стихи, и себя, деревенскую школьницу, стыдливо, но изо всех сил выбивающуюся – рядом. Стыдливо потому, что встречные пересмеиваются и, как горох, рассыпаются по сторонам. Таким был день нашей первой встречи».

И позднее, припоминая совместную жизнь с Игорем Николаевичем, Светлана Молева писала: «“Крученный, верченный” (как он подсмеивался сам), всем неудобный, но столь представительный, что друзья и враги плотно обстояли его, он время от времени прорывался и уходил, оставляя всех. И сколь бы теперь ни вспоминали и ни писали о нем, нам и всем миром не собрать малой доли стремительного, яркого, разрываемого противоречиями образа. Скорее всего, не удастся даже последовательно выстроить биографию, разбросанную по всей стране, и на долю его биографов, когда Россия поднимется и достанет у нее досуга вспомнить своих сыновей, выпадет нелегкий труд.

Одна из последних поэтических книг Игоря Григорьева биографична и называется “Крутая дорога”. Как ее редактор, я безусловно и сразу согласилась с этим названием. Вот она передо мной. И думается теперь: на свое неслабое мужское плечо примерял он эту дорогу. Не крутая она — жестокая. Да, жестокая дорога поэзии стремительно пронесла его мимо нас. Многие шарахались в стороны, называя его шутом и кривлякой. Он не оглядывался. Другие уязвляли больно, навешивая ярлык графомана».

Эти другие были критиками поверхностными и недалеко-видными, пытавшимися обвинить в употреблении чуждых слов и оборотов. На что Светлана Молева резко и твердо отвечала: «Ему претили нерусские слова и чувства. Таким мощным, неподдельным, генетически чутким было его ощущение родного слова — слова всеобъемлющего, оплодотворившего весь мир.

Но, конечно, строку не всегда удавалось зарядить, как обойму. И попутчики часто попадались не из тех, с кем можно было

идти в разведку (а он именно с этой меркой подходил к людям). И падения бывали такие жестокие, что еще не пришло время поминать о них. Да не приспееет никогда.

Но именно в один из таких, кажется, безвыходных моментов судьбы, написаны эти летние, чистые, хрестоматийные строки:

Покойны жёлтые озёра,
Спокойны синие пески:
Они как старость без укора,
Они как юность без тоски ... ».

* * *

Игоря Григорьева и Льва Малякова связывала большая и старая дружба длиной в 53 года. Они знали друг друга ещё со времён войны. Воспоминания об этом Лев Иванович оставил в статье «Уйдя, он остался с нами» («Псковская правда», 14 октября 1998 года). «Свела нас партизанская тропа в суровом 1943 году. Псковщина горела в пожарище войны, горела в буквальном смысле этого слова. Фашисты, отступая, сжигали все подряд – города, села, деревни, даже одиночные сенные сараи, чтобы лишить партизан пристанища.

Меня с Игорем Григорьевым послали в Псков за секретными документами. Об этом эпизоде у меня рассказано в романе “Страдальцы” и в книге “Контрразведка”, поэтому не буду повторяться.

Лишь отмечу: я с ним тогда встретился впервые, и он тогда произвел на меня неизгладимое впечатление, примерно таким же оно оставалось на все годы нашей дружбы. Он был энергичен, говорлив, порывист и непредсказуем. Пока мы шли до Пскова, он прочитал мне массу стихов, в том числе и своих, написанных во время оккупации, и заразил “вирусом” поэзии, правда, этот вирус лёг на готовую почву.

До сих пор во мне звучат его набатные строки:

Обозы, обозы, обозы
Такое, как в дни старины.
Искромсаны в щепки березы
Нещадной секирой войны...

Слова, как пули, пробивали меня насквозь, вонзались в сердце, приводили в восторг. С ними легче шагало. Игорь читал стихи с напором, в его исполнении каждое слово гудело колоколом. Тогда меня поразило не столько смыслом, потому что война была рядом, мы нагляделись на нее, сколько чувство, вызванное всеобщей бедой».

После войны они вместе учились в Ленинградском университете. Но после окончания Маляков приехал в Псков, а Григорьев остался в Ленинграде. В то время в Пскове не было писательской организации, а было созданное в 1956 году областное литературное объединение, которое возглавлял молодой журналист Лев Маляков.

В области также не было издательства. Книги и брошюры издавались под «крышей» областной газеты. Руководство области понимало, что для активизации творчества в области необходима писательская организация.

Первый секретарь областного комитета КПСС И. С. Густов поручил Льву Ивановичу пригласить на жительство в Псков члена Союза писателей Игоря Григорьева. Маляков выполнил это поручение. Игорь Григорьев из Ленинграда переехал в Псков и стал первым секретарем Псковской писательской организации, которая была создана в 1967 году.

Прожив в Ленинграде четверть века, где у него были известность и приличные средства к безбедному существованию, он с радостью вернулся на родную Псковщину, на берега Великой и Псковы:

Мне не в Невском жаться скопище,
Не локтями ближних пхать –

У реки, низины топящей,
Песней зори колыхать.

По-разному отреагировал Псков на возвращение своего сына-земляка. Друзья встретили с радостью, недоброжелатели – с усмешкой и затаённой враждебностью. Одни считали его чудачком, другие упрекали: «С жиру бесится!», третьи предсказывали: «Пофасонит и обратно укатит!».

Свои же «товарищи по перу» упрекали в нарушении законов «соцреализма». Ему припомнили работу в немецкой комендатуре во время войны. Его шантажировали, пугали, писали на него доносы и поклёпы – «стучали куда следует». И к тому же «партсека» И. С. Густова перевели работать в Москву, а «новая метла» не хотела терпеть выходки строптивого и странного поэта Григорьева.

* * *

Нужно отметить, с каким трудом книги Григорьева пробивались на свет: их зарубали, гнобили, подвергали сомнению их поэтическое начало, но они выживали, поднимались и в конце концов выходили чистыми к своему читателю. Как пример, Владислав Шошин приводит издание книги «Русский урок», в предисловии к которой он пишет: «Нельзя не остановиться на мытарствах, выпавших на долю этой книги. Первоначально рукопись была предложена издательству “Советский писатель” в 1979 году. На неё написано шесть (!) рецензий. И наконец – 15 января 1988 года – редакторское заключение: “Игорь Григорьев предстаёт в новой книге сильным, оригинально мыслящим поэтом. В своё время он получил от двух рецензентов самую настоящую отповедь за якобы неразборчивое использование местного диалекта и т. д. Должна сказать, что поэтический язык И. Григорьева привлекает яркостью, образностью, знанием

языка народного. Предлагаю рукопись И. Григорьева в план выпуска 1990 года”.

Потом план выпуска отсрочили на 1991 год. Теперь издание рукописи Игоря Григорьева перенесли уже на 1992 год. Но долготерпение автора тоже не могло длиться вечно... Такова предыстория рождения этой книги. Грустная история – самоуправство чиновников от поэзии».

А между тем Григорьев стал настоящим мастером. Об этом сами за себя говорят его эпические полотна – поэмы «Зажги надежду», «Колокола», «Стезя», «Плач по Красухе», «Обитель», «Двести первая верста», «Вьюга»... Внутреннее содержание поэм основано на понятиях: Правда, Совесть, Любовь. Как в поэмах, так и в лирических стихах главный стержень – любовь к Родине, Псковщине, к судьбе простого народа:

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах – болотина,
На болотине – холмы.
Или вера сгила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется, как плачется:
Плач – под пляску, мать родна!
Да когда же нам наплачется
Во пиру судьбы-тюрьмы?
Неужели не отважиться,
Встав, напомнить: кто есть мы?

Он оставался по-прежнему независимым, а значит, не всем «удобным». И в конце концов его просто отпихнули, обошли и замолчали. На что Григорьев отреагировал внешне спокойно:

Я, родина, тебе не надоем
Ни шумом, ни докучною любовью.
Не знай меня, свети пока любому.
Я подожду. Тебе не надоем.

Но это – только внешне. Что пришлось пережить на самом деле – одному Богу известно! Даже в войну Григорьеву не пришлось встретиться с подобным предательством:

Мои собратья по перу
Не поделили «псковской славы»,
И я, доколе не умру,
Не позабуду той отравы.
Нет, не с цианом порошки
В стакане водки. Проучили
Меня надёжней корешки –
В глазах России обмочили.
Вот это было так беда,
Не просто жизни оплеуха:
Не с ног сшибала – я тогда
Лишь чудом не свалился с духа.

Игорю Николаевичу пришлось уйти с должности секретаря Псковской писательской организации, которую он создал. «Но он и не держался за это тогда “хлебное” место, заболел, оставил секретарство», как вспоминал Лев Маляков. К этому времени относится травля, которой подвергся Игорь Григорьев со стороны некоторых псковских писателей. Ему пытались приклеить ярлык предателя родины, фашистского пособника. Лишь благодаря работникам КГБ, которые располагали документальными данными о подпольной деятельности Игоря Григорьева в оккупированной фашистами Плюссе, позорное пятно было снято. Тогда деятели местного масштаба стали обвинять поэта в неуживчивом характере.

Наверное, эта “неуживчивость” притягивала как магнитом к нему творческую молодежь. Его квартира на Рижском проспекте превратилась в поэтическую мастерскую. В ней читали стихи, готовили рукописи к печати, обсуждали новые книги».

В его доме на Рижском проспекте, 57 не раз были желанными гостями Фёдор Абрамов (его друг со времени Университета

и товарищ по рыбалке), Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Белов, Михаил Дудин, Иракий Андроников, Юрий Бондарев, Семён Гейченко, Глеб Горбовский...

Я как-то сказал, что обожаю Горбовского. Григорьев тут же отреагировал:

– Возьми, напиши ему, пошли свой сборник. Я адрес дам, но ты не говори, что я дал. Ещё обидится. Я знаю, он очень занятый человек.

* * *

С Александром Гусевым у Игоря Николаевича были поистине братские отношения. Они не иначе как «брат» друг друга не называли. Однажды Саша поведал такую историю:

– Когда у меня случилась беда – сгорел дом и я остался без угла, я жил в его квартире на улице Гражданской восемь лет.

– А почему сгорел дом?

– Это какая-то фантазмагория. Я и сам толком не могу понять. Дом сгорел 23 июля 1976 года, а перед этим было два предупреждения с интервалом в один год: 23 июля 1974 и 23 июля 1975. Оба раза я попадал под машину и потом в больницу. А в доме, видимо, должен был сгореть.... Тут мне Григорьев и помог, приютил. Для меня он – образец человеческого бескорыстия. Характер у него непростой, не все его понимают, но о людях творческих, о поэтах – по общим меркам не судят. А он настоящий поэт, и какой!

Здесь я хочу сделать небольшое отступление и сказать несколько слов о сыне Игоря Григорьевича Григории Игоревиче.

Григорий Игоревич – врач-психиатр и нарколог, вице-президент Международного института резервных возможностей человека, имел в Пскове филиал института и каждую субботу и воскресенье приезжал в Псков из Санкт-Петербурга для проведения сеансов лечения. Лечил он от алкоголизма методом цер-

ковного зорока, и, надо сказать, его сеансы пользовались огромным успехом. Григорий сам писал прозу, и к этому времени у него были изданы две книги. Александр Гусев работал у него, а Григорий Григорьевич был внимателен к своему подопечному, всячески помогал.

В прошлом Григорий Игоревич служил врачом на подводной лодке. Хочу отметить его пристальное отношение к творчеству своего отца, которое он выразил в письме, написанном ещё во время службы «с края света, с беспредельных берегов земли Русской»: «Чем дольше я живу, тем глубже начинаю понимать его стихи. Я их часто перечитываю, многие из них для меня, как молитва. В них истинная боль и крик вещей русской души! Кто из нынешних поэтов постиг в такой глубине истоки Русской земли? В его стихах сплав времён, их неразрывное единство. Повторяю, стихи его, как молитвы и сами собой входят в память. Теперь я знаю: отец прежде других, в одиночку, начал тот бой за наше будущее, о котором мы узнали лишь сейчас. Его пронзительные строки будят уснувшие сердца не в пример всевозможным усыпляющим бравурным маршам. То, что я написал, – это моё глубокое убеждение».

Такое всецелое понимание творчества отца говорит не только о сыновней любви, но также и о ясном, незамутнённом взгляде на всю его поэзию.

Однажды Григорий Григорьевич привёз из Питера мебель. Мебели было много – целая фура. Это были в основном книжные и платяные шкафы и раскладная кровать для Игоря Николаевича и ещё для Саши Гусева – книжные шкафы и полки, кухонный шкаф, голубая керамическая плитка для кухни. Всё в разобранном и упакованном виде.

И началась мебельная эпопея.

Сначала мы с Сашей разобрали и вынесли старые встроенные шкафы из прихожей квартиры Григорьевича. Убрали и очистили помещение. Вынесли старую кровать Марии Васильевны

и взамен собрали и поставили новую – раскладывающуюся. А на место удалённых встроенных шкафов собрали и поставили четыре платяных. Затем собрали и поставили ему пару книжных шкафов. Больше ничего не помещалось, и Григорьев щедрой рукой подарил один книжный шкаф мне – за работу и один Льву Малякову – просто так. Всё оставшееся велел везти Саше Гусеву.

Игорю Николаевичу доставляло огромную радость не брать, а давать что-то людям. Он очень любил делать своим друзьям подарки. И попробуй откажись – обидится и даже перестанет разговаривать!

Александр Гусев был настоящим прирождённым редактором, таким, который понимал, что главное – не нарушить индивидуальность автора. И я бесконечно благодарен судьбе за то, что мою первую книжку «Иду на ваши голоса» редактировал Александр Гусев. Редактировал после составления и редактирования Игорем Григорьевым. А получилось вот что.

Игорь Григорьев меня торопил с изданием первой книжки и, видя, что я «не шевелюсь», сам взялся за составление. Сел за машинку, потребовав у меня всё, что есть из написанного, и за неделю приготовил рукопись на два авторских листа (1400 строк).

Когда мы с Гусевым стали читать эту рукопись, стало понятно, что от меня там осталась половина. Остальное – чисто Григорьев.

И произошло это оттого, что поэтический язык самого Григорьева был настолько ярким, народным и самобытным, что стоило ему добавить в мой стих хотя бы одно слово или рифму типа «звень – голубень», и Мухиным уже не пахло.

– Да-а, так дело не пойдёт, – сказал Саша. – Надо всё переделывать.

– А как же Григорьев? Ведь он страшно обидится.

– Григорьева я беру на себя, ты не вмешивайся. Рукопись я тоже беру на себя, отредактирую, не волнуйся.

После случившегося Григорьев года полтора не разговаривал с Сашей.

* * *

Мать Игоря Григорьева – Мария Васильевна – была энергичная, весёлая старушка, сильно похожая на мою бабу Дуню. Она была светлой, даже какой-то солнечной, всегда приветливой, улыбающейся и разговорчивой. Она никогда не отказывалась от приглашения съездить ко мне на дачу и нарвать к обеду какой-либо зелени.

На даче она чувствовала себя, как дома, в «своей тарелке». Всё знала, обо всём судила, давала советы, а зелень рвала с «куста», пробовала, отправляя её в рот немойтой. Когда ей говорили, что надо бы помыть, отвечала:

– Ерунда, в деревне грязи нет.

После одной из первых таких поездок Игорь Григорьев просто сиял и исходил комплиментами и благодарностями за «витаминное чудо».

Однако, подняв палец вверх и показав на зелёную травку (это была веточка кинзы, или кориандра) громко и резко почти кричал:

– Но чтобы вот эту гадость ты больше никогда мне не давал!

Я чуть было не задохнулся! Потом прочитал, что название «кориандр» происходит от греческого «клоп», так как в незрелом состоянии растение издаёт резкий запах клопа. Тем не менее к моменту созревания зелень почти не содержит неприятного запаха, а приобретает приятные вкусовые качества.

Я оправдывался, как мог, говорил, что Мария Васильевна всегда рвёт сама – всё что захочет, и я не могу ей это запретить. Тем более нам с женой ничего этого не жалко, а ты уж, Игорь Николаевич, смотри сам – что ешь.

Я относился к нему с пониманием, потому что и сам не переносил удушливого аромата этой сильной пряности, особенно если случалось невзначай разжевать её веточку. И я совсем не понимал тех людей, которым этот аромат даже очень нравился.

– Вот когда я буду грузином, будешь возить мне эту гадость, – выговаривал он Марии Васильевне. – А пока – не надо. Очень тебя прошу. Мама, слышишь!? Не рви её больше...

– Да хорошо, хорошо, поняла, больше не буду её рвать.

– Всё остальное рви, а её – не надо, – не мог успокоиться Игорь Николаевич и, как обиженный ребёнок, морщил лицо, как будто опять невзначай ему пришлось разжевать эту злополучную травку.

Елена Николаевна Морозкина была последней верной его Прекрасной Дамой. Кандидат искусствоведения, защитник исторических и культурных святынь Пскова. Она писатель-публицист – автор книги о Пскове «Щит и зодчий», она же и поэт – автор книг «По Руси», «Распутица», «Осенняя песня».

К моменту знакомства Григорьева с Морозкиной они оба были одинокими. Морозкина произвела неизгладимое впечатление на Григорьева, когда он узнал о её бескомпромиссной борьбе за сохранение прекрасных исторических памятников – Крыпецкого и Мальского монастырей. Она врывалась даже в кабинет секретаря обкома, стучала своим маленьким кулачком по столу и – добивалась своего. Спасала исторические ценности, и этим «потрясла» Григорьева, любившего всё русское, отечественное. Их характеры были в чём-то схожими. Годы их совместной жизни были годами гармонического согласия и творческого настроения. И всё это время Муза не покидала их гостеприимного дома. Григорьев посвятил Морозкиной балладу «Именины», где написал:

Было поздно или рано:

Лес и озеро затихли

Или, может, не проснулись,

Нежась в ласке голубой.

Ни ветринки, ни тумана,

А и есть они, до них ли?

Мы нашлись, к себе вернулись –

Ты да я, да мы с тобой.

И в этих словах заключен ключ к пониманию того, что оба они не только нашли друг друга, но и каждый нашёл себя самого – свой особенный творческий голос. С приходом Елены Морозкиной в жизни Игоря Григорьева возродились понятия домашний очаг и домашний уют. Его быт, его духовная и творческая жизнь вошли в устойчивое русло. И до конца своих дней он уже не ощущал того одиночества, которое было раньше.

Сейчас мне хочется обратиться к воспоминаниям Елены Морозкиной, которые были опубликованы в «Псковской правде» 28 октября 1998 года, где она даёт яркое описание жизни и творчества Игоря Григорьева:

«Игорь Григорьев – уникал, поэт Божьей милостью. Это прежде всего и на все времена. Стихи его останутся жить с нами, а в них – его душа. И вместе с тем Игорь – подпольщик (а было ему 18 лет!), Игорь – партизан. А после войны Игорь – охотник, Игорь – каменщик, Игорь – фотограф (в том числе – участник археологической экспедиции в Забайкалье), Игорь – студент литфака Ленинградского государственного университета, который он окончил. (А чтобы заработать, позировал в Академии художеств – недаром он был красив.)

Игорь – создатель Псковской писательской организации и её руководитель в течение многих лет.

Игорь Григорьев – яркая личность и яркий поэт. Глубинный талант, глубинно-чистая душа, предельно искренняя, неспособная лгать. Предельно (или даже запредельно) самоотверженная.

Даже незнакомому, нуждающемуся человеку он мог отдать последнее. Вспоминается такой эпизод. Женщина, лишившаяся рук, строила для себя дом, но ей не хватило денег на кровлю. Она попросила о помощи через газету. Игорь получил пенсию и послал ей деньги. Кровлю возвели, но ее сорвало вихрем. Он послал ей еще. В прошлом году эта женщина, выступая по радио, сказала, что Игорь помог ей “из своих сбережений”.

Никаких сбережений у него не было. Он отдавал последнее.

Любовь к Родине была для него главным в жизни, а стихи – его сутью. Подпольщик, партизан, он был весь изранен, изрезан хирургами. Больницы. Больницы. Больницы...

А острые реакции его, которые порой прорывались, шли от болезни и от обострённого мировосприятия, свойственного поэтам.

До конца дней ему приходили письма с обращением “товарищ командир!”. Он был инвалидом II группы Великой Отечественной войны.

Без родной природы Игорь Григорьев не мог. Он знал ее таинства, подобные чудесам. Он был страстный рыболов, это было для него слиянием с природой. Он всегда был готов помочь братьям нашим меньшим».

* * *

С Валентином Краснопевцевым у Игоря Григорьева были очень тёплые, дружеские отношения. Они в одно время учились в Ленинградском университете, но тогда их знакомство не состоялось, потому что слишком большое было меж ними расстояние – целых два курса.

Познакомились они в Пскове, куда Игорь частенько приезжал. И однажды судьба сделала их соседями по Гражданской улице. Их дома стояли буквально через двор, и они очень часто ходили друг к другу в гости. Игорь уже был известным поэтом.

Валентин, хоть и начал писать стихи очень рано – в одиннадцать лет, но держал их под спудом. Но именно Игорь Григорьев возродил в нём заброшенный было интерес к поэзии:

Я в твой цех поступил подмастерьем,
Дорогой мой учитель и брат,
Нелегко отворяются двери,
А потом не пускают назад.

Они были родственными натурами не только по творческим установкам, но также и по отношению ко многим принципиальным жизненным проблемам. Общими были, в частности, боль и печаль, связанные с раздором в тогдашней писательской организации, финалом которого явился выход из неё группы членов и создание «Объединения псковских писателей», к которому принадлежал и он, Краснопевцев.

Валентин Павлович был филолог по образованию, журналист по профессии, писатель по призванию и просто энциклопедически образованный человек с блестящими знаниями русского языка. А в «Объединении псковских писателей» он был незаменимым редактором и корректором большинства выходящих в свет произведений и книг. Игорь Николаевич все свои последние сборники отдавал корректировать Краснопевцеву.

* * *

Иногда у Игоря Николаевича появлялось неуёмное желание цитировать чужие стихи. Меня удивляло то, что в свои преклонные годы он мог свободно по памяти читать стихи Пушкина, Лермонтова, Ахматовой, Пастернака, Рубцова, Гете (на немецком языке) и многих других поэтов. И всё-таки из всех поэтов ему родней и ближе был Есенин:

Я, до дна весенний,
Полюбил печаль:

Что я не Есенин,
Мне до боли жаль.

Его привлекала в Есенине работа над расширением пределов поэтической лексики, над использованием диалектизмов. Как и Есенин, Григорьев уделял пристальное внимание народному слову. Знание и живое ощущение народного фольклора, позволили поэту создать истинно народные песенные произведения:

В селе петушья куролесица,
Морозный дым над ним повис.
Надушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.
Как вздох – калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Берёзам снятся ночи белые
Да пенье вёсел на реке.
Берёзам долго, горько страждуя,
До лета время коротать ...
А Русь везде, у пня у каждого, –
И злая мачеха и мать.

И конечно, Игорь Григорьев как поэт и прежде всего как человек оставил неизгладимый след в моей судьбе. Он оставлял такой след в каждом человеке, в каждой душе, соприкасавшейся с его собственной: яркой, горячей и вдохновенной. Его бескорыстность удивляла, а порой и пугала.

Его поразительно щедрая душа не потому ли и была такой «горемаятной», как определил он сам!? Не о себе – о других думал он всегда и всюду. Не свои – чужие стихи «пробивал» он в газеты, давая путёвку в жизнь молодым талантам.

На моей памяти были примеры, когда Игорь Николаевич помогал кому-то из поэтов деньгами на издание книги. Помогал и мне. Отказаться было невозможно. Его желание – помочь – для всех было закон, который не отменялся и не оспаривался. И я

был рад, когда удавалось хоть как-то отплатить ему за его доброту и щедрость.

Когда в 1994 году он задумал выпустить книгу «Кого люблю», я взял на себя хлопоты по художественному оформлению, а также нашёл типографию, чтобы издать книгу. То же самое я осуществил с двумя последними книгами, вышедшими у Григорьева в 1995 году: «Набат» и «Боль».

А уже после смерти Игоря Григорьева, работая в издательстве «Курсив», я был одним из составителей благотворительного издания – книги памяти к 75-летию поэта (1998). Это была книга избранных стихов «Любимая любимой остаётся», куда вошла и поэма «В колокола». Тираж её был 300 экземпляров, и издана она была в рекордно короткие сроки – за неделю.

Таких патриотов, как Игорь Григорьев, до конца, до слёз любивших свою Родину, я не встречал никогда. И у него было особенное чутье родного русского слова, которое не даётся простым усвоением институтских истин, а лишь личностным глубоким постижением всей мудрости, меткости, сочности языка. И это подтверждает главное его богатство – стихи. Чистые, русские ...

Звонкоголосые, как трели утренних соловьёв, простые, как капли росы на траве:

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былак полыни!
Мне нисколько не горько с тобой.
Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна – и что там ещё?
Мне надёжно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.
Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет – от земли до небес ...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвёшься к зорям, орёл крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.
Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;
Нас ещё позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнём
И железной секирою скосят...
Только мы всё равно не умрём.
Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив dokonать на корню, –
Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

Игоря Григорьева литературные критики иногда сравнивали кто с Николаем Рубцовым, кто с Сергеем Есениным... Но, безусловно, у него был ярко выраженный собственный голос. И главное место в его лирике занимала любовь. Любовь к России, к людям, к природе, к женщине, к жизни. Его с полным правом можно назвать певцом Русской Земли:

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.
Давно повален тёмный бор,
Дремучий, вековой,
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.
Ни горожанин, ни мужик,
Своей родне ничей,
Я раскалённым ртом приник,
Но глух сухой ручей.

Остались горстка чабреца
(Бывало, пили чай)
Да незабвенного лица
Прощальная печаль.
Я разучился просто жить
И бросил просто петь.
Теперь уж поздно дорожить –
Копить копеек медь.
И Русь не та, и сам не тот --
Иные времена.
Но в ворохе золы живёт,
Горит моя вина.

И вот полные драматизма и сердечного накала стихи о любви:

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано.

Но поэту дано умение и мастерство сочетать народно-песенную образность с кругозором эпической широты и с лирически-щемящей психологической проникновенностью. Такова вся поэзия Григорьева: и стихи, и поэмы. Как отмечал литературный критик Владислав Шошин, «такой самозабвенный восторг, такая отдача во власть вдохновения, такое молитвенное благодарение земле и небесам за дарованную жизнь и возможность стать человеком, что диву даёшься: в наше безродное время – такой русский поэт».

И свой рассказ-очерк об Игоре Григорьеве я хочу закончить тоже словами Владислава Шошина, сказавшего в 1995 году: «Семьдесят пять лет тому назад Сергей Есенин горевал: “Я последний поэт деревни...”. Однако время доказало: Сергей Есенин – не последний, но донныне первый поэт, и не только деревни – Руси. Первый! Но не единственный. Есть и другие. И среди них – “поэт последней деревни” Игорь Григорьев.

Обращаясь к многострадальной русской сельщине, поэт утверждает:

Здесь радоваться и радеть,
И верить, верить без оглядки!
И никуда, хоть нет отгадки,
От этих нив себя не деть...

И эта исповедь – истина нашего трагического века, которую нельзя победить, ибо она вечна. И долго быть певцу её!».

Певцу Русской земли Игорю Григорьеву.

М. П. Полевилов,
член Союза писателей России
(г. Боровичи, Новгородская обл.)

ЕГО РЕКИ ТЕКУТ

Плюсса

В чистенькой уютной Плюссе есть фонтан. Правда, он давно без воды, и неизвестно, когда её дождётся. А районный дом культуры, находящийся рядом, уже и не ждёт, чтобы его обозначили хоть какой-нибудь вывеской. «А зачем вывеска? Мы и так знаем, что это дом культуры», – заявила в ответ на наше недоумение одна энергичная плюсчанка. И то верно. Чужие здесь не ходят! И мы, завернувшие в Плюссу по дороге из Великого Новгорода в Санкт-Петербург, чужими себя в гостеприимном посёлке не ощутили и без всяких вывесок разобрались, что по воскресным дням (а нас угораздило приехать именно в воскресенье) ни дом культуры, ни центральная районная библиотека не работают. Надо дать народу «культурно» отдохнуть в законный выходной без учреждений культуры, но с канистрочкой спирта, задёшево продающегося в «шалмане» на Псковском тракте

Пора пояснить, что в Плюссу, районный центр Псковской области, нас привела память о поэте Игоре Николаевиче Григорьеве (1923–1996), который здесь встретил военное лихолетье и прославился как участник комсомольского подполья, партизанский разведчик. Об этом и разговор с молодыми людьми, сидящими на лавочке в скверике у сухого фонтана и запертых очагов культуры. Увы, о поэте Григорьеве и его подвигах на плюсской земле не слышали и, где находится Памятный знак комсомольцам-подпольщикам, указать не могут. А знак этот,

как выяснилось из беседы с работницей автозаправки, здесь же, неподалёку, от скверика рукой подать – у магазина «Магнит», где вся Плюсса отоваривается, по сторонам не глядя.

Красивый знак, ухоженный, и улица перед ним Комсомольская! На огромном валуне мемориальная доска с надписью:

*Вечная память и вечная слава
членам Плюсской подпольной
молодёжной организации,
действовавшей в тылу врага
на территории района
в 1941–1943 годах.
Из 36 членов Плюсского подполья
16 сынов и дочерей отдали
жизни за свободу
и независимость своей Родины.*

Помнит всё-таки Плюсса своих героев. А о войне и поэте Игоре Григорьеве мы тем ребятам на лавочке кое-что порассказали и на сайт его памяти заглянуть посоветовали.

Любовь Леонидовна Яковлева, встретившаяся нам у здания муниципалитета, о партизанском движении в Плюсском районе, конечно, слышала, но имя Игоря Григорьева ей было

не знакомо. Под впечатлением от нашего рассказа о некоторых страницах военной судьбы и творческой жизни поэта Любовь Леонидовна вызвалась помочь нам встретиться с директором районной библиотеки Галиной Ивановной Паниной. Эта встреча рассеяла все зародившиеся сомнения: нашего поэта-воина знают и помнят. Галине Ивановне, 37 лет проработавшей в библиотеке, очень многое известно о жизни и творчестве Игоря Григорьева, в библиотеке есть его книги с дарственными надписями. И Совет ветеранов (председатель Т. В. Тимофеева), и школьный музей (руководитель А. С. Михеева) о тяготах, подвигах и славе военных лет сегодняшней молодёжи напоминают, особенно, в День Победы и в День освобождения Плюссy – 18 февраля. Сохраняются могилы четырёх героев-подпольщиков, в том числе Любови Смуровой, чей образ живёт в стихах Игоря Григорьева.

И, конечно, здесь всё ещё течёт речка Плюсса!

«Река Плюсса протекала совсем близко от нашего поселка, всего в каких-то полутора-двух километрах. Большая река. Щедрая река. Чистая река. Родная река. Кабы не она, наше меню было бы – хлеб да чай. А так мы жили припеваючи: рыбы всегда налавливали на уху и на жаренку. И рыбы крупной, первосорт-

ной: язей, голавлей, щук, линей, налимов, даже угрей и жерехов. Про окуней, плотву, ельцов и говорить не стоит. Словом, кормились. Хотя ехидная русская поговорка “ружье да уда кормят худо” в известной степени не лишена оснований», – пишет в автобиографической повести «Всё перемелется» Игорь Николаевич. Теперешняя речка Плюсса, наверное, во многом отличается от этого описания – восемьдесят лет прошло, одно неизменно: родная каждому, обладающему русской душой.

«Избушка наша в поселке Плюсса (Совхозная улица, дом 8) упиралась в кочковатое закустаренное болото, из которого вытекал ручей, превращенный в глубокую канавину.

... Две клетушки о трех оконцах, двадцать квадратных шагов жилплощади – пять в длину, четыре в ширину – вот что такое наша изба. В кухне было одно окошко, большая плита справа, помост из досок у задней стенки – моя и братова постель, колченогий стол, скамейка и три табуретки. В спальне – письменный стол, железная кровать отца и пара стульев. Когда-то в этом строении находилась сушилка. Но мы в сушении не нуждались, ибо и так были довольно сухи благодаря тогдашним харчам. Жили по принципу: не до жиру, быть бы живу. С нами на равных проживали два славных существа – высоких кровей гончар, англо-русский выжлец Полаз и крупнуший, с полпса ростом, полосатый кот Касьян, который нередко приносил в дом то зайца, почему-то черного цвета, то тетерку белого пера, то еще чего съестного» (И. Григорьев. Всё перемелется).

Найти место, где перед войной стояла изба Григорьевых, нам не удалось даже с помощью нескольких не очень трезвых (других в этой части посёлка не встретилось) местных жителей. Электронная штучка «навигатор» адрес «Совхозная, 8» показывает, но место это пусто.

«Что ты нам адрес говоришь? Скажи фамилию – сразу скажем, где живёт!» – неизменно твердили все наши плюссские «сусанины». И опять вспомнился Игорь Григорьев: «Почти

все плюссичи знали друг друга и относились один к другому доверчиво и доброжелательно, по-русски простецки и задушевно. Разные у всех были характеры и судьбы, но добрые люди умудрялись жить в мире и согласии, будто большая ладная семья».

Пусть так будет и теперь.

Память жива.

Плюсса течёт.

Сума, Толдовка

«Котлы – приграничный военизированный поселок с аэродромом, стройбатом, пограничниками и военными моряками – встретили меня ревом истребителей, фырчаньем грузовиков, пеньем марширующих матросов и эстонской скороговоркой (изрядную долю местного населения составляли эсты да ижоры). Речь здешних русских тоже отличалась от моей: тут не говорили “чаво, рябяты, куды,мень, стрекава, баркан”, но – “чиво, рибята, куда, налим, крапива, морковка”. Я был ошарашен непривычной действительностью: увиденное и услышанное мне казалось диким» (И. Григорьев. Всё перемелется).

Прошло 83 года от этого первого юношеского впечатления одиннадцатилетнего Игоря Григорьева, переехавшего вместе с родителями в Кингисеппский район из-под Порхова. Нынешняя тихая дачная деревня Котлы может удивить и обрадовать разве что великолепной церковью Свт. Николая Чудотворца, освящённой ещё в 1888 году, отреставрированной и действующей. Но, как и в те далёкие времена, завораживает душу природная красота этих мест, так поразившая юного поэта: «А ближе к вечеру отец повел нас на речку, которая протекала в трёх километрах от Котлов. Господи, что это был за подарок мне – река Сума! Открытие и откровение, красота и ласка, колдовская песня, бесконечно близкое живое существо, которое с первой же встречи так глубоко проникло в душу, что я едва не тронулся от радости.

Мы купались в Митькиной яме, глубочайшем омуте в устье Кривого ручья (Кару сари – «Медвежьего ручья» – по-эстонски). В ручье бежала прозрачная, как роса, родниковая водица и водилась прекрасная форель, второе имя которой ей больше соответствовало – красуля. Позднее я вылавливал ее десятками. Всю ночь я не мог уснуть от переполнивших меня впечатлений и сочинял стихи о счастье. В первый же выходной, чуть свет, отец увел меня удить форель на далекую Толдовку – угрюмоватую каменистую ледяной воды речку в диком сосновом бору (тогда еще не перевелись дикие, а точнее, диковинные места на земле нашей). И я опять причастился благодати».

Всего в пятидесяти километрах от Котлов, в городе Сосновый Бор, прошли 22 года и моей жизни, в которой было немало путешествий по окрестным достопримечательностям, но именно Игорь Николаевич дал мне возможность увидеть многое, не увиденное ранее. Его слова, его чувства привели меня на берега рек в июле 2017-го.

Вот та самая (конечно, обмелевшая) Толдовка смешивает свои прозрачные струи с мутными водами Сумы, вот омуток,

который, может, и не «Митькина яма» – её и Кривой ручей ещё когда-нибудь поищу.

«Неподалеку от нас, в молодой отаве уже скошенного приречного луга, паслось стадо деревни Рятель (в те поры крестьяне еще имели обыкновение держать коров). Буренки пощипывали себе травку, а мы то и дело подсекали полосатых красноперых рыбех. Кругом солнышко, затишье, умиротворение и еще что-то неизъяснимое, чистое и возвышенное, завораживающее душу и наполняющее ее верой и любовью. Наверно, это и было счастье, а может, и сама Божья благодать» (И. Григорьев).

Деревенского стада в Рятели я не увидел, да и приречные луга этим июлем стояли некошенными, но Божья благодать была разлита вокруг. И его реки текли...

«Не одни только поплавки видел я перед собой в прекрасных омутах Сумы. Закаты и восходы, ночи и дни, прибрежные луга и лесные гривы, часы полного одиночества и вагата верных друзей-огольцов – становились неотъемлемой частью бытия, творили во мне Человека, будили жажду Жизни, Поэзии и Отдачи» (И. Григорьев).

Гусачка, Веретенька, Уза

Отсюда всё началось. Здесь, на хуторе деда Григория Дмитриевича близ Ситовичей, он появился на свет 17 августа 1923 года.

«Большенный, похожий на гумно пятистенков деда стоял в полуверсте от деревни, на самом краю леса, именуемого Клин.

...Наш Клин окружали три колыбели моего детства – река Уза, речка Веретенька и речушка Гусачка. Это они напоили мою Музу живой водой. Лес да речки (больших рек не люблю) всегда были моим вторым домом. И доныне мы с лесом и водью “на ты”.

...Годков с четырех с мальчишками, а то и без них, бегал на Гусачку и Веретеньку ловить решетом вьюнов и гольцов, навывался на Узу за раками, ходил в Клин по грибы и по ягоды, которых нарастало навалом.

...Гришин хутор и все, что его окружало, – родители и родня, первая школьная учительница Зоя Ивановна, мужики и бабы, вдохновенный труд тогда еще на своей земле, жаркие престольные праздники, незамутненная варваризмами и аббревиатурами русская речь, вера в Бога, неколебимая в моей душе, – было началом всех начал, первой вехой на моем крутом, но безусловном счастливом пути» (И. Григорьев. Всё перемелется).

Отправляясь в Порховский район, к григорьевским истокам, мы, разумеется, знали, что давно нет на многострадальной Псковской земле ни Гришиного хутора, ни деревни Ситовичи, сам Игорь Николаевич об этом писал ещё в 1991 году, но реки его детства влекли неудержимо.

Веретенька перебежала дорогу под колёсами машины, почему-то потеряв в названии мягкий знак, и как обращаться к ней теперь – Веретенька или Веретёнка, не объяснила. Сразу за мостом, устремляясь к деревушке Веретени, она влилась в луговое море, и, если бы не нынешнее дождливое лето, добавившее прыти всем водным потокам, отыскать её среди травяных волн было бы непросто.

А за речушку Гусачку можно было принять любой впадающий в Веретеньку ручеёк, тем более что даже знаменитому порховскому краеведу Алексею Екимовичу Крылову григорьевская Гусачка неведома. И в каком месте на реке Узе была мельница деда Гриши, нам тоже никто не подсказал. Вот мы и побывали на всех ближних к Ситовичам берегах Узы: в Заречье, за Молочищем и в Жаборах.

Паводок превратил и без того немалую реку в бурный мутноватый поток, и, не замочив ног, подойти поближе к берегу Узы в Жаборах было трудно, но именно там грезился нам шум мельничных жерновов. А может, так шелестела листва дубов, в стародавние времена вставших стражами древнего погоста, могила деда Григория и «богомолки и вешуньи-знахарки» бабушки Паши.

В самом «уездном граде» Порхове реки памяти поэта Игоря Григорьева не пересохла благодаря краеведческому музею и районной библиотеке. Его имя звучит на Всероссийских краеведческих конференциях, проводимых музеем (в этом году – в 15-й раз), книги широко представлены на библиотечных полках и не обойдены вниманием читателей. Жаль, псковская библиотека опередила порховскую в получении права называться именем Игоря Григорьева. Эх, если бы только об этом и жалеть!..

В качестве заключения

За три дня путешествий по местам детства и юности Игоря Григорьева я и мои спутники: внук Саша, зять Иван Никонов и фотожурналист Александр Кочевник – проехали более тысячи километров, связав Плюсский, Кингисеппский и Порховский районы с Новгородской землёй. Теперь, как струны в хорошо настроенном инструменте, созвучно поют в нас его реки. И счастье единения с Природой, подаренное Игорем Николаевичем, можно черпать горстями – вот оно светится солнечными бликами в бегущей воде.

В Крестецком районе Новгородской области, на просёлке близ существовавшей некогда деревни Санталово, установлен камень с памятной доской, свидетельствующей, что в этой деревне закончил свой земной путь Велимир Хлебников.

На большаке из Порхова на Остров, вскоре после Красухи, у моста через Веретеньку (Веретёнку) ничто не напоминает о Ситовичах – колыбели поэта Игоря Григорьева ...

Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет – от земли до небес ...
(И. Григорьев)

А камень для памятной доски бывшей деревне и прославив-

шему родные места Поэту хорошо бы отыскать тот, который дед Григорий хотел расколоть на жернова – с трещиной от взрыва, – да пороху не хватило!

Н. В. Советная,
кандидат психологических наук,
член Союзов писателей России и Белоруссии
(г. Городок, Белоруссия)

«И ВОРОГА ЛЮБИТЬ,
И МИЛОСТЬ К ПАДШИМ ЗВАТЬ...»

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И врага любить, и милость к падшим звать,
Но... меч в моей руке! Помилуй, Правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?

Игорь Григорьев

Можно ли спасти душу свою на войне? Эта тема была затронута «Православным Санкт-Петербургом» в июньском номере газеты (2017 год) статьёй «Сильные духом». Уверена, что можно. В доказательство расскажу несколько эпизодов из жизни поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996). Недавно в честь этого легендарного русского человека, орденосца, библиотеке Центр общения и информации на Юбилейной улице, 87-а в г. Пскове присвоено имя И. Н. Григорьева. Великую Отечественную войну Игорь Григорьев встретил семнадцатилетним пареньком, а в день своего совершеннолетия стал командиром молодёжного подполья в Плюссе на Псковщине. За время существования подполья был лишь один провал: юная Люба Смурова, работавшая на бирже труда, вынесла оттуда карточки на предполагаемых пособников гитлеровцев, добровольных агентов – от «цепелиновцев» до сотрудников СД. Вернуть их назад, вопреки приказу командира, собиралась утром. На то была веская причина: вечером она вводила в партизанский отряд восьмерых наших военнопленных.

А утром Люба была схвачена тайной полицией, однако успела шепнуть подружке: «Игорь», – предупредила, спасла от ареста и неминуемой гибели. Григорьев уходил в лес через минное поле, уповая на милость Господню, так как все дороги были перекрыты немцами...

И всю жизнь, до последнего часа, он мучительно страдал, виня себя в том, что не уберёт, не смог спасти подпольщицу, не выдавшую ни одного человека, расстрелянную врагами в ночь с 15 на 16 сентября 1943 года.

... Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лёд.
Горевой цветок России,
Что ей смерть? Она идёт!
(«Последний большак»)

Вспоминая о руководителе Струго-Красненского межрайонного подпольного центра и командире партизанского отряда Тимофее Ивановиче Егорове, который стал Игорю Николаевичу другом на всю жизнь, Григорьев писал в мемуарной повести «Всё перемелется»¹: «Что делало большую честь нашему руководителю – он никогда не проливал людскую кровь зряшно и нам запрещал быть жестокими и кровожадными с противником. За эту мудрую человечность люди платили ему верной дружбой и смелыми ратными делами».

Хороший ученик своего командира, Игорь Григорьев, люто ненавидевший врага, не превратился в мстительного зверя. Даже гибель любимого младшего брата Льва Григорьева не сделала его палачом.

«Тимофей Егоров приказал мне: – Предателя уничтожить! Дом сжечь! – Я зажег паклю, сваленную на чердаке, и ворвался в дом старосты. Был какой-то праздник. Перед иконами горела лампада. Семья во главе с хозяином сидела за столом. Ели мяс-

¹ Поэт и воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013. С. 5–97.

ные щи (голодному ли не учуять их запах!). На столе стояла бутылка самогонки. Староста был “под мухой”.

– Веришь в Бога? – спросил я, почти хрипя. – Становись на колени под иконы! Я пришел за твоей подлой шкурой!

Хозяйка и дочь, повалившись в ноги, обнимали мои сапоги, молили о пощаде. Мне стало страшно и тоскливо. Выпустив в потолок длинную – на полдиска – автоматную очередь, я бросился на улицу. Пятистенок пылал.

– Тимофей Иванович! Дом предателя горит. А вот самого я прикончить не смог. Соддат я, не палач...»

Бывший подпольщик Николай Никифоров из Плюссы спустя много лет писал Игорю Николаевичу: «... За каждый звук о совершении прегрешений перед “великим рейхом и фюрером” любому из нас грозили расстрел или виселица. <...> А ведь в середине 1941 года большинство из нас были “маленькими” – ещё носили пионерские галстуки, комсомольские билеты или были просто плюской “мелюзгой”, “архаравцами”, “шпингалетами”...» Отвага и ненависть к врагу удивительным образом сосуществовали у той «плюской мелюзги» с чувствами справедливости и милосердия.

Работая по заданию партизан в немецкой комендатуре переводчиком (Григорьев великолепно владел языком противника), вынужденный близко общаться с оккупантами, Игорь, неожиданно для себя, почувствовал человеческую симпатию и обнаружил интерес к Десое, полунемцу-полусловаку, профессионально владеющему поэтическим словом. Любовь к поэзии сблизила молодых людей, Григорьев многому научился у своего неожиданного товарища. Ах, если бы не война! И надо же было такому случиться, что именно Десое вошёл в кабинет в момент, когда разведчик доставал из сейфа секретные документы. Он не выдал Игоря! Дал ему уйти... А Григорьев, в свою очередь, просил партизан сохранить жизнь вражескому поэту. Только воля Божья была иной...

Известен еще один поразительный случай. В глухом партизанском лесу Игорь Григорьев обнаружил немецкий танк. Танкист добровольно, даже с радостью сдался разведчикам и предоставил очень ценные документы и военные карты. В лагере же командир отдал приказ пустить немца в расход. Но стрелять во врага в бою и стрелять в человека, который сдался на твою милость, совсем не одно и то же. Игорь отвёл немца далеко от лагеря, поменялся с ним одеждой отдал ему часть трофейных галет и банку сгущенки, выстрелил в воздух да и отпустил с Богом...

В своих воспоминаниях Игорь Николаевич напишет: «Как я радовался концу своей военной стези, когда очнулся в госпитале! Ведь убивать куда страшнее, чем убиваться – а именно это мне отныне предстояло: несколько десятков лазаретов и больниц и восемь операций. И – видит Бог – со дня Победы до сегодняшнего неутешного дня мне не по себе от жгучей думы: “Вот они – двадцать семь миллионов (а в действительности намного больше) сыновей и дочерей, и с ними Любовь Смурова и Лев Григорьев, – полегли за Родину, а ты остался в живых!”. Но ведь очень даже мог и не остаться. Судьба! <...> Всякое бывало на войне. Но все бессердечное и страшное заживало, забывалось. Все человеческое и светлое помнится донныне. И согревает душу, и роднит человека с давно ушедшим от нас.

«Я НЕ ПРОШУ У БОЖЕСТВА ЧУДЕС...»

80-летию со дня рождения белорусского врача и поэта Евгения Матвеева (1937–2005)

В советской стране на учёте в Союзе писателей числилось около десяти тысяч человек, на слуху же были имена самых известных – ярких. В настоящее время, с учётом расплодившихся

общественных писательских объединений, число литераторов возросло, думается, в разы. Нелегко разглядеть среди такого потока света его частицу – сияющую звёздочку – прозаика или поэта. Прав профессор БГУ А. Н. Андреев, утверждающий, что литература и общество нуждаются в целой армии специалистов-литературоведов, которые обязаны промывать песок издающихся текстов в поисках крупинки золота².

Если бы не новая книга «Словарь эпитетов Евгения Матвеева» (Минск, 2016) знакомого мне лексикографа Анатолия Павловича Бесперстых³, глубоким литературным знаниям и вкусу которого я доверяю, то могла бы пройти мимо блестящего белорусского поэта (писал на русском языке), жившего на Дятловщине.

Евгений Алексеевич Матвеев родился в деревне Ракитня Пыталовского района Псковской области (в то время территория принадлежала Латвии), второго декабря 1937 года. Ребёнком пережил войну, испытал все ее страшные тяготы, потерял отца, погибшего на фронте.

² Андреев А. Н. «Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве И. Григорьева // Слово. Отечество. Вера: материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 90-летию поэта Игоря Николаевича Григорьева (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.) / сост. Н. В. Советная. – СПб, 2015.

³ А. П. Бесперстых (род. в 1942 г. в Ельце Липецкой обл., живёт в Новополюцке, Беларусь) – уникальный человек и специалист-лексикограф, литературовед, поэт, влюблённый в Слово и посвятивший ему жизнь, изучивший тысячи текстов самых разных авторов, в одиночку составил десятки великолепных словарей эпитетов, фразеологизмов, афоризмов. Работая над русским словом, он не только отдаёт дань ярким звёздам – выдающимся классикам литературы: А. П. Чехову, Ф. М. Достоевскому, С. А. Есенину, М. Ю. Лермонтову, Н. М. Рубцову и др., – но и с величайшим наслаждением работает над языком талантливейших поэтов, ещё недостаточно известных широкой публике, тем самым открывая их для литературоведов и почитателей поэзии. Среди них поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996), родом с Псковщины (свет увидел уже 3 тома словарей этого гиганта Слова – носителя удивительно народного русского языка) и поэт и врач Евгений Матвеев (1937–2005), также с псковскими корнями (богат край даровитыми людьми!).

... Войны, войны... Их боль беспросветную
Сотни лет не избыть на Руси.
Оттого ль все преданья заветные
Душу жгут: злой огонь – негасим...
(«Боль памяти»)

Мать, Анастасия Алексеевна, простая крестьянка, одна поднимала сына и дочерей (старшую Веру, младшую Инну, которые в девяностых в одиночасье оказались за границей – в Латвии). Когда мама с возрастом ослабела, благодарный сын перевёз её к себе в Новоельню. Ей посвятил поэму «Боль памяти».

В десятом классе Женя Матвеев тяжело заболел. Туберкулёз позвоночника на целый год приковал паренька к постели. Лечащий врач пророчил ему короткий срок жизни: «Хорошо, если до тридцати дотянешь...». Но человек предполагает, а Господь располагает – чуть-чуть не дожил Евгений Алексеевич до семидесяти. Не курил, не употреблял спиртного, любил велосипед, свободное время проводил на природе:

Не знаю, есть ли в этом воля Неба,
Иль умудряет опыт горьких лет,
Но запахи земли, травы и хлеба,
Хоть и просты, да их милее нет...
(«Не знаю, есть ли в этом воля неба»)

Однако все дни Матвеева были пронизаны осознанием недолговечности бытия, и потому каждую минуту он старался прожить, как последнюю:

На мне поторопились ставить крест –
С долгами я ещё не рассчитался,
И не утрачен к жизни интерес,
Она в иной предстала ипостаси.
В ней явственнее виден свет небес,
Как высшее её предназначенье...
(«На мне поторопились ставить крест»)

Огромная семейная библиотека была для домочадцев не предметом хвастовства, а служила Его Величеству – Знаниям. Матвеев много читал, особенно в дни болезни. Вынужденное ограничение подвижности обострило его восприятие: мира, слов, ощущений, чувств, – дало возможность для долгих размышлений, фантазий, творческого полёта мысли. Он писал стихи, хотя стеснялся показывать их посторонним, делился изредка разве что с самыми близкими людьми.

Окончил десятилетку в Пыталове Псковской области, где жил у тётки, в бедности, но не в обиде. Хозяин-родственник подарил болезненному пареньку офицерский китель со своего плеча, заменивший и пиджак, и куртку – на все случаи жизни. Возможно, именно перенесённая болезнь привела Женю затем в стены Минского медицинского вуза. Он выбрал профессию фтизиатра, по распределению уехал в Гродненскую область, в крупнейший (500 койко-мест) Белорусский республиканский санаторий «Новоельня» (ныне республиканская туббольница), где проработал всю свою жизнь. Много лет трудился в должности начмеда, с выходом на пенсию до конца дней – лечащим врачом высшей категории.

Евгений Алексеевич – автор многочисленных публикаций в медицинских изданиях. Время, когда пришлось работать Матвееву, отличалось большими возможностями для профессионального творчества, новаторства в практической деятельности. Например, он предложил способ вливания антибиотиков непосредственно в туберкулёзный очаг больного лёгкого, описал методику, опубликовал – специалисты подхватили, включили в свой врачебный арсенал и тем самым, несомненно, были спасены многие человеческие жизни.

Е. Матвеев слыл одарённым человеком. Имел не только талант врача, но и художника, артиста, режиссёра, поэта, доказывая своим примером, что неординарная личность ярко светит миру даже из отдалённого хутора, а не только из славных столиц.

Художественные работы Евгения Алексеевича (он великолепно рисовал, работал с природным материалом (корни деревьев) хранятся в Гродненском, Калининградском, Дятловском и Новоельнинском школьном, где он вёл поэтический кружок, музеях.

Матвеев обожал поэзию А.С. Пушкина и Сергея Есенина, прекрасно декламировал стихи. Художественное чтение, мир театра влекли деятельного врача на сцену, но в маленьком городском посёлке реализовать дар режиссёра, актёра было негде. И тогда Евгений Алексеевич создал самодеятельный театр, главными актёрами которого стали врачи санатория. Коллектив работал настолько энергично и плодотворно, что не раз и не два становился дипломантом республиканских конкурсов и фестивалей. Режиссёрский талант Матвеева был не только замечен, но настолько высоко оценен профессионалами, что ему предложили работать в Брестском драматическом театре! Однако главному своему призванию – медицине, где он, без громких слов, спасал человеческие жизни (что может быть важнее?), Евгений Алексеевич не изменил.

И всё же любимым и долгие годы глубоко потаённым увлечением этого удивительного человека оставалось поэтическое Слово.

Он кропотливо работал над стихотворными строчками, словно пчела над медовыми сотами. И сравнение это не лишнее, не для красного словца, ведь Евгений Алексеевич и с природой, и с её неутомимыми труженицами-пчёлами был весьма близок – более 40 лет имел личную пасеку, обслуживать которую помогала преданная жена Нианила Ивановна, тоже врач (познакомились еще в годы учёбы в медицинском институте). Совершенно мистическим образом вслед за Матвеевым ушли и пчёлы – пасека погибла...

Стихи же остались жить! Усилиями супруги и друзей – гилевчан-поэтов Надежды Викторовны Полубинской (соста-

витель всех книг поэта) и Эдуарда Иосифовича Медведского (постоянного редактора) – архив поэта был тщательно изучен, отобраны все достойные печати произведения, издана посмертная книга «Свиток грёз земных» (Могилёв, 2007). Первая же книга «Укажет сердце мне дорогу» увидела свет в Полоцке на десять лет раньше. Матвеев издал её, вдохновлённый настойчивостью жены, советом преподавателя Гродненского университета Конюшкевич Марии Михайловны (дружили семьями), а так же положительными откликами знакомых литераторов, которым поэт всё же отважился показать свои труды. Н. В. Полубинская в беседе с автором этой статьи вспоминала, с каким восторгом она и Э. И. Медведский знакомилась с рукописями Матвеева, как восхищались его словом, мыслью, образностью. Это был один из самых ярких поэтов не только Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» (по мнению О. Н. Зайцева, одного из руководителей общественной организации), но и поэт, достойный более высокого признания. Не случайно в 2004 году его книга была номинирована на премию Союзного государства Беларуси и России в области литературы и искусства.

Окрылённый поддержкой, поэт неутомимо (вечерами, ночью) работал над старыми и новыми текстами. И, словно боясь не успеть, издавал и издавал книги. Один за другим вышли поэтические сборники:

- «Душа слова молитвы ищет...» (Могилёв, 1999);
- «Храня любви небесный свет» (Могилёв, 2001);
- «Звёзды над родным приютом» (Могилёв, 2002);
- «За ясновиденьем весны» (Могилёв, 2003);
- «Скращенье всех дорог» (Могилёв, 2004);
- «У берега живых» (Могилёв, 2005).

А. П. Бесперстых, имея тонкий вкус на русское слово, опыт прочтения сотен тысяч стихов, владея глубокими филологическими знаниями, работал над книгами Матвеева и восхищённо

резюмировал: «Поэзия Матвеева – «сгусток» чувств, отражение самых сильных и сокровенных его переживаний:

Мне реалистом быть советуют:
Восторги не для зрелых лет,
Но я считаю жизнь бесцветною,
Коль в ней для сказки места нет...
(«Ни на кого ты не похожая»)

Сам ни на кого не похожий, ни под кого не подстраивающийся... Его принципы, жизненное кредо: служить Господу, а не господину, служить идее, а не носителю этой идеи. Подкупает простота, изумительная образность, афористичность его стихов. Вот, например, как метко говорит он о тщеславии:

Тщеславие – игрушка дорогая,
Из арсенала дьявола она,
В конце концов, ты, сам себя сжигая,
Познаешь муки адские сполна.
(«Тщеславие – игрушка дорогая»)

А вот как о человеческом равнодушии:

Без жертвенного, ласкового света
Мир равнодушных беден и угрюм...
(«Что сердцем прежде не было согрето»)

Трудно представить Евгения Матвеева без стихов о родной природе, у него был особый дар общения, единения с ней, понимания ее. Вот несколько цитат из его книг: «А небо, словно детская слеза, Светло, безоблачно и чисто» («Намаявшись, лежу под ивняком»). Дождя безудержные всхлипы, Стенанья ветра, поздний гром, Изгиб ветвей раздетой липы. Как рук трагический излом («Дождя безудержные всхлипы»). Сгустился полумрак белёсый И, наконец-то, схлынул зной, А на ветру у ивы косы Засеребрились сединой («Сгустился полумрак белёсый»).

Оценив талант поэта, А. П. Бесперстных составил «Словарь эпитетов Евгения Матвеева». И в результате только о берёзе насчитал 43 эпитета! Всего же в книгу вошло более 2000 эпитетов, выраженных как прилагательными, так и существительными (приложения), и причастиями. В зависимости от употребления в тексте, составитель указал краткую и сравнительную степени прилагательных, отметил обособленные полные формы эпитетов-прилагательных и адъективы, выполняющие предикативную функцию.

Словарь снабжён указателем сокращений и условных обозначений. Построен в соответствии с русским алфавитом. Словарные статьи составлены, исходя от эпитета, например: бархатно-нежная. Далее идут существительные, с которыми автор стихов употребил данное определение (например, трава). После каждого существительного дан пример употребления («У липовых клейких листочков пронзительный запах весны. Купается в этом настое Сад с бархатно-нежной травой, Где вишня под белой фатою, тюльпаны – в красе заревой»). Авторский текст представлен без сокращений, полной цитатой, что позволяет насладиться красотой поэтических строк, увидеть оригинальность и точность употребления поэтом эпитета. А. П. Бесперстных указывает в статье название стиха, из которого взята цитата, и номер, обозначающий поэтическую книгу Матвеева в прилагаемом списке источников, где опубликовано данное произведение.

Кроме того, если в тексте встречаются мало знакомые слова, например, заимствованные из другого языка, лексикограф обязательно даёт пояснение: «Навала (белорус.) – несчастье».

Таким образом, книга «Словарь эпитетов Евгения Матвеева» (Минск, 2016) может успешно послужить дополнительным пособием для преподавателей русского языка, студентов, учащихся. Однако ее ценность этим не ограничивается. Она представляет интерес для краеведов, литературоведов, поэтов, так

как является источником филологической информации, документом определенного времени нашей истории, позволяет оценить чудо индивидуальной неповторимости личности человека, выраженной в его Слове, которое есть носитель Духа.

Достоинная поэзия не может возникнуть на пустой либо дурной почве.

... Стихи не могут литься ниоткуда –
Криница их истоков не нова:
Душевный жар и горькая острада
Рождают сокровенные слова ...
(«Есть музыка созвучий в заклинаньях»)

О человеке же иногда красноречивее говорят не слова, с которыми можно играть, за которые можно прятаться (иные в это заключают своё жизненное кредо: никогда и никому не говорить правды, разве что – чуть-чуть, для иллюзии искренности, чтобы было легче обмануть или плести интриги), а ... молчание. «У отца оно было разговорчивее любой беседы, – поделился воспоминаниями Олег Евгеньевич Матвеев, тоже врач высшей категории, тоже спасающий людей от смерти, только в качестве реаниматолога (зав. отделением Петриковской районной больницы в Гомельской области). – Папа был удивительно отзывчивым, добрым, искренним человеком, предельно тактичным, честным. Он органически не переносил подлости, предательства. Верность друзьям – товарищам детства и юности, сохранил до конца».

– Будучи требовательным к другим, а в первую очередь к себе, в отношении работы, обязанностей, он был глубоко корректен, как истинно интеллигентный человек, – восхищались могилёвские поэты-друзья Эдуард Медведский и Надежда Полубинская. – Евгений Алексеевич всегда деятельно сострадал людям в их бедах и горестях.

... Всего важнее сохранить в себе
Любовь и сострадание живое ...
(«Тень скепсиса тащу я за собой»)

Если сделать светлее печаль
И свою, и чужую не можешь,
Значит данная Небом свеча
Не мерцает в душе.
Ты ничтожен! –
Так себе в злые дни я кричу,
Так брюзжу я в бессонные ночи ...
(«Если сделать светлее печаль»)

Нам любовь, как спасенье, даётся,
В ней бессмертие грешной души ...
(«Если ты хоть кому-нибудь нужен»)

Поэзия Евгения Алексеевича, хотя он, крещённый в Православие, не был активным прихожанином храма, пронизана светом и духовностью, в ней живёт Бог. Стихи Матвеева изобилуют словами: душа, небо, небесный, любовь, грех, смирение, милосердие, Бог, божественный ... Есть и прямые обращения-молитвы к Всевышнему:

Пошли, Господь, в час передряги мгlistой
Душе моей смиренья мудрый свет ...
(«Обилию невзгод не удивляюсь»)

Критично анализируя жизнь, собственные поступки, Матвеев совестился, страдал, желая покаяния за слова и помыслы, известные лишь ему одному.

Жизнь – цепь парадоксов, и часто
Мудрёной загадке подстать:
За промахом следует счастье,
Успех может карою стать ...
(«Жизнь – цепь парадоксов»)

... Но время расплаты настало –
Горька неприютность души ...
(«За выбором следует выбор»)

Без сомнения, Сам Господь обитал в душе поэта, ведь Он есть Любовь, которой было переполнено сердце страдальца:

... Попрошу я у вечного неба
Светлых дней для моих земляков,
Чтоб не стали жестокими люди,
Чтоб счастливой росла детвора,
Чтобы бедный уверовал: будет
Завтра лучше, чем было вчера ...
(«Новоельня под крыльями сосен»)

Как и упомянутого выше замечательного поэта Игоря Григорьева в поэтических строках поэта Матвеева, родившегося в довоенное время, много видевшего и перенёсшего, живёт почти осязаемая горечь (правда-горечь, польнью горестного опыта, горестная накипь, горестный итог, у сердца горше нет беды, горька неприютность души, горькая волна, горький день, боль горькой вдовьей доли, стал горьким запах прелого листа, досады горькой жженье, вера горькой истины и т. д.) и боль:

Печаль глубока, безмерна,
А Бог благодать даёт.
Но если душа бессмертна,
Бессмертна и боль её.
(«Душе нелегко без храма... »)

Читающий человеческие души Всевышний, наверняка, видел, знал обитающее в сердце поэта милосердие и смирение, ибо одарил талантами и надолго продлил годы Евгения Алексеевича, вопреки страшным медицинским прогнозам.

... Не за уменье ли терпеть
Мне послан этот дар небесный,

Чтоб, хоть не спеть, так прохрипеть
Я смог завещанную песню?
(«Для путника, как дивный свет...»)

Евгений Алексеевич ушёл из мира 14 февраля 2005 года. Но целебное тепло его души осталось в книгах и стихах, осталось и его имя в литературе – Поэт Евгений Матвеев!

... Для всех, кто Поэзии подданным стал
Волшебный огонь не потушен,
Ведь с небом венчает она неспроста
Блаженные вещи души...
(«Искусство веками плодит миражи...»)

Часть III

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ 2015 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России
Фонд памяти поэта Игоря Григорьева

СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА

Вторые литературные чтения памяти поэта Игоря Григорьева
(1923–1996)

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ НАРОДА**

Международная научная конференция
19 ноября 2015 г. Санкт-Петербург

10-00. Большой конференц-зал

Открытие Чтений

Приветственное слово:

председатель Санкт-петербургского отделения СП России

Б. А. Орлов

секретарь СП России, председатель Совета по поэзии СП

В. Ф. Кирюшин

председатель Фонда памяти И. Григорьева, доктор медицин-
ских наук, доктор богословия протоиерей Григорий Григорьев

10-20. Мужской хор храма Рождества Иоанна Предтечи в
д. Южки Ленинградской области. Романсы.

Руководитель – засл. артист Карелии Олег Палкин

– «Выхожу один я на дорогу» – сл. М. Ю. Лермонтова, муз.

Е. Шашиной, обр. Ф. Козлова

– «В золотистой роще» – сл. И. Григорьева, муз. В. Салтыко-
ва, обр. О. Палкина

10-30. Доклады

Л. А. Сычева (гл. ред. лит. журнала «Молоко», Москва). Архетипы «русской античности» в творчестве Валентина Сорокина, Зои Прокопьевой и Владилена Машковцева

М. В. Назаров (гл. ред. изд-ва «Русская идея», Москва). Русское зарубежье и Запад в геополитике XX века

К. А. Кокшенева (ИМЛИ; Ин-т бизнеса и политики, Москва). Современная культура и русское самосознание

В. Г. Бондаренко (гл. ред. газеты «День литературы», Москва). Русская национальная литература как самовыражение русской национальной идеи (на примере творчества М. Лермонтова)

А. Н. Андреев (БГУ, Минск). Миссия русской литературы в контексте информационного противостояния цивилизаций (на материале творчества И. Григорьева).

12-30. Презентация выставки, посвященной творчеству Игоря Григорьева. Выставку представляет Д.В. Григорьева

12-45. Романсы на стихи Игоря Григорьева

Исполняет лауреат всероссийских и международных конкурсов Елена Наливаева

Концертмейстер Дарья Варуль

Музыка Юлиана Крейна

– «Лиловые потёмки»

– «Весной»

– «Подорожник»

13-00. Перерыв. Чайная пауза.

14-00. Большой конференц-зал

А. В. Иванов (Могилевский гос. пед. институт). Повседневность войны в творчестве И. Григорьева и могилёвских поэтов-фронтовиков А. Кулешова и А. Пысина

С. Б. Кураш (Мозырский гос. пед. ун-т). Этносоциокультурные ракурсы русского лирического «Я» в контексте национального стиля (заметки лингвиста о поэзии Игоря Григорьева).

Н. А. Пителина (Псковский гос. ун-т). Роль малой родины в духовно-нравственном развитии личности (на материале произведений Ст. Золотцева)

С. Б. Конева (ред. альм. «Мгинские мосты», Мга). Писатели-фронтовики: параллели судеб

Т. С. Рыжова (Псковский гос. ун-т). Поэзия Игоря Григорьева в переводе: к вопросу использования английского языка в приложении к русской культуре

15-15. Презентация книг:

– А. П. Бесперстых. Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. III: Наречия и наречные выражения. СПб., 2015;

– Слово. Отечество. Вера. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию поэта И. Григорьева (С.-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.) / сост. Н. В. Советная. СПб., 2015;

– «Ничего душе не надо, кроме родины и неба»: 2-й Международный поэтический конкурс им. И. Н. Григорьева / сост. Н. В. Советная. СПб., 2015.

Презентацию проводит Н. В. Советная (Фонд памяти И. Григорьева)

15-30. Большой конференц-зал. Чествование лауреатов Второго Международного поэтического конкурса им. И. Н. Григорьева «Ничего душе не надо, кроме родины и неба». Награждение проводит профессор, писатель, протоиерей Григорий Игоревич Григорьев

17-00. Литературный музей Пушкинского Дома. Экскурсия для финалистов конкурса

Д. В. Григорьева,
филолог
(Санкт-Петербург)

ВЫСТАВКА «ТИХИЙ СВЕТ»

Вторые литературные чтения памяти поэта Игоря Григорьева
Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 19 ноября 2015 г.

Выставка (шесть витрин) представляет духовную биографию Игоря Григорьева: его жизненный путь не по горизонтали, а по вертикали – путь восхождения к пониманию целей бытия, смысла человеческой жизни, путь к Себе.

Витрина первая. «Жизнь коротка, да ум тысячелетен»

На ней представлено стихотворение А. С. Пушкина «Возрождение» (1819 г.) – эпиграф выставки:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок незаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с годами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Здесь же стихотворение И. Григорьева, слова из которого дали название выставке:

Простодушно удружила,
Все сомненья трын-трава.
Размахнулась, закружила –
Только кругом голова!

Замелькали пёстрой птицей,
Синекрылою звездой;
Стала кровом и криницей,
Позабытой бороздой,

Храмом, дальним и неожиданным,
Льющим в душу тихий свет,
Беззаветным, безобманным...
Это здесь-то Бога нет?

В центре витрины: портреты Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева, Фета, Некрасов, Блока, Есенина, Маяковского и др. с афоризмами из их произведений, представляющих мудрость мира – это тот кладёзь мудрости, с которым поэт Игорь Григорьев, филолог по образованию, входил в поэзию. За 36 лет поэтического труда он издаст более 20 сборников (все они представлены на выставке хронологически), и в них мы услышим отзвуки идей Великих Поэтов и Писателей.

Нижний край витрины обрамляют цветные фотопейзажи Руси, и с ними перекликается стих И. Григорьева «Веретенька» – о любви к родине и ее природе.

Правый край витрины по вертикали – это слова апостола Иоанна Богослова о вере и любви (они представлены и на следующих витринах, справа по вертикали).

На витрине представлены два фотопортрета Игоря Николаевича.

Витрина вторая. «Путь к самому себе» / «Православие – исток русской души»

Первый, верхний ряд витрины – это книги Игоря Григорьева, изданные в 1960–1975 гг., их одиннадцать.

Второй ряд, ниже: семейные фотографии, книга стихов и рисунков Е. Н. Морозкиной (последняя супруга поэта) «По Руси» (СПб.: ЛИО «Редактор», 1992), фотография протоиерея Григория Григорьева (сына поэта, доктора медицинских наук и доктора богословия) в священническом облачении.

В центре: храм Рождества Иоанна Предтечи в Юкках, построенный отцом Григорием.

Справа: афоризмы Игоря Николаевича, из которых видно, что природу родного края он воспринимает как храм.

Афоризмы Игоря Григорьева

Самой небесной влагой совесть мою.

Сиротливый кустик
С юркою синицей
И грехи отпустит –
И воздаст сторицей.

Из всех, сюда взошедших, без различий
Сам ветер причащает из корца.

Поклон, поклон, ржаное поле...

Ни обиды на сердце, ни боли:
Тихий свет от земли – до небес.

И следом – мысли поэта, говорящие о его выборе пути:

Полюбилося мне буйство метели.

За волю – неволей плачу.

Я рожденный русской болью,
В раны верую.

И с самим собою в поле ровное
Выхожу один на один.

Афоризмы поддерживаются двумя стихотворениями Игоря Николаевича:

Без крестов, без колоколен
Вечер всклонь наколоколен,
От заката – свет.
И невольню или вольню
Мне до доньшка не больно –
К вёдру ран как нет.

Причащаюсь в красном лесе:
На душе ни зла, ни спеси –
Воля да грехи.
Стою что, или не стою –
Не чужой веду верстою
В поводу стихи!

(из сборника «Кого люблю», с. 138)

Тебя принимая, себя не жалею,
За волю неволей плачу.

С поклоном пожму пятерню снеговою,
Прижмусь к ледяному плечу.
Хоть небо твое чужевысей не выше
И к стуже – закатный костёр,
К тебе, моя Вьюга, пришел я – не вышел:
И руки, и душу простёр.
Застыну, оттаяв, над бездною гладкой,
Поверю в весеннюю Русь.
Вздохну ненароком, заплачу украдкой
И вновь над собой засмеюсь.
(из сборника «Боль», с. 14)

Справа по вертикали: слова о Вере и Любви апостола Иоанна Богослова.

Витрина третья. «Долог путь к запретному Христу» / «Блудный сын».

В верхнем ряду: продолжение книг, изданных при жизни поэта в 1977–1995 гг., их тоже одиннадцать.

Ниже, слева: автограф письма С. С. Гейченко Игорю Николаевичу и стихотворение «На Синичьей горе», посвященное С. С. Гейченко.

В центре: стихотворение «Блудный сын» и репродукция картины Рембрандта «Возвращение блудного сына».

Справа: автограф Ф. А. Абрамова Игорю Николаевичу, посвященное Абрамову стихотворение «Диалог» и выдержки из письма Игоря Николаевича Ф. А. Абрамову.

В свободных местах: фотографии.

Справа вертикально: продолжение цитат из Иоанна Богослова.

Витрина четвертая. «Любовь как линия жизни» / «Дорогие мои великаны!»

Верхний ряд: портрет Игоря Николаевича, его стихи из поэмы «Обитель» (1990 г.):

Людское счастье – это вера.
В добро свет...
Ведь знает про себя любой:
Надежда – долгожданье,
А всемогущая Любовь –
Долг неоплатный и страданье.

Рядом – сборник 1995 г. «Кого люблю», 110 стихотворений, адресованных персонально тем, с кем свела его судьба на путях войны и мирной жизни.

Журналистке Светлане Андреевой посвящен цикл из четырех стихотворений «Во времена года». Вот начало этого цикла:

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано!

Рядом – слова Светланы Андреевой об Игоре Николаевиче: «Любила и люблю Игоря Николаевича не за ум и талант, которыми наделил его Господь, а за чистую его душу. Не много я встречала в жизни людей, не совместимых со словом “корысть”. Не о себе, а о других думал он всегда и всюду».

Заканчивается верхний ряд фотографией Игоря Николаевича в партизанском отряде.

Второй ряд:

– стих «Звёзды» с посвящением Виктору Бокову и автограф В. Бокова Игорю Николаевичу;

- стих «Родительский дом» с посвящением Виктору Астафьеву и автографом В. Астафьева Игорю;
- портрет иеромонаха Романа и его слова об Игоре.

Правее:

- стихотворение «Плач по Любви»;
- «Партизанский дневник»;
- поэма Алексея Поликарпова «Слово о капитане Игоре» (1998 г.);
- два отрывка из поэмы о немце-замкоменданте Десое;
- книга «Контрразведка» (1995 г.).

Витрина пятая. «Есть только радость, только свет» / «Встреча с собой»

Верхний ряд: книги, изданные после 1996 г. – их шесть (1998–2014). Они перемежаются рукописями поэта. В конце слова В. Шошина «Поэт последней деревни» и книга со стихами Игоря Николаевича о его поэзии «Это здесь-то Бога нет?» (Д. В. Григорьева, 2014 г.).

Заканчивает ряд диск с песнями на стихи Игоря Григорьева в исполнении В. В. Салтыкова «Я иду».

Правый ряд, по вертикали. В связи с логикой выставки, заявленной в первой витрине: духовный путь поэта – это путь к образу Божьему в Себе, витрину по вертикали венчают образы наших преподобных.

В центре два стихотворения Игоря Николаевича – «Именины» и «Свидание», в которых эмоционально и глубоко поэт констатирует эту встречу с собой. Эти стихи поддерживаются (низ витрины) фоторядом ярких пейзажей, как и витрина № 1.

Витрина шестая. «Тайна русской души» / «Кто имеет уши, да слышит!»»

Верхний ряд: книги о поэзии Игоря Григорьева; материалы I Международной конференции «Слово. Отечество. Вера», состоявшейся 13 ноября 2014 г. в Пушкинском Доме; два сборника конкурсных стихов – всего девять книг. А также памятная медаль «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1196)» и фотографии поэта.

В центре:

- слова Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...»;
- слова Д. В. Григорьевой из книги «Это здесь-то Бога нет?» (с. 34): «Для Тютчева, как и для Блока, Россия – это лирическая величина <... > Это сумма надежд и чаяний всех живущих и покинувших это мир. “И вечный бой, покой нам только снится!”»;
- стихотворение И. Григорьева «Поэты»:
«Нам надо все! И ничего не надо!..
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше!».

О. В. Коршунова,
член Союза писателей России
(г. Заречный, Пензенская обл.)

«СЛОВО. ОТЕЧЕСТВО. ВЕРА» –
о Поэте и Человеке Игоре Григорьеве

Поэт в России... Что он может наперёд знать о своей судьбе, о судьбе Слова, срывающегося с губ? Как это Слово будет услышано, отзовётся ли в сердцах читателей, слушателей?.. Зачастую у российских поэтов нелёгкие жизненные пути, да и стихи их то звенят колоколом, то упадают в забвение, то вновь возгораются путеводной звездой.

В самой полной мере сказанное относится к жизни и творчеству Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996), замечательного русского поэта, уроженца псковской земли, поэта, который сам о себе говорил так:

«Человек я верующий, русский, деревенский, счастливый, на всё, что не против Совести, готовый! Чего ещё?».

Давно его нет в живых, и, что горько, на долгий период времени его человеческие, искренние, честные в своей откровенности стихи выпали из поля зрения читателей. Больно говорить об этом, но имя настоящего народного поэта незаслуженно оставалось в тени. Только последние два года они вновь зазвучали в полную силу, поражая своей чистотой и верой в жизнь.

Игорь Григорьев – явление яркое в нашем литературном мире. Его творческую судьбу поэта нельзя отделить от судьбы Родины. Родившийся в небольшой псковской деревне, он с детства познал нелёгкую жизнь, с утра до вечера наполненную трудом. Когда началась Великая Отечественная война, ему было

всего восемнадцать лет, но в столь юном возрасте он смог руководить подпольщиками, командовал группой разведки в немецком тылу, был бригадным разведчиком Шестой ленинградской партизанской бригады под командованием комбрига Виктора Обьедкова. Пережил четыре тяжёлых ранения, терял в боях родных и друзей.

Когда он почувствовал в себе дар поэта, ему было что сказать. Всё пережитое не могло не отразиться на его творчестве – особым взглядом, прочувствованным словом. И в послевоенное время он никогда не отрывался от «корней», чутким сердцем принимал, пропускал через себя боль, тревоги и светлые радости своей бесконечно любимой Родины и родимого края.

Поэтический талант этого неординарного человека живо преломлял чувства, мысли, изливаясь родниковой стихотворной строкой. Стихи поэта поражают точностью и меткостью сказанного слова, глубиной мысли, ответственностью за все написанное, чистым народным языком. Он писал – как дышал, говорил – как думал, не стремясь ничего приукрасить, подретушировать. Этим стихам ВЕРИШЬ.

В 1954 году И. Н. Григорьев окончил филологический факультет Ленинградского университета, и с тех пор его имя как поэта много лет было на слуху и в Ленинграде, и в Москве. Более 20 лет он был тесно связан с Ленинградом. В 1970-х гг., когда во Пскове было решено открыть отделение СП СССР, Игорь Григорьев возглавил эту региональную писательскую организацию и уехал жить на родину.

Поэт оставил после себя большое литературное наследие: он является автором более 20 поэтических сборников, среди которых его первая книга военных стихов «Набат», сборники «Родимые дали» (1960), «Крутая дорога» (1994), «Кого люблю» (1994), «Боль» (1995) и другие. Уже после его ухода издана книга «Перед Россией» (2014).

Меня, как и многих других поэтов в России и за рубежом,

очень заинтересовали стихи Игоря Григорьева, хоть поначалу, когда я прочла в интернете информацию о поэтическом конкурсе имени И. Н. Григорьева, мне эта фамилия ни о чём не говорила и с его стихами я познакомилась позднее. Но раз прочитав их на его сайте, уже не могла оторваться от этой поэзии.

Стихи его ждали своего времени в родных краях поэта, в древнем городе Пскове, Мне кажется, это тот редчайший случай, когда жизнь распорядилась правильно: только в тишине родной природы можно было создать такие строки, удивляющие пронзительностью образов:

... Прозрачный сумрак, ласковый и влажный,
Окутывает землю не спеша.
И кто-то вдалеке запел протяжно,
И песне той отзывалась душа.

Отзывалась, раскрылась, всколыхнулась –
И самому не угадать себя:
Как будто снова молодость вернулась
И в грудь вошла, тоскуя и любя.

И хорошо, и грустно поневоле
Становится в полуночной тиши.
И кажется, немое шепчет поле:
Дыши, люби, надейся – и спеш!

Стихи Игоря Григорьева – мощные, они ложатся тяжелым пластом родной земли, в них много мудрости простого человека, привыкшего надеяться только на себя и до мозга костей преданного своей родине:

Хоть рассквозись, хоть разжалей –
От сырых нив не уберечься
И на распяты не отречься
От засыпающих полей...
Какою неизбывной верой
Заогневает вдруг душа,

Когда в дали, пустой и серой,
Всплеснётся трепет камыша ...

Игорь Николаевич Григорьев ушёл из жизни 16 января 1996 года. А его стихи остались. Да какие стихи! Не о себе он думал и писал – все его мысли были об Отчизне, о России, о святой Руси. Он умел жить по-Божьи, любить всем сердцем, отдавать себя без остатка. Сегодня творчество Игоря Григорьева переживает своё второе рождение. К нему уже спешит новый читатель, читатель XXI века, уставший от игры слов, конъюнктурных стихов и поэм, пишущихся так, «как надо», как предписано моральными кодексами «строителей», забывших в переломный момент о том, что «строили». Не ради славы и почестей писал поэт Игорь Григорьев, а потому что не мог не писать о том, что саднило в сердце.

Неволя, недоля, чужбина –
Ни слова, ни зги, ни следа.
Да русская ль это ложбина?
Да жива ли в речке вода?

Крадусь неприкаянным вором
Чужою родной стороной.
Стеной – чернота перед взором
Кромешная тьма за спиной...

Познакомившись с такими стихами, я посчитала за честь принять участие в поэтическом конкурсе 2014 года, названном по строке одного из стихотворений Игоря Николаевича «Я не мыслю себя без России». Само название взывало к глубинным, искренним чувствам любви к Родине. Попав в число финалистов конкурса, я была счастлива, когда меня пригласили принять участие в конференции «Слово. Отечество. Вера». Сделала всё, чтобы приехать в Санкт-Петербург. Вдвойне счастлива оказалась, когда на этой конференции меня назвали победителем.

В 2015 году традиция проведения конкурса была продолже-

на, и на этот раз название конкурса родилось из ещё одной стихотворной фразы поэта – «Ничего душе не надо, кроме родины и неба». Я уже представляла, насколько высок уровень требований к конкурсным произведениям и насколько велика ответственность за стихи патриотического содержания. Допускала, что прошлогодний успех может не повториться, и всё же была просто рада вновь принять участие в этом конкурсе, тем более что он был посвящён особому событию года – 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Международное жюри (председатель – Григорий Игоревич Григорьев, сын поэта) рассмотрело около тысячи стихотворений более 300 литераторов и определило 68 финалистов. Из этого числа авторов 5 объявлены победителями (1-е место, два 2-х и два 3-х места), 16 поэтов были стали лауреатами, остальные получили дипломы финалистов.

Я и ещё одна поэтесса, Ольга Правдина из г. Заречный Пензенской области, вошли в число финалистов и были приглашены в Санкт-Петербург на Вторые литературные чтения памяти поэта Игоря Григорьева. К сожалению, Ольга не смогла поехать на это мероприятие, а я всё же нашла такую возможность.

19 ноября 2015 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, расположенном на Васильевском острове, состоялась вторая Международная научная конференция «Слово. Отечество. Вера». В конференции приняли участие поэты, писатели, литературоведы, родственники и поклонники творчества выдающегося русского поэта из разных регионов России, республики Беларусь, Украины. Участвовали также близкие родственники поэта, хранящие светлую память о нём.

Тема конференции этого года: «Русская литература и проблемы этносоциальной консолидации народа». Следует сказать, что конференция и сам конкурс проводятся при поддержке Фонда памяти поэта Игоря Григорьева. Президент Фонда – сын поэта – заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук,

доктор богословия, профессор, писатель, протоиерей Григорий Игоревич Григорьев. В рамках конференции прошло чествование лауреатов II Международного поэтического конкурса им. И. Н. Григорьева «Ничего душе не надо, кроме родины и неба».

С приветственными словами выступили председатель Санкт-Петербургского отделения СП России Б. А. Орлов; секретарь СП России, председатель Совета по поэзии СП В. Ф. Кирюшин; президент Фонда памяти поэта Игоря Григорьева Г. И. Григорьев.

Как и год назад, очень интересными оказались выступления учёных-филологов, издателей литературных журналов, писателей, руководителей литературных факультетов в университетах России и Белоруссии. Названия докладов говорили сами за себя: «Современная культура и русское самосознание» (К. А. Кокшенина, Москва, ИМЛИ; Институт бизнеса и политики); «Русское зарубежье и Запад в геополитике XX века» (М. В. Назаров, Москва, Изд-во «Русская идея»); «Миссия русской литературы в контексте информационного противостояния цивилизаций (на материале творчества И. Григорьева)» (А. Н. Андреев, Минск, Белорусский государственный университет); «Роль малой родины в духовно-нравственном развитии личности» (Н. А. Пителина, Псковский государственный университет) и т. д.

На выставке были представлены книги и рукописи поэта, архивные фотографии, а также книги, увидевшие свет в Санкт-Петербурге в этом году – уникальное издание «Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. III: Наречия и наречные выражения» А. П. Бесперстых и две книги «Слово. Отечество. Вера. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию поэта И. Григорьева (С.-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.)» и «“Ничего душе не надо, кроме родины и неба”: 2-й Международный поэтический конкурс им. И. Н. Григорьева» – составитель Н. Советная, дизайн и рисунки Дарьи Рыбалтович, внучки поэта.

Приятным сюрпризом было исполнение песен на стихи Игоря Григорьева мужским хором храма Рождества Иоанна Предтечи в д. Юкки (Ленинградская область) под руководством заслуженного артиста Карелии Олега Палкина, а также прозвучали романсы на стихи поэта в исполнении лауреата Всероссийских и Международных вокальных конкурсов Елены Наливаевой.

Волнительным моментом стало награждение финалистов, лауреатов и победителей конкурса. Приятно было, что Ольга Правдина была награждена Дипломом финалиста и итоговым сборником. Я оказалась в числе лауреатов и с глубокой благодарностью приняла награды из рук Г. И. Григорьева и члена СП России Н. В. Советной.

Пятеро поэтов, попавших в число победителей, были награждены денежной премией и учреждённой Фондом памяти И. Григорьева памятной медалью «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)».

Медаль также была вручена литературным изданиям (в т. ч. белорусским журналам «Нёман» – редактор А.Чарота, «Белая вежа» – ред. В.Величко), писателям, литературным критикам, учёным, филологам, журналистам, деятелям культуры и искусства, педагогам за большой вклад в сохранение и развитие культуры, русской словесности, традиций патриотического воспитания, а также за изучение и популяризацию творческого наследия Игоря Григорьева. Всего медалью награждено 50 изданий, организаций и писателей и ещё 14 – Грамотами Фонда им. И. Григорьева.

Все победители, лауреаты, финалисты получили в подарок новый сборник стихов «Ничего душе не надо, кроме родины и неба», включивший стихи всех участников финальной части конкурса, а также стихи авторов, которые были причастны к судьбе и творчеству Игоря Григорьева, внесли большой вклад в изучение, сохранение и популяризацию творческого наследия поэта. Отдельная глава сборника содержит стихи Игоря Нико-

лаевича Григорьева, переведённые на украинский, белорусский, черкесский, английский языки и даже на фарси.

По окончании конференции для победителей конкурса и участников конференции была организована экскурсия по Литературному музею ИРЛИ РАН. Названия залов там говорят сами за себя: Державинский, Пушкинский, Лермонтовский, Льва Толстого... Документы, уникальные рукописи, личные вещи... Вот так – прикосновением к истории великой русской литературы – завершился тот удивительный день – день Вторых литературных чтений памяти Игоря Григорьева «Слово. Отечество. Вера».

Хочется в связи с конференцией и конкурсом отметить немаловажный факт: усилий одних только энтузиастов было бы мало, если бы это доброе начинание не поддержали Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России во главе с его председателем Борисом Орловым и Фонд памяти им. Игоря Григорьева во главе с его президентом, доктором богословия и медицинских наук, протоиереем Григорием Григорьевым. Все мероприятия проводились также при поддержке Александра Георгиевича Скокова – заместителя председателя, члена творческой комиссии СП России. Прделана огромная работа, в чём немалая заслуга Натальи Викторовны Советной – председателя Оргкомитета литературных чтений памяти Игоря Григорьева и международного поэтического конкурса им. И. Григорьева, а также ведущего научного сотрудника Пушкинского Дома, доктора филологических наук, профессора Алексея Марковича Любомудрова – сопредседателя Чтений, горячо поддержавшего идею и предложившего нынешнюю тему научной конференции.

Благодаря совместным усилиям, об Игоре Григорьеве и мероприятиях его памяти уже начинают говорить в литературном мире как о событии интересном и заслуживающем внимания.

Н. В. Вареник,

*член Союзов писателей России и Украины
(г. Киев, Украина)*

Т. О. Берлин,

*член Союза писателей «Новый современник»
(г. Киев, Украина)*

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Благословенно то Отечество, которое не забывает лучших своих детей. Благословенны те потомки, которые трепетно, по крупицам собирают кирпичики памяти о великих своих предках, чтобы построить новый храм для поколений, идущих следом.

У поэта Игоря Григорьева, к счастью для всех нас, благодарная судьба: память о нём и его удивительной поэзии вписана золотыми буквами в книгу Большой русской Литературы, в чём немалая заслуга его семьи, наследников и множества неравнодушных людей, которые сотворили обыкновенное чудо: учредили Международную литературную премию имени поэта и воина Игоря Григорьева, включающую в себя целый комплекс мероприятий – международный литературный конкурс поэзии, тема которого каждый год обновляется; международную научную конференцию, посвященную проблемам литературы и поэту; а также литературные чтения его памяти.

Об Игоре Григорьеве и мероприятиях его памяти я узнала недавно, поскольку они проводятся всего второй год. Но о них уже начинают говорить в литературном мире, как о событии интересном и заслуживающем внимания. А спустя несколько месяцев пришло приятное известие: я стала лауреатом международного литературного конкурса им. Игоря Григорьева!

Попасть в Санкт-Петербург для участия в конференции и церемонии награждения сегодня с Украины очень непросто: воздушное сообщение между нашими странами закрыто, количество поездов незаметно сокращается, даже фирменный поезд в Москву начал ходить через день, а ковельский совместили со львовским. Неудивительно, что оставшиеся поезда идут переполненными «под завязку» – не достав билетов на прямой, пришлось покупать с пересадкой в Москве, а оттуда «Невским экспрессом» до Питера... Тяжелое экономическое положение на Украине делает любые поездки за рубеж для обычных жителей страны нереальными из-за резко подорожавшего курса доллара.

Но организаторы конференции решили поддержать украинскую участницу небольшой помощью, ведь конференция на то и международная, чтобы в ней могли участвовать ВСЕ, невзирая на границы, территории и цвет кожи!

Литературный Санкт-Петербург, в отличие от хорошо исследованной Москвы, менее известен писателям, живущим на Украине. На нашем сайте «Писатель в интернет-пространстве» (<http://www.pisатели.co.ua/>) питерских авторов немного – корреспондент «Литературной газеты» Владимир Шемшученко и живущий неподалеку от Санкт-Петербурга Валерий Ременюк.

Зато как автор я обширнее всего представлена как раз на известном питерском сайте «Литсовет» (http://www.litsovet.ru/index.php/author.page?author_id=7001).

Международная научная конференция памяти Игоря Григорьева этого года – «Русская литература и проблемы этноконсолидации народа», которая была приурочена к завершению международного поэтического конкурса «Ничего душе не надо, кроме родины и неба» и Вторых литературных чтений памяти поэта «Слово. Отечество. Вера», – состоялась 19 ноября в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Изучая из далекой Украины с помощью Интернета видеокарту Санкт-Петербурга, мы рассматривали спутниковое изображение местности, прилегающей к маленькой гостинице, где предполагалось остановиться, – Дворцовая площадь, Эрмитаж, собор Казанской Божьей Матери, храм Спаса на крови, Исаакиевский собор...

Воистину, уникальное место, все здесь дышит историей. И знаменитый Пушкинский Дом находился неподалеку – уникальный дом-музей с изумительными лепными потолками и канделябрами, интересными экспозициями, этакий дом-шкатулка, дом-сказка...

Именно сюда съехались из разных стран финалисты второго ежегодного Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. Игоря Григорьева (1923–1996) «Ничего душе не надо, кроме родины и неба» из разных стран.

Кстати говоря, в этом году в конкурсе приняли участие более 300 литераторов, среди которых как профессиональные поэты, так и любители высокого слова из Белоруссии, Казахстана, Чехии, Германии, Канады, Украины, Латвии, России, Башкирии, Хакасии, Чувашии, Киргизии, Карачаево-Черкессии, Мордовии, республики Марий Эл, Крыма, и другие...

Хозяева конкурса – россияне – были представлены очень широко: в адрес конкурса поступили стихи от авторов из Воронежской области, Свердловской, Омской, Псковской, Калининградской, Архангельской, Волгоградской, Челябинской, Брянской, Кемеровской, Пензенской областей и др., а также из многочисленных городов от Нового Уренгоя, Владивостока, Тюмени, Омска до Самары, Рязани, Казани, Севастополя, Пятигорска, Архангельска, Пскова и, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга.

Международное жюри (председатель – член СП России, доктор медицинских наук, доктор богословия протоиерей Гри-

горий Григорьев, сын поэта И. Григорьева) рассмотрело около 1000 работ и отобрало 68 финалистов, из которых 16 стали лауреатами и 5 – победителями.

Однако главная интрига конкурса – вручение наград – состоялось в конце конференции, продолжая держать в напряжении всех финалистов...

Зрительный зал постепенно заполнялся участниками мероприятия.

В этом году нем приняли участие поэты, писатели, литературоведы, родственники и любители творчества выдающегося поэта, многочисленные представители СМИ.

Прямо в зрительном зале развернута экспозиция книг и рукописей Игоря Григорьева, представлены его архивные фотографии.

С докладами выступили ученые, писатели и литературоведы Л. Сычева, М. Назаров, К. Кокшенева, В. Бондаренко, А. Андреев, Д. Григорьева, А. Иванов, С. Кураш, Н. Пителина, С. Конева, Т.Рыжова.

Думаю, те, кто приехал на эту конференцию, никогда не пожалуют о потраченном времени.

Игорь Григорьев – явление ярчайшее в нашем литературном мире. Его творческую судьбу писателя нельзя отделить от второй его ипостаси – воина, разведчика. Игоря Григорьева можно смело включить в плеяду знаменитых разведчиков нашего времени. И это хождение «по лезвию ножа», по краешку пропасти не могло не отразиться на его творчестве: стихи поэта поражают точностью и меткостью сказанного слова, глубиной мысли, ответственностью за все написанное.

Поэт оставил после себя большое литературное наследие. При этом творчество не было «растаскано» по кусочкам на столичных литературных тусовках, не мелькало на страницах интернета, не тиражировалось в обоях популярных коллективных сборников. Оно спокойно ждало своего читателя в род-

ных краях поэта, в древнем городе Пскове, хотя после окончания филологического факультета Ленинградского университета в 1954 году, имя Игоря Григорьева было на слуху и в Ленинграде, и в Москве.

Кажется, это тот редчайший случай, когда жизнь распорядилась правильно: только в тишине родной природы можно было создать такие строки, удивляющие пронзительностью образов:

Зажгли в беложар, осветили округу
Черёмух белынь-острова.
Весна наметелила тёплую вьюгу,
А понизу вьюги – трава.
А поверху вьюги – сияющий воздух:
Дыши, гореванья не знай;
Чуть выше – в просторе – струистая роздымь:
И это – всего только май...

Его стихи – мощные, они ложатся тяжелым пластом родной земли, в них много мудрости простого человека, привыкшего надеяться только на себя и до мозга костей преданного своей родине:

Хоть рассквозись, хоть разжалей —
От сырых нив не уберечься
И на распяты не отречься
От засыпающих полей ...
Какою неизбывной верой
Заогневает вдруг душа,
Когда в дали, пустой и серой,
Всплеснётся трепет камыша ...

Сегодня творчество Игоря Григорьева переживает свое второе рождение. К нему уже спешит новый читатель, читатель XXI века, уставший от игры слов, от нагромождения пустых образов и метафор, от модернизма всех мастей, жаждущий Настоящей поэзии, как путник в пустыне жаждет глоток чистой холодной воды. И невольно вспоминаешь пророческие строки поэта:

Когда мы жизнью вдоволь наиграемся,
Натешимся, намаемся до дна,
Тогда мы снова жить засобираемся,
Как будто нам вторая жизнь дана.

Вторая жизнь дана его поэзии, что подтвердило огромное количество людей, принявших участие в этом своего рода празднике творчества Игоря Григорьева. В Пушкинском Доме прозвучали песни на стихи поэта в исполнении мужского хора Храма Рождества Иоанна Предтечи в д. Юкки (Ленинградская область) под руководством заслуженного артиста Карелии Олега Палкина, а также романсы в исполнении лауреата всероссийских и международных конкурсов Елены Наливаевой.

Состоялась презентация книг, увидевших свет в Петербурге в этом году и посвященных творчеству Игоря Григорьева – уникального издания «Словарь эпитетов Игоря Григорьева. Т. III: Наречия и наречные выражения» интересного писателя из белорусского Новополюцка А. П. Бесперстых, и две книги («Слово. Отечество. Вера. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 90-летию поэта И. Григорьева» (С.-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.) и «Ничего душе не надо, кроме родины и неба»: 2-й Международный поэтический конкурс им. И.Н. Григорьева) под редакцией Михаила Устинова, члена СП России, члена жюри конкурса им. И. Григорьева. Составитель – большой энтузиаст творчества И. Григорьева, поэтесса, прозаик, публицист, член Союза писателей России, Беларуси и Союзного государства, кандидат психологических наук Наталья Советная. Дизайн, рисунки, фото – Дарья Рыбалтович, кандидата психологических наук, внучки поэта И. Григорьева.

Финалисты и лауреаты конкурса смогли принять участие в экскурсии по литературному музею Пушкинского дома, отведать чай с настоящими домашними пирогами и сделать коллективные фотографии на память.

И вот главное событие этого дня: церемония награждения! На сцену приглашаются лауреаты и победители конкурса, а также те, кто удостоен в этом году памятной медали «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)», которая учреждена ко Вторым литературным чтениям решением Фонда им. И. Н. Григорьева при поддержке Союза Писателей России.

На лицевой стороне медали выполнен барельеф русского поэта И. Н. Григорьева, с тыльной стороны – изображение перекрестья гусяного пера и меча и надпись: «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)».

В этом году медаль вручается впервые – литературным изданиям, писателям, литературным критикам, учёным, филологам, журналистам, деятелям культуры и искусства, педагогам за большой вклад в сохранение и развитие культуры, русской словесности, традиций патриотического воспитания, а также за изучение и популяризацию творческого наследия Игоря Григорьева.

Среди награжденных – журнал «Родная Ладога» (С.-Петербург) – гл. редактор А. Ребров, поэт, секретарь Правления Союза писателей России; М. Замшев – журналист, поэт, публицист, критик, член СП России (Москва); В. Кирюшин – поэт, секретарь СП России, председатель Совета по поэзии СП России (Москва); Д. Григорьева – филолог, писатель, вдова поэта; Журнал «Московский Парнас» – гл. редактор Л. Ханбеков, писатель, литературный критик, публицист, член СП России (Москва); Б. Орлов – Председатель Санкт-Петербургского отделения СП России, секретарь Правления СП России, поэт, гл. редактор газеты «Литературный Санкт-Петербург»; Н. Переяслов – секретарь Правления СП России, победитель международного поэтического конкурса памяти И. Григорьева «Я не мыслю себя без России» (2014), поэт (Москва); Н. Советная – писательница, член СП России и СП Беларуси; А. Бесперстных (г. Новополоцк, Белоруссия) – поэт, филолог, автор-составитель многочисленных словарей, в том числе «Эпитеты Игоря Григо-

рьева» в 3-х томах; газета «День литературы» (Москва) – главный редактор В. Бондаренко, литературный критик, публицист, член Союза писателей России, и многие другие.

Всего награждено 50 изданий, организаций и писателей и еще 14 – Грамотами Фонда им. И. Григорьева.

Лауреаты награждались Дипломами и памятными подарками, а победители, кроме этого – денежными премиями. В 2015 году первое место заняла Елена Копытова из Риги, второе место разделили Алексей Гушан (Москва) и Владимир Савинов (Псков), третье место также досталось двум авторам – Ольге Сафроновой (Таганрог) и Андрею Бениаминову (Псков).

Серебряный победитель конкурса Алексей Гушан, кстати, тоже является автором нашего сайта «Писатель в интернет-пространстве» ...

Праздник поэзии завершен. Немного грустно, но с нами остается чудесная книга стихов, в которую вошли и мои стихотворения. В сердце – светлое чувство, что мы остаемся в наших детях, как остался Игорь Григорьев в своем сыне, Григории, который не только помогает людям, исцеляя их, врачует их души в храме, но и осуществляя подвижническую миссию по увековечиванию памяти прекрасного поэта.

Присутствующие долго не хотели расходиться, обмениваясь адресами и фотографируясь на память. Но впереди еще несколько дней в городе на Неве, незабываемые прогулки по осеннему Санкт-Петербургу, знакомство с его историей, множество впечатлений и открытий.

Много фотографий вечера размещено на сайте поэта его внучкой, Дарьей Рыбалтович: http://igor-grigoriev.ru/fotografii_s_konferencii_slovo_otchestvo_vera_2015.html

Но самое главное: был объявлен **НОВЫЙ КОНКУРС** им. Игоря Григорьева: конкурс лирико-патриотической поэзии «ДУША ДОБРУ ОТКРЫЛА ДВЕРИ» (2016), посвященный 20-летию памяти поэта.

Л. Ю. Север,
член Союза писателей России
(Неклиновский р-н, Ростовская обл.)

О. И. Сафронова,
член Союзов писателей России, Беларуси и Международного
Союза писателей и мастеров искусств
(Неклиновский р-н, Ростовская обл.)

ЖИВОЕ СЛОВО НА «БЕРЕГАХ ДРУЖБЫ». СКВОЗЬ РАССТОЯНИЯ И ГРАНИЦЫ

«Подведены итоги второго ежегодного Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. Игоря Григорьева (1923–1996) “Ничего душе не надо, кроме Родины и неба”.

Церемония награждения состоялась в Санкт-Петербурге, в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) во время II Литературных чтений памяти Игоря Григорьева “Слово. Отечество. Вера” на Международной научной конференции “Русская литература и проблемы этноконсолидации народа”. Финалистам торжественно вручены дипломы, книги с их стихами» – казалось бы, это обыкновенное информационное сообщение «Литературной газеты» (№ 48 (3-12-2015) www.lgz.ru), одно из множества литературных событий огромной страны.

Но как дрогнуло сердце от заявленной темы конференции: «Русская литература и проблемы этноконсолидации народа», как своевременен, необходим, созвучен мыслям и делам многих и многих был этот разговор о литературе и её месте и роли в сегодняшнем обществе.

Вот темы некоторых докладов – они говорят сами за себя:

– «Современная культура и русское самосознание» (К. А. Кокшенина, Москва, ИМЛИ; Институт бизнеса и политики);

– «Русское зарубежье и Запад в геополитике XX века» (М. В. Назаров, Москва, изд-во «Русская идея»);

– «Миссия русской литературы в контексте информационного противостояния цивилизаций (на материале творчества И. Григорьева)» (А. Н. Андреев, Минск, Белоруссия, БГУ);

– «Роль малой родины в духовно-нравственном развитии личности» (Н. А. Пителина, Псков, Псковский гос. университет) и другие, не менее интересные.

И так радостно было встретить здесь, под сводами Пушкинского Дома, единомышленников в стремлении воссоздать общее исторически-культурное пространство – русское по своей природе (в отличие от русскоязычного) не только для России, но и для Белоруссии, Украины, других бывших союзных республик. Потому что вот уже несколько лет рука об руку с Международным союзом писателей и мастеров искусств живёт и делает, пусть небольшие, но всё более уверенные шаги международное движение «Берега дружбы». Об этом и хотелось бы рассказать подробнее.

В 2006 году, на границе трёх независимых государств: России, Украины и Беларуси, родилась идея: создать творческий союз, который поможет восстановить оборванные культурные связи между людьми, победить разобщенность, отыскать новые стимулы для творчества. Так в 2009 г. возник Международный союз писателей и мастеров искусств (МСПИМ), который объединил в своих рядах не только литераторов, но и представителей других творческих направлений.

А летом 2012 года в г. Таганроге, на родине А. П. Чехова, по доброй воле авторов увидела свет книга на трёх братских славянских языках: «Крылья надежды» (белорусские стихи Надежды Верас с переводами Леонида Севера на русский и Ольги Сафроновой на украинский языки), которая стала «первой ласточкой», предвестником Международного движения литераторов «Берега дружбы».

Инициатива литераторов не осталась незамеченной. Книга «Крылья надежды» была представлена в Министерстве культу-

ры Ростовской области, а в сентябре того же года – в Министерстве культуры Республики Беларусь и Союзе писателей Беларуси.

В газете «Літаратура і мастацтва» появилось большое интервью главного редактора Татьяны Сивец с Надеждой Верас и Леонидом Севером, в котором авторы приглашали всех желающих принять участие в продолжении работы над переводами, а в благодарственном письме Союзу писателей Дона зам. министра культуры Республики Беларусь Тадеуш Иванович Стружецкий отметил: «Убеждён, что сборник на трёх славянских языках оценят благодарные читатели наших стран, а творческий союз авторов и всех заинтересованных будет крепнуть и радовать читателей новыми интересными проектами».

Заинтересованные и творческие нашлись.

Благодаря публикации в «ЛіМе» к проекту присоединилась молодая поэтесса из Минской области Оксана Ярошенко. К реализации новых замыслов литераторов очень внимательно отнёсся председатель Гомельского областного отделения Союза писателей Беларуси Владимир Николаевич Гаврилович, в результате чего были налажены прочные творческие связи между литературными объединениями: «Пралеска» (Гомель, Белоруссия), «Чайка» (Таганрог) и «Степь» (Неклиновский р-н Ростовской области). Началась кропотливая творческая работа взаимных поэтических переводов, в которой приняли участие 12 белорусских и 15 российских авторов.

Творческое сотрудничество литераторов двух государств не могло не дать результатов. В 2013 году один за другим вышли три коллективных сборника стихов и переводов:

– «Славянской боли кружева» (Таганрог), поэтические переводы на белорусский язык произведений авторов Таганрога и Неклиновского района, выполненные Оксаной Ярошенко;

– «Слово за словом» (Таганрог), поэтические переводы с белорусского языка, совместная работа гомельских и приазовских поэтов;

– «3 адной калыски» (Таганрог), еще одна коллективная книга гомельских и приазовских поэтов, переводы с русского языка на белорусский.

А в сентябре того же года впервые прозвучало название «Берега дружбы» – фестиваль национальных культур, проводимый в Неклиновском районе Ростовской области стал одноимённым и принял в свои объятия литераторов двух братских стран. И среди гостей фестиваля, конечно же, были представители Международного союза писателей и мастеров искусств. Прозвучало ответное предложение о приезде делегации россиян в Гомель, на «Славянские литературные дожинки».

В ноябре 2013 г. по приглашению председателя Гомельского областного отделения Союза писателей Беларуси Владимира Николаевича Гавриловича, при поддержке председателя РНКА (региональная национально-культурная автономия) «Белорусы Ростовской области» Владимира Алексеевича Животкевича приазовские поэты посетили Республику Беларусь и впервые приняли участие в областном фестивале-празднике «Славянские литературные дожинки», который проходил в г. Гомеле. В рамках фестиваля, после зажжения представителями Белоруссии, России и Украины трёх славянских свечей, были представлены совместные издания «Слово за словом» и «Из одной колыбели», состоялось знакомство с литераторами Курской и Сумской областей, Ольга Сафронова была принята в Международный союз писателей и мастеров искусств. Там же было принято решение о дальнейшей работе над проектом на профессиональном уровне.

А дальше... большая река Международного союза и юный ручеек Международного общественного движения литераторов слились и соединились в одном большом общем деле, следуя завету одного их великих переводчиков, Бориса Пастернака: «Переводы – не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов».

Сегодня в копилке МСПМ и «Берегов дружбы» уже немало общих свершений.

После того как на «Славянских литературных дожинках» 2013 года было принято решение о дальнейшей работе над проектом на профессиональном уровне между представителями Союза писателей России и Союза писателей Беларуси, увидели свет еще две коллективные книги стихов и переводов:

– «Я всеми силами храню...» (Таганрог, 2014), где свои усилия объединили поэты Краснодарского регионального отделения Союза писателей России и Гомельского областного отделения Союза писателей Беларуси, представив лучшие образцы современного поэтического творчества в переводе на белорусский язык;

– «Побеги славянского корня» (Неклиновский р-н, с/п Новобессергеновка, 2015) – книга с говорящим названием, где поэтические строки белорусских авторов и переводы на русский язык, выполненные кубанским автором Анной Вартаньян, а также переводы на украинский язык, выполненные автором из Таганрога Ольгой Сафроновой, представили читателям единство и многообразие поэтического слова на трёх близких славянских языках.

С 2013 г. в Приазовье состоялись два международных Моста поэтической дружбы «Слово – свету и миру основа» и три международных фестиваля национальных культур с одноимённым названием, в которых приняли участие литераторы Беларуси (гг. Гомель, Минск), Украины (гг. Сумы, Донецк, Луганск), России (гг. Москва, Курск, Брянск, Краснодар, Ростов-на-Дону, Таганрог, Новочеркасск, Шахты, Тихорецк, Кропоткин, Курганинск, Белореченск и др.), И вот уже три года, весной и осенью, писатели, музыканты, журналисты, члены МСПМ и Союз писателей России, Украины и Беларуси – желанные гости и в Зелёном театре Таганрога, и в средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях Таганрога и Некли-

новского р-на Ростовской обл., и в редакциях местных газет и журналов.

Международный союз писателей и мастеров искусств нашёл на донской земле много равнодушных горячих сердец и ежегодно прирастает новыми талантами – таганрожцами, неклиновцами, кубанцами, ростовчанами. В рамках проводимого в Российской Федерации в 2014 г. Года Культуры состоялось открытие отделения МСПМ в Южном федеральном округе (секретарь – Леонид Север), а в МСПМ были приняты 27 самых активных участников проекта «Берега дружбы». Литературные объединения «Чайка» (г. Таганрог), НЛО (г. Таганрог), «Степь» (Неклиновский р-н), «Родник» (г. Тихорецк), «Постижение» (г. Шахты) стали коллективными членами МСПМ. 2015 г. был не менее плодотворным – членами МСПМ стали ещё 36 представителей Ростовской области и Краснодарского края.

И как любая литература неразрывно связана со своим народом, так и о «Берегах дружбы» и МСПМ невозможно говорить отдельно от мероприятий, проводимых Белорусской и Украинской РНКА Ростовской области. Такие яркие, поистине народные праздники, как «День единения России и Беларуси» в г. Зернограде, «Купаловское лето на Дону» в станице Кагальницкой, «Шевченковская весна» в Ростове-на-Дону, уже трудно представить без участия МСПМ и «Берегов дружбы».

Усилиями «Берегов дружбы», соединёнными с доброй волей и поддержкой администрации Неклиновского района и руководства Белорусской РНКА Ростовской области к сентябрю 2014 г. в Неклиновском р-не РО оформилась и получила официальную регистрацию местная национально-культурная автономия (МНКА) «Белорусы Неклиновского района», а к маю 2015 г. был подписан договор об экономическом и культурном сотрудничестве между Неклиновским районом РО РФ и Гомельским районом Беларуси.

В 2015 г. гостем очередного Международного моста «Слово свету и миру основа» стал Владимир Анатольевич Некрасов – начальник Управления социально-политических коммуникаций Правительства Ростовской области, а в сентябре фестиваль национальных культур «Берега дружбы» стал местом проведения расширенного выездного консультативного заседания по межэтническим отношениям при Губернаторе Ростовской области.

В поэтическом сборнике «Ничего душе не надо, кроме родины и неба» внимательный читатель в разделе внеконкурсных стихотворений найдёт стихотворение поэта и переводчика Станислава Золотцева:

Россия пишет

Россия пишет стихи и прозу
В годину смуты, в чаду разрухи.
А всё про то же: и о берёзах,
И о свиданьях, и о разлуках.
Любого в мире сильней гипноза
Её словесность – а ей всё мало! –
Россия пишет стихи и прозу,
Как никогда ещё не писала.
В ином посёлке – ни баб тверёзых,
Ни мужиков не найдёшь тем паче.
Но – есть мальчишка: такую прозу
Он сочиняет, что черти плачут.
И есть девчонка: как жемчуг, нижег
Стихи, что мёртвых бы воскресили.
И знать не знает она, что движет
Её ручонкой сама Россия
Дождём кровавым исходят грозы
Над ней, но болью, глубинной самой,
Россия пишет стихи и прозу,
Как ни-ког-да ещё не писала!
О них и ведать ещё не может

Читатель русский в быту свинцовом.
Но день России недаром прожит,
Коль в нём возникло живое слово.
Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слёзы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.

Тревожные, но в то же время – удивительно светлые и обнадеживающие строки. Так уж выходит, что добрые помыслы включают некие тайные механизмы, вовлекающие в орбиту добрых дел всё новых участников. И, вопреки политическим мракобесам, сквозь расстояния и границы живое слово прозой и стихами, путеводной ниточкой переводов – продолжает служить средством векового общения культур и народов.

Н. В. Советная,
кандидат психологических наук,
член Союзов писателей России и Белоруссии
(г. Городок, Белоруссия)

МОСТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ: ПСКОВ – БЕЛАРУСЬ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

22 июля 2017 года делегация из Белоруссии, из г. Городка Витебской области, по приглашению Псковской Центральной библиотечной системы побывала на торжественном мероприятии «Поэзия – его судьба» (в рамках празднования Дня города) в филиале ЦБС Пскова Библиотека-Центр общения и информации (Юбилейная ул., 87а). Вечер был посвящён присвоению учреждению имени поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996), около десяти лет жившего и творившего в белорусском Городке. Решение об этом было принято псковскими парламентариями 10 февраля 2017 года.

Предложение о присвоении библиотеке г. Пскова имени поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева выдвинули участники Первой научно-литературной конференции «Слово. Отечество. Вера» (посвящённой 90-летию со дня рождения И. Григорьева), проходившей в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом) 25 ноября 2014 года. Инициативу поддержали: Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России, Совет ветеранов Санкт-Петербурга, коллектив Центральной библиотечной системы Пскова, Фонд памяти поэта, Союз писателей России и его псковское региональное отделение, Общественная палата РФ, Минское городское отделение Союза писателей Беларуси.

Работников и гостей библиотеки с таким событием от имени Главы Пскова И. Н. Цецерского поздравила депутат Псковской

городской думы по округу № 10 Елена Полонская: «В Центре общения и информации ведётся большая просветительская и патриотическая работа с жителями города, в том числе с молодёжью. И присвоение библиотеке имени творческого человека, воина и патриота, замечательного псковского поэта Игоря Григорьева придаст этой деятельности новый импульс».

Поздравительный адрес был вручён директору ЦБС Пскова Г. Н. Большаковой.

Ведущая мероприятия – директор Библиотеки-Центра общения и информации им. И. Григорьева Наталья Копаницкая – предоставила слово сыну поэта, Григорию Игоревичу Григорьеву, писателю, заслуженному врачу РФ, доктору медицинских наук, доктору богословских наук, профессору, священнику, настоятелю храма Рождества Иоанна Предтечи в д. Южки Ленинградской области, детство и юность которого тоже прошли в Беларуси – в г. Городке. Участники вечера услышали тёплые сыновьи слова воспоминаний об отце и строки стихов поэта, наполненные сердечной искренностью, пронзающей душу.

Гости из Беларуси: директор краеведческого музея г. Городка Витебской обл. Тамара Николаевна Иванова и зам. директора Культурно-просветительского центра города Ольга Александровна Иванова – вручили директору ЦБС г. Пскова Г. Н. Большаковой поздравительный адрес от председателя Городокского райисполкома П. П. Коробача.

Торжественно был подписан договор о сотрудничестве между Библиотекой-Центром общения и информации им. И. Григорьева и Культурно-просветительским центром г. Городка.

Старший научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), доктор филологических наук, профессор, писатель Алексей Маркович Любомудров подчеркнул значение глубокой философской лирики Игоря Григорьева для русской литературы и подарил библиотеке свои литературоведческие труды.

Председатель Санкт-Петербургского отделения СП России Борис Орлов и его заместитель, член Творческого Совета СП России Александр Скоков отметили как огромное значение для литературы и патриотического воспитания молодёжи поэтического творчества Игоря Николаевича, получившего университетское образование в Санкт-Петербурге и здесь же сделавшего первые шаги в большой литературе, так и важность присвоения библиотеке имени поэта и воина И. Григорьева, бескомпромиссного защитника Родины на всех рубежах: и военных, и нравственных, и духовных, сравнив псковский храм книги со сталинградским домом Павлова.

Псковские писатели Валерий Мухин и Владимир Васильев (Овчинников) поделились воспоминаниями о поэте, а Валентин Курбатов еще посетовал, что ныне в стране русское слово умирает, однако некоторые современные либеральные активисты рекомендуют забыть о классической литературе, вычеркнуть из школьной программы Достоевского, Льва Толстого...

Гостья из Москвы Ольга Золотцева, вдова поэта Станислава Золотцева, возглавившего Псковское отделение СП России в конце 90-х гг., автора книги об И. Григорьеве «Зажги вьюгу!», рассказала, как дружили писатели, как после смерти поэта создавалась эта книга.

Н. Копаницкая зачитала поздравительный адрес участникам мероприятия, полученный от исследователя творчества И. Григорьева кандидата психологических наук Дмитрия Войтюка из Новосибирска, в котором он подчеркнул значение изумительного, богатейшего литературного языка поэта.

Представитель Порховского краеведческого музея Н. И. Исакова преподнесла библиотеке книгу с докладами краеведческих чтений, среди которых опубликован доклад об И. Григорьеве, и пригласила принять участие во Всероссийской научно-практической конференции «XV Порховские краеведческие чтения» 29–30 сентября 2017 года.

Наталья Советная, председатель оргкомитета ежегодного Международного лирико-патриотического конкурса им. И. Григорьева, член СП России, СП Беларуси, СП Союзного государства отметила, что возрождение поэзии Игоря Григорьева через 20 лет после его ухода напоминает чудо, которое одновременно является закономерным явлением. Поэт в своих стихах сохранил для нас и наших потомков дивный русский язык, богатство которого не может иссякнуть, как бы ни старались уничтожить его недруги России. В то же время она подчеркнула, что Игорь Григорьев очень любил Белоруссию и белорусов, посвятил им многие стихи, активно занимался переводами белорусских авторов, в том числе Максима Танка, Нила Гилевича и др., на русский язык.

Следуя сложившейся традиции, Н. Советная вручила библиотеке книги: «Душа добру открыла двери» (составленной по результатам конкурса 2016 г.) и «Фразеологический словарь И. Григорьева» (составитель – новополотчанин А. П. Бесперстных, член СП России, СП Сюзного государства), изданные Фондом памяти И. Н. Григорьева.

В заключение торжественной части вечера «Поэзия – его судьба» организаторов поблагодарили растроганные внуки Игоря Николаевича Григорьева: старшая – Анастасия Купцова, врач-кардиолог клиники Военно-медицинской академии, приехавшая из Санкт-Петербурга вместе с детьми, и младшая – Дарья Рыбалтович, художник-дизайнер издающихся Фондом памяти И. Григорьева книг, прибывшая из Литвы.

В ходе мероприятия прозвучало много пронзительных стихов поэта И. Григорьева, в том числе в исполнении заведующего сектором методической работы культурного центра УМВД России по Псковской области, лауреата международных, всероссийских и областных конкурсов чтецов Владимира Иванова, и стихов гостей – Бориса Орлова, Валерия Мухина, Алексея Ахматова.

Во время мероприятия звучали песни на стихи Игоря Григорьева, работала фотовыставка выпускницы Псковского областного колледжа искусств имени Н. А. Римского-Корсакова Ольги Базылевой «Декорации умершего мира (уходящая деревня)».

После торжественной части гостям из Петербурга и Беларуси была предложена содержательная экскурсия по Псковскому кремлю, а также в Печоры и Изборск.

Напомним, поэт Игорь Григорьев родился 17 августа 1923 года в деревне Ситовичи Порховского уезда, среднюю школу окончил в Плюссе. Во время Великой Отечественной войны руководил молодёжной подпольной организацией, участвовал в партизанском движении, был разведчиком. Дважды контужен и дважды тяжело ранен. Награждён орденами и медалями. В 1954 году окончил Ленинградский государственный университет. В 1960-м вышла его первая книга – «Родимые дали». В ноябре 1967 года переехал в Псков, где создал первую на Псковщине писательскую организацию, которой и руководил в течение нескольких лет. Издано более 20 книг поэта.

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ И. Н. ГРИГОРЬЕВА

10 января 1946 г. появилась первая запись в инвентарной книге детской библиотеки № 1, которая располагалась в помещении городского Дома пионеров на Кузнецкой улице (в то время – ул. Н. Островского).

После централизации библиотечной системы города Пскова, с 1 декабря 1977 г., городская детская библиотека № 1 стала называться Детским отделом.

Заведующей библиотекой до 1983 г. была Кадима Марковна Яковлева. Коллектив библиотеки: старший библиотекарь абонемента – Любовь Никифоровна Старостина, старший библиотекарь читального зала – Галина Павловна Васильева и др. сотрудники. Библиотеку посещало около 3000 человек – дошкольники и учащиеся 1–8 классов. Книжный фонд насчитывал более 60 000 экземпляров.

В 1982 г. начала работать библиотека-филиал № 12 по Юбилейной улице, д. 81. Руководителями библиотеки были Т. Э. Круглова, Т. В. Цыганкова. Филиал работал до 1994 г.

С 1983 по июль 1987 г. Галина Васильевна Петрова была заместителем директора по работе с детьми и одновременно исполняла обязанности заведующей библиотекой.

28 июня 1989 г. Исполком народных депутатов городского совета принял решение № 402 о передаче для Центральной городской детской библиотеки централизованной библиотечной системы г. Пскова встроенно-пристроенного помещения на первом этаже строящегося жилого дома по адресу: Юбилейная ул., д. 87а.

20 августа 1994 г., согласно приказу Отдела культуры Администрации г. Пскова № 54, в связи с производственной необходимостью были ликвидированы библиотека-филиал № 12 и Детский отдел. Одновременно сформирована новая библиотечная структура, объединившая две библиотеки – Детский отдел и библиотеку-филиал №12.

С 21 августа 1994 г. по решению Отдела культуры Администрации г. Пскова № 67 по адресу Юбилейная ул., д. 87а была открыта Библиотека-Центр общения и информации детей и взрослых с функцией методического центра по организации работы с детьми.

С июня 1987 по июнь 2009 г. обязанности заместителя директора по работе с детьми и заведующей библиотекой исполняла Шумайсат Абдулаевна Смирнова.

У библиотеки существовала тесная связь с Центром дополнительного образования «Надежда» и его филиалами, что позволяло ей проводить различные общегородские мероприятия и выставки детского творчества, персональные выставки педагогов.

В 2000 г. совместно с Центром занятости населения г. Пскова библиотекой была разработана программа по профориентации «Становление». Как методический центр по работе с детьми библиотека выступала организатором тематических праздников Недели детской книги с участием известных писа-

телей – В. Берестова, Б. Алмазова, С. Махотина, В. Воскобойникова, Т. Ш. Крюковой и журналов – «Мурзилка», «Миша», «Клёпа», «Костёр» и др. Методическая работа производилась в тесной связи со школьными библиотеками – организовывались совместные семинары, консультации. Успешно работала программа «Растем вместе», разработанная совместно с методистами дошкольных учреждений и Управлением образования г. Пскова.

Библиотека стала настоящим центром общения для детей и взрослых большого микрорайона Завеличье.

С 2009 по 2014 г. заведующей библиотекой была Светлана Александровна Гавинская.

С 2014 г. заведующая библиотекой – Наталья Ивановна Копаницкая.

В 2015 г. библиотека разработала проект инновационного межведомственного взаимодействия с ФКУ УИИ УФСИН России по Псковской области «Шаг навстречу» по социальной реабилитации условно осужденных несовершеннолетних. В рамках проекта «Шаг навстречу» проводятся мероприятия культурно-просветительского цикла «Литературный кинозал».

Тогда же был разработан проект «Первые шаги: выбираем профессию вместе с библиотекой», в рамках которого для младших школьников, а также для учащихся среднего звена проводятся мероприятия и готовятся информационные ресурсы по современным профессиям. В рамках этого проекта создан и ежемесячно пополняется «Календарь профессий» на сайте ЦБС г. Пскова, а также регулярно создаются виртуальные выставки.

Партнеры библиотеки в организации и проведении мероприятий: школы, лицеи и детские сады Завеличенского района, Центр детского и юношеского туризма, Совет ветеранов микрорайона, Псковская городская общественная организация

ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов и др. организации и учреждения.

В 2016 г. в библиотеке было зарегистрировано 7 080 читателей, выдано 123 233 книги, количество посещений – 44 392, проведено 193 мероприятия.

На 1 января 2017 г. фонд библиотеки составлял 58 349 единиц.

В целях увековечения памяти псковского поэта Игоря Николаевича Григорьева, согласно решению Псковской городской думы № 2209 от 10 февраля 2017 г., Библиотеке-Центру общения и информации присвоено имя поэта И. Н. Григорьева.

Информация сайта <http://bibliopskov.ru/bcohistory.htm>.

Приложения

А. П. Бесперстых,
член Союзов писателей России
и Союзного государства
(г. Новополоцк, Белоруссия)

СРАВНЕНИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ
В ПРОЗЕ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА
(словарь)

Игорь Григорьев – настоящий
русский художник слова.
С. Золотцев

Условные сокращения

авт. – авторское
инд.-авт. – индивидуально-авторское
обл. – областное
мтф. – метафора
поэт. – поэтическое
устар. – устаревшее
прост. – просторечное

А В Т О М А Т

Без ложки КАК БЕЗ АВТОМАТА. *Нельзя обойтись.* – Снимай амуницию и фуфайку, садись за стол. Валентина, дай парную ломоть хлеба. А ложка у партизана всегда при себе, – сказал начальник разведки. – Это точно: **без ложки** нынче, **как без автомата**, Иван Васильевич. Не смею отказаться от приглашения. В сё перемелется.

Б О Ч К А

Животище КАК БОЧКА (*прост.*). *О толстом животе.* [Майор:] Вещий, обещающий удачу сон. Я будто Геринг. **Животище, как бочка**, рот до ушей... Чёрные дни.

Переть КАК ОТ БОЧКИ ВИННОЙ. *От кого-л. сильно пахнет винным перегаром.* [Матрёна Никаноровна:] Как сейчас помню: плешатые в очках, а водкой-то от них **как от бочки винной прёт**. Один рыжий весь прерыжий, в лапищи пистулина, на поясе бонбища огромная, того и гляди резнет, а уж харя, такая-то разбойничья! Там же.

Б Р Е В Н О

Толстая КАК БРЕВНО. *Очень толстая.* Из воды вывернулось плоское чёрное рыло. Батюшки-светы! Вот это было так да: грома-адная, **толстая, как бревно**, щучища! П е р в а я щ у к а.

В З Д Р О Г Н У Т Ь

Ночь БУДТО ВЗДРОГНУЛА. // *Мтф. О произошедшем изменении.* **Ночь будто вздрогнула** и стала редеть, сереть, желтеть, розоветь... Д у п л е т.

В О Д А

КАК В ВОДУ КАНУЛИ. *Бесследно исчезли.* [Гурий:] Илья Абрамович, от командира ничего не слышно? [Молот:] **Как в воду канули.** Чёрные дни.

КАК С ГУСЯ ВОДА *с кого. Ничто не волнует, не трогает кого-л.* [Доктор:] С меня **как с гуся вода**, но государственные бумаги могут пострадать. Там же.

В О Л Н А

Вскипать КАК ВОЛНА. // *Мтф. Нарастая, доходить до крайнего предела (о чувстве гнева).* Ваня берёт гармошку (играет и поёт): «Пусть ярость благородная **Вскипает, как волна...**». Чёрные дни (*в цит.*).

В О Л Ч О Н О К

Подведённые КАК У ВОЛЧАТ. *О животах, отощавших от голода.* Загороженные от зорких рыбьих глаз частым лозняком, закрапивленные, **с подведёнными, как у волчат**, животами, уже с полсуток сидим мы на глухом Митькином виру и удим головлей. П е р в а я щ у к а.

В Р А Г

Сишбаться КАК ВРАГИ В РУКОПАШНОЙ СХВАТКЕ (*авт.*). *Вести себя безрассудно.* Противники [тетерева] ходят по кругу, выискивая слабое место, чтобы клюнуть наверняка, то напирают один на другого, как захмелевшие приятели, то, враг стервенея, **сишбаются, как враги в рукопашной схватке.** Д у п л е т. **Сишбаться** (*прост.*) – сражаться, бороться.

В Ы М Е Р Е Т Ь

Хозяева КАК ВЫМЕРЛИ. *Никого нет.* Много сотен раз обдирал я в подводных норах руки. <...> В рачьих апартаментах – пустым-пусто: **хозяева как вымерли.** Р а к и.

Г В О З Д Ь

Притягивать КАК ГВОЗДЬ К МАГНИТУ. *Привлекать с большой силой, произвольно.* Константин Константинович

Лапин, учитель химии и биологии, наш строгий и благородный «Кассин Кассинович». Высокий, костлявый, лысый, горбоносый и большеротый человек этот светился светом, который может излучать лишь чистая неподкупная совесть. Меня к нему *притягивало, как гвоздь к магниту*. Всё перемелется.

ГРАД

Сытаться КАК ГРАД. В большом количестве. [Доктор:] Сгибаешься под непосильным бременем, а он там блаженствует. [Унтер-офицер:] Какое там блаженство, когда бомбы *как град сыплются*, господин штабс-врач. Чёрные дни.

ГУМНО

ПОХОЖИЙ НА ГУМНО пятистенок. Об большом доме. Большенный, *похожий на гумно пятистенок* деда стоял в полуверсте от деревни, на самом краю леса, именуемого Клин. От Клина – древнего драгоценного дара природы, разросшегося на двадцать квадратных вёрст, – теперь остались рожки да ножки. Всё перемелется. *Гумно* – помещение, сарай для сжатого хлеба.

ДАР

Любовь КАК БОЖИЙ ДАР. Данная Богом. Оккупация – это свои люди сами не свои, чужеземцы вокруг и около, анабиоз жизни, полицаи, подпольщики, есть очень хочется, но ещё пуще жаждется жить. И заново нарождающаяся, поправная, но бессмертная вера в Бога, и, *как Божий дар, любовь* к Отечеству и свободе с надеждой на спасение и Победу. Всё перемелется.

ДЕНЬ

Пробыть КАК ОДИН ДЕНЬ. Ровно. Игорь Григорьев пришел в Плюсскую местную комендатуру, что располагалась на

Крестьянской улице в бывшем Доме крестьянина, и стал переводчиком. На этом горячем и рисковом месте разведчик *пробыл до 11 июня 1943 года – три месяца, как один день*. Огненный круг.

ДУБ

Один КАК ДУБ В ШИРОКОМ ПОЛЕ (инд.-авт.). Имеющий мало общего с окружающими, чуждый им, далёкий от них. [Ползунов:] Мне и самому не мешает в укромное местечко забраться, не ровен час, вдруг доберутся! Ведь несдобровать! *Один, как дуб в широком поле!* От немцев помощи ждать не стоит, им не до меня, нос боятся высунуть. Ну да Бог милостив, авось ничего. Чёрные дни.

ДУМАТЬ

Говорить КАК БЫ ДУМАЯ ВСЛУХ. Размышлять (о судьбе героя). Услышав от меня стихи слабые или злые, Александра Анатольевна грустно утверждала: – Конь вышел из борозды. Она смахивала нечаянную слезу, гладила мою голову, вздыхала и, *как бы думая вслух*, тихо *говорила*: Боязно за тебя, сорвиголовушка! – и, помолчав, добавляла: – Спаси тебя Христос! Всё перемелется.

ДУША

Дорожить КАК ЧАСТЬЮ ДУШИ кого. Очень дорожить (стихотворением). ...я помню любимое детище Николая Григорьева и *дорожу* им [стихотворением] *как частью души* близкого и родного мне человека, поэта, которому не улыбнулась Муза. Всё перемелется.

ЖДАТЬ

БУДТО ТОГО И ЖДАЛИ. Были наготове. Не помня себя от обиды и гнева, Игорь вскочил на ноги и бросился па обидчи-

ка. Борис с Фридрихом **будто того и ждали**. Они свалили немца наземь, спихнули в ручей и насели на захватчика все разом. **Огненный круг**.

ЖЕЛЕЗО

Тяжёлая КАК ЖЕЛЕЗО. *О душе.* [Николай:] Ты мой близкий друг, и дружим мы давно, но не могу я разобраться в твоей вогнуто-выпуклой душе. Две их у тебя, что ли, или ни одной? [Гурий:] Не знаю, но лёгкая, как пух, и **тяжёлая, как железо**. Она витает в облаках и одновременно мучается в бездне. **Чёрные дни**.

ЖИВОЙ

Стоять перед глазами КАК ЖИВОЙ. *Возникать в памяти во всех подробностях.* Прошло много лет, и хотя **перед глазами, как живые, стоят** многие события того незабываемого времени, однако все реже и реже они приходят на ум, так как нет для памяти толчка извне. **Огненный круг** (в цит.).

ЖИЗНЬ

Любить КАК ЖИЗНЬ. *Очень любить.* [Майор:] Дорогой сердцу край – осуществитель моей мечты, я навеки с тобой, навсегда останусь здесь, потому что **люблю** тебя, **как жизнь!** **Чёрные дни**.

ЗАЯЦ

Исчезать СЛОВНО ХИТРЫЙ ЗАЯЦ (авт.). *Быстро или незаметно пропадать.* [Майор:] Как долго я ждал [этого богатства], всю жизнь стремился к нему, но оно, **словно хитрый заяц, исчезало**, напетляв. **Чёрные дни**.

ЗВЕРЬ

Рявкать БУДТО УСТЁГНУТЫЙ ЗВЕРЬ (авт.) // Мтф.

О ветре. Ветер то утихал, то наскакивал с какой-то отрешённой злостью, и тогда покорные вековухи-ели **рявкали, будто устёгнутые звери**, кланялись ветру, как богомольные черницы. **Раки. Устёгнутый** (обл.) – от глаг. *устегнуть* – убежать.

Укрыться КАК СТРЕЛЯНЫЙ ДИКИЙ ЗВЕРЬ (авт.). *Надёжно спрятаться.* Немцы шли развернутой цепью и стреляли в лежащих партизан. Нет, лежать было негоже! Я поднялся на локтях, поднатужился и прыгнул. Потом сделал второй прыжок, третий... То на руках, то катясь к спасительному лесу, подобно деревянному кругляшу, вскакивая на здоровую ногу, падая, подымаясь, скрипя зубами от боли и моля Бога о спасении, я пробивался к чащобе, чтобы **укрыться** там, **как стреляный дикий зверь**. Всё перемелется.

Скрываться ПОДОБНО ДИКОМУ ЗВЕРЮ (инд.-авт.). *Прятаться, укрываться от кого-л.* [Командир:] Народ назвал тебя «народным мстителем», а ты, подобно немцу *занимаешься* мародерством... Во имя чего ты, **подобно дикому зверю, скрываешься** в этом дремучем лесу, для чего кормишь вшей, для чего стынешь на сырой земле, мокнешь под дождем и снегом, коченеешь в зимнюю стужу, паришься в летний зной, не разуваясь, не раздеваясь по два, по три месяца; во имя кого ты переносишь голод и, забыв, что такое опасность и смерть, рискуешь своей восемнадцатилетней жизнью? **Чёрные дни**.

ИЗВИНЯТЬСЯ

Вилять хвостом БУДТО ИЗВИНЯТЬСЯ. *О собаке: чувствовать себя виноватой.* Иду на лай и вижу разрытую кучу хвороста и очень крупного хоря, лежащего на снегу. Полаз виновато **виляет хвостом, будто извиняется**: добыть добыл, а принести не мог – больно духат бродяга. Ты уж не обессудь, хозяин. Всё перемелется. **Духатый** – сильно пахнущий.

КАПЛЯ

Похожа КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ на кого. *С трудом раз-*

личима. Ростом, статью и обликом светлейшая Александра Анатольевна **как две капли воды** была *похожа* на своего славного пращура. Тот же крупный нос с породистой горбинкой, тот же всё понимающий открытый взгляд, то же грустное вдохновенное чело. Всё перемелется.

КАПУСТА

Порубить КАК КАПУСТУ. *Уничтожить, разбить наголову.* [Связной:] Ну мы и дали звону! Пять станкачей у нас было, да двадцать шесть ручных, да около двухсот автоматов, ну-ка, как всё это заиграло! Сначала немцы встали, непонятно им, что это такое, а потом как пустились бежать! Поле чистое, деться некуда. Эх! **Как капусту** мы их *порубили!* Всё они бросили! Тринадцать миномётов, девяносто пулемётов, весь обоз с продуктами и другим барахлом: ну там патроны, мины, сумки мы тогда захватили. Около шестидесяти лошадей. Чёрные дни.

КОШКА

СЛОВНО КОШКИ скребут (на сердце). *О состоянии душевного беспокойства.* [Молот:] Значит, двадцатого вернешься. [Командир:] Двадцатого непременно. [Молот:] Ой, Лев Сильч, чувствует мое сердце что-то неладное, **словно кошки там скребут**, беды не было бы. Чёрные дни.

КРУГЛЯШ

Катится ПОДОБНО КРУГЛЯШУ. *Катясь, переместиться из одного места в другое.* Немцы шли развернутой цепью и стреляли в лежащих партизан. Нет, лежать было негоже! Я поднялся на локтях, поднатужился и прыгнул. Потом сделал второй прыжок, третий... То на руках, то *катясь* к спасительному лесу, **подобно** деревянному **кругляшу**, вскакивая на здоровую ногу, падая, подымаясь, скрипя зубами от боли и моля Бога о спасении, я пробивался к чащобе, чтобы укрыться там, как стреляный дикий зверь. Всё перемелется.

ЛАДОНЬ

Крупный КАК МУЖИЧЬЯ ЛАДОНЬ. *Большого размера.* Раков тут было множество, **крупных** и ухватистых, **как мужичьи ладони** и зленных, что цепные собаки. Раки и.

Ухватистый КАК МУЖИЧЬЯ ЛАДОНЬ (прост). // Мтф. Ловкий, проворный. Там же.

КАК НА ЛАДОНИ. *Отчётливо видно.* По старой памяти друзья пристали к берегу, вышли из лодки и отправились в молодой сосняк, разросшийся перед «собачником»: немцам не углядеть, а самим из-за деревьев вся округа – **как на ладони.** Огненный круг.

ЛОШАДЬ

Силён КАК ЛОШАДЬ. *Обладающий большой физической силой.* [Майор:] Каков денщик? [Лейтенант:] Завидую вам. Кукла, не солдат. **Силён, как лошадь**, мыслить не умеет. Это для вас самое главное, господин майор. Чёрные дни.

ЛУНЬ

Белый КАК ЛУНЬ. *Совершенно седой.* [Гурий:] Несчастный отец! В пять минут весь **белый** сделался, **как лунь**, в дряхлого старика превратился. Чёрные дни.

ЛУЧ

Прямой КАК ЛУЧ. *Ровно вытянутый в каком-л. направлении, без изгибов.* Мы осторожно пробирались сырой, почти нехоженой, **прямой, как** тёмно-зелёный **луч**, тропой. Тётя Душа.

ЛЮБОВЬ

Вздыхать КАК О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ. *Тосковать, горевать, грустить (о хуторе).* Моё детство и отрочество в Ситовичах были окружены любящими и любимыми людьми и благодатной природой. И с хутором я расста-

вался горестно. Да, если признаться, я и ныне не перестал *вздыхать* о нём, **как о** минувшей **первой любви**. В сё перемелется.

МАТЬ

ПОХОЖ НА МАТЬ. *О дядюшке, напоминающей мать.* [Лена:] Вы, дядюшка, очень **на мать похожи**: и разговор, и глаза, и рот. Чёрные дни.

МОРЩИНЫ

Разгладить КАК МОРЩИНЫ НА ЧЕЛЕ. *Распрямить, сделать гладким, уничтожить складки на чём-л.* Лесник бережно, **как морщины на челе** дорогого существа, **разгладил** сгибы «одновёрстки». Раки.

МРАМОРНЫЙ

Лоб БУДТО МРАМОРНЫЙ. *Белый, гладкий.* Когда мне горестно, когда на душу найдёт разлад и сам себе готов стать чужим, выплывает вдруг из житейского тумана светозарный облик невысокой тонкой женщины с моложавым лицом, притягивающим и всё разумеющим синим взглядом, с белоснежной чёлкой на прекрасном, **будто мраморном, лбу**. И потеплеет на душе, и устыдишься себя, и покаешься, «в чём был и не был виноват»: – Простите меня, дорогая Антонина Алексеевна! В сё перемелется.

НАВАЖДЕНИЕ

КАК НАВАЖДЕНИЕ. *О том, что производит ошеломляющее или пугающее впечатление.* Нас экзаменует сам академик Мещанинов. Я взял билет и света Божьего не взвидел: первый и второй вопросы как вопросы, а третий, **как наваждение**: «Критика товарищем Сталиным теории Мещанинова». В сё перемелется.

НАГРАДА

Тишина КАК НАГРАДА. *Вознаграждение за что-л.* Хорошо творить ночью: ты наедине сам с собой, мысли чёткие, слова значимы, крепкий чай, **как награда, тишина** и тьма за окнами полна смысла, и трижды каждую ночь – концерт певней. В сё перемелется.

Необъятный СЛОВНО НЕБО. *Очень большой, необозримый.* [Николай:] Моё село у самого берега раскинулось, в садах утонуло. Листья шепчутся, Волга плещет, **словно небо**, синяя и **необъятная!** Чёрные дни.

Синий СЛОВНО НЕБО. Там же.

Разгорается ток СЛОВНО СОСТЯЗАЯСЬ С НЕБОМ (авт.). // Мтф. А рассвет не ждёт: разгорается, струится, растекается по сторонам. И, **словно состязаясь с небом, разгорается ток.** Ду плет.

НЕВЗНАЧАЙ

БУДТО НЕВЗНАЧАЙ. *Нечаянно.* [Ползунов:] Ну иди, иди. Я двери за тобой запру... Ты там ему, доктору, и про меня словечко вверни, **будто невзначай.** Дескать, так и так, дядюшка у меня, ну и тому подобное, а сама то к нему, к нему. Жмись и говори, обнимай и говори, целуй и говори. Дескать, бедные, дом мал, все делаем сами, ну и так далее. А как заберёт его хмель, ты – не пойдете ль на встречу, господин любезный, да к нему, да к нему! А если он того, так ты уж того, не возбраняйся. Чёрные дни.

НЕМЕЦ

Заниматься мародёрством ПОДОБНО НЕМЦУ. *Грабить население в районе военных действий.* [Командир:] Народ назвал тебя «народным мстителем», а ты, **подобно немцу, занимаешься мародёрством...** Во имя чего ты, подобно дикому зверю, скрываешься в этом дремучем лесу, для чего

кормишь вшей, для чего стынешь на сырой земле, мокнешь под дождем и снегом, коченеешь в зимнюю стужу, паришься в летний зной, не разуваясь, не раздеваясь по два, по три месяца; во имя кого ты переносишь голод и, забыв, что такое опасность и смерть, рискуешь своей восемнадцатилетней жизнью? Чёрные дни.

НЕПЛАТЕЛЬЩИК

Вылететь из школы КАК ЗЛОСТНЫЙ НЕПЛАТЕЛЬЩИК. Быть исключённым за неуплату. А тут новая денежная напасть: сто пятьдесят целковых в год со школьника – плата за обучение. Денег этих, видит Бог, у моего отца не было и быть не могло. И **вылетел бы я из школы как злостный неплательщик**, когда бы не выручил мой славный Кассин Кассиныч. В сё перемелется.

НЕПОГОДЬЕ (обл.)

Стонать СЛОВНО ЖАЛУЯСЬ НА НЕПОГОДЬЕ (авт.). // Мтф. О елях. Потом, когда порыв хлестучего вихоря проносился, они [ели] глухо **стонали, словно жалуясь на непогодье...** Раки.

НИКТО

Расчистить КАК НИКТО И НИКОГДА. Целиком и полностью. [Капитан:] Нам нужен простор и мы его получим. (Вперила взгляд в лейтенанта.). **Расчистим, как никто и никогда:** огнём и мечом... Чёрные дни.

ОБУХ

Ударило БУДТО ОБУХОМ. Очень сильно. Танк горел. Игорь пробежал шагов десять. Вдруг в нескольких метрах разорвался снаряд. Что-то **ударило** разведчика в правую лопатку, **будто обухом.** Огненный круг.

ОДЕРЖИМЫЙ

Сишбаться КАК ОДЕРЖИМЫЙ. Яростно; отчаянно. Загрозив, зашепелявив, обменявшись бранью, они [тетерева] **как одержимые сишбаются.** Закипает бой! Ду-плет.

ОТЕЦ

Почитать КАК ОТЦА. Очень уважать, дорожить кем-л. ...Тимофей Иванович Егоров стал мне близким другом на всю жизнь. И я никогда не разлюблю этого замечательного человека. Никогда. Я **почитал** его **как отца.** В сё перемелется.

ПЕЧКА

Устроиться КАК НА ПЕЧКЕ. Удобно, комфортно. Под густой елью, на подстилке из хвойного лапника мы **устроились, как на** доброй русской **печке.** В сё перемелется.

Накалиться КАК ПЕЧКА. Стать горячей. [Николай (тихо, в полузабытьи:)] Волга широкая! Простор, раздолье! Плещут и шепчут бархатные волны, в каждом гребешке солнце, а на горе – село в садах утонуло, в лучах купается. Хорошо в такой день работать: спина **накалилась, как печка,** почернела, как чугуна. Чёрные дни.

ПОМЕШАННЫЙ

КАК ПОМЕШАННЫЙ. Находиться в состоянии нервного потрясения. [Гурий (подходя к Ване):] Что с тобою Ваня? Что с тобою дружище? [Ваня (непонимающе смотрит на Гурия):] Ах, оставьте меня! Уйдите! [Гурий (садится рядом с Ваней):] Да что с тобою? Ты **как помешанный.** (Ваня встаёт и молча уходит с опущенной головой.) Чёрные дни.

ПОЦЕЛУЙ

КАК ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ С ЛЮБИМОЙ. Волнующе,

приятно. 2 сентября 1956 года (когда мне стукнуло тридцать три) псковская областная газета напечатала три моих лирических наброска. И это было, **как первый поцелуй с любимой.** Всё перемелется.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

КАК ДОБРОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ. *О явлении, предвещающем что-л. хорошее.* 12 августа 1943 года, ровно в 14 часов по вокзальным часам, мы с братом Львом перешли железную дорогу и по Болотной улице поспешили к минному полю. Навстречу нам, **как доброе предзнаменование,** шла Раиса Воронцова. Всё перемелется.

ПРИРОДА

Естественно КАК ПРИРОДА. *Непринуждённо.* Сейчас я живу так же полно и **естественно, как природа...** Та и н с т в о.

ПРИЯТЕЛЬ

КАК ЗАХМЕЛЕВШИЕ ПРИЯТЕЛИ. *Вести себя безрассудно.* Противники [тетерева] ходят по кругу, выискивая слабое место, чтобы клюнуть наверняка, то нападают один на другого, **как захмелевшие приятели,** то, враз стервенея, сшибаются, как враги в рукопашной схватке. Дуплет.

ПРОТОДИАКОН

Гаркнуть БУДТО БАСИЛО-ПРОТОДИАКОН (*авт.*). Очень громко. Иной – как **гаркнет, будто басило-протодиакон** на молебне: ночь шарахнется, темень будто поредеет, сердце взрадуется! Всё перемелется. **Басило** (*обл.*) – бас.

ПУХ

Лёгкая КАК ПУХ. *О душе.* [Николай:] Ты мой близкий друг,

и дружим мы давно, но не могу я разобраться в твоей вогнуто-выпуклой душе. Две их у тебя, что ли, или ни одной? [Гурий:] Не знаю, но **лёгкая, как пух,** и тяжёлая, как железо. Она витает в облаках и одновременно мучается в бездне. Чёрные дни.

РАВНЫЙ

Принять КАК РАВНЫХ. *Пользоваться такими же правами, как и другие.* Партизанские старожилы встретили меня и Льва дружелюбно и сразу **приняли как равных.** Всё перемелется.

РАНЬШЕ

Вести себя КАК РАНЬШЕ. *По-прежнему.* – О связанном не беспокойся. Найдёт. А делать – ничего особенного: **веди себя, как раньше.** Чтобы никто ничего не заподозрил. Пойдём, провожу до развилки. – Крупно шагая в тёмном лесу, начальник разведки наставлял: – В случае чего обращайся к Валентине, она найдёт нас... Огненный круг.

РЕБЁНОК

Кричать КАК МАЛЕНЬКИЙ РЕБЁНОК. *Вести себя шаловливо.* [Нина (улыбается):] Поздравь нас, господин доктор, с успехом. [Лена:] Тише ты. [Нина:] Мне весело, хочу петь, хочу, как маленький ребёнок, кричать... Приговор мостику подписан. Чёрные дни.

РЕКА

Течь КАК РЕКА. *О жизни.* И жизнь, **как река, течёт** в сизую даль, навстречу заре (дай Бог, не последней!), решительно и бесповоротно выпрямляет пути свои, оставляет прежнее извилистое русло старицами зарастать и заболачиваться. Д ó м а.

ЛИТЬСЯ РЕКОЙ. *Обильно.* Вокруг драчунов носился

белый пух, на земле валялись выдранные перья, из шикарных петушиных гребней **лилась** кровь только что не **рекой**. Словом, шёл самый что ни есть решительный бой. Всё перемелется.

РОСА

Прозрачная Как роса. *Очень светлая, чистая.* В ручье бежала прозрачная, как роса, родниковая водица и водилась прекрасная форель, второе имя которой ей больше соответствовало – красуля. Позднее я вылавливал её десятками. Всё перемелется.

РУКА

КАК БЕЗ РУК без кого. *Совсем беспомощен.* Мама считает меня мальчишкой и жалеет до самозабвения. Я обожаю ее и, целуя дорогую седую головушку и золотые рученьки, уверяю себя и вас: «Без матушки **как без рук!**». Всё перемелется.

РУПОР

РУПОРОМ. // *Мтф.* *О лесе.* Молкнет, хоронится ночью Живность дневная окрест, Воплю лешажьему волчью – **Рупором** выстывший лес. Омуты.

РУЧЕЁК

Течь КАК РУЧЕЁК. *О мелодии.* **Течёт** она, эта мелодия, **как ручеёк**, полнозвучно, посверкивая на солнышке, естественно и так вдохновенно, что мне до сладкой муки хочется стать поэтом – запеть, чтобы всего себя выразить! Хоть как! **Та и н с т в о.**

РУЧЬ ИШКО

Робкий КАК РУЧЬИШКО. // *Мтф.* *О ветре.* К чему тебе печной дымишко, Росинки всхлип, петушья весть И ветрик, **робкий, как ручьишко**, Когда больше не счесть, И до за-

ката так далёко, А даль от глаз твоих – на шаг... **С в о и ш а г и.**
Ветрик (*обл.*) – ветер.

РЫБА

Немой КАК РЫБА. *Не произносить ни слова.* [Капитан (сидится):] Уф! (Вытирает пот на лице) Теперь идите домой, господин Ползунов, и если хоть одно слово вырвется из ваших уст о здесь увиденном, то судьба ваша будет тождественна судьбе господина партизана. Понятно? [Ползунов:] Да что вы, господин капитан! Да как можно! Видит бог – буду **нем, как рыба!** Чёрные дни.

САДОК

КАК В САДКЕ. *Очень много.* Рыбы тут, **как в садке**, а удильщиков – никого. **Первая щука.**

САРАЙ

ПОХОЖИЙ НА САРАЙ. *О доме.* В три часа ночи разведчики спешили и подошли к большому, **похожему на сарай**, дому. Огненный круг.

СГОВОРИТЬСЯ

КАК СГОВОРИЛИСЬ. *Все без исключения; единодушно.* Это была неудачная рыбалка. <...> Щуки **как сговорились** – хоть бы одна поклёвка. **Поделом.**

СЕЙЧАС

КАК СЕЙЧАС помню. *Отчётливо.* [Матрёна Никанорвна:] **Как сейчас помню:** плешатые в очках, а водкой-то от них как от бочки винной прёт. Один рыжий весь прерывистый, в лапищи пистулина, на поясе бонбища огромная, того и гляди резнет, а уж харя, такая-то разбойничья! Чёрные дни.

СЕМЬЯ

Жить БУДТО БОЛЬШАЯ ЛАДНАЯ СЕМЬЯ (авт.). Дружно, согласно. Почти все плюссичи знали друг друга и относились один к другому доверчиво и доброжелательно, по-русски простецки и задушевно. Разные у всех были характеры и судьбы, но добрые люди умудрялись *жить в мире и согласии, будто большая ладная семья*. Всё перемелется.

СИВЕРКО

Сотрясать КАК СИВЕРКО ОСИНКИ (авт.). О щуке. Ухватившись за шнур, мы что было силы потянули к себе. Тот, на другом конце кукана, окатывал нас брызгами, *сотрясал, как сиверко осинки*, водил по берегу и безжалостно тянул, тянул, тянул. Первая щука. **Сиверко** – о холодной ветреной погоде.

СКАЛА

Любовь КАК НЕРУШИМАЯ СКАЛА. Очень крепкая. [Николай:] Вера покраснелась вся, да ко мне на шею, прямо на гулянке, при всех: – Коля! Милый ты мой! – и смеётся, и плачет, и целует меня... – Люблю, говорит, люблю, родной. Ты иди, громи чуму лютую, смелым будь, в моей же любви не сомневайся: она, **как нерушимая скала...** Чёрные дни.

СКРЯГА

Влюблённый КАК СКРЯГА В ЗЛАТО. Очень. Степан Федорович Клёмин, конюх, *влюбленный* в лошадей, **как скряга в золото**. Всё перемелется.

СЛЕЗА

Чистое КАК МАТЕРИНСКАЯ СЛЕЗА. Об озере. На пологом каменистом берегу *чистого, как материнская слеза*, и ласкового будто улыбка ребёнка, Севского озера, у высокой горы Небо, с незапамятных времён жило неприметное псковское село Сево. Тётя Душа.

СЛУЧИТЬСЯ

Спать КАК БУДТО НИЧЕГО И НЕ СЛУЧИЛОСЬ. Крепко спать. [Нина (останавливаясь в дверях:)] Так и есть, даже дверь забыл запереть! И Лены нет. Что делать? (Подходит к командиру.) **Спит, как будто ничего и не случилось**. (Трясет командира за руку.) Лев Сильч, проснитесь! Чёрные дни.

СЛЫШАТЬ

БУДТО НЕ СЛЫШАЛИ. Намеренно не реагируют на слова или обращение. – Товарищ капитан, дяденька начальник, не надо! Пожалейте дедушку. Он совсем старый и никому не сделал никакого зла! Но меня **будто не слышали**. Всё перемелется.

СОБАКА

Злые ЧТО ЦЕПНЫЕ СОБАКИ (прост.). Очень злые (о раках).. Раков тут было множество, крупных и хватистых, как мужичьи ладони и зленных, **что цепные собаки**. Раки. **Зленный** (прост.) – очень злой.

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Засвистеть КАК СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (нар.-поэт.). Громко, пронзительно. Мальчишка заложил в рот толстые бурые пальцы и **засвистел, как Соловей-разбойник**. Дóма.

СТАЛЬ

Проблёскивать калёной сталью. Об омуте. Сегодня, на середине когда-то пятисаженного Митькина вира, мои внучата, не замочив штанишек, раков ловят, а там, где в бытность мою отроческую резвый ветер гонял пёстрые волны в могучем разнотравье, теперь **калёной сталью проблёскивает** омутина, логово водяных тигриц – щук. Дóма.

СТАЯ

Сбиться в кучу КАК СТАЯ ВОРОН. *О немцах.* Немцы не сопротивлялись. **Сбились в кучу, как стая ворон.** Молчали. Да и кому тут было сопротивляться? О г н е н н ы й к р у г.

СТРЕЛА

Прямая КАК СТРЕЛА. *О дороге: ровно вытянутая, без изгибов.* Свидание с отцом было коротким. Мы дошли до расстаней за деревней Тушиново. Отсюда начиналась дорога на Лышницы – **прямая, как стрела,** на все семь километров. В с ё п е р е м е л е т с я.

СТРУНА

Натянута КАК ТУГАЯ СТРУНА. *О стёжке: ровная.* И вся она, эта едва ощутимая в буйнотравье стёжка **натянута как тугая струна...** Т ё т я Д у ш а.

ТЕСТО

Разбухнуть КАК ТЕСТО НА ДРОЖЖАХ. *О болоте.* Сухое болото налилось водой, **разбухло, как тесто на дрожжах,** запузырилось и стало грязным озером. Р а к и.

УЛЫБКА

Ласковое БУДТО УЛЫБКА РЕБЁНКА. // Мтф. *Об озере.* На пологом каменистом берегу чистого, как материнская слеза, и **ласкового, будто улыбка ребёнка,** Севского озера, у высокой горы Небо, с незапамятных времён жило неприметное псковское село Сево. Т ё т я Д у ш а.

ФОНАРЬ

ПОХОЖА НА ЗАЖЖЁННЫЙ ФОНАРЬ (авт.). *О яркой шаровой молнии.* Огненная штука проплыла в двух шагах от нас.

Она и впрямь была **похожа на зажженный фонарь** «летучая мышь». Контур ее были размазанными, нечеткими, матово-красно-лилового цвета. В с ё п е р е м е л е т с я.

ХРИСТОС

Жить КАК У ХРИСТА ЗА ПАЗУХОЙ. *Беззаботно, вольготно.* Ленинград никогда не был мне домом. И теперь, на целых десять лет, я обрёл пристанище в белорусском городе Городке под Витебском. В собственном доме «бати Васи» – моего тестя Василия Захарова – мне **жило, как у Христа за пазухой.** В с ё п е р е м е л е т с я.

ЧЕРНИЦА

Кланялись КАК БОГОМОЛЬНЫЕ ЧЕРНИЦЫ. // Мтф. *Сгибались(о елях).* Ветер то утихал, то наскакивал с какой-то отрешённой злостью, и тогда покорные вековухи-ели рявкали, будто устёгнутые звери, **кланялись ветру, как богомольные черницы.** Р а к и. **Черница** (устар.) – монахиня.

ЧЁРТ

Работай КАК ЧЁРТ (прост.). *Очень много, упорно.* **Работай как чёрт,** жми на стихи. И знай, что это тебе не бирюльки, а жизнь и кровь, душа и мясо. Пиши, пиши, пиши! П и с ь м о Э. М. Жемлиханову от 26 марта 1969 г.

ЧУГУН

Почернела КАК ЧУГУН. *О загоревшей спине.* [Николай (тихо, в полузабытьи:)] Волга широкая! Простор, раздолье! Плещут и шепчут бархатные волны, в каждом гребешке солнце, а на горе – село в садах утонуло, в лучах купается. Хорошо в такой день работать: спина накалилась, как печка, **почернела, как чугуна.** Ч ё р н ы е д н и.

ЯРОСТЬ

Бессильны КАК ЗВЕРИНАЯ ЯРОСТЬ (авт.). О фашистах. [Капитан (задыхаясь от злобы):] Берегись ты! Позавидуешь мёртвым. Трепещи! [Лена:] Это все, что вы можете сделать. Вы бессильны подлые убийцы? **Бессильны, как** и ваша **звериная ярость**. Чёрные дни.

И. Я. Панченко,

член Союза писателей России

(г. Псков)

ВЕТРЫ НАДЕЖДЫ

(Отрывок из автобиографической повести)

Ранним утром грузовичок, нагруженный моим домашним скарбом, отправился в путешествие за тридцать земель. Триста вёрст – путь не короткий. Водитель вежливо предложил мне место в кабине, но я отказалась. Как могу оставить без попечения свои любимые горшки с цветами – вдруг опрокинутся! Да и коробки с книгами, поставленные одна на другую, могли ненароком слететь – поди потом, собери их!

Мой узкий диванчик удобно расположился за спинкой кабины, погода была как по заказу – солнечная, с лёгким ветерком, который мягко обнимал меня, когда я сидела на диване, и шаловливо трепал мои выбившиеся из-под заколок кудри, когда я, став коленями на диван, смотрела на дорогу, пересчитывая столбы и вбирая в себя ветер странствий.

Всё! Закончился очередной этап моей жизни, почему-то она с непонятным постоянством делает свои развороты каждые четыре года. Да не всё ли равно! Впереди у меня новый город, в который я уже влюблена после двух встреч с ним, кратковременных, но памятных.

Первая встреча состоялась ещё в начале 60-х годов, когда автобус с нашей учительской группой, по дороге на экскурсию в Ленинград, остановился ночью на короткое время во Пскове, чтобы забрать в каком-то учреждении документы.

Мы вышли из автобуса размять ноги. Над нами возвышалась крепостная стена. Я случайно приложила руку к стене – камень был тёплым! Это при морозе-то пусть и в пять градусов! Всё вокруг было загадочным, рождало фантазии.

А второй раз в Псков я приехала уже в 1968 году, в конце февраля. Сошла с поезда, мне подсказали, как найти гостиницу «Октябрьская», села в автобус и поехала. Так как народа было много, в окна не смотрела, а когда вышла из автобуса – замерла от восторга: казалось, весь мир укрыт не только чистым снегом, но и звонким искрящимся инеем! Каждое дерево, а они в Летнем саду высокие, каждый камешек крепостных стен, что, суровые и молчаливые, стояли неподалёку. Эти две встречи с городом стали незабываемыми.

А дорога всё вилась и вилась, грузовичок то нырял носом в очередной спуск, то, кряхтя, как немощный старичок, и вздрагивая всем железным телом, с трудом одолевал подъём.

Водитель, не раз проезжавший по этому маршруту, хорошо знал Псков. Скоро я уже поднималась на второй этаж дома по улице Народной. Короткое знакомство с хозяйкой – молодой девушкой Ириной, быстрая разгрузка машины, в чём очень помог водитель, и вот уже я в своём новом пристанище – маленькой комнатке в «хрущёвке». Коробки с книгами устроились на неизвестный срок на покой в кладовке, а цветы заполонили все подоконники в квартире. Мне от хозяйки достались две полки в её шкафу, стоявшем в этой же комнатке. Всё, новая жизнь начинается!

Едва дождавшись понедельника, прихорошившись, я побежала на телевидение, благо от Народной улицы это не так уж далеко.

Тревожило, что не отвечал телефон Храмцова, ответственного сотрудника псковского телевидения, а других телефонов у меня не было. Может, человек в командировке. Квартиру мне, как и было обещано, нашёл, остальное и без него устроится.

На проходной меня пропустили – работал тот же мужчина, что и в прошлый приезд.

Я поднялась на второй этаж, постучала в уже знакомую дверь. Вошла. В кабинете сидели две женщины. Храмцова не было, а взгляды сотрудниц были... насмешливыми, недоброжелательными? Трудно сказать, но они меня насторожили. Без поддержки уже знакомого человека я стушеввалась и пролепетала про то, что мне была обещана работа.

– Кем обещана? Храмцовым? – ехидно спросила одна из них, очень красивая, чуть старше моих лет женщина.

– Им тоже. Я же подготовила два материала для редакции, и они были отмечены.

– Мы ничего не знаем. У нас в редакции народа – под завязку. Идите к Ледневу.

– Кто это?

– Это наш начальник. Здание напротив Дома советов. Он всё решает.

Ничего не оставалось, как пересохшими губами прошептать «спасибо» и удалиться.

Закрыв дверь, я прислонилась к стене – подкашивались ноги. И тут донеслось из комнаты:

– Ха-ха! Так и ждёт он её!

– А что, поменяет секретаршу на эту – смазливую. Какая по счёту будет? Ха-ха-ха!

Я оторвалась от стены и ринулась вниз.

В одночасье помрачнел весь мир. Чужой город, отпускные денежки испарились – ушли на переезд и месячную оплату за комнатку. К начальнику? Нужно идти! Назад пути нет. А вокруг – ни одной близкой души, кто бы поддержал, подсказал, надоумил. Осталась последняя ниточка, которую я держала в дрожащих руках: я шла к начальнику. Фамилию мне назвали – Леднев. Шла пешком – теперь каждая копейка на счету.

К Ледневу меня пропустили, он оказался на месте. Я предста-

вилась, напомнила о своих двух успешно выполненных заданиях и обещании взять меня на работу корреспондентом.

– Мне о вас докладывали. Но когда это было?

Я пролепетала, что сдавала выпускные экзамены в институте!

– Свято место пусто не бывает. У нас работа, она не ждёт.

Пока сотрудничайте, пишите, там будет видно.

Всё. Мир обрушился. И погода, сострадав мне, испортилась: небо затянулось тяжёлыми тучами, ветер разгулялся в кронах строгих деревьев у театра.

Единственное место – комнатка в квартире на Народной улице, где меня ждали хотя бы привычные для глаз вещи: цветы, книги, одежда, и я отправилась к ним. Рука судорожно теребила в кармане кофты ключ от квартиры – всё, что реально осталось от разрушенной моей мечты.

Удивительно, но слёз не было, только польхало всё внутри. Зато сверху на меня заструились дождевые капли, надо было спастись хотя бы от них, и я ускорила шаг. До ниточки промокшая, вошла в пустую квартиру – хозяйка Ирина была на работе, уселась у стола и тупо уставилась на пятна, которые насмешливо глядели на меня с клеёнки. Мыслей не было – сплошное отчаяние и безысходность.

Вечером пришла Ирина, готовая меня поздравить.

– Паршивец этот Храмцов, – подвела итог разговора она. – Да ему бабы в редакции не дали ещё одну принять. Была б ты старая да кривая, а то молодуха, да и из себя ничего. Мужики все – кобели. Теперь ищи его с ветром.

Я пропустила мимо ушей её последнюю фразу. Меня задело другое: кто-то мог подумать, что мы с Храмцовым хорошо знакомы?

Ерунда какая! Знакомство-то было шапочное. Подходила к концу зимняя сессия в Великолукском пединституте, последняя перед госэкзаменами. Жила в гостинице, ужинать приходилось там же в ресторане.

Однажды к моему столику подсели трое – двое мужчин и женщина. Разговорились. Телевизионщики, приехали снимать сюжет про заводскую жизнь. Я рассказала о себе: работаю в школе, заканчиваю учёбу в институте, печатаюсь в газетах – приврала немного, но ведь пару раз мои заметки были опубликованы! Сказала, что мечтаю стать журналисткой.

Тот, что назвался Храмцовым, оказался самым словоохотливым.

– А для телевидения писать не пробовали?

Я покачала головой.

– Хотите испытать себя – приезжайте в Псков. У нас в отделе как раз место освободилось.

Шутит, что ли? Но и те двое поддержали Храмцова.

– А что – приезжайте! Дерзайте – вдруг получится! – вступила в разговор женщина.

– Молодым у нас везде дорога, – подытожил разговор Храмцов, вырвал листок из блокнота, что-то написал на нём и протянул мне. – Решитесь – позвоните!

Господи, ведь всё было по-деловому, даже мысли не возникло, что кто-то имеет виды на меня! А после выполненных заданий меня заводделом заверил, что буду принята на работу. Правда, со времени моего приезда в марте прошло полных три месяца. А Храмцову звонила потому, что других телефонов не сообразила взять, я же думала, что всё быстро решится. Вот почему он не обмолвился, что место уже занято, хотя квартиру-то мне нашёл?! Ответов нет, одни вопросы.

Единственно, чем помог мне Храмцов, когда я приехала попытать себя в новом качестве тележурналиста, так это на просьбу показать, как пишется сценарий, дал мне почитать чей-то готовый.

С таким «теоретическим» багажом, мартовским субботним утром, вооружившись блокнотом и ручкой, я и отправилась в Изборск. А там – красота, аж дух перехватило!

Я взбиралась по обвалившимся стенам на самый их верх, где плотным слоем лежал снег, благо никто не запрещал это делать, и пыталась представить, как жили, как воевали с врагом его жители.

Путеводитель по крепости, который я купила в киоске, помог справиться с новыми названиями. А суровость и величье заснеженного бескрайнего пространства очаровывали, будили фантазию.

Я едва сдерживала себя, чтобы прямо во вздрагивающем всем своим немолодым корпусом на бесчисленных ухабах дороги автобуса не начать писать текст. Возможно, именно свежесть впечатлений придали сценарию особую точность, новизну – он был одобрен без всяких поправок.

Второе задание я выполнила практически за день, ведь пора было возвращаться на работу, чтобы не быть уволенной за прогул. А Храмцова и в этот день не видела. Мне было предложено написать ещё и очерк о легендарной в Пскове учительнице математики из школы № 2 Корольковой.

С этим заданием всё было проще, ведь я сама учительница, и разговорить человека сумела сразу. Той было чем гордиться: её ученики в большинстве поступали в институты на математические и технические факультеты. Может, потому, что я со школьных лет была не сильна в математике, меня особо впечатлила эта женщина.

Передачи по моим сценариям мне не удалось увидеть – они шли по программе в конце недели, когда я уже отчалила в свои пределы, окрылённая словами главного редактора, что меня будут ждать.

Однако в школе моё заявление об увольнении не приняли. Директор даже возмутился – он и так на целых три рабочих дня отпустил меня «за красивые глаза», то есть без всяких вычетов из зарплаты!

Я несколько раз звонила в Псков, но застать Храмцова на

месте удалось спустя недели две. Предупредила, что задерживаюсь. Он сказал, что место ещё свободно, и я успокоилась.

Известие, что я уезжаю, чтобы работать на телевидении, уже распространилась по школе. Мне завидовали, часто не по-доброму. Отступить некуда – пришла пора перемен! Тем более что в последнем разговоре Храмцов продиктовал мне адрес хозяйки квартиры, где я смогу жить, и её телефон – на всякий случай, надо же предупредить её, когда приеду.

Началась суета последних школьных дней, а затем экзамены, выпускные линейки и вечера. Только после этого я занялась документами. А тут подоспели и госэкзамены в институте...

И вот теперь я у разбитого корыта своих мечтаний и надежд.

– Я последний раз звонила в мае, Храмцов сказал, что всё в порядке. Я и успокоилась, да и экзамены – это важнее. Сама виновата.

– Свет клином на телевидении не сошёлся. Иди снова в школу, – бросила мне Ирина спасательный круг.

Это был хоть какой-то выход, и я ухватилась за эту соломинку. Утром по указанному Ириной адресу (и откуда она всё знает, ведь сама работает на заводе?) отправилась в гороно. То, что услышала, снова повергло меня в отчаяние: мест нет, все школы кадрами укомплектованы.

– Обратитесь в районо, – сказала женщина в приёмной как-то неодобрительно или даже злорадно, окинув придирчивым взглядом мой самый любимый наряд – летний светло-жёлтый венгерский костюм, на который ушла почти вся месячная зарплата. Может, мне это показалось?

– Вот если вы были бы не гуманитарий, а математичка, – добавила она мне вслед...

Ну не математичка я! Хорошо, что районо было почти в центре, я доползла до него, ругая себя и за костюм, и за каблучки. Вырядилась! Нет бы нищенкой явиться, глядишь, – и место бы нашлось!

В районо начальство было ещё в отпуске, и меня ждал тот же ответ: школы кадрами укомплектованы. А что я хотела: не за го-рами август, а там и до сентября – рукой подать! Второй чёрный день подряд. Это было выше моих сил, к концу дня моя физио-номия опухла от слёз.

Вечером Ирина оглушила меня известием:

– А Храмцов-то уплыл к северным берегам. Тю-тю парниш-ка!

Вот почему его не было в редакции! И я ему нужна была как пятое колесо телеге! Нет бы предупредить, что место уже заня-то! Да это понятно – не до меня было.

И снова на выручку пришла Ирина:

– Стихи пишешь. Послушай, что, если обратиться к нашим писателям, они люди известные, может, что и посоветуют, а то и помогут.

К писателям? Это с двумя десятками стихов, которые и по-казать-то некому было?! Послала подборку стихов в областную газету, а опубликовали только один, да ещё один в районке на-печатали. Отправила в Литинститут стихи и свои школьные интермедии и маленькие сценки, ведь начала писать их ещё в Сибири, считай, с седьмого класса, когда стала вместе с Пашкой Морозовым постоянным конферансье всех школьных концер-тов. Это сейчас просто объявляют исполнителей, а тогда всякие весёлые сценки разыгрывались перед очередным номером! В ответ – молчание. Значит, не прошла отборочный конкурс, вы-ходит, никудышные стихи и пьески – чем хвалиться?

А что делать? Впереди замаячила перспектива: или возвра-щаться домой, или, как Ирина, – на завод. Для чего институт заканчивала?! Будь что будет – иду к писателям. Наберусь нагло-сти и скажу: помогите!

Утром неутомимые ноги несли меня снова на улицу Некра-сова, уже в Дом Советов. Мне указали на комнату, где размеща-лось Псковское отделение «Лениздата».

Робко постучавшись в дверь, за которой были слышны гром-кие мужские голоса и раскаты хохота, я вошла.

В комнате за двумя столами, приставленными друг к другу впритык, сидели двое мужчин. «Какие красавцы мужчины в Пскове – как на подбор: Леднев и эти двое», – мелькнула мысль, но тотчас испарилась. Поздоровалась. А к кому обращаться? И что говорить?

– Проходи, красавица. Гостям мы всегда рады, – видя моё замешательство, пророкотал тот, что был помоложе и сидел сле-ва.

– Вы – моя последняя надежда! – выпалила я. – Помогите!

Торопясь и смущаясь, я поведала, в какую ситуацию попала. Надо было объяснить, почему пришла именно сюда.

– Я тоже пишу стихи. Поэтому к вам. Ещё в школе сценки разные начала писать для ведущих концерты, я с седьмого клас-са с Морозовым вела школьные концерты, – выхватывала я из памяти то, что могло объяснить моё обращение к ним. – Но при-шла не потому. Мне обещали на телевидении место, и в школах всё занято. Больше идти некуда.

Я замолчала. Как-то несуразно получилось, вроде расхваста-лась.

– Так уж и некуда? – с лёгкой иронией спросил тот, что по-моложе.

– А сама-то, птичка, из каких краёв к нам залетела? – перебил его второй мужчина, внимательно глядя на меня своими зелё-но-голубыми глазами. От его взгляда исходило тепло, искренняя заинтересованность. Я уже спокойней объяснила, откуда и что вообще приключилось со мной...

– Всё ясно, что ничего не ясно, – с весёлой насмешкой в голо-се снова сказал пожилой. – Прежде давай, подруга, знакомиться. Поведай, как тебя зовут? В углу стул, придвигай, будь как дома.

Доброжелательность и искренний интерес к моей персоне как-то расслабляюще подействовали на меня, я успокоилась,

села и стала рассказывать о своих злоключениях, ответила на вопросы. Они тоже представились. Тот, что помоложе, – Лев Иванович Маляков, заведующий Псковским отделением «Лениздата», а тот, что постарше, – Игорь Николаевич Григорьев, секретарь областной писательской организации.

– Значит, в гороно и районо полна коробочка? – задумчиво заключил моё повествование Игорь Николаевич.

– Да, гуманитариев – полный комплект. После педучилища я ещё вела в начальной школе уроки рисования и пения, но забыла об этом сказать в гороно. Тем более что это было в первый год работы в небольшой семилетке, так что это несущественно. Всё равно мест нет.

– Ага, берём на заметку. И петь, и рисовать умеешь, – отметил Игорь Николаевич. – Это плюс. Нужный человек.

Его доброжелательность растворила и мою закомплексованность. Мы начали общаться уже более свободно. Лев Иванович тоже время от времени поддерживал разговор, часто отвечая на звонки.

Вскоре они стали совещаться, куда бы направить меня на поиски работы.

– Ещё была четыре года директором Дома пионеров, – встала я.

– Это меняет дело, – с насмешкой, как мне показалось, сказал Лев Иванович.

– А что – меняет! Рванём-ка мы в культуру! – подытожил Игорь Николаевич наш диалог.

Я сидела молча: моя горькая судьба была теперь в их руках.

Игорь Николаевич взялся за телефон.

Уже через полчаса я выходила из Дома Советов с запиской к директору Дома культуры профсоюзов Анатолию Ивановичу Карпухину, который ждал меня, чтобы предложить должность заведующей культурно-массовым отделом.

– Заходи, не стесняйся, – напутствовал меня Игорь Николае-

вич, чиркая что-то на бумажке и протягивая её мне. – Мой кабинет чуть подалее, у Псковы.

По улице Ленина я почти бежала – меня несли вперёд к новой жизни крылья надежды, которые снова распахнулись за моими плечами.

В Доме культуры встретили дружелюбно, и уже на следующий день я вышла на работу. Надо же! Одна неделя прошла, а столько событий, знакомств, печалей и радости! Новые обязанности не смущали, я быстро включилась в работу. Она была отчасти сродни моей в школе и Доме пионеров, только контингент был постарше, в основном молодёжь, иногда и люди средних лет.

А как пригодился опыт проведения массовых мероприятий, накопленный в прежние годы! Главным в работе отдела было проведение танцевальных вечеров по субботам и воскресеньям. Уж мне ли было не придумать разные конкурсы на этих вечерах! Тем более что буквально с первой недели у меня сложились дружеские отношения с руководителем эстрадного оркестра Глебом Ростиславовичем Княжецким – именно ему я высказала свои предложения по проведению ближайшего вечера.

Надо отметить, что Глеб был человеком удивительно доброжелательным и деликатным, видимо, потому и был избран партийным секретарём местной организации. Скоро поняла, что именно он – душа коллектива.

Ему была предоставлена для проживания комнатка на втором этаже у служебной лестницы, и к нему в течение дня забегали многие – посоветоваться, а то и поплакаться в жилетку из-за нагоняя на планёрке, хотя директор Карпухин Анатолий Иванович, на мой взгляд, был человеком достаточно мягким и справедливым.

Но чаще всего в свободную минутку забегали просто так – попить чайку или кофейку, которые он на электрической плитке заваривал особым способом: чай – с разными травами, кофе

тоже как-то по-своему, так что запах порой доходил и до служебных кабинетов.

Я тоже стала частой гостьей в его коморке, ведь нам вместе приходилось составлять план проведения вечеров, а это проще за чашкой чая, чем в кабинете, который как проходной двор, ведь в нём – три работника, три телефона, что ни минута – отвлекаешься на разговоры. В его комнате почётное место занимал синтезатор, и он часто с удовольствием проигрывал на нём какую-нибудь новую музыкальную композицию, которую сочинил ночью.

Было приятной неожиданностью, когда на планёрке директор отметил, что за последние недели увеличилось количество посетителей на вечерах. Мы с Глебом придумывали разные конкурсы, и не только танцевальные. Я проводила викторины, игры, причём любимым стал детский «ручеек». После того как я провела эту игру в первый раз, случилось, что в ходе вечера подходили девушки и спрашивали: «А сегодня “ручеек” будет?». Да и молодые ребята были не прочь повеселиться.

Вот когдагодились мои наряды, сшитые своими руками! Чаще всего на вечера я надевала комплект: платье из чёрного атласа, обтягивающее фигуру, а поверх него накидывала как бы второе, но уже свободное, – из прозрачной, переливающейся тусклым серебром заморской ткани, которую год назад привезла из туристической поездки в Болгарию.

Наряд сшила сама – подсмотрев фасон в журнале «Бурда», но так и не надела ни разу. Да и то: куда бы могла в таком экзотическом наряде у себя в городке появиться?! В свои почти тридцать лет уже считала неприличным посещать дискотеки. А тут – как будто для таких вечеров и было сшито!

Когда я в таком наряде, да ещё с золотой гривой, кольцами струившейся по плечам, выходила на эстраду, чтобы объявить очередной конкурс или игру, то была похожа на этакий экзотический цветок. Это порой мешало работе, но куда девать жен-

ское тщеславие?! Единственное спасение – никогда не отвечать на приглашение потанцевать. А как хотелось хотя бы раз «тряхнуть стариной» в любимом вальсе!

Прежде чем решиться заглянуть к Игорю Григорьеву, посчитала, что нужно познакомиться с его творчеством. В обеденный перерыв побежала на Профсоюзную улицу в библиотеку, записалась и взяла два его поэтических сборника.

Наскоро перекусив, я уселась в Ириново кресло, что ближе к окну, и открыла первый сборник, он на обложке не имел названия. На титуле, не очень выразительно, читалось «Не разлюблю». Первое стихотворение, первые строки – и я останавливаюсь:

Покойны жёлтые озёра,
Спокойны синие пески...

Что это: автор перепутал цвета? Сознательно? Слова «покойны» и «спокойны» по смыслу одинаковы, но как по-разному воспринимаются!

Читаю дальше:

Они как старость – без укора,
Они как юность – без тоски...

Вот те на! Каждая строка останавливала, заставляла задуматься. За вечер обе книжки были «проглочены»!

Стихи в его книгах шли друг за другом, как солдаты в строю, но каждый из них чеканил свой шаг, выводил свою мелодию. Вроде лёгонькое, почти детское:

Есть на Порховщине
Речка Веретьенька.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Пёрышки да кости,

Алая рубашка,
С прозеленью хвостик...

И дальше стих ведёт по речке Веретеньке и вот она – концовка:

Но лишь эта речка,
Лишь моя светлана,
Для меня навечно –
Песня-необмана.

И так – почти в каждом стихе! Я упивалась разнообразием ритмов, совершенно невообразимыми сравнениями, словосочетаниями, возникавшими чуть не в каждой строке. Но больше всего меня поразило умение поэта «творить» слова. Вроде понятное слово, а звучит по-своему – то ли по-древнерусски, то ли считай его совсем новым. Вот это поэт! К концу книги стала уставать от обилия впечатлений. «Читать Григорьева большими порциями – тяжкий труд» – сделала я такой вывод, укладываясь спать. Надо свои стихи перечитать, прежде чем к нему идти, – была последняя разумная мысль, прежде чем взбудораженный ум отпустил мою душу в мир сновидений.

Целую неделю я находила минуты, чтобы дорваться до освободившейся печатной машинке и отпечатать свои стихи. А какие выбрать? После его сборников все мои вирши казались какими-то детскими, обыденными:

Разбежался по лесу хоровод берёзок,
На тропинках-ниточках снег уже исчез.
И стоит над озером в серой дымке тонкой
Раннею весною пробуждённый лес.

И так далее. Сти-ша-та! Но так хотелось сохранить дружбу с этими отзывчивыми людьми – поэтами, и я решила и в обещанный перерыв отправилась по адресу, который дал он мне в первый день знакомства.

Игорь Николаевич был на месте и, кажется, даже обрадовался моему приходу. Расспросил, как я устроилась, нравится ли работа.

– Вы – мой крёстный, – в шутку ответила я. – Всё замечательно. А я принесла... – и протянула листки со стихами.

– Почитаем.

– Понимаю, что не шедевры. Я посылала в Литинститут стихи и свои пьески, а мне так и не ответили, значит, ничего стоящего.

Игорь Николаевич поднял голову;

– Ты их посылала вместе – стихи и пьесы?

– Да. А что?

– Потому и не ответили. Надо было положение внимательней читать... Писать ты можешь. Я тут пометки сделал, посмотри. А сейчас пишешь?

– Не получается, работа затягивает.

– Не теряйся. Приходи.

«Правильно, что я сходила. Хоть узнала, почему из Литинститута не было ответа», – размышляла я, ускоряя шаг.

Через неделю я снова наведалься к Игорю Николаевичу с несколькими стихами.

– Это новые. Посмотрите? – сказала я, протягивая листки. Он взялся за карандаш.

– Ищи образ! – наставлял он меня, подчёркивая «сухие», как он выражался, строки. Мне не очень понятно было, что это значит, но спросить стеснялась. Буду потом смотреть – пойму, наверное. Зато видела, как он искренне радовался и ставил «плюсики» около строк, где этот «образ» у меня был. Это, видимо, то, что так потрясло меня при чтении его стихов, но мне до такого ещё плыть да плыть!

– Через неделю у нас семинар. Из Москвы писатели приедут. Поучаствуй, с псковскими поэтами познакомишься.

Я не уходила – улетаала от него на крыльях радости от полно-

ты чувств. Вот это да! И представить не могла в своей тьмутаракани, что не пройдёт и месяца, как я окунусь с головой в новую, такую увлекательную работу, в мир творчества! Что значит – областной центр!

Чтобы попасть на семинар, а он был двухдневный, надо было отпроситься с работы. Но директор, узнав, что я пишу стихи, даже обрадовался: будет кому в стенгазету стихи-поздравления писать.

Перед семинаром я пересмотрела свои стихи с пометками Игоря Николаевича, отобрала те, где стояли «плюсики». Семинар проходил в областной библиотеке.

Игорь Николаевич записал меня в группу поэта Феликса Чуева. Познакомил нас с ним, сам отправился в группу, которой руководил Михаил Львов.

Первым делом Чуев попросил нас представиться, а листок с фамилиями у него уже лежал на столе. В нашу группу попали Александр Гусев, Ольга Недоступова, Олег Тиммерман, Энвер Жемлиханов из Великих Лук, чуть позже – прямо с работы, как он сказал, – пришёл Владимир Половников, а ещё позднее – несколько человек, которые приехали из районов, но семинар уже шёл и их имена сразу не прозвучали.

Чуев начал занятие с прочтения – для знакомства – своих стихов. Они были посвящены его профессии лётчика. Я слушала с интересом, они были ровными, слух не уловил ни одного сбоя ритма. Сказать, что привели в восторг? Я отметила их патриотичность, техничность, но особо не взволновали меня. Вот что-нибудь душевное! Про любовь... Очень хотелось услышать произведения наших поэтов, псковичей. На какой ступеньке я стою?

Из всех присутствовавших я выделила Олега Тиммермана и Сашу Гусева. Они читали стихи о Пскове, которые были насыщены такими историческими картинками, что и мне захотелось тут же побегать в библиотеку и вооружиться новыми знаниями о городе.

После выступления поэта Чуев разбирал произведение по «косточкам». Замечаний было много, я даже внутренне не со всеми соглашалась. Но каждому выступавшему от него достались и добрые слова, и пожелания. Мне они тоже достались, я-то хитренькая: читала стихи, прошедшие отбор у Григорьева. Но было радостно осознать, что не последняя в ряду местных поэтов.

Ещё мне очень понравились спокойные, лиричные стихи Ольги Недоступовой. Потом было общее чаепитие. В группе Михаила Львова были в основном прозаики. О, сколько на Псковщине пишущих людей, думалось мне, и почему-то всё мужчины, женщин всего-то – как пальцев на руке.

– Покажи свои стихи Льву Ивановичу, – сказал Игорь Николаевич в одну из встреч.

Отобрав листки с плюсиками Григорьева, вскоре после семинара я принесла их в «Лениздат». У Льва Ивановича был свой взгляд на поэзию, порой отличный от григорьевского. Свои плюсики он ставил совсем на других стихах, чем Григорьев. На одном и том же листочке стояли плюсики Григорьева и минус Малякова. Позже я поняла: он отбирал авторов для издания книжки-кассеты в «Лениздате». После семинара стало ясно, что мне попасть в эту книжку не светит, но так об этом мечталось! Куда там мне попасть в книгу: тут столько замечательных авторов своих, «доморощенных»!

В какой-то день, забежав в обеденный перерыв к Малякову, я увидела сидящую за столом напротив молодую светловолосую с красивыми голубыми глазами девушку. Её мельком я видела и на семинаре, она, видимо, была в другой группе.

– Знакомьтесь – Светлана Молева, поэтесса, жена Игоря Григорьева.

Жена? Разница в их возрасте была налицо, ей от силы двадцать лет, подумалось мне, она в дочку ему годится. Но это не первый случай!

Мы познакомились, и как-то сразу нашли точки соприкосновения. Я с восторгом рассказала о благожелательной атмосфере, которая была в коллективе ДКП, что очень помогало в работе. Из Дома Советов мы вышли вместе, чтобы пообедать в диетической столовой на улице Ленина, она была самая дешёвая. Я всегда ходила туда, если в обед не пила чай у Глеба.

Светлана пригласила как-нибудь зайти к ним в гости.

На работу я бежала радостная – Светлана очень понравилась своей простотой и открытостью. Может, кроме работы, у меня появится и подруга? Пусть даже она моложе меня на добрый десяток лет – так мне показалось, зато обе – поэтессы, будут темы для разговора, общения.

Разве могла я предполагать после неудач первых дней пребывания в Пскове, что пройдёт месяц – и моя жизнь снова забьёт высоким разноцветным фонтаном?!

В первых числах сентября я наконец-то получила первую зарплату. Она была небольшая, но мне к этому не привыкать. Главное – расплачусь с Ириной за очередной месяц, и на еду хватит. На радостях я купила пирожных, чтобы завтра напоить чаем у Глеба тех, кто там часто бывает.

Как-то утром, войдя в кабинет, я увидела, что за столом напротив, где сидел заведующий отделом пропаганды Трофимов, расположился совсем другой человек – незнакомый, молодой и очень симпатичный. Поговаривали, что Трофимов может перейти на работу то ли в какой-то райком партии, то ли в культпросветучилище, или ещё куда. Это и случилось.

Наши с Трофимовым рабочие столы стояли напротив друг друга, он мне давал дельные советы в первые дни, и я ценила это. Да и позже, хотя направления работы наших отделов практически не пересекались, мы часто в чём-то помогали друг другу, особенно если надо было «слинять» на пару часов. Жаль, что ушёл человек.

Приход нового работника, тем более москвича, взбудоражил

коллектив, особенно девчонок, а их у нас было немало – это и руководители коллективов самодеятельности, и солистки оркестра. Весь день у многих нашлось дело ко мне. Я понимала – хотелось если не познакомиться, то хотя бы поглазеть на новенького.

А он оказался немногословным, сдержанным, спокойным человеком. Но главное для девчонок – молодой, лет тридцати, очень привлекательный: лицо открытое, черты правильные, достаточно строгие, но глаза улыбочивые, как будто он радовался каждому, кто к нему обращался. Звали его Алексей Николаевич. Через день-другой он уже включился в работу – готовил встречу в лектории, который был едва ли не главным в его работе.

Вскоре мы уже разговаривали с ним, вначале «по необходимости» – то номер нужного ему телефона подсказать, то обменяться мнением, как прошла планёрка. И к Глебу он стал часто навещать в обеденный перерыв, так что жизнь стала веселее. Он рассказывал о московских литературных новостях, но я ловила себя на том, что какие-то наши вопросы вдруг настораживали его, и он переключал разговор на другое.

Глеб был человеком начитанным, любил поэзию, так что с ним всегда было о чём поговорить. А иногда он устраивал для нас музыкальные «пятиминутки», демонстрируя свои новые аранжировки, или «творения», как он их называл. Так что глебовская коморка стала самым притягательным местом для работников.

Порой туда набивалось пять-шесть человек, и все сидели впритык друг к дружке, а Глеб, как заправский бармен, колдовал над чаем или кофе и разливал их по маленьким чашечкам, которые мы, работники ДКП, подарили ему на день рождения. Из таких чашечек не напьёшься, просто будешь испытывать удовольствие от самого процесса и общения.

Однажды я предложила Свете зайти на кофеёк к Глебу. И такие встречи стали для неё открытием. Света или я в такие дни

приносили к нему булочки или бутерброды. Чаепитие заменяло обед в столовой, но всё компенсировалось общением. От разговоров о текущем житье-бытье мы скоро переходил к творчеству. Журчали строки новых стихов, вились музыкальные кружева. Но время истекало, и мы гуськом спускались по ступенькам на первый этаж, а там мы, как птички, разлеталась по своим клеткам-кабинетам.

Непринужденная, творческая обстановка в этой комнатухе стала для Светы особым местом, видимо, этого ей не хватало в повседневной жизни.

С Глебом они «сошлись» и в другом: оба были любителями покурить и выпить чашечку кофе покрепче. Когда они на пару начинали дымить, приходилось открывать форточку, ведь если открыть дверь в коридор, запах пойдёт по этажам, а курение в помещении было запрещено. Мне очень не нравилась их привычка, но тут уж приходилось мириться. Интересно, а Игорь Николаевич курит? Вскоре самой пришлось убедиться, что он – заядлый курильщик.

Как-то днём Светлана позвонила мне:

– После работы идём к нам.

Мы встретились возле ЦУМа и по Советской улице, не топясь, направились к площади Победы. Они жили на Гражданской улице, в трёхкомнатной квартире. Светлана, как я заметила, была не самой хорошей хозяйкой. Квартира выглядела казённой – ни вазочки, ни какой картинки – одни книги и тетради, рукописи и на рабочем столе, и даже на обеденном, покрытом клеёнкой, и на диване. Домашний уют им, видимо, заменяло творчество. Вот тогда я и узнала, что Игорь Николаевич – заядлый курильщик. Пепельницы стояли и на столах, и на диване. Я у них пробыла недолго, мы попили чай, разговор был обо всём понемногу.

И всё-таки мне нравилось у них бывать. Они стали самыми близкими мне людьми, не считая Глеба. У Светланы, как я по-

няла, тоже не было подруг. Да и где ей было завести их, если на работу и с работы они шли вместе с Игорем Николаевичем, театром не увлекались. Ходили ли в кино – не знаю.

Меня порой озадачивали их отношения. В них не было тепла. Ужины были дежурными, Света часто раздражалась, видимо, потому, что, когда курил Игорь Николаевич, ей тоже хотелось закурить, но на это было наложено «табу».

И в то же время я не раз ловила его по-отечески ласковый взгляд, каким он одаривал её, когда она наливала ему чай в чашку или подавала приготовленный её руками бутерброд. Мне даже казалось, что, не будь меня, они бы обнялись в такие минуты и у них всё было бы хорошо.

Хотя бы раз в неделю мы со Светланой созванивались и шли с работы вместе к ним. К себе меня тоже не тянуло, с Ириной мы не стали близкими подругами.

Частым гостем у Игоря Николаевича был Саша Гусев. Тогда вечер превращался в литературный. Чаще всего читал новые стихи Саша, и они с Игорем Николаевичем втягивались в спор по точности изложения исторических моментов в его стихах. Я понимала, что об их литературной форме говорить не приходилось – она была безупречна.

А меня они волновали глубиной проникновения в историю края, смысловой значительностью. Мы просили почитать что-нибудь из нового Светлану. Её стихи всегда казались «крылатыми», они были наполнены какой-то особой деревенской болью и глубиной и неожиданными концовками.

Я начинала понимать, почему Игорь женился на Светлане, хотя она ему в дочери годилась. Это был такой талантливый, самобытный цветок, что его пестовать стало радостью жизни зрелого поэта, прошедшего все тяготы войны. К той поре я уже знала всю историю их супружества. И понимала: как бы ни разнились их судьбы, они были нужны друг другу. Игорь был одинок: у него был сын-подросток, но он жил с родителями своей мамы

в Белоруссии, там решил окончить десятилетку. И эта встреча с юной, красивой и такой талантливой девочкой, которая однажды приехала из далекого поселка Чихачёво во Псков, чтобы показать свои первые стихи, была для Игоря как удар тока.

Светлана ещё в школьные годы ощутила за своей спиной готовые развернуться на воле поэтические крылья. Ведь первое её стихотворение уже обрело самостоятельную жизнь на страницах районной газеты,

А внимание, каким окружили её Игорь Григорьев и Лев Иванович Маляков, восхищённые полётом поэтической мысли этой юной и очаровательной девочки, не могли не всколыхнуть в ней надежду вырваться на широкий жизненный простор. Книга ее стихов уже вышла в «Лениздате»¹.

Светлана была увлечена новыми перспективами, новой жизнью, наполненной творчеством и далёкой от деревенского существования, хотя именно память о нём пронизало всё её творчество, придавало своеобразие стихам.

Она стала для Игоря, по моему мнению, одновременно и женой, и дочерью. Он пестовал и опекал её. Но те привычки, что он приобрёл в годы войны (а на войне бранное слово порой могло поднять людей в атаку), сопутствуя их отношениям, накладывали свой отпечаток. Сказка первых дней, которые они провели в Ленинграде: путешествия в мир прекрасного в музеях, творческие вечера в Доме литераторов и знакомство со знаменитостями, наконец, вечера, проведённые в ресторанах – всё закончилось с возвращением во Псков после двухнедельного праздника жизни. Семейный быт оказался тяжёлым испытанием для её на-

¹ К этому времени не только вышла ее книга (*Молева С. В. Подснежники: Лирика. Л.: Лениздат, 1967*), но в 1965 г. Светлана Молева поступила в Литературный институт им. А. М. Горького, а в 1967-м началась ее работа в «Лениздате»: «Любимой работе, обожаемому солнечному дорогому и незабвенному дому на Фонтанке без сожаления отдала я почти четверть века (с 1967 по 1990 г.)» (*Молева С. В. Дальний свет: Избр. стихи. Воспоминания. СПб.: Logos, 2011. С. 243*). – *Примеч. ред.*

туры. У Светланы характер был непокладистый, что порождало между ними часто возникающее раздражение, разрушающее их семейный очаг. И всё же творчество цементировало союз.

Однажды, когда я в очередной раз пришла к ним в гости, Игорь Николаевич встретил меня оживлённо:

– Хватит тебе одной болтаться, девок с мальцами развлекать! Ребёночка пора занять! Вот – потренируйся!

И вынес из кухни небольшую корзинку, плотно покрытую цветной тканью.

– Осторожно. Дома развяжешь!

– Да кто там?

– Животных любишь – бери, воспитывай. Славный зверёк!

– Да кто там? – встревоженно взмолилась я.

– Получай мой подарок, любительница животных. Нет, откроешь дома! Спасало от одиночества. – И подал мне мешочек. – Возьми, на пару дней хватит, потом корм сама купишь.

В корзине кто-то ворошился. Мне не терпелось увидеть, кто же там: котёнок, щенок? Конечно, животных я люблю, а Игорь знал это из моих стихов, но я ведь не в своём доме проживаю. Что Ирина скажет? И что значит «корм»?

Когда я открыла корзину, сразу даже не поняла, что это за пушистый зверёк сидит в ней. Но зверёк развернулся и вылетел из корзины. Белка! Такого я не ожидала. Чем кормить её – не хлебом же. Пьёт ли она воду? Лесной зверёк в доме – это уж слишком, Удружил Игорь Николаевич!

Так оно и оказалось: Ирина встретила моё приобретение без энтузиазма, пожалуй, не заставила тут же убрать его из квартиры только потому, что это подарок Григорьева, а поэзию она любила, посещала все поэтические посиделки.

Мне позволялось держать зверька, раз уж его подарил Игорь Григорьев, но только в моей маленькой комнатке и ни-ни к ней в комнату, тем более в кухню!

В тот же вечер я сбегала в магазин и купила орехов, Ирина

посоветовала купить ещё мелкой крупы – на всякий случай. Целую неделю я воевала с белкой по утрам и вечерам.

Что она делала в своей огромной комнате-клетке днём, я не знала. Но еда исчезала исправно, потом я её находила в самых неожиданных уголках. Теперь стало не до вечерних встреч со Светланой. Надо было бежать домой, чтобы проверить, всё ли в порядке, и убрать комнату.

В руки белка не давалась, зато любила по тюлю взлетать к карнизу и оттуда глядеть на мою суету своими глазами-бусинками. Или устраивала бег с препятствиями: с карниза на шкаф, со шкафа на диван, затем на книжную полку, дальше – по тому же кругу. Пришлось убирать всю керамику, одежду, одно хорошо – книги её не интересовали. На маленькой полочке за дверью стояли стопочки поэтических сборников.

Но самым настоящим наказанием стало то, в какой постели я просыпалась. У меня с детства культ чистой постели. А тут в первое же утро я проснулась, а подо мною – весь её корм, разве что воды не было. Перед сном я старательно подтыкала одеяло со всех сторон. Куда там! Утром подо мной – целый беличий кормовой арсенал!

Я крепилась неделю. Выпустить белку на волю, Игорю сказать, что сбежала? Нельзя! Кто-то состриг ей коготки – пропадёт на природе. В понедельник прибежала к Игорю Николаевичу на работу.

– Заберите свой подарок! Ирина выгоняет! – схитрила я.

Он позвонил в какой-то детский сад, где был живой уголок, и в тот же вечер я была избавлена от этого подарка. А чем Игорю Николаевичу «отомстить»? Приближался его день рождения, хотелось тоже какую-нибудь каверзу, правда, приличную, придумать в отместку.

На следующий день я купила на радостях бутылку красного вина, и мы в кабинете Льва Ивановича отпраздновали все вместе моё «освобождение».

Прошло чуть больше месяца, а у меня разладились отношения с Ириной, и это не из-за белки.

Однажды вечером я обнаружила, что на моих полках в шкафу кто-то рылся. Стала складывать вещи, не обнаружила одной китайской кофточки, хотя утром она была на месте. Ажурной вязки, тёплого жёлтого цвета – такие изделия только появились в продаже и стоили почти половину моих отпускных! Я её ещё ни разу не надевала – берегла для особого случая.

Вечером я спросила Ирину, не брала ли она её. «Нет», – ответила та. Но их же никто больше не мог взять? Вызвали милиционера. Он осмотрел балконную и входную дверь.

– Разберитесь сами между собой, девчонки, – подвёл он итог осмотра и ушёл.

Мне тоже было всё ясно. Так дойдёт черёд и до моих собственной вязки вещей – они тоже были модными, ведь вязала их по образцам из журнала «Бурда».

Решить проблему квартиры оказалось делом нелёгким. Но кто-то из работников ДКП, близкий к офицерской среде, сказал, что одному капитану в ближайшее время дадут квартиру, а живёт он на улице Некрасова у старушки. В тот же день в обеденный перерыв, зажав в руке клочок бумаги с адресом, побежала на встречу со старушкой.

Дом нашла сразу, и только собралась открыть дверь в нужный подъезд, как она открылась, из неё стремительно вышел офицер. Капитан, раз четыре звёздочки на погонах. Симпатичный, но меня покорила его шея – накаченная, в народе такие называют бычьими. Это он! И я тут же второпях объяснила, какая причина привела меня сюда. Он торопился на службу, назвал имя хозяйки и спросил, где меня найти, чтобы он мог сказать, как решится мой вопрос, хотя предупредил, что девушек Клавдия Ивановна не жалует. Я назвала место работы, и мы разбежались. И всё же я ему не поверила. Вернулась, постучала в дверь, открыла опрятная старушка. Увы, она категорично отказала.

С Ириной мы перестали разговаривать. Унести свои вещи куда-то я не могла. А посуда, цветы, книги, наконец? Ведь их я собирала годами.

В ближайшую субботу во время вечера среди танцующих заметила знакомую фигуру офицера. Пришёл, чтобы сообщить, что хозяйка передумала и согласна меня взять? В перерыве между танцами он подошёл и пригласил на танец. Я отказалась: не танцую, я на работе. Он исчез из поля зрения. Но когда я выходила из здания, он неожиданно появился и предложил себя в попутчики.

Познакомились. Тем для разговоров хватило на всю дорогу, он продемонстрировал свою эрудицию, читал стихи Есенина, Ахматовой, Вяземского, видимо, хотел произвести впечатление. Если честно, произвёл. Он врач, хирург, работает в военном госпитале, подтвердил, что скоро получит квартиру.

Мы стали встречаться вечерами, если у меня не было мероприятий, а у него дежурства. Ходили в кино, часто ужинали в ресторане «Аврора». Для меня эти вечера были утомительными, я не привыкла долго и много есть, да и то, что платил за ужины Саша, меня как-то напрягало и обязывало. Настораживали и его постоянные вопросы, если я бросала на кого-либо более внимательный взгляд.

– Ты его знаешь? – Ты с ним знакома?

Эти вопросы звучали так часто, что я уже устала объяснять: не знаю, но человек красиво танцует и вальс, и танго, я с юности их любила. И совсем не хотелось идти в круг танцующих, чтобы просто переступить с ноги на ногу. Не моё это! Да и к ресторанам была не приучена.

Часто мы выходили из него молчаливые, а порой я даже плакала. Если бы тогда могла предположить, что его ревность в дальнейшем разрушит нашу семейную жизнь! Но мне казалось, что по-настоящему влюблена, а наши ссоры со временем сойдут на нет.

Я познакомила Александра со Светой и Глебом. Глеба он почему-то сразу невзлюбил, узнав, что я общаюсь с ним каждый день. Со Светой знакомство прошло ровно. А вскоре она зазвала нас к ним в гости.

Александр быстро нашёл общие темы для разговора с Игорем Николаевичем, они вспоминали военные годы – семья Александра оказалась в оккупации у немцев на Брянщине, говорили о сегодняшнем дне армии, к тому же Саша был начитанным человеком. Мужчины понравились друг другу, Игорь Николаевич был доволен, что я уже не одна.

На очередном танцевальном вечере случилось непредвиденное: ко мне подошёл молодой человек и стал настойчиво приглашать на танец. Я отказалась. Он схватил меня за руку и стал тянуть в круг. Подоспели дружинники, всегда дежурившие в зале. Они увели его, но, уходя, он пригрозил: «Мы ещё встретимся!». А если он дождётся конца танцев? Бежать домой – не ближний свет, вдруг подстережёт где-нибудь!

Когда я после окончания вечера подошла к кабинету, чтобы переодеться, дверь оказалась открытой. Там сидел Алексей Николаевич. Я вошла и растерянно остановилась. Он встал и на ходу бросил:

– Переодевайтесь. Я провожу вас.

Оказалось, что он после окончания лектория остановился на втором этаже, чтобы посмотреть, как веселится молодежь. И увидел всю сцену с неуравновешенным молодым человеком.

Мы вышли вместе. Разговор сам собой зашёл о том, как попали в Псков. Я рассказала свою эпопею и об Александре поведала, о том, что не очень ладятся наши отношения.

– Я видел вашего капитана, не бойтесь выйти за солдафона? Вы мне не кажетесь идеальной парой.

– Не знаю. Время покажет. А вы-то как залетели сюда? Люди в Москву рвутся, а вы...

– Так сложились обстоятельства, надо было уехать.

– А институт зачем было бросать?

Об этом моменте из его биографии в ДКП все знали от работников отдела кадров.

Он помолчал, но потом, видимо, преодолев какие-то сомнения, ответил вопросом на вопрос:

– Вы что-нибудь слышали о Солженицине?

– Которого выслали?

– Понятно, – заключил он. – Не хотел повторить его судьбу.

Вот это да! Но я поняла, что он доверил мне слишком многое. Не надо искушать судьбу. Я перевела разговор на другую тему.

По его начитанности я поняла, что его кругозор значительно шире моего, мне было интересно слушать. Но его интересовала и моя жизнь, и я была ему за это благодарна.

Та доверительность, которая возникла во время этой прогулки, сохранилась на всё время его пребывания в Пскове.

Он общался близко только со мной и Глебом. Женщины в открытую предлагали ему дружбу. Действительно, всё было при нём: мужская красота, ум, обаяние. Наверное, и я бы не избежала такой участи, но моё сердце было уже занято.

На следующий день я рассказала Светлане о событиях прошедшего вечера и о разговоре с Алексеем.

– Познакомь меня с ним, – попросила она.

– А чего знакомить? Приходи к Глебу, Алексей там тоже что ни день бывает.

– Позвони, когда придёт.

Прошёл день-другой, и я позвонила:

– Мы чаёвничаем у Глеба.

Светлана появилась спустя десяток минут, в руке у неё были пончики – успела забежать в столовую. Познакомилась с Алексеем. Завязался разговор о московских литературных новинках, потом перешёл на другие темы. Мы и не заметили, как время пролетело.

Глеб готовил новую концертную программу для оркестра и

хотел, чтобы мы непременно её прослушали. Вышли на улицу, а там – сгустившаяся непроглядная темень, чуть-чуть раздвигаемая электрическими фонарями.

Я заторопилась домой и попросила Алексея проводить Светлану, сама поспешила пробежать мост. Дул колючий ветер. Утром позвонила Светлане: как добралась, не ругал ли Игорь, что задержалась? Она была немногословной.

– Всё в порядке.

И положила трубку. У Алексея спрашивать ничего не стала.

Ноябрь нанёс снега, пришлось перебираться в тёплые одёжки. Уже по привычке я забежала за Светой в «Лениздат». Лев Иванович на обед всегда ходил домой, благо идти-то надо было пару сотен шагов. А мы, как всегда, направлялись в диетическую столовую.

Увидев меня, оба рассмеялись. Я недоумевала: что не так?

Вошёл Игорь Николаевич, взглянул на меня и тоже рассмеялся. Потом протянул Светлане сначала шарф – такой же мохеровый и голубой, как у меня. А когда подал ей пальто, тут и я засмеялась: тоже чёрное и с серебристым песцом! Вот он – советский ширпотреб!

Пару раз бывало, когда мы шли втроём, его знакомые оставались и спрашивали шутливо:

– Они что у тебя – размножаются?

И он весело отвечал:

– Мои женщины! Сёстры!

И действительно, мы были чем-то похожи и внешне: светло-волосые, голубоглазые, невысокие. И даже ноги у обеих были не идеальные, над чем порой подтрунивал Игорь Николаевич. Только я на десять лет старше.

И даже дата рождения у нас почти совпала, разница в один день! Мы эти даты отметили вместе: мой – шестого ноября у Глеба, который приготовил нам очень милые подарки: симпатичные записные книжки и красивые авторучки, а седьмого, по-

сле парада, мы встретились за праздничным столом у Светланы и Игоря Николаевича.

Поздравить нас пришли Лев Иванович и Саша Гусев. Стол мы приготовили со Светой сами. Стало совсем весело, когда Игорь Николаевич преподнёс нам такие же авторучки, какие мы уже получили от Глеба. То ли дело мой подарок Игорю Николаевичу в октябре: тёплые домашние тапочки, на которых я вышила слова «Игорю для сугрева» – понимай, как хочешь! Александр в этот день был на дежурстве. С Игорем Николаевичем и Львом Ивановичем мы выпили на «брудершафт», а то я одна оказалась «выкалкой». С Сашей мы как-то сразу перешли на «ты».

До чего хороша жизнь! Не прошло и полугода, а у меня есть увлекательная работа, есть друзья, есть человек, который стал мне дорог. Осталось подождать, когда Саша получит квартиру, и у меня начнётся семейная жизнь. Но она началась раньше. Игорь в очередной наш приход сказал:

– Чего вам ходить по ночам да провожаться? Оставайтесь у нас, вон – комната свободна.

Я бы отказалась, но Саше идея понравилась. Ещё бы! Мы уже второй месяц встречались, а он, видимо, не привык к долгим ухаживаниям. Вечером следующего дня на такси мы привезли от меня постельное бельё и остались ночевать. Так началась наша совместная с Александром жизнь.

Наше вторжение отчасти изменило и их семейный устав.

По утрам мы завтракали вместе. Днём я старалась сбегать в магазин и купить курицу или фарш. Готовить я умела и любила, и вечерами, пока мы «чесали языки», обед на следующий день уже был готов. Теперь Игорь Николаевич иногда весь день работал дома – готовил к изданию книгу.

Но чувствовалось, что Светлану тяготит наше присутствие, и не понимала – почему? Ведь я практически освободила её от домашних дел. И к Глебу она перестала заглядывать. Причина мне стала понятна значительно позже.

Хотя бы раз в неделю мы со Светланой созванивались и шли с работы вместе к ним. Идти домой меня не тянуло: с Ириной мы не стали близкими подругами. Не всегда, но мы показывали друг другу свои новые стихи. В одну из встреч Света подарила мне свою первую книгу «Подснежники». В тот вечер я заторопилась уйти – не терпелось почитать её книгу. А когда дома раскрыла её, оторваться не могла, пока не перевернула последнюю страницу. Но больше всего в душу запали два стиха.

Лель

Запылали леса, заалели ...
Где-то там, на зелёном дугу,
Я звала тебя ласково Лелем –
Больше так никого не могу.

Снова осень листву хороводит,
Нагоняя на землю печаль.
Пусть мне все говорят, что выходит
Тебя нынче другая встречать.

Что глаза у тебя потемнели,
Словно сумерки в синем логу...
Я зову тебя ласково Лелем.
Больше так никого не могу.

Какая грусть, какая нежность, какая чистота чувства!
И уж совсем «добили» строки стихотворения «Качели» ...

Так чувственно, так целомудренно и пронзительно мог написать только человек, проживший мгновения, которым посвящён стих! Как будто частичка её души открылась мне в этом стихе! Что нашла и что потеряла она, приехав в город? Однако я могла предполагать, спрашивать даже не хотелось – пусть будет окутана тайной её судьба. Захочет – сама расскажет.

К счастью, конец ноября стал знаменательным: Саша получил ордер на квартиру. Мы поехали взглянуть на неё. Квартира

на четвёртом этаже, угловая, светлая, два окна в комнате, балкон. И паркет!

Требовался ремонт – побелить потолки, поклеить обои, покрыть лаком паркет. Ну что ж, займусь этим я. Чем скорее, тем лучше. Саша предложил сразу перевезти мои вещи от Ирины. Может, так и лучше, за декабрь Ирине заплачено, не будет расхода на квартиру. Сгрузили всё в кухне, пока шёл ремонт комнаты.

Теперь уже не стало времени засиживаться у Глеба – бежала в новую квартиру. Потолок нам побелили солдаты, которых Саша привёл из госпиталя. А мне предстояло поклеить стены обоями и покрыть лаком полы. На всё ушла неделя. Я спала всего три-четыре часа в сутки. Саша по-прежнему жил у Клавдии Ивановны.

Но в душе поселилась тревога: мы начали совместную жизнь, а где слова о любви, о браке? Не мне же их начинать! Как-никак, а тридцатник стукнул, пора подумать о ребёнке. А характер Сашин? Да что характер?! Стерпится – слюбится.

В декабре я только однажды была у Светы. Игоря не было дома, шло собрание у писателей, он задерживался. Света отправилась в кухню готовить наскоро ужин, я сидела за столом в большой комнате. На столе увидела блокнот, в нём оказались Светины стихи. Многие я уже знала. И тут натолкнулась на новое, во всяком случае, для меня. Оно потрясло своей безысходностью.

Сядем рядом –
Дело к ночи.
Прогремят часы отбой...
Мне с тобой тоскливо очень,
Но тоскливее – с собой.

Рыщет тьма волчицей серой,
Капель сбивая с крыш,
Ты меня, как пса неверного,
Ласкаешь и бранишь.

Зря ты маешься –
Уж лучше бы
Давно рукой махнуть...
Я тебя, как пёс нелюбящий,
Не слушаю ничуть.

Молчаливою затворницей
Молюсь в печи огню..
Зажигай-ка лампу в горнице,
Придвинь свою скамью.

Сядем рядом.
Дело к ночи.
Бьют часы впотьмах отбой.
Мне с тобой тоскливо очень
Но тоскливее с собой.

Когда написаны эти строки? Заглядывал в эту тетрадь Игорь? Надеюсь, нет. Иначе как пережить, где взять силы, чтобы принять эту нелюбовь, а скорее мучение? А если всё же читал? Сколько душевных сил нужно было иметь, чтобы не взорваться, стерпеть, смириться!

Я почему-то была убеждена, что это не отвлечённая лирическая картинка, а правда жизни. Их жизни. Домой я уходила с тяжёлым сердцем. Всю дорогу меня не отпускало чувство безысходности их отношений.

Со Светой мы это время почти не встречались, только короткие телефонные звонки. Она перестала забегать к Глебу на кофеино-чайные посиделки, а я после работы торопилась домой. К Игорю мне заглянуть тоже было недосуг – мы готовили новогоднюю программу к детской ёлке.

Как-то утром, придя на работу, увидела, что за столом напротив никого нет. Он пустовал в течение дня. Оказалось, что Алексей срочно уехал. Вот так: засветилась яркая звезда на нашем псковском небосклоне и тотчас погасла!

– Ты что, с Луны свалилась? Он ещё вчера после обеда взял расчёт. Кажется, в Москву укатил, – сказал мне Глеб.

– Вот это да! Что стряслось?

– В бухгалтерии сказали, что приходили какие-то люди, проверяли его документы.

Позвонила Светлане – поделиться новостью.

– Его ищут. Всё, не могу говорить! – быстро сказала Света и бросила трубку.

Только сейчас я стала догадываться, что их первая встреча была не единственной. Для неё этот человек, умный, интересный, окутанный тайной, стал той яркой вспышкой, которая порой неожиданно обжигает и более искушённые любовными страстями сердца. Да и она, эта псковская звёздочка, поэт от Бога, могла в нём тоже зажечь ответный огонь. Раз скрыла даже от меня – это серьёзно.

Ведь рассказала же мне, как стала женой Игоря, а вот о своём увлечении, возможно, о впервые проснувшемся в ней чувстве любви – умолчала, сохранив в тайне их короткие, но, видимо, такие значимые для её души встречи.

Я приняла это её решение никому не доверять свою тайну. Всё же разница в возрасте помогла мне не стучаться в её потерянную душу. Полагала, что они могли переписываться, а может, я придумала это. Хотя дальнейшие события подтверждали такое предположение. Теперь мы совсем редко встречались со Светланой. У меня было дел по горло по вечерам, а Света замкнулась в себе.

Вскоре стало известно, что во второй половине декабря снова состоится семинар. Ожидался приезд редактора редакции художественной литературы «Лениздата» Бориса Друяна.

К этому времени я уже знала многих псковских поэтов, мы встречались в библиотеках. Теперь я уже не так боялась читать свои стихи на встречах. С прозаиками занимался Юрий Куранов, группу поэтов вели Игорь Григорьев и Борис Друян.

Каждому поэту полагалось прочесть по два стиха.

Я остановилась на тех, что написаны были давно, но Игорю Николаевичу их ещё не показывала. Иначе подумает, что за его спину прячусь.

Первое – «Награда» – не вызвало никаких споров, оно понравилось руководителям. Зато второе было принято неоднозначно. Оно было посвящено моему детству и называлось «Воспоминания».

Сибири, краю, где осталось детство

Лесов резных осколочки –
Сибирские околотки,
С утра там солнце грозное
И ветер шаловлив.
Там стройные берёзы
Пасут траву покосную
И окунуться хочется
В зелени разлив.

Здесь лес и степь.
Здесь жили мы,
В ночь стадо сторожили мы,
У клуба в это времечко
Кружилась молодёжь.
И, может, слёзы капали,
Но стерегли мы с папою
Коров совхозных, лапушек, –
Вдруг подадутся в рожь?!

Хоть много лет исполнилось,
Но ночи те запомнились:
Костры, и звёзды вечные,
И мерный чавк коров.
Ах, младость быстротечная,
Ты не была беспечною,
Но ты дарила щедро нам
Надежду и любовь.

Ох, какой спор разгорелся! Одни говорили, что очень хорошее, эмоциональное стихотворение, другие утверждали, что размер нарушен. А Игорь Николаевич заявил, что леса в сибирской лесостепной полосе зовутся не «околками», а «колками».

Но я семь лет жила в Омской области, и там все называли эти леса именно так, как написано у меня! Получилось так, что с моим стихом провозились больше всего. Я уже и не знала: то ли плакать, то ли радоваться. Спор завершил Борис Друян, сказав, что в разных уголках огромной Сибири могли по-своему называть эти леса, а сам стих похвалил.

По окончании семинара Игорь Николаевич пригласил меня и Сашу Гусева прийти к ним почаёвничать. Мужчины пошли вперёд, а мы со Светой отправились в магазин.

Когда мы пришли, мужчины уже сидели за столом и потягивали водочку. Мы быстро приготовили закуску и присоединились к ним. Разговор был оживлённый, обсуждали и новые издательские планы. А время бежало вперёд, я заторопилась домой. Автобус так поздно не дожидаться, а возле сквера у Мирожки не очень приятно идти одной.

Я напрасно волновалась. Вслед за мной поднялся Друян и вызвался проводить меня.

Его интересовала моя судьба. Я коротко рассказала о всех событиях сумасшедшего полугодия жизни в Пскове.

– И что, замуж собрались?

– Не уверена. Да я вообще сомневаюсь, получится ли у нас семейная жизнь. Слишком разные мы люди.

– А как бы вы отнеслись к предложению переехать в Ленинград? В нашем отделе пустует место младшего редактора. Поднатореете, потом и редактором станете, образование позволяет, литературой интересуетесь.

Я не поверила своим ушам. Мне такую работу предлагают?

– Это так неожиданно.

– А вы подумайте. Но недолго. Свято место пусто не бывает.

– Я подумаю.

– Вот и славно. Мой телефон у Игоря возьмёте.

Мы распрощались. Ночь я провела беспокойную. Снова новый город? Снова всё начинать сначала? Прощай семья, прощай мечта о ребёнке.

Утром позвонила Светлане.

– И что ты решила? – каким-то напряжённым голосом спросила она.

– Нет, Света, наверное, не решусь.

Разговор закончился. Рабочий день был в разгаре – планёрка, подготовка отчётов и прочее. Мои ночные переживания отступили. Всё, решение принято. Утром следующего дня я позвонила Светлане. Ответил Лев Маляков.

– Светлана уехала.

– Куда?

– В Ленинград.

И положил трубку. Куда, зачем?

Светлана не вернулась из Ленинграда ни через неделю, ни через месяц. Она уехала от Игоря насовсем! Я чувствовала, что между мной и Игорем разверзлась пропасть. Но известие, что Игорь отдал ей свою квартиру в Ленинграде, меня потрясло. Какая сила духа, какая всё понимающая любовь жила в этом человеке! Как-то вечером, закончив работу по ремонту в комнате и устроившись на диване, я впервые за последние недели взялась за ручку. Из головы не выходила история Светланы. Сами собой вместе со слезами потекли строки:

Пела птица привольно
над простором полей.
Замирал мир неволью:
то поёт соловей?
Эту птицу приметил
славный певчий седой.
Над просторами встретил

и позвал за собой.
Завораживал пенъем,
край другой показал,
лаской и умильем
он её окружал.
Чуткий певчий, скрыв горе,
грусть её ощутил.
И на волю, как в поле,
дверь открыв, отпустил.
Не сложилось, не спелось –
на судьбу что пенять?!
Им дана была смелость:
всё простить, всё принять.

Кому я могла показать этот стих? Игорю, чтобы травить его душу? Малякову, который тоже переживал за друга? И я положила листок в свой архив – до будущих времён. А потом и забыла про него – считай, на целых пять десятков лет. А он сохранился! Вот ведь как бывает!

Мы с Александром уже перебрались в новую квартиру, теперь вечерами я спешила домой, нагруженная авоськами. Аппетит у Александра был отменный, и приготовленная курица в один присест исчезала со стола вместе с картошкой и салатом. Назавтра всё повторялось. Правда, часто наши вечера заканчивались в «Авроре», но они не доставляли мне радости. Не могла привыкнуть к шумной компании его друзей-офицеров, к их шуткам, порой с «перчинкой». Танцевать отказывалась: что за радость переступить с ноги на ногу, да и крутить виртуозно задом я не научилась. На танцах в ДКП оркестр часто играл танго и вальсы.

Порой там появлялась пара, которая танцевала слаженно, но главное, по-старинке. Я от них не могла оторвать глаз. За это и получала упреки в моём знакомстве с мужчиной, и мы часто уходили с ресторана молчаливыми, а я вообще в слезах.

Близился конец декабря 1968 года. С давних пор у нас в семье была традиция: где бы мы ни жили, но в день рождения мамы, а он совпадал с католическим Рождеством, мы собирались за праздничным столом в Краславе. Прошло уже без малого полгода моего пребывания в Пскове, а я так и не удосужилась навестить родителей. Конечно, новая работа захватила меня, я всегда с радостью отдавалась ей. Но и не хотелось рассказывать о своих невзгодах, а их бывало немало за этот срок. К тому же я уехала так далеко от дома в погоне за своей мечтой, а она убежала так далеко за мой жизненный горизонт!

Но вечер 24 декабря я не могла пропустить и, взяв на работе трёхдневный отпуск, собрала в сумку припасённые заранее подарки, оделась потеплее и отправилась в Черёху ловить попутную машину до Латвии. Прямого поезда до Краславы не было, он шёл на Ригу, южнее. Да мы и в Сибири, и позже в Латвии пользовались этим транспортом. Времена были другие, разбой или насилия на дорогах не было, да и дешевле стоила поездка.

Было полуденное время. Я стояла на трассе возле магазина, но как на грех машин в сторону Латвии в этот день не было, а доехать до Красногородки и там ждать снова попутку – рискованно, ведь не лето.

Простояв на морозе добрых три с лишним часа, я окончательно замёрзла. Декабрьский день недолог, в шестом часу темно. Прости, мама, но я не приеду в этот раз к тебе! Подождав городской автобус, я поехала домой.

В окнах горел яркий свет. Поднялась на наш этаж и остановилась у двери: за ней была слышна музыка, громкие голоса. Ключ не вставился, и я позвонила. Дверь открыл Саша. Возможно, он ожидал ещё кого-то, но только не меня: я видела это по выражению его лица.

В комнате был накрыт стол, стояли бутылки и разные разносолы, закуски. Сидели двое незнакомых мне мужчин и три женщины моих лет. Весёлая компания!

Моё появление было не ко двору. Веселье как-то сразу побавилось. Саша второпях попытался объяснить, что появился повод для встречи на работе. А я была так заморожена, что сама попросила налить мне водки, чтобы согреться.

И всё же польза от этого вечера была. Среди гостей был давний, как он представился, Сашин друг Саламатов, фотограф из газеты «Псковская правда», да и девушки тоже работали в газете. Я сказала, что в Псков приехала из-за мечты стать журналистом. И тут Саламатов, видимо, желая сгладить неловкую ситуацию, воскликнул:

– А у Серёги Миронова в отделе информации есть вакансия. Место не занято, хотите – поговорю.

У меня даже не ёкнуло сердце, я слишком была утомлена, шокирована, и все слова воспринимала как бред по случаю.

Но уже назавтра позвонил с работы Саша и сказал, чтобы я сходила в редакцию газеты. Ещё не веря в успех, пошла.

Отдел, куда мне нужно было пойти, располагался на первом этаже. Меня встретил молодой человек, моложе меня – заведующий отделом. Познакомились, поговорили.

– Что ж, попробуйте. Я поговорил с редактором. У нас пока нет места корреспондента, есть место секретаря, но будете выполнять обязанности корреспондента. Согласны?

Всё происходило как во сне. Конечно, согласна! И я отправилась в ДКП – увольняться. Чем очень огорчила директора. Но он был добрым человеком и понимал, что меня не удержать, хотя заявил, что режу под корень: второе увольнение заведующих отделами за месяц.

Пожалуй, больше всех огорчился Глеб, за это время он стал моей подружкой, добрым словом помогал пережить мои неурядицы с Сашей, у него можно было обогреться душой и попить чайку. Правда, в последнее время я стала реже к нему заглядывать.

Мой первый день на новой работе ознаменовался первым заданием – написать информацию о событии на заводе. А как они

пишутся? Опыт был – надо бежать в библиотеку и полистать газеты. С какой начать? Конечно, с «Правды», ведь там самые знаменитые журналисты работают! Пролистав изрядное число передовиц, я отправилась на задание.

Утром я торжественно положила свой текст Сергею на стол. Он взял листок, пробежал глазами, сложил вдвое и порвал. Мой ночной труд улетел в мусорную корзину.

– Полная ерунда. Попробуй снова!

Я была в недоумении – всё, как в передовице! «В текущем месяце...» и так далее.

Я переписывала текст пять раз, но очередной вариант отправляясь тоже в корзину. Моё сердце разрывалось от отчаяния: с телевизионным сценарием справилась, а тут – что не так? Глядишь, и место уплывёт! Информация шла в номер, время поджимало, и Сергей, сжалившись, взял мой очередной листок, что-то в нём поправил и понёс наверх ответственному секретарю. Я готова была плакать.

– Напиши по-человечески. Жду текст завтра, иначе тема устареет. А сегодня сходи...

И дал мне новое задание. Я была расстроена. Как это – по-человечески?

В кабинет заглянул друг Сергея Алексей Ронин из промышленного отдела. Увидел мой исчерканный листок, сжалился надо мной.

– Сходи в нашу библиотеку, полистай странички – всё у тебя получится. Не ты первая.

Снова побежала в библиотеку. Можно было, конечно, и в редакции взять подшивку газет и почитать, но не хотелось показать свою полную несостоятельность. В этот раз, по счастью, я заглянула не на первые страницы газет. Ага, вот что значит – по-человечески. Живо, с неожиданным, заманивающим началом, образно, действительно, «человеческим» языком. Из библиотеки я бежала воодушевлённая.

В. И. Андреева
(г. Порхов, Псковская обл.)

Ладно, Сергей, получай подарочек от меня. Что я, зря сочинения на пятёрки писала?!

Назавтра я скромно положила перед носом Сергея два листочка и отвела глаза. Он не сразу взялся читать, но потом всё же сжалился надо мною.

– Вот это – другой коленкор! Работай!

Так началась моя журналистская деятельность.

Не прошло и месяца, а я уже писала не только короткие информации, но и репортажи с места событий, и очерки о людях. Школа Сергея – жёсткая, но справедливая – помогла мне быстро набрать творческую сноровку. Через два месяца я уже была зачислена в штат как корреспондент, мои работы были пару раз отмечены на планёрках.

Полгода жизни – сумасшедших, насыщенных сверх всякой меры радостями и бедами, потерями и обретениями! Ветры надежды всё же примчали меня к заветной цели: я стала журналисткой! Жизнь, я люблю тебя!

О ВСТРЕЧЕ С ИГОРЕМ ГРИГОРЬЕВЫМ В 1988 г.

Жизнь человека устроена так, что не обойтись без встреч, знакомств, ведь живет человек среди людей, и они все разные. За свою долгую жизнь этих встреч и знакомств бывает множество. Но с годами в памяти остаются только самые существенные, те, которые оставили след в жизни и запомнились чем-то особенным.

Хочу рассказать здесь о встрече с удивительным человеком.

Было это очень давно, но помню всё до мельчайших подробностей. А может, просто с годами память отбрасывает несущественное, сохраняя самое важное. Летом того года я училась на курсах повышения квалификации в Пскове. Занимались целый день в душном помещении, и вечером хотелось на воздух. И вот однажды на Октябрьском проспекте я увидела распродажу художественных книг, а надо сказать, что в те годы многие собирали домашние библиотеки и приобрести хорошую книгу считалось большой удачей. А здесь (вот это удача!) я увидела известного поэта Игоря Григорьева. Он подписывал свои книги покупателям. Я тоже купила книгу и попросила поставить автограф. Впервые видела известного поэта и не понимаю, как набралась храбрости, но сказала, что тоже пишу стихи и хотела бы услышать его мнение. Он внимательно посмотрел на меня и просто так сказал:

– Сейчас я занят. А вот что, приходите ко мне домой через два дня, с удовольствием послушаю ваши стихи. – И дал мне свой адрес.

Эти два дня ожидания для меня очень тянулись. Да и с трудом верилось, что пойду к известному поэту домой. Наконец этот день настал, и мною овладела какая-то робость. Но всё же заставила себя подойти к дому на Рижском проспекте.

Поднималась по лестнице с коробкой конфет и заветной тетрадь. Позвонила в дверь, и почти сразу она открылась. Невысокая приятная женщина встретила меня. Я представилась. Из комнаты вышел сам поэт, узнал меня, пригласил войти. В прихожей я обратила внимание на старинный сундук. Точно такой же был у моей бабушки в деревне. Удивительно, но это подействовало успокаивающе. Я смело вошла в комнату.

Игорь Николаевич и его жена пригласили меня за стол.

– Ну что ж, послушаем ваши стихи.

А мне показалось, что стихи мои и стихами-то трудно назвать, так... рифмованные строчки. Но раз обещала, надо читать...

Я закончила, но все почему-то молчали. Не понравилось...

– А ещё я пишу рассказы. – И прочла коротенький про ежину семью.

– Это вы сами видели? – спросил Игорь Николаевич.

– Да.

– Удивительно, какая вы наблюдательная. Что еще прочитаете нам?..

Когда я закончила читать, Игорь Николаевич подвёл итог:

– В тебе, девочка, есть искра Божья. Ты пишешь детские стихи и взрослые рассказы.

По моему мнению, это была лучшая похвала, которую пришлось мне слышать. Хотя насчет детских стихов я приняла всё в буквальном смысле, и только спустя годы поняла, что речь шла о мастерстве. Просто несовершенны были мои стихи.

... Потом мы пили чай, разговаривали. Мне о себе и рассказывать было нечего. Училась, работала, растила четверых детей. А Игорь Николаевич мог гордиться прожитой жизнью. Она была яркой, наполненной событиями и, конечно, творчеством.

К сожалению, книга с автографом у меня не сохранилась. Было два переезда, а говорят, что переезды равносильны пожару.

Прошли годы. Я по-прежнему пишу стихи и рассказы. Интересно, что бы теперь сказал Игорь Николаевич о моих стихах: они остались детскими, или хоть немного повзрослели?

Светлана Андреева,
журналист
(г. Псков)

«КОЛЬ ВЫПАЛО СТАТЬСЯ ПОЭТОМ...»

Интервью с поэтом И. Н. Григорьевым и Е. Н. Морозкиной²

Послезавтра ему исполнилось бы 90. Человеку, деятельности которого трудно подобрать сколько-нибудь достойные эпитеты – самобытный, талантливый, известный. Слова, увы, не всегда всеильны.

Прекрасный стих, как говорил Анатоль Франс, подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существования.

Сколько его «смычков» дарили нам многие годы сокровенную, очень личную мелодию, что пела о Любви – к земле нашей, фронтовому братству, выше которого ничего нет, к женщине. Сегодня мы вспоминаем разведчика, руководителя Плюсского подполья в годы Великой Отечественной и мэтра псковской поэзии Игоря Николаевича Григорьева.

Будучи чрезвычайно скромным человеком, он сторонился журналистов. Интервью давал крайне редко, и то, что мы предлагаем вниманию читателей, появилось случайно, лишь потому, что мы многие годы дружили...

Поэта из Пскова Игоря Григорьева литературные критики сравнивают с достоянием России – Николаем Рубцовым. В стихах Григорьева, как пишет один из литературоведов, «такой самозабвенный восторг, такая отдача во власть вдохновения, такое молитвенное благодарение земле и небесам за дарованную

² Опубликовано: Псковские новости. 2013. 5 авг.

жизнь, что диву даёшься: в наше безродное время – такой русский поэт».

В его доме перебивало столько знаменитостей, что, соберись они все вместе, быть может, славой своей затмили бы даже славу Пскова. Фёдор Абрамов и Валентин Распутин, Виктор Астафьев и Василий Белов, Михаил Дудин и Иракий Андроников, Юрий Бондарев и Михаил Алексеев, Глеб Горбовский и Константин Воробьёв не раз были здесь желанными гостями.

Его, Григорьева, портрет писал прославленный Илья Глазунов. И сегодня он, как и книги с автографами и посвящениями выдающихся и знаменитых, – несомненное богатство этого дома, хозяйку которого псковичи наверняка знают тоже. Защитник исторических и культурных святынь Пскова, кандидат искусствоведения Елена Николаевна Морозкина известна и как публицист, автор книги о Пскове «Щит и зодчий».

Годы идут, а музы не покидают этот дом. Готовятся к печати новые книги стихов Игоря Николаевича «Кого люблю» и «Крутая дорога». О новом сборнике мечтает и Елена Николаевна. Ведь чуть больше полугода осталось до святого для каждого русского человека дня – юбилея Великой Победы. Елена Николаевна, как и Игорь Николаевич, – фронтовичка. Он в те годы – руководитель подполья, разведчик, четырежды тяжело раненный. Она – гвардии рядовой. Сегодня мы в гостях у этой удивительной семьи.

Корр. С некоторых пор вы оба служите одной Музе – Музе поэзии. Это не усложняет домашнюю обстановку?

Е. Морозкина. Нет. Я говорю Игорю Николаевичу: «Ты меня рвнуешь к Музе, но это ты служишь ей, а я служу Аполлону!»

Корр. Пастернак дал такое определение поэзии:

Это – круто налившийся свист,

Это – щёлканье сдавленных льдинок,

Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьёв поединок.
Что бы вы добавили к этому?

И. Григорьев. У Пастернака есть о поэзии строчки и получше:

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

Что такое поэзия? Я не знаю. И никто не знает. Это искра Божья. Если бы Господь Бог сейчас появился и спросил: «Чего ты хочешь?» – я бы сказал: «Воздуха». Для меня поэзия – воздух.

(Оценить это сравнение может лишь тот, кто знает, что одного лёгкого у Игоря Николаевича нет, его он потерял на войне. – *Авт.*)

Корр. Сколь непросто был путь в литературу Игоря Николаевича, известно. Кем ему только ни довелось быть – геологом, промысловиком, грузчиком, студентом. А каковы ваши университеты, Елена Николаевна?

Е. М. Первые стихи я написала в семь лет. Это была поэма о хлебе. В школе я писала стихи в подражание «Евгению Онегину». Потом писала их на войне.

Как и многим, мне война тоже планы разрушила. Мечтала я о Литинституте, а попала в болота Белоруссии, в артиллерийскую часть. И никакого литературного образования у меня не вышло. Но специальность всё равно нужно было получать, и я пошла на архитектурный факультет.

Получила направление в реставрационную мастерскую. Работала и бегала в МГУ слушать курс лекций по теории литературы, окончила аспирантуру на кафедре истории архитектуры. Диссертация у меня была посвящена зодчеству древнего Пскова. За десять лет я исходила и изъездила всю Псковщину, обсле-

довала памятники архитектуры. Нашла Крыпецкий монастырь, замечательный архитектурный ансамбль.

Псковские власти, узнав, что Крыпецкий монастырь ещё жив, решили его взорвать. А у меня оказались обмеры и фотографии. Бросилась в Москву, в министерство. Но что бы смогла сделать я, не вступись за Крыпцы крупнейшие ученые с мировыми именами – Алпатов, Брунов? Монастырь был объявлен памятником республиканского значения.

Потом меня отправили в длительную командировку. За три года я объездила всю Сибирь и Дальний Восток с фотоаппаратом. А параллельно шли стихи. Памятники архитектуры «заговорили» со мной моим языком, который мне понятен, и потому многие мои стихи посвящены зодчеству. Спасибо сыну Игоря Николаевича Григорию, что сборник стихов «По Руси» вышел.

Корр. Елена Николаевна, а что это у вас за значок с изображением Лиры?

Е. М. Его мне подарил человек, которого я любила. Мой одноклассник, погибший на фронте под Сталинградом. Он собирался связать свою жизнь с искусством, заочно оканчивал режиссёрские курсы. А тут война. Когда мы расставались, он подарил мне значок. И я ношу его всю жизнь.

На войне начальству это не нравилось, потому что я нарушала уставную форму, но я значок всё равно не сняла. Ведь получилось, что Константин как бы завещал свою Лиру мне. Вот почему она со мной и сейчас, и вот почему я так поздно обрела семью.

Корр. В жизни Игоря Николаевича, по-видимому, тоже были ангелы-хранители. И, как мне кажется, по блоковскому определению, это Прекрасные Дамы.

И. Г. Волею судеб первая Прекрасная Дама, Александра Анатольевна Агафонова, спасла меня в госпитале. Потом привела в

свой дом, познакомилась с близкими. Муж её, адмирал Балтфлота, погиб в блокаду. Сама она была дочерью петербургского генерал-губернатора. В их доме бывали Сергей Есенин, Игорь Северянин. Это была удивительнейшая семья.

Вторая Прекрасная Дама встретила меня в Ленинградском университете. Это профессор Антонина Александровна Вильгельмина. В блокаду она спасла университетскую библиотеку. Позже муж её эмигрировал, за что её исключили из профессоров. Этим Прекрасным Дамам я посвятил стихи, что вошли в книгу «Кого люблю».

Кроме того, для меня, как и для всякого человека, существуют три великих женщины – Богоматерь, Родина и мама.

Корр. Но какую-то роль в вашей, Игорь Николаевич, жизни сыграли и мужчины? Судя по автографу, который сделал Фёдор Абрамов, – «Игорю Григорьеву, моему ученику и незаменимому товарищу, которому я так многим обязан, с которым мне всегда было интересно», – вы были с ним очень близки. А сегодня никто не ставит под сомнение отзывы о нём крупнейших английских и американских издательств: «Лучший современный писатель земли», «Самый значительный прозаик наших дней». Расскажите, пожалуйста, о вашей дружбе.

И. Г. Познакомились мы в 1953 году. Фёдор Александрович был руководителем моей дипломной работы. На очередной консультации, прочитав черновик моего диплома, он сухо сказал: «Худо дело, батенька. Литературоведа из тебя не получится».

«А я и не собираюсь отнимать у вас литературоведческий хлеб. Мусолить чужие фолианты – не мой удел, – взерошился я. – Пусть лучше “разбирают” меня».

Через пару часов мы сидели с Фёдором Александровичем в его большой комнате во дворе университета, и он читал мне начальные главы своего первого романа. И хотя я был нуку-

дышным литературоведом, понял, что значит роман Абрамова «Братья и сёстры».

Он был, по мощи голоса, первым в решении темы деревни и селянина, то есть Родины. Его глубь проникновения в психологию русского человека, его живой, искристый русский язык, его нещадная правдивость – всё было значительно и незабываемо.

За долголетнее наше знакомство Фёдор Абрамов прочитал мне, возможно, одному из первых, немало своих произведений – «Поездка в прошлое», «Жила-была сёмужка» (тогда ещё в первой редакции, с очень резкой натуралистической концовкой), «Вокруг да около», «Безотцовщина», «Пролетали лебеди», «Медвежья охота». А один рассказ – «Однажды осенью» – даже создавался на моих глазах.

Как-то в конце октября 1961 года отправились мы с Фёдором Александровичем гонять зайцев. На хуторах Гречухина, разбросанных по берегу Киимаярве – Комсомольского озера, жила моя кума, Полина Захаровна Саввина. Рядом поселилась молодая вдова Шура, мать пятилетнего малыша.

До Гречухина от станции Громово было километров восемнадцать, и мы с рюкзаками, ружьями, смычком гончих – Идолом и Арфой – по расквашенной и разгромленной нашей техникой дороге (вдвоем на двух ногах: и у Федора Абрамова нога, и у меня были стреляны в войну) добрались до пристанища лишь к вечеру.

Дом кумушки был на замке: она ещё не вернулась с работы. На крыльце перед запертой дверью, сиротливо съёжившись, сидел посиневший от холода малыш.

– Ты кто такой? – спросил Фёдор Абрамов ребятенка.

– Шурин сын.

– А почему не греешься у себя на печке, а зябнешь тут?

– Так в избе один боюсь, там – мыши!

– А где твоя мамка?

– Где, где... Загулявши она на стороне. Вот и жду тетю

Полю, – сказал, и захлопал носом, и заплакал тихо, покорно.

Я знал, где хозяйка таит ключи. И мы – все трое – вошли в большую жарко натопленную кухню. Вскоре и Полина Захаровна с дочкой вернулись домой. А за ними и Шура пожаловала.

– Завернула за сыном вот, – скороговоркой пропела она.

Накрыли стол. Пригласили и Шуру. Часом позже нагрязнули ухажёры-механизаторы. Заиграла гармонь...

Уже за полночь, укладываясь в постель, я предложил:

– Давай напишем по рассказу обо всём сегодняшнем. Любопытно, что у нас из этого получится.

– Идёт.

Через неделю Фёдор Абрамов читал мне свой замечательный рассказ «Однажды осенью». И я был взволнован зоркостью и пронизательностью писателя, его способностью возвысить обыденную прозу жизни до сверкающей поэтической высоты. Слава Богу, что я тогда был занят стихами и не набил себе шишек на прозе!

Вообще-то Фёдор Александрович удивлял меня нередко. Как-то мы коротали с ним ночь у костра. Почти три часа подряд он пел частушки, одну забористее другой, не повторившись ни разу. Он пропел их не меньше сотни.

Вокруг и около Абрамова мельтешило немало литературного и окололитературного люда, который курил ему фимиам. Но в его доме (на всех трёх городских квартирах), где я бывал довольно часто, я не встречал никого, кроме тёщи Фёдора Александровича да его брата Василия Александровича, очень милого и тихого сельского учителя.

Наши добрые отношения вряд ли можно измерить какими-то словами, но, видит Бог, я любил этого человека.

Корр. Вот вы, Игорь Николаевич, так нахваливали озеро, у которого любили отдыхать с Абрамовым, а я слышала, что и Елена Николаевна, побывав нынче на озере, прошла на вёслах чуть не сто километров. Верно?

Е. М. Да. Ведь у меня был образец для подражания. Ещё пятнадцать лет назад мы вместе с Игорем Николаевичем прибыли в Губино, в Бежаницкий район, туда, где Григорьев поэму «Вьюга» написал, где любил рыбачить.

И. Г. Началось с того, что нам нечего было есть. Вот я и предложил Елене Николаевне: «Греби, а я буду рыбу ловить». Поймали двух щук, сварили уху. Так Морозкина стала гребцом. А вот рыбаком так и не сумела. Удила-удила, а выловила... ерша.

Е. М. С тех пор я каждый год езжу на это озеро. Там такая красота! Эти места – мой Парнас. Да и Игорю Николаевичу там хорошо работается. Пойдёт он к озеру, крикнет: «Петя, Феня!» – и любимые петухи его до воды сопровождают. Поэзия...

Корр. Она вас соединяет, верно? Или, быть может, строки «Отповеди» Игоря Николаевича, написанные не теперь, когда Русь опять «в моде», а в далёкие 60-е?

Мне говорят
С авторитетным вздохом,
С претензией
На «мировую грусть»:
«Товарищ,
На земле сейчас
Эпоха,
Ракеты,
Новый стиль,
А вы – про Русь!
Одумайтесь!»

И. Г. И Русь, и стихи для меня – одно целое, великое. Пока людям нужны стихи, нужна и красота. И до тех пор есть и Совесть. А душа – она всегда божественна! Это тот сосуд, в котором искра Божия хранится.

Вот я читаю стихи: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, Кто умирал на снегу...» – и хочу, чтобы автором этих строк

был я. Или других, божественных: «Как дай вам Бог любимой быть другим!».

Корр. Знаю, что эту любовь, «одну, но пламенную страсть», вы, Игорь Николаевич, передали детям. Пишет стихи ваша маленькая внучка, а сын, известный врач-психиатр и нарколог, вице-президент Международного института резервных возможностей человека Григорий Григорьев, издал две книги – «Сказку про Алю и Аля» и «Накануне чуда».

И. Г. Да, Гриша – врач. И врач хороший. У его института есть филиалы во Франции, Финляндии, Швейцарии, поэтому он очень занят. Может, он и хотел бы писать, но слишком много у него другой работы. А писать ему есть о чём: он был врачом на подводной лодке, не раз бывал в экстремальных ситуациях...

Знать бы тогда, что очень скоро Игоря Николаевича не станет.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

А. Н. Андреев	
Миссия русской литературы в контексте информационного противостояния цивилизаций	7
И. П. Зайцева	
Своеобразие жанра стихотворной молитвы в современном социально-культурном контексте	25
Поэзия против «немира» (живое слово войны XXI века)	39
Ю. С. Кириченко, С. А. Кошарная	
Диалектизмы и этнографизмы в поэме Игоря Григорьева «Обитель»	52
К. А. Кокшенева	
Современная культура и русское самосознание	93
С. Б. Кураш	
Этно-социо-культурные ракурсы русского лирического «я» в контексте национального стиля	102
М. В. Назаров	
Русские и Европа в нынешней геополитике	112
Н. А. Пителина	
Истоки поэтической образности в поэме И. Н. Григорьева «Обитель»	134
Роль малой родины в духовно-нравственном развитии личности	145
Т. С. Рыжова	
Поэзия Игоря Григорьева в переводе: к вопросу использования английского языка в приложении к русской культуре	153
Л. А. Сычева	
Архетипы «русской античности» в творчестве Валентина Сорокина, Зои Прокопьевой и Владилена Машковцева	163

Часть II

А. П. Андрияшкин	
О мировоззренческой поэме И. Н. Григорьева	
«Русский урок»	171
В. Г. Бондаренко	
Чудотворец русской поэзии	177
Д. К. Войтюк	
Книга жизни Аркадия Кутилова	186
Л. В. Довыденко	
«Спас-на-любви». О знаменосной прозе Николая Иванова ...	195
А. Б. Канавщиков	
Полвека на земле Пушкина	203
И. С. Катченкова	
Русские судьбы: Д. М. Балашов и И. Н. Григорьев	210
С. Б. Конева	
Писатели-фронтовики: параллели судеб ...	222
Т. А. Лаптева	
Отблески «серебряного века» в поэзии Игоря Григорьева ...	230
В. М. Мухин	
Певец земли Русской. Игорь Григорьев	236
М. П. Полевиков	
Его реки текут	275
Н. В. Советная	
«И ворога любить, и милость к падшим звать...»	286
«Я не прошу у божества чудес...»	289

Часть III

Программа конференции 2015 г.	303
Д. В. Григорьева	
Выставка «Тихий свет»	306
О. В. Коршунова	
«Слово. Отечество. Вера» –	
о Поэте и Человеке Игоре Григорьеве	314

Н. В. Вареник, Т. О. Берлин	
Праздник поэзии Игоря Григорьева на берегах Невы	322
Л. Ю. Север, О. И. Сафронова	
Живое слово на «Берегах дружбы».	
Сквозь расстояния и границы	330
Н. В. Советная	
Мосты поэтической судьбы	338
Библиотека имени И. Н. Григорьева	343

Приложения

А. П. Бесперстых	
Сравнения и сравнительные обороты в прозе Игоря Григорьева	
(словарь)	349
И. Я. Панченко	
Ветры надежды (отрывок из автобиографической повести) ...	371
В. И. Андреева	
О встрече с Игорем Григорьевым в 1988 г.	413
С. Н. Андреева	
«Коль выпало статься поэтом...» (интервью с поэтом	
И. Н. Григорьевым и Е. Н. Морозкиной)	416

Слово. Отечество. Вера

Выпуск 2

Материалы 2-й и 3-й Международных научных конференций,
посвященных памяти поэта и воина Игоря Николаевича
Григорьева (2015, 2018 гг., Санкт-Петербург, Пушкинский Дом)

Составитель Н. В. Советная

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите
детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена для читателей старше 16 лет

Редактор М. Е. Устинов

Оформление обложки Д. Г. Рыбалтович

Подписано в печать 00.10.2018 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура Times New Roman

Бумага офсетная. Печать офсетная

Печ. л. 26,75. Тираж 200 экз. Заказ № 261

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»

с оригинал-макета заказчика

190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д